

***XVI Международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы — 2024***

***ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ
И МОРАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ***

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции
21–23 ноября 2024 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XVI International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects — 2024***

***THE PARADOXES OF MORALITY
AND MORAL PARADOXES:
PROBLEMS AND SOLUTIONS***

Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics

Conference proceedings
St. Petersburg, Russia
November 21–23, 2024

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н. С.В. Глебова, к.филос.н. И.Ю. Ларионов

- П26 **XVI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения».** Санкт-Петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2024 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. — 402 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии. Ключевая задача конференции — выявить теоретические и методологические основания современного состояния этической науки, выявить основные проблемы и перспективы развития научных исследований в области теоретической и прикладной этик. История неоднократно сталкивала человека с рубежными ситуациями, современность бросает нам новые вызовы. Проблематизация вопросов и актуализация дискуссии представляются значимым этапом к разрешению мнимых моральных парадоксов и достижению истины.

Конференция проводится в рамках 300-летнего юбилея Санкт-Петербургского государственного университета.

Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ББК 87.7
УДК 17

ISBN 978-5-91155-335-7

© Коллектив авторов, 2024

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

© Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В.Ю. (Санкт-Петербургский университет) — председатель
Глебова С.В. (НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург) — зам. председателя
Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет) — зам. председателя
Перова Н.В. (Институт философии РАН) — секретарь программного комитета
Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Агеева Д.А. (Межрегиональная общественная организация в сфере защиты животных «Голоса за животных»),
Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю.
(Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский
государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный
университет), Держивичский Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет),
Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена),
Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-
Петербургский государственный университет), Лаптенюк А.С. (Белорусский государ-
ственный экономический университет), Лисанюк Е.Н. (Институт философии РАН), Овчинни-
кова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плотникова Т.Ю. (руко-
водитель лидерских программ, компания «Лента», Санкт-Петербург), Положенцев А.М.
(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и ди-
зайна), Разин А.В. (Московский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-
Петербургский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный уни-
верситет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А.
(Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский госу-
дарственный университет).

PROGRAM COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) — Chairman
Glebova Sofia (HSE — St. Petersburg) — Vice-Chairman
Larionov Igor (St. Petersburg State University) — Vice-Chairman
Perova Nina (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) — Executive Secretary
Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Ageeva Dinara (Interregional public organi-
zation in the field of animal protection «Voices for Animals»), Artemov Georgiy (St. Petersburg
State University), Bartashevich Tatiana (St. Petersburg State University), Brodsky Alexander
(St. Petersburg State University), Vasilyev Iliia (St. Petersburg State University), Derzhivitsky Evgeniy
(St. Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana
(St. Petersburg State University), Kulakova Tatyana (St. Petersburg State University), Laptenok
Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Lisanyuk Elena (Institute
of Philosophy, Russian Academy of Sciences), Ovchinnikova Elena (St. Petersburg State Univer-
sity), Plotnikova Tatiana (Leadership Program Manager, «Lenta» Retail, St. Petersburg),
Polozhentsev Andrey (St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design),
Razin Alexander (Moscow State University), Sinyutin Mikhail (St. Petersburg State University),
Strebkov Alexander (St. Petersburg State University), Sunami Artem (St. Petersburg State Uni-
versity), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Acad-
emy of Sciences, Siberian Branch), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Eco-
nomics, Rep. Belarus).

Абакарова Райганат Магомедовна
д-р филос. наук; профессор
Дагестанский государственный университет

Моральная растерянность и моральный конфликт в этике

О конфликте ценностей и ценности конфликта говорилось на многих международных научных конференциях, которые ежегодно проводятся отделением Этики Санкт-Петербургского государственного университета под неизменным руководством заведующего кафедрой Этики Перова Вадима Юрьевича.

Мораль в разные эпохи и у разных народов имела разную степень силы влияния на мировоззрение и поведение людей, поддерживаемая силой общественного мнения. В отличие от нравственности, определяемой поступком, мораль зависима от социально-экономических условий, идеологии, силы влияния религии и многих других факторов. Мораль парадоксальна тем, что сама будучи формой регуляции поведения, обнаруживает свою ангажированность от внешних форм влияния. Интересен вопрос о том, в какой степени конфликт моральных ценностей ведет к новым прогрессивным формам самой морали. В какой мере политические, социальные и психологические конфликты связаны с моральными конфликтами и ведет ли конфликт моральных ценностей к моральной растерянности. Важно изучить феномен моральной растерянности в истории морали человечества. Причинами конфликтов служат многообразие как плюрализм мировоззрений различных классов, стратов, этнокультур, падение авторитетов, конфликты социального расслоения, конфликты должного и сущего и как можно увидеть, таковых причин множество.

Моральный конфликт возникает при условиях несоответствия между нормами морали, обстоятельствами и степенью своего соответствия нормам и принципам морали общества на основе особого представления о должном и осуждаемом, осуждаемом и одобряемом. Моральные конфликты могут возникать в силу ожидания от жизни и реальности, различий в целях близких людей, различий в способах достижения цели, неудовлетворенностью реализацией поставленных целей, различий в ментальности и мировоззрениях.

Конфликт ценностей может иметь диалогичный или конфронтационный характер, следствие которых может быть, как конструктивным, так и деструктивным, созидательными или разрушительными как для челове-

ка, так и его окружения. Особенной функцией нравственности является его прогностичность, так, каждый поступок оценивается как с позиции момента его совершения, так и с позиции того, к чему в будущем, к добру или злу, этот поступок приведет. Важность выбора, постоянное напряжение при внешней неопределенности ведет к моральной растерянности и моральной апатии. Если моральный выбор не противоречит духовным ценностям человека, они гармоничны с внешними факторами, моральной растерянности можно избежать. Сложность морального выбора обусловлена либо сложностью ситуации, либо недостаточностью объективной оценки ситуации, либо моральной незрелостью/инфантильностью самого субъекта морального выбора. Конфликт имеет потенциал его разрешения если есть моральный выбор, при отсутствии морального выбора моральная растерянность неизбежна и деструктивна как накопленный конфликт.

Авдеева Ирина Александровна

канд. филос. наук; доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Этика недоверия

Усложнение социальных практик и развитие в этих практиках профессиональных этик остро поставили проблему формирования доверия в современном обществе, демонстрируя тенденцию объявить доверие одним из ценностных ориентиров построения различных видов деятельности социально-коммуникативного характера. Однако очень часто за позиционированием доверия как цели и в то же время основания социально значимых практик наблюдается недостаточность рефлексивной составляющей, связанной, по сути, с недостаточностью или даже отказом от критического мышления, в том числе в ситуациях необходимости автономной моральной рефлексии. В частности, к числу социально значимых практик, позиционирующих доверие как ценностную установку и одновременно цель, относятся такие виды профессиональной деятельности как журналистика, связи с общественностью, бизнес, политика и др. Это сопровождается и изменением «философии» взаимодействия в этих областях, когда на смену уверенности в естественности конкурентного поведения приходит идея о большей конструктивности сотрудничества на основании новых принципов взаимного доверия как условия коммуникации, дискурса и социального прогресса. Доверие практически наделяется статусом почти что социальной добродетели, которую можно приобрести, достичь, заслужить, и если потерять, то тем самым почти что лишиться морального статуса и выпасть из пространства этического. Доверие стало предметом не просто дис-

куссий, а подчас попыток фундировать им новые социальные практики (Ф. Фукуяма, А. Селигмен, Н. Луман и др.).

Однако имеет место и критическая позиция. Так, например, Ю. Хабермас обозначает уязвимость доверия как некоего феномена, позволяющего человеку, отказавшемуся от критического мышления в пользу чужого слова, становиться предметом манипуляций со стороны массмедиа, что особенно актуально сейчас, когда медиапространство, по сути, стало заменой пространству реального социального взаимодействия. Таким образом, доверие может стать, с одной стороны, не только способом преодоления индивидуализма современного человека, но и, с другой стороны, условием воспроизводства и трансляции «идолов», устойчивых паттернов, нарративов, эвристик в вопросах производства моральных решений, привести к принятию любой информации из медиапространства и др. В такой ситуации феномен недоверия и практика подозрения, которые сейчас имеют место в публичном коммуникативном пространстве, оказываются явлением не менее продуктивным для развития морального субъекта, чем курс на создание «всеобщего» доверия.

Более того, истоки подобного поворота в рассуждениях о доверии и недоверии уже можно заметить и в «философии подозрения» XX века (Ж. Бодрийяр, М. Фуко, П. Рикер и др.), которая уже не является философией сомнения в эпистемологическом ракурсе, а является нагруженной социально-этическими смыслами. И одним из ключевых смыслов является то, что недоверие должно сопровождать формирование доверия как конечного результата, предшествовать ему, и быть предпосылкой вхождения в практики социально-коммуникативного взаимодействия, являясь гарантом присутствия в них фундаментальной этической составляющей, такой как наличие морального выбора как выбора автономного и личностного.

Агностикова Ольга Игоревна

ассистент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Этика заботы как способ укрепления позиций социально ответственной журналистики

Цифровой контекст и гибридизация медиаландшафта неизбежно отражаются на этических практиках коммуникаций. Заметные изменения коснулись журналистики как сферы, которая обычно рассматривается с точки зрения деятельности профессиональных авторов, занятых созданием социально значимого контента. «Вторжение» в журналистское поле новых субъектов меняет расстановку сил и актуализирует сложные

этические вопросы. Свои «правила игры» диктует и само онлайн-пространство, ставящее под угрозу реализацию коренных этических постулатов профессиональной (традиционной) журналистики (точность, достоверность и т.д.).

Конвенционально признанная журналистская этика утрачивает свои позиции. Так, наблюдаются сдвиги в теоретическом поле: на смену терминологическому господству «профессиональной журналистской этики» приходят иные концепции. Среди них наиболее ярко заявила о себе медиаэтика. Фокус на этом конструкте показывает движение в сторону более открытых подходов к выстраиванию отношений в коммуникационном пространстве. Акцент делается, в частности, на общечеловеческих принципах коммуникации.

В этом же ряду находится концептуализация понятия «альтернативной этики». Это понятие подчеркивает сложные поиски путей решения проблем, вызванных кризисным состоянием современной журналистики.

Включение в академический и профессиональный дискурс подобных понятий означает также, что прикладная ориентация журналистских исследований порождает усложнение терминологического лексикона. Нередко соответствующие термины употребляются без должной конкретизации или в неопределенном контексте.

Наконец, нами фиксируется недостаток эмпирических исследований, опирающихся на новые концепты для выработки решений этико-прикладного плана.

Вот почему важно выявить возможные варианты реализации альтернативной медиаэтики. Для этого мы обращаемся к специфической теории — этике заботы. Этот подход помещает в центр внимания принятие этических решений через активизацию эмпатии и чувства ответственности на основе разделяемых ценностей гуманистического характера. Типичная для журналиста отстраненная позиция здесь неприемлема: во главу угла ставится решение конкретных человеческих проблем, реальная помощь. Человек рассматривается как близкий, что способствует высокой интенсивности моральной реакции.

На примере ряда цифровых изданий мы выявляем черты этики заботы, имеющие восстановительный в плане доверия к журналистике потенциал. Результаты показывают следующее. Этика заботы может быть видна уже в журналистском самопозиционировании, на что указывают маркеры ценностно окрашенного отношения. Наблюдается приверженность активному журналистскому голосу. Медиа следуют модели «конструктивной журналистики». На первый план выходит этический принцип прозрачности. Характерно повышенное внимание к человеческим страданиям, стремление «приблизить» героя к читателю. Повествование носит сочувствующий характер. Освещение проблем в ракурсе

человеческих историй, наполненных глубокими личными переживаниями, также свидетельствует о принятии этики заботы. Истории рассказываются с позиций уязвимых лиц, что говорит о важности принципа уважения человеческого достоинства.

В целом этика заботы в преломлении к журналистике служит крепким связующим звеном между журналистами и гражданами, помогая устанавливать доверительные отношения и поддерживая человекоцентрированное понимание журналистской роли.

Азаров Константин Валерьевич
канд. филос. наук; старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Архансты Осевого времени и парадоксальная этичность этической революции I тыс. до н.э. К. Ясперса

Осевое время является уникальной концепцией современного гуманитарного знания, ему подвержены сразу целые разделы *Geisteswissenschaften*. И действительно, Карлу Ясперсу удалось усмотреть потрясающую корреляцию в истории человеческого мышления, когда духовно наиболее значимые фигуры оказались зажаты в одном временном периоде, в какие-то 2,5 % – 5 % от 40-20 тысячелетней истории современной формы существования человека разумного. Классический взгляд на это время подразумевает этическую революцию, случившуюся в I тысячелетии до н.э. Человек открывает себя, свое сознание. Однако подтверждается ли данная проблема содержанием интеллектуального наследия фигур, обращающих наше внимание на то тысячелетие?

Революция странным образом не была открыто инновативной, провозглашающей приход нового. Лао-цзы, Конфуций, Исаяя, Платон и многие другие – мы говорили бы о них как о консерваторах, если бы эти гиганты жили в более позднее время. Набонид, последний правитель Нововавилонского царства (6 в. до н.э.) даже создал первый музей именно в интересующее нас тысячелетие.

Мы часто путаем наиболее видимое с наиболее значимым. Турист видит в эпохе Возрождения, периоде доминирования юристов, поэтов и врачей, эпоху художников и скульпторов. Возможно, те же искривления восприятия заставляют думать не о распространившихся в первом тысячелетии до н.э. городах с 250-тысячным населением, административных реформах и империях нового типа (Ассирия в Месопотамии, Шан в Китае), а о философах Осевого времени, оставивших потрясающие, но не потрясшие свое время тексты. Мы делаем это даже часто прямо во-

преки собственной скромности этих авторов. Это своего рода логоцентризм. Для Ясперса противопоставление мифа логосу — это фактический слоган. Мы все еще видим историю направленной нашим словом. Но этот логос закрывает нам события, ограничивает интерпретацию и предлагает считать причинными, по сути, побочные явления.

Есть и другая проблема с трактовкой Осевого времени как результата рождения индивидуальности. Индивидуальность хотя и является высшей этической ценностью, может вовсе не быть высшей цивилизационно-экономической или организующей общество ценностью. Более того, учитывая сложность темы, нужно заметить, что этически рассматривать индивидуальность в духе Ясперса как высшую цивилизационно-экономическую или организующую общество ценность нежелательно. Ведь это означало бы, вопреки Канту, видеть в индивидуальности не цель, а лишь средство.

Очевидно, что этика не может направлять наше постижение истории философии, однако в условиях неясности ответов, то есть при прочих равных, мы должны учесть этическую проблематичность ясперовской этической революции 1-го тысячелетия до н.э. И что может быть более инструментализирующим индивидуальность подходом, чем придание революционных черт и амбиций авторам, ищущих истока своей культуры, очарованных прошлым? В этом контексте не важно о золотом ли веке совершенно мудрых государей Конфуция или же об архаической Спарте Платона идет речь. Это самые яркие индивидуальности этого времени, архаистическая установка которых должна быть учтена. Тем более странно и непоследовательно пренебрегать их индивидуальностью в попытке придания индивидуальности того статуса, который ищет для этого явления Ясперс.

Алейников Андрей Викторович

д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретико-методологические основания исследования ответственности и подотчетности за риски в условиях глобальной турбулентности

О.Н. Яницкий, разрабатывая концепцию «критического случая» как институционализации сложного социального, административно-политического и информационно-символического взаимодействия риск-стейкхолдеров, которое в логическом пределе ведет к качественным трансформациям и образованию нового специфического типа рискогенного социума, качественно отличающегося от классического

«общества риска», к наиболее показательным его характеристикам отнес следующие:

- трансформация социальной среды из «поглотителя рисков» в «риск-производителя»;
- производство рисков как доминирующий способ воспроизводства институциональных практик со своими целями и ценностями становится инструментом и результатом политической игры и используется как средство консолидации и мобилизации;
- создание системы «коллективной безответственности» на разных уровнях, при которой на риски только реагируют, но не управляют ими в связи с отсутствием инструментов и технологий определения источника и степени реальной опасности;
- легитимация производства рисков и опасностей, капитализация их сами последствий является механизмом увеличения политического и социального капитала ряда групп интересов;
- целенаправленное и организованное производство рисков из точечного процесса рано или поздно превращается во всеохватывающий, нацеленный на разрушение определенного социального сообщества;
- публичный дискурс по поводу рисков формирует общественное мнение и детерминирует политический процесс, стимулируя возникновение специфических риск-размежеваний и риск-солидарностей;
- угрозы и опасности политически конструируются и тиражируются, легитимируя все виды производства рисков, в том числе рисков для их производителей, порождая теневые торги между риск-бенефициарами и риск-аутсайдерами о цене риска и праве распоряжения ресурсами его превенции и минимизации (1).

В «асимметричном обществе», возникает новый баланс между старыми и новыми рисками. Этими особыми, сложно предсказуемыми рисками почти невозможно управлять. На первый план, как полагает Н. Луман, выходит проблема субъектов принятия решений с учетом рисков, когда политическая оценка допустимого риска или уровня безопасности начинает играть значительную роль.

Кто же несет ответственность за риски? У. Бек выдвигает в этой связи концепт «организованной безответственности» (блеф, разыгрываемый как средство демонстрации видимости контроля над риском) как специфической формы управления рисками, которая заключается в запутывании, отклонении и мистификации, направленных на «символическую детоксикацию» рисков: «Каждый является причиной и следствием и тем самым не является причиной. Причины растворяются во всеобщей взаимозависимости между агентами и условиями, реакциями и контр-реакциями».

Модернизируя концепцию «форм социабельности» русско-французского правоведа и социолога Г.Д. Гурвич, выделить спонтанные

и организованные формы риск-рефлексии, отражающих реальную структурированность социального конструирования и деконструкции ситуаций угроз.

Первая основана на индивидуализации восприятия риска, маркировке дистанции между «Угрозы Мне» и «Угрозы Другим», закрытости по отношению друг к другу индивидуальной риск-рефлексивности.

Организованная форма связана с образцами рискованного поведения и опосредована стереотипами угроз и опасностей, «кристаллизованными в рефлексивных схемах, которые формулируются заранее и предписывают иерархизированные и централизованные модели поведения» (2).

Симптоматично, что в социологической теории Г.Д. Гурвича о двух формах социальности, по сути, постулируются разные формы легитимации (обоснования или оправдания) принимаемых управленческих решений в ситуации риска (3).

Литература:

1. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение, 2002, №2, С.86–99.

2. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та; Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

3. Aleinikov A.V., Maltseva D.A. Public Governance in the Context of Global Turbulence: Risk-Reflexive Approach. Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 2024, vol. 40, issue 2, pp.269–279.

При поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований. Проект «Модели риск-менеджмента в структуре формирования политического курса РФ в условиях глобальной турбулентности: стратегии, механизмы и практики»

Аракелян Артур Мовсесович

д-р экон. наук; профессор

Воронцова Юлия Владимировна

канд. экон. наук; доцент

Баранова Софья Владимировна

обучающийся бакалавриата

Государственный университет управления

Рафаэль Монтерде Феррандо и его моральное видение трансгуманизма

В современном мире, где активно обсуждается возможность и необходимость контроля за искусственным интеллектом, следует обратить внимание на научный дискурс, сопровождающий процессы создания, внедрения и использования технологий, пропагандируемых трансгума-

нистами. Для полноценного понимания происходящих процессов следует изучить не только истоки формирования данной концепции, но и ее распространение в различных областях научных знаний. Наибольшего охвата можно достичь путем организации научной дискуссии в рамках международных мероприятий, носящих междисциплинарный характер (4 и др.), активным участником которых является доктор философских наук Рафаэль Монтерде Феррандо, который признается одним из серьезнейших исследователей трансгуманизма.

Ученый считает, что трансгуманист не способен выработать четкие критерии трансгуманистического действия и, чтобы оправдать себя, поглощает все достижения гуманитарных наук и технологий. По этой причине только ясность бодрствующего мыслителя может противостоять им. Основные выводы, которые делает Рафаэль Монтерде Феррандо в своих работах (1-4) можно сформулировать следующим образом:

1. Трансгуманизм постулирует историко-космический процесс, завершающийся на более высокой стадии так называемого универсального сознания. Это состояние строго эсхатологическое.

2. Трансгуманизму не хватает четкого метода развития своего философского дискурса. Для него характерен синкретизм.

3. Конец истории в трансгуманистической философии является состоянием сознания и, следовательно, контрфактичен. Он постулирует абсолютное начало вне фактов, характеризующееся чистой интуицией последующего состояния эволюции человека, а также основан на самоочевидности их собственного состояния сознания, которое предшествует преобразующей практике Вселенной, обеспечивающей ей самосознание.

4. Трансгуманистический дискурс представляет собой арианскую интерпретацию теории эволюции.

5. В трансгуманистическом дискурсе понятие улучшения человека ни к чему не относится, поскольку его нельзя сравнить ни с чем другим, и оно лишено реального содержания.

6. Отсутствие окончательного синтеза в трансгуманистической мысли приводит к выводу, что отсутствие систематичности является существенной характеристикой этой философии. Таким образом, начиная с Хаксли и до наших дней, эта философия развивалась фрагментарно и неумолимо ведет к релятивизму.

7. Понимание идеи Технологической сингулярности ведет к Великому Пробуждению, как для трансгуманистов и сингуляристов, так и для Вселенной. Это осознание включает в себя смерть Бога, признание того, что время последнего человека наступило, а также искривление экспоненциального времени, которое ведет к Технологической сингулярности. У сингулярности есть, таким образом, предвкусение космического

теозиса, который произойдет, когда Вселенная проснется (Р. Курцвейл). Практика осуществления Технологической сингулярности предполагает мораль Сверхчеловека, которому «все будет позволено, даже антропофагия» (Ф.М. Достоевский).

Таким образом, дискурс трансгуманистов-сингуляристов приводит нас к выводу, что это моральная угроза любому человеческому обществу. Улучшение человеческого потенциала в трансгуманистическом смысле, лишенное этической рефлексии, признающей человеческое достоинство и права человека, приводит к новым формам насилия. Технологический императив должен подчиняться нормам, рожденным в свете прав человека, чтобы человеческое достоинство снова не подвергалось угрозе со стороны идеологий, которые оправдывают любые действия, осуществляемые в рамках целей своей собственной революционной утопии.

Литература:

1. Monterde Ferrando, R. (2021). Génesis histórica del transhumanismo: evolución de una idea, Cuadernos de bioética: revista oficial de la Asociación Española de Bioética y Ética Médica, 32(105), pp.141–148.

2. Monterde Ferrando, R. (2021). Nostalgia de futuro: El transhumanismo y la libertad trascendental, Studia Poliana, (23), pp.129–150.

3. Monterde Ferrando, R. (2023). Del transhumanismo al transumanar: Dante y la recuperación de la filosofía, Pensamiento, 79(305), pp.1675–1695.

4. TRANSHUMANISMO: ¿Homo Sapiens o Cyborg? (2021) – (Электронный ресурс) URL: <https://premiosrazonabierta.org/congreso-razon-abierta-2021-transhumanismo/>

Артемов Вячеслав Михайлович

д-р филос. наук; профессор

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Абсолютизация искусственного интеллекта как показатель дефицита морали и социокультурной ответственности

Один из парадоксов нынешней ситуации заключается в том, что некоторые прорывные научно-технические достижения начинают скоропалительно использоваться, не пройдя должной нравственно-философской экспертизы. Экономические соображения полезности вкупе с искусственным интеллектом и цифровыми удобствами начинают вытеснять традиционные запреты. Кантовское «не лги» или требование бескорыстности добра перестали восприниматься в качестве словесных фильтров и руководства к действию. Налицо своего рода размыва-

ние духовно-нравственного фундамента социального целого, включая его правовую часть.

В СМИ зачастую делаются разного рода громкие заявления относительно правомерности и даже обязательности тех или иных новшеств, связанных с применением новейших технологий. Возможно, такое положение дел в общественном сознании хотя бы отчасти связана с, так называемыми, благими намерениями, но уж очень велики, что называется, ставки. Когда в условиях широкого применения искусственного интеллекта предлагают дать ему ещё «больше свободы», по существу, закладывается мина замедленного действия под наше будущее. Налицо его абсолютизация, что свидетельствует о растерянности перед новыми вызовами, односторонним пониманием прогресса и явном дефиците ответственности социокультурного уровня.

Подлинная свобода по определению предполагает ответственность, а машина, будучи инструментом, ни за что отвечать не может. В нравственно-философском аспекте и широком смысле ответственность – «это, условно говоря, оборотная сторона свободы, так как предполагает внутреннее чувство сопричастности с другими и социумом в целом, является качественным показателем личностной и профессиональной состоятельности...» (1). Её можно только формировать знаниями, примерами, самовоспитанием. В этом смысле у ИИ она по определению отсутствует. Нет ничего более парадоксального, чем приписывать чему-либо искусственному способность учиться, тем более, чувствовать переживания и желания других. Так как программу в машину закладывает человек, вполне оправдан вопрос: «А если это мерзавец?». Правда, на фоне редких нравственно трезвых голосов продолжают раздаваться поверхностные суждения о внешне успешной стороне дела, по видимому, устраивающие заинтересованные корпорации.

Настойчивые духовно-нравственные предупреждения об опасностях бесконтрольного применения ИИ, а также соответствующие правовые запреты нужны именно сейчас. Важно продолжать углублённый анализ возможных последствий технологической спешки. Ключевым по значимости выступает именно высокий профессионализм, в свою очередь предполагающий ощущение и понимание спасительности для человека и общества моральных запретов и должных ценностей. Очевидна актуализация значимости профессиональной этики, опирающейся на теоретический фундамент в виде систематизированных знаний по истории этических учений и содержанию моральных категорий. Именно такая этика способна стать основой нравственно-философской экспертизы разного рода ситуаций, проблем, высказываний, публикаций и даже противостоять всякого рода «этикам» технологического типа. Зачастую положения множества этических кодексов и решения этических комите-

тов могут давать надежду на защищённость, но далеки от теоретического фундамента, позволяющего в полной мере занимать прочные позиции социокультурной ответственности.

От нас требуются постоянное внимание к происходящему, готовность прицельно анализировать проблемы и ситуации с научно-гуманистических позиций. В этой связи небезынтересны разработанные и «связанные между собой теоретико-методологических и этико-аксиологических требования» (2) для осуществления искомой экспертизы. Ведь мораль как мораль снимает любую парадоксальность жизни чистотой и ясностью своих ориентиров. Своего рода инвалидизации духовно-нравственного здоровья, проявляющейся в максимизации искусственных форм и способов существования человека и общества, необходимо противопоставить спасительную силу этики как вершины философского знания. Даже парадоксы морали не следует интерпретировать как её слабость. В противном случае экономическая необходимость и сиюминутный расчёт будут теснить человеческое в человеке.

Литература:

1. Артемов В.М., Саввина О.В. Биоэтика. М.: Проспект, 2021. С.228.
2. Артемов В.М. Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: реальность и должные перспективы // Вопросы философии, 2024, №6. С.74–83.

Артёмов Георгий Петрович
д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимосвязь типов нравственной культуры и социальной солидарности в современной России

Доклад посвящен анализу взаимосвязи межличностных установок и ценностных приоритетов, соответствующих историческим типам нравственной культуры, с различными проявлениями социальной солидарности в условиях современной России. Нравственная культура определяется как система межличностных установок и ценностных ориентаций, позволяющих поддерживать отношения социальной солидарности между людьми. Нравственная культура изменяется вместе с изменением морали в соответствии с историческими стадиями развития общества. Аграрной стадии соответствует традиционная мораль, индустриальной — рациональная мораль, постиндустриальной стадии — пострациональная мораль. Последний вид морали не упраздняет, а дополняет предыдущие виды. В докладе утверждается, что историческим типам морали соответствуют определенные типы нравственной культуры: тра-

диционной морали соответствует культура подражания, рациональной морали — культура подчинения, пострациональной морали — культура понимания. Каждый исторический тип морали и соответствующий ему тип нравственной культуры основан на определенных ценностных приоритетах. Основой культуры подражания является следование сложившимся в обществе образцам поведения. Основой культуры подчинения является выполнение нравственного долга. Основой культуры понимания служит признание каждого человека равноправным моральным субъектом. Для анализа взаимосвязи нравственной культуры и социальной солидарности в докладе используются база данных Российского социального исследования, проведенного Институтом сравнительных социальных исследований в 2018 году. На основе обобщения результатов статистического анализа этих данных в докладе делается вывод о том, что в современной России представлены перечисленные исторические типы нравственной культуры (культура подражания, культура подчинения и культура понимания) и что они оказывают сопоставимое влияние на различные виды социальной солидарности.

Афанасьев Данил Денисович
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ категорий «счастье» и «смысл жизни» в повести А. Рюноскэ «Бататовая каша»: культурологический аспект

В докладе предпринимается попытка осуществить репрезентацию взаимосвязанных категорий «счастье» и «смысл жизни» в повести Акутагавы Рюноскэ «Бататовая каша».

В истории этики представлена очень влиятельная традиция, которая полагает стремление к счастью основным стремлением человека. При этом в истории философской мысли можно выделить пять основных дефиниций понятия «счастье» (счастье как наслаждение, спокойное состояние духа, сильная эмоция и т.д.) (1, с.201), однако для данного исследования важна идея об «обладании благом» в качестве главная критерия счастья, поскольку именно вокруг неё сконцентрировано внимание А. Рюноскэ.

Главным героем повести является бедный самурай эпохи Хэйан. Смысл маленькой жизни этого человека сводился к тому, чтобы наконец наесться бататовой кашей — лакомства, в те времена доступного лишь привилегированным слоям населения. В конце произведения ему удается реализовать свою давнюю мечту, но это приводит лишь к ещё большим терзаниям из-за утерянного жизненного ориентира (2, с.1-2).

Итак, Хэйан — период в истории Японии, длившийся с 794 по 1185 год. Само же слово «Хэйан» в переводе означает мир, спокойствие, что в анализируемом произведении репрезентируется через атмосферу умиротворенности, серой обыденности. Действительно, Хэйан, несмотря на усобицы и противостояние крупных кланов, можно считать относительно спокойным. (3, с.405).

Автор отталкивается от понимания счастья как обладания благом, однако вскоре дает понять, что «счастье как благо» может существовать только в сознании маленького человека. Безусловно, это положение истинно, но лишь на первой, приземленной ее ступени. Данное высказывание очень хорошо согласуется с «теорией двух истин», созданной буддистским мыслителем Нагарджуной: на первом, эмпирически воспринимаемом уровне, счастье, разумеется, можно понимать как обладание некоторым благом; однако, отказываясь от субъект-объектной дихотомии, человек поднимается на новый уровень восприятия окружающего мира: время и пространство оказываются формальными категориями, и больше не существует проблемы «Я и мир», а значит, и проблемы «Я и счастье», потому что теперь сознание объемлет весь универсум, включая в себя всё, что существует в нем.

Акутагава Рюноскэ утверждает давно известную максиму: «смысл жизни — в самой жизни». В этом смысле писатель является в некотором роде противоположностью Шопенгауэра. В своем «Эссе о ничтожестве и горестях жизни» философ также приводит континуальное понимание счастья и смысла жизни: если удовлетворённость представляет собой либо теплые воспоминания о прошлом, либо надежды на светлое будущее, то никакого счастья в настоящем не существует (4, с.20). Мирча Элиаде утверждал, что в осознании невозможности счастья во Времени и заключается трагедия новоевропейской культуры, ведь понимание блага неё для стало относительным. (5, с.129). Именно такой расклад демонстрирует нам Акутагава Рюноскэ первой половиной жизни своего героя, а во второй части рассказа показывает, как можно преодолеть этот кризис: через рассмотрения категорий счастья и смысла жизни в Вечности. По утверждению того же Элиаде, это и есть главное преимущество восточной этики перед западной.

Литература:

1. Разин А.В. Этика: Учебник для вузов. М., Академический Проект, 2006. — 624 с.
2. Акутагава Рюноске. Сочинения в четырех томах. Рига, Полярис. Том 1, 1998. — 1999 с.
3. Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М., Институт Востоковедения РАН, 1998. — 659 с.

4. Шопенгауэр А. О ничтожестве и горестях жизни. М., Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 1999. — 56 с.

5. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Академический проект, 2014. — 234 с.

Афанасьев Михаил Вячеславович
обучающийся магистратуры

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Теологическое и этическое основания кантовского запрета на сопротивление

Корни дискуссий вокруг права на сопротивление уходит в раннее Новое время; хотя спор сохранял актуальность и позже.

Об этом праве, реагируя на дискуссии, высказывался Кант. При том что он принял Французскую революцию (5, С.102-104; 6, С.462-465), в своей системе права он выставлял однозначный запрет на восстание. Его аргументы мы суммируем следующим образом:

Правовой принцип предполагает публичность; цель восстания должна быть скрываемая; цель противодействия не требует этого. Т.о. само существо восстания противоречит правовому состоянию (1, С.51-52).

Позитивированная возможность сопротивления требует указания обстоятельств его применимости. Т.е. ограничения правления со стороны подданных. Но т. к. такое ограничение бы лишало правление высшей власти, то государство бы не могло быть (там же; 2, С.351-356).

Сопротивление не может исходить из всеобщей максимы, следовательно, не может быть моральным поступком (3, С.158-204).

Основания для такого запрета двоякое. Это, во-первых, сращение государства и права, которое происходит с XVI века; во-вторых, это религиозное основание лютеранской традиции.

Церковь, включённая в политический порядок как *congregatio fidelium*, не может вмешиваться в дела государства. Теологические споры, имевшие своим практическим изводом политические деяния, становятся контекстом и вариацией политико-юридических.

Меланхтон, Тиндейл, Барнс последовательно запрещают всяческое сопротивление властям — они позволяют альтернативы: бежать, пострадать. Лютер же с одной стороны принимает тезис Павла «вся власть от Бога»; с другой — никакое правление не может принуждать попрасть закон. Если это происходит, то правление -- тираническое; но это не отменяет его силы. Лютер предписывает отказаться исполнять противозаконные повеления и вместе с тем принять все последствия (8, С.98-116).

Формирование Лютером церкви через отношение к Слову и послушания ему (4, С.61) аналогично принципу формирования современного

государства (7; 8). Деноминации же оказываются сопоставимы по мере своих оснований.

Аналогичным образом в праве государства формируют универсальный правовой режим в своих пределах и тем самым оказываются лишь частной юрисдикцией, — а через это сопоставимыми.

Т.о. второй аргумент Канта против права на сопротивление не предписывает определённый порядок в рамках только данной государственной системы, а вообще описывает проблематику: отсутствие санкционирующей инстанции (9, С.480-484).

Первый аргумент становится вспомогательным. Третий же — этический, осуществляет не историческую, а практическую связку с религиозным основанием.

Литература:

1. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.7. М., 1994. С.6—56.
2. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.6. М., 1994.
3. Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М., 1994. С.158-204.
4. Кант И. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии: в 3 т. Калининград, 2024. Т.3.
5. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.7. М., 1994. С.57-136.
6. Кюн М. Кант: биография. М., 2021.
7. Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли. М., 2020.
8. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т.1. М., 2018.
9. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т.2. М., 2018.

Афанасьева Олеся Геннадьевна

канд. филос. наук; доцент

Ихсанова Камилла Римовна

студент

Башкирский государственный медицинский университет

Homo ethicus: ценность гуманизма в образовании будущих педиатров

Введение в медицину — это не только изучение анатомии, физиологии и патологии, но и погружение в мир ценностей, этики и человечности. Педиатрия, как специальность, подчеркивает особую важность гуманистического подхода, так как врачи работают с самыми уязвимыми

пациентами — детьми. В этом контексте гуманизм становится краеугольным камнем образования будущих педиатров.

Гуманизм в медицине подразумевает уважение к личности каждого пациента, признание его прав и свобод, а также стремление к созданию условий для максимального комфорта и доверия. В образовании педиатров важно внедрять гуманистические принципы не только в теоретических курсах, но и в клинической практике. Студенты должны осознавать, что не просто лечат болезни, но и заботятся о душевном состоянии своих маленьких пациентов и их семей (1).

Согласно ФГОС ВО педиатрии помимо основных навыков, умений, знаний, входящих в перечень общепрофессиональных компетенций, студент педиатрического факультета должен развить в себе способности к осуществлению критического анализа проблемных ситуаций на основе системного подхода, а также к определению и реализации приоритетов собственной деятельности и способов ее совершенствования на основе самооценки и образования в течение всей жизни.

Проблемы, стоящие перед лицом будущего врача-педиатра связаны не только с педиатрией, но и имеют место быть в других отраслях медицины. Однако специфика данной профессии подразумевает сложные взаимоотношения, для которых, в отличие от прочих, характерно сотрудничество трех субъектов: врач — родитель — пациент. В связи с этим, основные экзистенциальные проблемы в современном медицинском образовании педиатров актуализируются с каждым днем.

В наш век все чаще поднимается вопрос о смысле принадлежности к профессии. Ранее понятие «профессионал» ассоциировалось с уникальным обладателем специализированных знаний. Однако в современном мире стремительное распространение медицинской информации за пределами профессионального круга уменьшает эту уникальность. Это касается не только информации, но и манипуляций, все чаще выполняемых с помощью машин. В результате роли врачей и других медицинских работников меняются.

Сегодня свобода доступа к информации практически неограничена. Произвольный поиск в интернете по любому медицинскому состоянию часто приводит к множеству сомнительных или ложных «фактов» и рекомендаций. Принятие решений в медицине все чаще происходит в сотрудничестве с людьми, не имеющими отношения к профессии, которые делятся информацией, а не знаниями. Информация представляет собой набор «фактов», в то время как знание основано на понимании их значения (1).

В чем же роль этики? Этика имеет важное значение в образовании будущих педиатров как в прошлом, так и сегодня, но её значения и под-

ходы претерпели значительные изменения. В прошлом этические аспекты медицины основывались, в основном, на принципах добродетели и традициях, передаваемых от поколения к поколению. Педиатрическое образование акцентировало внимание на ответственности врача за лечение и уход за пациентом, часто опираясь на опыт предшественников. В современном медицинском образовании большое внимание уделяется различным этическим теориям, таким как деонтология и принципализм. Это позволяет будущим педиатрам лучше понимать сложные этические проблемы, формируя совершенно новый концепт модели развития человека — Homo ethicus — человек этичный.

Литература:

1. Толкачевой И.В. Современные вызовы медицинского образования и их отражение в учебной программе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социология. 2022. Т.28. №3 С.143-150.

2. Овсянникова Е.К., Марухно В.М. Преподавание биоэтики как философской дисциплины // Международный журнал экспериментального образования. №4-1, 2013. С.209-211.

Беляева Елена Валериевна

д-р филос. наук; профессор

Белорусский государственный университет

Моральный фундаментализм как феномен эпохи глобализации

Под моральным фундаментализмом здесь понимается не только догматизм, косность, консерватизм в области морали, но имитация нравственности под видом ее укрепления, которая осуществляется с помощью неморальных механизмов регуляции (политических, социально-психологических).

В одном варианте моральный фундаментализм возникает как реакция традиционной нравственности на процессы глобализации. В некоторых странах, которые по разным причинам оказались неспособными воспользоваться преимуществами глобального мира, традиционная нравственность не эволюционирует в неотрадиционную, не начинает воспроизводить свои традиционные ценности с помощью современных и постмодерных механизмов нравственной регуляции, а возвращается к своим наиболее ранним, вплоть до архаических, формам. Происходит догматизация нормативных предписаний, упрощение системы регуляции до уровня соблюдения обычаев под контролем общественного

мнения, распространяется агрессивная ксенофобия. Одним из проявлений морального фундаментализма можно считать и идеологию современных террористов, аргументация которых часто разворачивается в дискурсе защиты традиционной нравственности от мирового зла глобализации.

При этом традиционалистский моральный фундаментализм почти всегда враждебен естественной традиции. Он вовсе не является восстановлением исторически аутентичной традиционной нравственности, но имеет вид симулякра, используемого в идеологических и политических целях. Его реализуют заинтересованные социальные силы, которые стремятся с помощью властных решений реконструировать идеи и действия, которые прежде транслировались в органической практике жизни.

В другом варианте феномен морального фундаментализма имеет место в странах, которые являются лидерами глобализации. Общество, которое позиционирует себя как постмодерное, либеральное и плюралистическое, оказывается неспособным реализовать свой моральный проект и обращается ко внеморальным способам регуляции для его насаждения.

В частности, феномен «культуры отмены», возникший в США как моральная реакция на безнравственные практики современного мира и несправедливость в истории, также опирается на внеморальные способы воздействия на ситуацию. Кампании по «культуре отмены» демонстрируют, что нравственное чувство массы опирается на ресентимент, ограничивается чувством мщения и удовлетворяется простыми действиями: шумными акциями, сносом памятников, изъятием из учебных программ определенного материала. «Отмена» личностей прошлого и настоящего осуществляется посредством травли, т.е. групповых социально-психологических механизмов. «Культура отмены» выглядит как постмодернистский моральный фундаментализм, что кажется оксюмороном, однако догматический абсолютистский взгляд на мораль и некритическое отношение к собственным моральным основаниям позволяют охарактеризовать ее именно таким образом.

Усиление морального фундаментализма в эпоху глобализации приводит не просто к ценностному противостоянию консервативных программ с современными, но к имитации морали путем морализаторства, к разрушению моральной регуляции, подмене ее внеличностными, репрессивными, насильственными механизмами воздействия на человеческое поведение, которые камуфлируют скрытые аморальные интересы конкретных социальных групп.

Березовская Екатерина Алексеевна
обучающийся специалитета
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Этические основы феминизма: идея равенства или особых прав?

Главная идея феминизма — это переосмысление роли женщины, так как долгое время женщина воспринималась как сексуальный объект или жена и мать. Патриархальная культура сводит личность к определенной функции. Этот процесс называется объективацией. Феминизм пытается преодолеть объективацию и вернуть личности субъектность.

Первое свидетельство о подчиненной роли женщины в обществе появились еще в античности. Так, в древнегреческом полисе три группы людей не имели статуса гражданина: рабы, иностранцы и женщины. В средние века положение женщин ухудшилось. Католическая церковь — патриархальный институт — не допускала женщин к управлению делами семьи, тем более государством. Оправдание такому положению находилось в самих библейских текстах.

В разные периоды истории женщины боролись за свои права. Пытались доказать, что способны управлять общиной и хозяйством, боролись за трудовые права и равенство в доступе к работе и образованию, ведь трудовые права имели огромное значение и были первым шагом к независимости, женщины добивались избирательного и репродуктивного права.

Следующим этапом феминизма стало философское размышление о том, что «женщинами не рождаются, женщинами становятся». Женщиной нельзя быть по факту рождения, ведь общество выдвигает к женщинам огромное количество требований, причем стандарты меняются очень быстро, а многие друг другу противоречат. Статус настоящей женщины, следовательно, нужно заслужить. Так, в шестидесятые годы возникают новые законы и нормы, которые влияют на репродуктивные права женщин. Государство начинает вмешиваться в вопросы семьи и рождения детей. В странах третьего мира начинаются активные кампании по ограничению рождаемости. Все эти нормы вызвали реакцию в феминистском сообществе. Феминистки начинают открыто говорить о проблемах насилия и репродуктивного давления, оказываемого на женщин. Появляются женские общества, в которых можно обсудить самые сложные темы.

Феминизм занимается проблемой гендерного неравенства. По мнению сторонников этого подхода, половая дискриминация глубоко уко-

ренилась в современных системах ценностей, культурных представлениях, социальных и этических отношениях.

Этика вырабатывает единый принцип поведения и норм, которые применяют к себе все моральные агенты. Этические принципы универсальны для всех. Так, идея равенства и прав женщин вписывается в традиционный этический подход. Однако философия феминизма переосмысливает традиционные этические воззрения. Исследователи феминистской этики утверждают, что традиционные этические воззрения морального агента строятся на мужских идеалах и идут вразрез с опытом и интересами женщины (Hannah R. *The Morality of Resisting Oppression // Feminist Philosophy Quarterly*. 2020. Vol.6. Pp.1-25). Так, в традиционной этике моральный агент рассматривается как самостоятельный и независимый индивид, способный принимать решения. Однако такое представление противоречит классическим женским ролям жены и матери, которые женщина по собственному желанию может применить к себе. Сторонники этики феминизма критикуют традиционный подход за игнорирование ценностных ориентаций и интересов женщины.

Таким образом, практика борьбы за права женщин соответствует принципам традиционной этики, однако вместе с тем такой подход не учитывает другую сторону, а именно интересы и опыт женщины.

Болотникова Елена Николаевна

канд. филос. наук; доцент

Самарский государственный медицинский университет

На стороне доверия

Известная мечта О. Конта о скором торжестве общества альтруизма вот уже 200 лет остается нереализованной. Фундамент этой убежденности — рациональность, очевидно, не производит на свет альтруистические мотивы поведения и даже разговоры о материальной или духовной формуле «общего блага» сути дела не меняют. Аналогично обстоят дела и с надеждами П.А. Кропоткина, рассчитывавшего на подлинную природу человека, в которой альтруизм и солидарность вполне естественны. Парадоксальность оппозиции альтруизм VS эгоизм заключается в том, что необходимостью индивида становится признание первенства Другого и готовность определять самого себя инструментально, ничтожить самое себя. Вместе с тем, альтруистический выбор поднимает индивида в глазах названных и многих других теоретиков и практиков на невиданную высоту. Очевидно сближение этого противопоставления с классической этической дилеммой цели и средств. Наша гипотеза заключается в том, что общество, в котором альтруизм становится общим правилом невозможно, но дискуссии об эгоизме и альтруизме

являются одним из инструментов публичного дискурса, заостряющего проблему доверия в обществе. В действительности, низкий уровень доверия в современном российском обществе фиксируется исследователями на регулярной основе (А. Аузан, данные ВЦИОМ). Доверие выступает категорией, интересующей экономистов, маркетологов, политологов, психологов, специалистов по медиакommunikациям, специалистов PR, GR и других сфер прикладных наук и практик, поскольку может быть репрезентировано в качестве конкурентного преимущества чего бы то ни было. Инструменты формирования доверия в обществе к власти, товару, услуге, компании, сообществу и мнению множатся и детализируются. Но стоит остановиться в этом рекомендательном потоке практик формирования доверия и рассмотреть вопрос о доверии как этической категории, которая не только и не столько монетизируема, сколько фундаментальна для жизни человека и существовании общества. Отметим отсутствие общего определения доверия, которое бы имело признанный характер; характеристику доверия как явления «повышенной трудности», требующее тончайшей настройки, многоаспектный характер феноменов доверия и своеобразный «порт приписки» категории доверия в социальной психологии. Разработка доверия в этической проекции предполагает поворот в сторону от «теории общественного договора», где фундаментом является насилие и страх и обращение к концепции общества, которая может быть выстроена на позиции Д. Юма. Интерпретация человеческой природы и концепции общества, предлагаемой Д. Юмом в работах Ж. Делеза позволяет выйти за границы названных оппозиций и наметить контуры доверия как этической категории.

Бороденкова Татьяна Валерьевна
обучающийся специалитета

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Страдание животных при производстве продуктов питания: проблемы и практические решения

Спрос на животную продукцию, необходимую в рационе человека, привел к массовому производству продуктов питания, что привело к индустриализации сельского хозяйства и интенсификации животноводства. Однако эти методы часто связаны с серьезным страданием животных. Каждый год люди употребляют в пищу около 360 миллионов тонн мяса, а на промышленных фермах прямо сейчас содержится 23 миллиарда животных, подавляющее большинство которых живёт в неблаго-

приятных условиях и испытывает страдания, и эта страшная цифра продолжает расти.

Проблема эксплуатации животных всегда была и будет актуальной. С точки зрения нравственности недопустимо использовать живых существ исключительно для удовлетворения собственных желаний. Производство продуктов питания за счет убийства животных и использования продуктов их жизнедеятельности не соответствует естественному порядку вещей и оказывает разрушительное воздействие на окружающую среду. Это усугубляет уже и без того критическую экологическую ситуацию на нашей планете. (2)

Цель — выявление основных проблем и более гуманных подходов к производству продуктов питания.

Проблемы:

Переполненность и ограничения: Животные часто содержатся в переполненных и ограничивающих условиях, что приводит к травмам, болезням и стрессу.

Отсутствие обогащения окружающей среды: Отсутствие стимуляции и обогащения окружающей среды может привести к поведенческим проблемам и депрессии у животных.

Неадекватное обращение: Животные часто подвергаются грубому или жестокому обращению во время транспортировки, убоя и других процедур.

Боль и страдание: Мучительные методы, такие как кастрация, срезание рогов или купирование хвоста, часто выполняются без анестезии. (1)

Практические решения:

Гуманное содержание: Обеспечение животных достаточным пространством, вентиляцией, освещением и обогащением окружающей среды.

Пересмотр методов животноводства: Переход на менее интенсифицированные системы животноводства, такие как пастбищное содержание или органическое разведение. (4)

Гуманные методы убоя: Использование методов оглушения, минимизирующих боль и страдание животных.

Просвещение и информирование: Повышение осведомленности потребителей о благополучии животных и поощрение выбора продуктов питания, произведенных этичным путем.

Законодательство и регулирование: Укрепление законов и правил, защищающих животных от жестокого обращения и страданий.

Страдание животных в производстве продуктов питания является серьезной проблемой, требующей немедленных действий. Практические решения, такие как гуманное содержание, использование методов

убоя, минимизирующих боль, и законодательные изменения, могут помочь уменьшить страдания животных и продвигать более устойчивую и этическую продовольственную систему.

Литература:

1. Воронин Б.А., Донник И.М. Производство продукции органического животноводства в Российской Федерации (нормативно-правовое регулирование) // Аграрный вестник Урала. №105(147), 2016. С.101-107.
2. Осокин Р.Б., Чибизов А.В. К вопросу о предмете жестокого обращения с животными // Вестник ТГУ выпуск 9 (101), 2011. С.361-364.
3. Гаменюк, В.А., Снытков, Е.В. Этические аспекты эксплуатации животных // материалы 20-й международной научной конференции, 21–22 мая 2020 г., г. Минск, Республика Беларусь, 2020 г. Ч.1. С.55-58.
4. Хворостова Е. В. О некоторых проблемах жестокого обращения с животными. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т.3. С.1391–1395.

Бродский Александр Иосифович

д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

О морально-философских интерпретациях кенозиса

Данный доклад методологически исходит из того, что христианская теология содержит в себе определенный набор парадигм для европейской моральной философии. В нем рассматриваются теологические интерпретации евангельского сюжета, именуемого обычно «самоуничижением Христа» или «кенозисом», в качестве определенных моделей различных направлений моральной философии XIX–XX вв. Автор выделяет три версии кенозиса: восхождение, проникновение и бессилие. Первая версия предполагает, что жизнь Христа представляет собой совершенствование, преодоление условий земной жизни и слияние с Богом; вторая утверждает, что Христос не преодолевал условий земного существования, но демонстрировал, как в их рамках возможно достижение «Царства Божия»; третья исходит из того, что кенозис — это история, раскрывающая бессилие Бога в им же созданном мире. Эти три версии кенозиса соответствуют трем типам морально-философского отношения к жизни. Первое отношение можно определить как «прогрессистское»: мир с необходимостью должен стать лучше, чем тот, который мы имеем. Второе отношение определяется как «презентное»: мир к лучшему изменить нельзя, но индивидуум всегда может обрести в нем свободу и самодостаточность. Третье отношение определяется как восполняющее: история человечества не имеет какой-то восходящей направленности, но подвластна некоторым нашим волевым усилиям, которые

могут быть как конструктивные, т.е. делающего акцент на нашей способности менять существующие нормы и ценности в соответствии с обстоятельствами, или деструктивные, делающие акцент на насилии и разрушении.

Васильев Андрей Витальевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме «грязных рук»: современное состояние дискуссии

Несмотря на то, что интенсивная дискуссия вокруг проблемы «грязных рук» (ПГР), согласно преобладающей в научном сообществе точке зрения, разворачивалась в период с момента публикации в 1973 году статьи Майкла Уолцера в журнале *Philosophy & Public Affairs* (9) и до начала XXI столетия, ПГР продолжает сохранять статус одной из актуальных тем в прикладной этике.

Поддержание значимости, как показывает анализ последних научных публикаций, объясняется рядом разнообразных причин, которые, однако, можно разделить на два условных кластера.

Первый кластер причин связан с уточнением понятийно-категориального аппарата проблемы «грязных рук» и определением признаков, на основании которых становится возможным:

1. доказательство несостоятельности аргументов критиков, выступающих в качестве представителей деонтологического и консеквенциалистского подходов, в отношении концептуальной непоследовательности теории (4);

2. отнесение ПГР к особому виду моральных конфликтов (6) через количественную и/или качественную отчетливость (7);

3. разработка стратегий поведения с позиций этики добродетели для моральных агентов, оказавшихся в ситуации морального конфликта (10), а также вариантов реакции индивидов (5), зачастую являющихся объектами воздействия «грязных рук» (8).

Ко второму кластеру причин относятся попытки специалистов переосмыслить исторически сформировавшуюся взаимосвязь проблемы «грязных рук» и политики. Под переосмыслением сцепки в данном случае подразумевается, например, постановка вопросов о необходимости и степени распределения «грязи» в условиях демократических режимов на граждан как соучастников морального конфликта (3). Кроме этого, отечественные и зарубежные исследователи стремятся развить часть описанных предыдущим поколением теоретиков кейсов пробле-

мы «грязных рук», в том числе из области вооруженных конфликтов, указывая на сложившийся кризис этоса войны, вызванный, к примеру, привлечением индустрии организованного насилия из частного сектора экономики (1) и активным внедрением современных технологий (2).

Таким образом, проведенный анализ научных работ демонстрирует устойчивую актуальность проблемы «грязных рук» в контексте современных этических, политических и экономических реалий, создающих основания для проведения дальнейших комплексных исследований.

Литература:

1. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / Арсений Дмитриевич Куманьков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 296 с.
2. Шамаю, Г. Теория дрона / Грегуар Шамаю. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 280 с.
3. de Wijze, S. (2018). The Problem of Democratic Dirty Hands: Citizen Complicity, Responsibility, and Guilt. *The Monist*, 101(2), 129–149.
4. de Wijze, S. (2022). Are 'Dirty Hands' Possible? *The Journal of Ethics*, 28(1), 187–214.
5. Derzhivitskii, E. V., Larionov, I. Yu. The problem of moral choice in political ethics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, 35(3), 406–416.
6. Kramer, M. H. (2018). Problems of Dirty Hands As a Species of Moral Conflicts. *The Monist*, 101(2), 187–198.
7. Nick, C. (2021). Dirty Hands and Moral Conflict — Lessons from the Philosophy of Evil. *Philosophia*, 50(1): 183–200.
8. Roadevin, C. (2019). To Punish or to Forgive? Responding to Dirty Hands in Politics. *Theoria: A Journal of Social and Political Theory* 66, 3(160), 122–142.
9. Waizer, M. (1973). Political Action: The Problem of Dirty Hands. *Philosophy & Public Affairs*, 2(2), 160–180.
10. Wiinikka-Lydon, J. (2023). Dirty Virtue. *The Journal of Ethics*, 27(4), 515–537.

Воробьева Александра Андреевна
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Sub specie aeternitatis: можем ли мы отказаться от

личностной реактивной установки в пользу объективной?

В данном докладе анализируется положение П. Строссона о фундаментальности реактивной установки в человеческих отношениях и невозможности, за исключением особых случаев, отказа от нее. В эссе

«Свобода и обида» Строссон, доказывая, что моральная ответственность не зависит от ложности или истинности тезиса о детерминизме, вводит различие реактивной и объективной установок (1, с.208-212). Реактивная установка представляется базовой для межличностных отношений, исходя из нее человек реагирует на поведение других людей, оценивает качество их воли, выносит моральные суждения. Объективная установка, напротив, есть точка зрения, когда человек отстраняется от случившегося и воздерживается от этического суждения. Примерами объективной установки является ситуация, когда человек, совершивший предосудительное действие, является недееспособным или ребенком. Во всех прочих случаях субъект не может отказаться от реактивной установки, на этом основывается теория моральной ответственности П. Строссона. По этой именно причине моральная ответственность и детерминизм совместимы: даже если мы будем знать наверняка, что все происходящее предопределено, мы не перестанем испытывать обиду, зависть и гнев.

Однако действительно ли мы не можем отказаться от реактивной установки в пользу объективной? Является ли реактивность необходимым условием моральных суждений? Для ответа на эти вопросы я обращаюсь к идущей от Спинозы максиме рассмотрения всего «*sub specie aeternitatis*», разрабатываемой современными философами, такими как Стюарт Сазерленд (2, pp.87-111) и Виллем Дрис (3, pp.207-210). Данная установка определяется как взгляд с точки зрения, которая не является конкретной точкой зрения и, следовательно, не служит личным интересам. «С точки зрения вечности» предполагает убежденность в том, что человек может превзойти особенности отдельного человека, сообщества или эпохи, а также что наши действия должны быть оценены в ином, не человеческом контексте. Несмотря на то, что такая точка зрения не достижима реально, она должна выступать в качестве предельной цели наших этических суждений. Скрыто присутствующая в наших интеракциях, эта установка является основой для трансцендентных ценностей. В данном докладе не оспаривается центральный тезис Строссона о том, что реактивные установки не могут быть окончательно преодолены, и, следовательно, истинность детерминизма не влечет отказ от моральной ответственности. Скорее целью выступления является демонстрация того, что религиозная (и не только) ориентация на трансцендентную мораль в пределе требует от человека именно объективной установки «с точки зрения вечности». А потому такая этика за основу суждений берет не реактивный характер нашего взаимодействия в социуме, но трансцендентные ценности, которые должны быть лишены личностного аспекта. Таким образом, я спору с тезисом Строссона о том, что основой моральной ответственности с необходимостью служат

наши эмоции, и делаю это через демонстрацию структуры религиозной этики, которая предполагает преодоление реактивности в наших действиях и суждениях в пользу вечной перспективы «sub specie aeternitatis».

Литература:

1. Строссон П. Свобода и обида / пер. Е.В. Логинова // Моральная ответственность. Финиковый компот. 2020. №15. С.204-221.
2. Stewart S. Sutherland God, Jesus and Belief. The Legacy of Theism. // Oxford: Basil Blackwell. 1984.
3. Willem B. Drees. The Divine as Ground of Existence and of Transcendental Values. An Exploration // Alternative Concepts of God: Essays on the Metaphysics of the Divine / Ed. A. Buckareff, Yu. Nagasawa. Oxford: Oxford University Press. 2016.

Воронина Варвара Владимировна
обучающийся специалист

Шульга Анастасия Вячеславовна
обучающийся специалист

Новосибирский государственный медицинский университет

Этические проблемы взаимодействия клинического психолога с пациентом

Актуальность: Вопросы связанные с этическими аспектами взаимодействия клинического психолога с пациентом являются актуальными в современности. По данным на январь 2023 года процент обращения к клиническому психологу от всего населения составил 15% (3).

Рост числа обратившихся актуализирует проблемы, связанные с организацией процесса взаимодействия, квалификацией, способами взаимодействия, а также — этические проблемы. Базовым документом, определяющим этические принципы работы, является «Этический кодекс психолога» Российского психологического общества, который разработан в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом РФ №152-ФЗ от 27 июля 2006 года «О персональных данных», Уставом Российского психологического общества и другими документами. В Кодексе сформулированы основные принципы взаимодействия с клиентом: принцип уважения; конфиденциальность; осведомленность и добровольное согласие Клиента; принцип компетентности (1).

Принцип уважения клиента реализуется как уважение со стороны психолога прав, свобод, достоинств личности клиента независимо от возраста, национальности, веры, языка. Принцип конфиденциальности проявляется как запрет на разглашение информации без разрешения

со стороны клиента. Реализация принципа осведомленности и добровольного согласия заключается в информированности клиента о целях, методах работы и «активной позиции» со стороны клиента, которая заключается в выборе вышеперечисленного. Обязательным является подтверждение сделанного выбора в форме добровольного согласия. Важным для оказания помощи является принцип компетентности психолога, который проявляется как развитие профессиональных знаний, использование методов, которые известны и владение которых находится на высоком уровне (4).

Несмотря на гуманистический характер базовых принципов взаимодействия клинического психолога и клиента, остаются непроработанными некоторые вопросы, связанные с диагностикой, эффективностью взаимодействия, статусом и состоянием самого психолога (2). Принцип «ограничения применяемых средств», то есть законодательное сокращения применяемых методик, исследований приводит в некоторых случаях к невозможности корректной диагностики и т.д.

Рост числа обратившихся, а также сравнительно новая область взаимодействия между клиническим психологом и клиентами актуализирует проблемы: профессиональной этики клинического психолога, конфиденциальности, нарушение личного пространства, соблюдение принципов работы с клиентами, контроль за этим и др.

Как показали результаты проведенных экспертных интервью, были опрошены 17 человек, к наиболее значимым этическим проблемам относятся: пересечение интересов; нарушение личных границ психолога; эротизированный перенос. Первое проявляется в высокой вероятности появления конфликта интересов, нарушения принципов конфиденциальности из-за «пересечения» знакомых, родственников, «знакомых знакомых», что приводит к повышению уровня субъективности у психолога и клиента. Второе проявляется как стремление клиента перевести взаимодействие с психологом на неформальный уровень, сформировать приятельские или дружеские отношения. Следствием становится снижение доверия, невозможность сформировать терапевтическую дистанцию. Третье, эротизированный перенос, проявляется как формирование романтических или сексуальных чувств со стороны клиента к психологу, что приводит к искажению восприятия образа психолога и затруднению проведения объективной работы (5). Минимизация рассмотренных выше проблем, на наш взгляд, возможна при выполнении следующего:

– перевод этических норм, закреплённых в Кодексе в правовую плоскость путем разработки и реализации различных нормативных актов, законодательных норм и т.д.;

– развитие института экспертов, инициированное обсуждение принципов, целей работы экспертного сообщества, популяризация результатов;

– законодательно закрепление супервизии, что позволит обеспечить контроль, профессиональную поддержку, повышение компетентности психолога и снижение риска внутриличностных проблем;

– разработка, популяризация принципов «рабочей гигиены» психолога, т.е. «закрытые профили» в социальных сетях, отсутствие биографической информации в Интернет-ресурсах, отказ от активной визуализации в цифровом пространстве и другое.

Литература:

1. Российское Психологическое Общество. Этический кодекс психолога. Россия, 2012.

2. Соловьева А.В. Контактное взаимодействие – ключевая составляющая профессиональной деятельности клинического психолога. Россия, 2020. 3. Статистика службы психологической поддержки страхового дома ВСК. 2023. 4. Руновская Е.Г., Армашова А.Б. Этические принципы в психологическом консультировании. Ярославль, 2020.

5. Основные проблемы этической составляющей профессиональной деятельности психолога-консультанта в России/ Ключева Н.В. Ярославль, 2017.

Вяткина Алла Геннадьевна

канд. филос. наук; старший преподаватель
Воронежский государственный университет

Эволюционная этика: между чувством и разумом

Проблема соотношения чувства и разума является одной из дискуссионных в этике. Если в классической философии главенствовал рационалистический подход при обосновании морального поведения, то с развитием психологических и биологических исследований, маятник научного сообщества качнулся в сторону интуитивизма, утверждающего, что моральная реакция первично возникает на уровне чувства, бессознательно и спонтанно, до всякой работы разума. Данное утверждение последовательно ведет за собой намерение обосновать мораль как некое врожденное качество, истоки которого располагаются в нашей биологической организации.

Возникает специальная область знаний, объединяющая достижения эволюционной биологии с проблемами этики, получившая название эволюционной этики. Казалось бы, естественно ожидать, что представители данной научной области в споре названных подходов будут единодуш-

но склонять к интуиционизму. Однако, от самих биологов стали поступать свидетельства в пользу исключительной важности разума в принятии морального решения и невозможности опираться только на интуитивные врождённые чувства, особенно, когда речь идёт о моральных вопросах в масштабе мировых проблем. Обратимся к трём наиболее известным подходам, объясняющим мораль с позиции эволюционной теории.

Интерес биологии составляют такие формы поведения, называемого биологическим альтруизмом, когда организм приносит пользу другим особям ценой своего здоровья и репродуктивного успеха.

Наиболее признанной является теория родственного отбора, в основе которой лежит представление о конкуренции разных вариантов (аллелей) одного и того же гена. Порой для аллеля стратегически выгодно пожертвовать «несколькими своими копиями, чтобы дать преимущество другим своим копиям, заключенным в телах близкородственных организмов» (1, с.22). То есть альтруизм направляется не на всех индивидов, а только на близких родственников. Однако всегда ли биологический альтруизм является правильным с этической точки зрения? С одной стороны, нет ничего естественнее заботы о своих детях — дать им лучшее образование, устроить на высокооплачиваемую работу. Но что, если любимый ребенок не обладает нужными способностями и занимает чужое место? По мысли биолога Р. Докинза, если некто захочет построить общество, основанное на принципах морали, то «ему нечего рассчитывать на помощь со стороны биологической природы человека». Лишь разумное сознательное поведение способно преодолеть «тиранию генов».

Еще одна концепция опирается на феномен парохизма. Данный феномен основан на свойственном для многих социальных существ делении на «своих» и «чужих» и означает проявление положительного, альтруистического отношения к своей группе и негативного — к чужой. Биолог А.В. Марков констатирует, что эволюция не закладывала в нас способность считать всех людей «своими». Но «к счастью, помимо архаичных инстинктов и эмоций эволюция дала человеку еще и разум, и поэтому мы можем и должны подняться над своими биологическими корнями...» (Марков А.В. Эволюция и мораль // Природа. 2010, №9. С.28). Значение роли разума в процессе преодоления установки свой-чужой доказывается также рядом нейробиологических исследований.

Еще одним подходом является реципрокный альтруизм. Коротко говоря, мы склонны проявлять альтруистическое отношение к тому, кто сам жертвует для нас. Данное взаимодействие изначально требует высокого уровня рассудочных проявлений: развитой памяти, умения налаживать систему «взаимозачетов» и т.п. А потому «чистых» примеров взаимного альтруизма вне человеческого общества крайне мало.

Итак, ряд представителей эволюционной этики, признавая природные истоки человеческой добродетели, одновременно утверждают исключительную важность разума в формировании подлинно моральных отношений. Попытка проследить истоки морального поведения на биологическом уровне вовсе не равна намерению вывести первое из второго и не отрицает огромную значимость социокультурного влияния на формирование моральных убеждений индивида.

Горина Татьяна Сергеевна
канд. филос. наук; доцент
Волгоградский государственный университет

Ответственность и свобода: подход В. Франкла

Значительные изменения, происходящие в современном обществе, требуют от человека осмысления новой реальности, своего места в ней, а также вопросов, связанных с ответственностью и свободой.

Индивид и его жизнь определяются многими предпосылками (биологическими, социальными, психологическими), поэтому, по мнению В. Франкла, не существует свободы «от». Однако человек может занять определенную позицию по отношению к различным факторам, обуславливающим его бытие, выйти за их пределы, в чем и проявляется его свобода «для», упрямство духа.

Благодаря свободе человек способен искать смысл своей жизни, который находится вовне и обнаружение которого возможно, потому что самотрансцендирование как свойство человека предполагает, что он «существо, тянущееся за пределы себя» (1, с. 12). Трагическая триада — страдание, вина, смерть — угрожает смыслу, мешает его найти, заставляет сомневаться в его существовании, хотя смысл сохраняется в течение всей жизни индивида, при любых, даже самых невыносимых обстоятельствах: «жизнь, недостойная жизни, не существует» (3).

Открывать смыслы человеку помогают ценности. В. Франкл выделяет три вида ценностей: творческие, проявляющиеся в деятельности, ценности переживания, воплощающиеся в восприятии, и ценности позиции. Последние связаны с отношением индивида к ограничениям жизни, к судьбе, которую он не может изменить, с отвагой в страдании, достоинством в крушении и гибели, с внутренним преодолением собственного несчастья. Для человека важно уметь адаптироваться, замечать возможности и не ограничиваться реализацией ценностей, относящихся к одной группе.

Индивид ответственен не только за то, чтобы найти смысл в любых ситуациях, из которых состоит жизнь, но и за его воплощение. Человек способен совершать выбор, свободно принимать решения, а потому — брать на себя ответственность; только при таких условиях ему может быть что-либо вменено в заслугу или в вину. В. Франкл считает, что цельный человек глубоко осознает свое бытие-в-мире как ответственность.

Человек нередко страшится ответственности и свободы, пытается их избегать, хотя именно они делают его духовным существом. Бегство от свободы и ответственности приводит к формированию у индивида эфемерного и фаталистского отношения к жизни, конформизма и фанатизма.

В. Франкл, сравнивающий ответственность с бездной, пугающей личностью, видит причину страха в том, что человек не может сделать несуществующим уже принятое решение, которое связано с воплощением лишь одной из множества возможностей. Но ответственность и ободряет, так как от выбора индивида зависит будущее его и других людей. Хотя прошлое изменить нельзя, человек способен учесть уже совершенные ошибки при формировании будущего.

«Гарантировать, что человек принимает решение свободно, однако не своевольно, а ответственно» (2, с.43), в состоянии только совесть, в которой всё же проявляется ограниченность как признак природы человека и которая способна обмануть его. Человек как свободное существо может как прислушаться к голосу совести, последовать ему, так и пренебречь предложенным ею однозначным выбором. Постоянный отказ от совести, ее игнорирование приводит индивида либо к конформизму, либо к тоталитаризму.

Трактовка ответственности и свободы, разработанная В. Франклом, обосновывает возможность стойкости человека, сохранения достоинства перед лицом страданий и моральных испытаний.

Литература:

1. Франкл В. Э. Воля к смыслу (Электронный ресурс) – «Альпина Диджитал», 1988. URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-frankl/volya-k-smyslu-7629585/> (Дата обращения: 15.09.2024).

2. Франкл В. Э. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ (Электронный ресурс) – «Альпина Диджитал». URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-frankl/doktor-i-dusha-logoterapiya-i-ekzistencialnyy-analiz-22041114/> (Дата обращения: 15.09.2024).

3. Франкл В. Коллективные неврозы наших дней (Электронный ресурс). URL: <https://monocler.ru/kollektivnyie-nevrozyi/> (Дата обращения: 15.09.2024).

Горохов Павел Александрович

д-р филос. наук; профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Оренбургский филиал

Этика Гёте–чиновника

Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832) был первым министром Веймарского двора, куда его пригласил герцог Карл Август, более пятидесяти лет — с ноября 1775 года и до самой смерти. В 1826 году в Веймаре торжественно отметили полвека службы Гёте герцогскому двору.

Духовный облик государственного служащего неразрывно связан с его профессиональной деятельностью. Ниже мы постараемся ответить на вопрос, какие представления Гёте о профессиональной этике чиновника актуальны для современности.

Этика Гёте–чиновника базировалась на его представлениях о добре и зле, входящих составной частью в структуру его философского мировоззрения. Рассматривая добро и зло как базисные и совершенно равные по своим потенциям начала мироздания, Гёте считал, что зло побуждает человека актуализировать свои лучшие качества именно через противостояние ему.

Для этики государственного деятеля и чиновника должен быть характерен, прежде всего, профессионализм, то есть умение делать свою работу грамотно и максимально эффективно. За несколько дней до смерти Гёте сказал: «Я ненавижу плохую работу как смертный грех, но всего более — плохую работу в государственных делах, так как от нее страдают тысячи и миллионы людей».

Поэтому актуальны для современной российской действительности и такие слова Гёте, которые можно адресовать ко многим некомпетентным политикам: «Самое разумное, чтобы каждый занимался тем ремеслом, для чего он рожден, чему он учился, и не мешал бы другим делать то, что им надлежит. Пусть сапожник сидит за своей колодкой, крестьянин ходит за плугом, а правитель умело правит народом. Это ведь тоже ремесло, которому надо учиться и за которое нельзя браться тому, кто этого делать не умеет».

Профессионализм связан с честностью перед людьми и самим собой, о чем Гёте не устал упоминать в письмах и задокументированных разговорах. Поэтому канцлер во второй части «Фауста» не боится обнажить перед императором все беды и проблемы гибнущего государства, которые пытается всячески затушевать Мефистофель, прокрадывшийся в тронный зал в личине шута.

Чрезвычайно важны интеллект и общая культура государственной власти, тесно связанная с подлинным, а не квасным патриотизмом. В своих «Венецианских эпиграммах» Гёте восклицает:

Ох, до чего не люблю я поборников ярых свободы:

Хочет всякий из них власти – но лишь для себя.

Некоторым нашим политологам, рассуждающим о том, какую бы еще реформаторскую вивисекцию предпринять над изувеченной страной, стоило бы задуматься над следующими мудрыми словами семидесятилетнего мыслителя: «Для каждой нации хорошо только то, что ей органически свойственно, что проистекло из всеобщих ее потребностей, а не скопировано с какой-то другой нации. Ибо пища, полезная одному народу на определенной ступени его развития, для другого может стать ядом. Поэтому все попытки вводить какие-то чужеземные новшества, поскольку потребность в них не коренится в самом ядре нации, нелепы, и все революции такого рода заведомо обречены на неуспех...».

Итак, по мнению Гёте, авторитет власти напрямую зависит от моральных качеств государственных служащих: честности, справедливости, порядочности, долга. Серьезные аморальные проступки в деятельности и поведении государственного служащего являются немаловажным фактором, который способен привести к дестабилизации общества, выступает предметом пристального внимания широких слоев населения. В-третьих, специфика профессии чиновника связана с проведением воли государства, с работой с людьми, которые оценивают власть именно через деятельность ее представителей. А это диктует необходимость соблюдения чиновниками определенных нравственных норм поведения.

Грачева Мария Витальевна
независимый исследователь

Связь юмора и игры в контексте морального сознания ребенка

Смех появляется раньше восприятия юмора из-за своей физиологической природы. Параллельно с возникновением данной физиологической реакции ребенок учится играть. Игра может вызывать разные эмоции: восторг, если в процессе задействована новая необычная игрушка, гнев, если что-то не получается, и т.д.

Как отмечает Мартин Род в своей книге «Психология юмора»: «Смех и игра появляются у младенцев примерно в одном и том же возрасте

(приблизительно в четыре-шесть месяцев), и им способствуют похожие социальные контексты» (1).

Одной из граней игры, пожалуй, самой основной, помимо, познания мира, является развлекательная — какая-то шалость, выход за рамки обыденного состояния.

Игра в любом возрасте — это выход за пределы статичности. Феномен игры во взрослом возрасте, будь то компьютерные, настольные, ролевые игры живого действия, характеризуют как возможность «уйти от реальности». Эмоция, которую принесет это действие, зависит от запроса и потребителя.

Ребёнок тоже в игре уходит от реальности. От скучных для него дел и обязанностей в сферу игры, шалости, смеха. «Возрастные психологи, изучающие юмор, также отметили, что у детей смех и юмор развиваются в контексте игры» (1). Таким образом, можно говорить, что в детском сознании (особенно детей раннего возраста) игра в большинстве случаев ассоциируется с весельем.

Игра, как и юмор всегда является определенным притворством и несоответствием. То есть, и в том, и другом случае, человек создает ситуацию приписывания объектам свойств, которые им не характерны (живое-неживое, съедобное-несъедобное и т.д.).

«Игра, сама по себе, хотя она и относится к деятельности духа, не причастна морали, в ней нет ни добродетели, ни греха» — говорит Йохан Хейзинга (2).

И в таком случае, так как игра тесно связана со смехом и весельем, воспринимать детский юмор ребенка в этических категориях тоже нельзя.

Однако, интересно в данном случае даже не моральное восприятие феномена юмора, а отношение ребенка через призму юмора и игры к другим областям морального сознания, таким как наказание, справедливость, обида и т.д.

Через игру происходит познание мира, обучение правилам и их закрепление, однако, интересно рассмотреть детскую игру и юмор не только с точки зрения формирования поведения, но и, исходя из отрицания правил и санкций через призму комического.

Что подводит нас в целом к вопросу о восприятии юмора и комического, как к моральному или неморальному аспекту.

Литература:

1. Род М. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. – 480 с.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с.

Григорьева Марина Петровна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аристотель о разуме как принципе действия, управляющем человеком (Никомахова этика, III, 5)

К. Тейлор в своем предисловии к Сборнику статей по Античной философии (*Pleasure, Mind, and Soul*, 2008) говорит о теоретическом интересе исследователей Античности, выходящем за рамки чисто биографического, выражающегося в стремлении соотнести труды древних философов с проблемами современного мира. Все проблемы, когда-либо интересовавшие человечество, по точному замечанию О. Жигона, были поставлены в Античности, но не все решены окончательно. Самый важный и сложный вопрос, который с большой долей вероятности никогда не утратит своей актуальности, — это вопрос о счастье. Сомнительной представляется возможность рассчитывать на единственно истинный ответ. Один из самых знаменитых представителей эвдемонизма в истории философской мысли — Аристотель был убежден в том, что счастье возможно и достижимо в земной жизни, и все люди достойны счастья. Согласно Аристотелю, счастье (*εὐδαιμονία*) — это деятельность разума, энергия ума по осуществлению своих добродетелей (NE. X,7, 1177a). Разум и чувства — два источника истины, «не только ненадежны сами по себе», но еще и вводят в заблуждение друг друга; чувства постоянно обманывают разум ложной видимостью, а разум вводит в заблуждения чувства (Б. Паскаль. Мысли). Это рассуждение нашло свое продолжение в известной концепции Д. Юма, состоящей в том, что разум является рабом страстей, «разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им» (Д. Юм. Трактат о человеческой природе. Гл.3. О мотивах, влияющих на волю). Суждение Д. Юма не оставляет надежды на то, что можно уповать на разум в стремлении к счастью. Доклад посвящен непростой проблеме разума. Аристотель видит в разуме принцип действия, управляющий человеком, интеллект оказывается и причиной, и конечной целью. Разумная жизнь, по Аристотелю, с одной стороны, естественна для человека, а с другой стороны, возвеличивает его и возвышает до статуса мудреца (NE). Фрагмент NE (III, 5) можно рассматривать как некоторый аргумент против концепции Д. Юма в пользу приоритетной роли разума, направленной на обдумывание наилучших средств для достижения главной цели — счастья.

Давлетшина Анна Маратовна
старший преподаватель
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Этические аспекты проектирования человека во второй половине XX века (на примере ФРГ)

Вторая мировая война оказала разрушительный характер как на современников, так и на будущее поколение и привела к деятельности по работе над практиками по переходу от войны и мира, чтобы не допустить подобного повторения в будущем. В постконфликтной культуре Германии, и ФРГ в частности, можно увидеть создание проектов, которые закладывали определенные установки, а именно, осуждение нацистских преступников и национал-социализма как явления. Данный процесс проходил достаточно сложно в ФРГ, но по итогам можно говорить о формировании о проектировании «ответственного за прошлое немца» в ФРГ во второй половине XX века, на что повлияли интеллектуальные и общественные дискуссии.

В первые послевоенные годы немецкое общество негативно относилось к тому, что проводились судебные процессы над нацистскими преступниками (в частности, речь идет про Нюрнбергский процесс и малые Нюрнбергские процессы, а также локальные судебные процессы как один из этапов постконфликтного переустройства). Но вместе с этим в интеллектуальной среде происходило осмысление вины и ответственности такими мыслителями, как К. Ясперс, Х. Арендт, Т. Адорно, О. Когон, Г. Белль и др. Практики отрицания стали первой реакцией на прошедшую войну. Но постепенно обсуждение юридических процессов в ФРГ над нацистскими преступниками начали оказывать влияние на немецкое общество. Так называемое «второе поколение» стало задаваться в 1960-е гг. вопросами о «мягкости» решений судей по данным делам и «молчанию отцов». Показательным в этом плане является «спор историков», который демонстрирует важность этического аспекта в проектировании нового человека. Как отмечает Р. Ляйхтом, он продемонстрировал, что «Критическое отношение к собственной истории не является дефектом национальной идентичности. ... Мы не можем строить наше будущее, если будем ретушировать наше прошлое» (1, S.364). В итоге принятие ответственности и вины немецким обществом, к которому обращал внимание К. Ясперс как важному условию обретения свободы, добавляется принятие прошлого и критическое отношение к

нему, что становится этическим основанием проектов человека в ФРГ в указанный период.

Литература:

1. «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / R. Augstein (Hrsg.). München: Piper Verlag, 1987. – 397 S.

РНФ № 23-18-00851 «Проектирование человека в постконфликтной ситуации: концепции, институции и практики»

Давыдова Алина Денисовна
студентка

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Эскапизм. Его влияние на жизнь человека. Ценностный конфликт внутри человека.

УДК 171

Научный руководитель: доцент, кандидат философских наук Маковецкая М.В.

Термин явления эскапизма по сей день имеет ряд трактовок, однако, все изучения в области этого явления приводит к одному краткому определению: эскапизм — это уход в той или иной форме от реальности социального бытия или самого себя.

Но какое влияние оказывает это неоднозначное явление на жизнь человека? С целью ответа на данный вопрос было проведено исследование отрицательного и положительного влияния эскапизма на жизнь человека (1). Исследование было проведено с опросниками, в которых содержалось несколько шкал: «уход от проблем», «конструирование альтернативной реальности», «положительная оценка отвлечения от реальности: ухода (выхода)». В результате кластерного анализа было выведено 4 вида респондентов «эскаписты в широком смысле», «эскаписты-», «эскаписты+», а также «неэскаписты». Первый кластер опрашиваемых людей составил (37,1% выборки) — в этот кластер входили люди с склонностью бегства от проблем и созданием альтернативного мира фантазии. Второй кластер составил (22,58 %), в него входили люди склонные бегству от проблем, однако не желающие создавать альтернативного мира реальности. Третий кластер составил (20,97%). В этот кластер входили люди в целом отвергающие бегство от проблем и создание альтернативной реальности. Четвертый кластер (19,35%) в этом кластере находились люди не имеющие склонности бегства от проблем. Исследование привело к выводу, что выбор отрицательной или

положительной формы эскапизма зависит напрямую лишь от индивидуальных характеристик личности и ответной реакции на возникновения проблем. Стоит обратить внимание, что разнообразные явления эскапизма могут нести за собой негативную форму влияния на личность, представляющие угрозу идентичности, заданной индивиду извне, со стороны социальной группы. В случае «выходки/эскапады» — это проигрывание возможности разрушения групповой идентичности. Данное явление эскапизма не стоит путать с «изгойством», которое не подразумевает отделенность человека от социума как следствие его свободного выбора. Но также эскапизм включает в себе и положительную составляющую через возможность выйти из социально заданной колеи — «внутренняя эмиграция».

В одном из исследований об эскапизме было выведено 4 типа причин ухода в эскапизм (3). Первый тип заключается в разности между желаемой, идеализированной реальностью и действительной реальностью, в которой человек находится и к которой не может адаптироваться. Второй тип причин — это так называемый «культурный шок», явление изменения психологического состояние человека при попадании иную культурную среду. Третий тип причин эскапизма — страх, обусловленный социально-политическими реалиями. В данном виде причины примером является статистика самоубийств, выпадающих на кризисные периоды в истории государства (войны, экономический спад и т.д.) Четвёртая причина эскапизма лежит не в представлении о реальности, а в представлении о собственном «Я», то есть в резком расхождении между «реальным-Я» и «идеальным-Я». (Человек, считающий себя трусом занимается экстремальными видами спорта).

Эскапизм, как явление глубоко психологическое и индивидуальное всегда включает в себе как негативные, так и позитивные формы влияния на жизнь человека. Эскапизм может помочь в адаптации в тяжелых жизненных обстоятельствах, но также привести и к изоляции индивида от социума, неприятию реальности и личностному разрушению.

Литература:

1. Беловол, Е. В. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификации модели//Прикладная юридическая психология. 2018. №4(45). С.38–48.
2. Литинская Д. Г. «Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма», 2012. №1(1). С.308-311.
3. Белов В.И. «Эскапизм: причины, функции и границы»//Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. №03. С.270-276.

Данилкина Дарья Сергеевна
преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«С большой силой приходит большая ответственность».

К вопросу об этике ученых при проведении исследований в области естественных наук.

Экспоненциальный рост исследований в области естественных наук создает ряд спорных вопросов, которые могут возникать как «внутри» самих исследований — например, методологические ошибки на разных этапах исследования, проблемы с интерпретацией данных, проблемы с воспроизводимостью результатов, обобщенность гипотез, репрезентативности исследовательской выборки и т.д., так и, с другой стороны — вопросы, связанные с неэтичными практиками самих участников исследований, которые могут подорвать доверие к науке и научному сообществу. Однако с большой силой приходит и большая ответственность — целенаправленные манипуляции с научными данными, сокрытие неудачных экспериментов (например, под давлением грантовой системы финансирования) приводят к искажению научной информации посредством выбора только таких результатов, которые соответствуют ожиданиям. Более того, целенаправленные искаженные результаты могут привести к торможению научного развития в части «опоры» ученых на опубликованные ложные результаты, выводящие исследователей на неверные траектории в исследованиях, что чревато потерей как времени, так и ресурсов.

Разного рода нарушения в научных исследованиях, начиная от отсутствия должного ведения научной документации, пренебрежение подробностями при публикации в части входящих данных, приводят к кризису воспроизводимости.

Ключевую роль в поддержании достоверности научных данных играет процесс репликации, т.е. процесс повторной проверки результатов и выводов, полученных в экспериментах. Наблюдаемая в современных реалиях нехватка открытости в данных, преувеличение результатов исследования, публикация в основном только положительных результатов приводит, в конечном итоге, к кризису репликации. Ошибочные выводы, особенно в области новых технологий (такие как редактирование генома или нейротехнологии) и здравоохранения могут нести в себе серьезные риски как для отдельных групп людей, так и для общества в целом, что актуализирует запрос на поддержание высоких стандартов прозрачности научных исследований для минимизации потен-

циальных негативных последствий в будущем. Это объясняется использованием результатов научных исследований как образца для медицинских рекомендаций, для принятия законодательных инициатив и т.д.

Таким образом, соблюдение этических правил со стороны участников научного процесса представляет собой не просто требование, а необходимость. Формирование культуры прозрачности, непредвзятости, честности в научных исследованиях является ключом к достижению устойчивых результатов и сохранению репутации науки как надежного источника знаний.

Держивицкий Евгений Викторович

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Pereat iustitia et fiat pax, или дело о заговоре Катилины

К одному из вопросов, находящихся в поле зрения политической этики, традиционно относится добродетель политика. В античной мысли считалось, что при наилучшем политическом строе она будет продолжением качеств добродетельного мужа, реализуемых на поприще заботы о его сохранении. В средневековье добродетель политика тесно увязывалась с его благочестием. Макиавелли, осуществив эмансипацию политики из сферы этики, обосновал, что добродетели политика могут противоречить человеческой морали. Со времен Просвещения и вплоть до наших дней сложился подход, согласно которому от политика требуется наличие хотя бы минимального количества добродетелей человека вообще, при условии, что он компенсирует их возможную нехватку качествами выдающегося государственного деятеля. Если же вдруг этого не произойдет и для благополучия государства возникнет угроза, то ее сможет преодолеть его институциональное устройство, например, разделение властей.

Несмотря на модификацию представлений о добродетелях политика, произошедшей за последние две с половиной тысячи лет, все мыслители соглашались с тем, что такие качества, как осмотрительность и осторожность для благополучия государства полезнее, чем склонность к риску. Особенно в условиях отсутствия гражданского мира, как это было в Римской республике в 63 г. до н.э. Тогда консул Цицерон раскрыл и подавил то, что вошло в историю под названием «второй заговор Катилины», сам факт которого до сих пор вызывает оправданные сомнения. Но самым показательным здесь является то, что на момент произведения своей Первой катилинарии 8 ноября он располагал лишь слухами и косвенными свидетельствами. Однако в своем обвинении перед сенатом он утверждал, что у него есть все доказательства, после

чего Катилине было позволено беспрепятственно покинуть Рим. На следующий день Цицерон сообщает народу, что есть надежда избежать угрозы насилия в Риме, однако послы аллоброгов сообщают ему, что Лентул, один из пяти заговорщиков, обещал им умерить притеснение со стороны римских властей взамен на их содействие. Цицерон предлагает им взять письменные гарантии этих обещаний и передать их ему, после чего все пятеро катилинариев 5 декабря были арестованы и казнены решением сената без суда вечером того же дня. В январе следующего года войско Катилины было разбито римской армией под Пистойей, и сам он погиб.

Как политик Цицерон всегда отличался осторожностью и склонностью к компромиссам. В условиях перманентных политических потрясений лучшей стратегией он считал гражданское согласие и избегание любого насилия. Как интеллеktуал он вдобавок был склонен к сомнениям и отказу от решительных действий, если общая картина была не слишком ясна, а результат недостаточно просчитан. Однако он сознательно пошел на блеф, обвиня Катилину, не имея к тому времени неопровержимых доказательств, и на риск спровоцировать новую гражданскую войну в случае, если бы он ошибся. Как показали последующие события, Цицерон не ошибся, и если единственное, чем он руководствовался, была интуиция ученого мужа, она помогла спасти республику больше, чем все остальные его политические добродетели, которые были продолжением добродетельного человека. В условиях, когда справедливость перестает быть добродетелью политических институтов, роль личности в драматичные моменты истории может оказаться единственным шансом на спасение. А против того, что ради сохранения мира риск пожертвовать справедливостью по отношению к отдельному человеку является оправданным, ни один значительный политический мыслитель не возражал.

Дондокова Бутидма Борисовна

канд. филос. наук; доцент

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Качества человека в прикладной этике

Действующий проект «Киноуроки в школах России и мира» представляет собой масштабную систему нравственного воспитания созидательных качеств человека. Автор системы, Дубровская Е.В. отказывается от распространенного видения, согласно которому качества человека рассматриваются как духовные, нравственные, эмоционально-волевые и так далее. Проект Дубровской Е.В. ориентируется на достижение более глубокого понимания качеств человеческой личности. В

идеале же предполагается создание глобальной сложной многомерной организации человеческих качеств, которая бы позволила существенно продвинуться в понимании феномена человека и возможностей его развития. Итак, основные моменты в этой концепции качеств:

1. Качества обладают ядром. Оно может быть нейтральным, усиление этого ядра векторами действий может делать качество либо положительным, либо отрицательным, в зависимости от качества усиления этого знака или валентности. Исходя из идеи В.И. Моисеева, что этика должна строиться на аксиоме добра как развития, определим качество как нейтральное средство, которое может использоваться по-разному, если в качестве заложена идея развития. Оно может быть положительным (созидательным), когда оно направлено на развитие личности, общества. Нейтральное качество (например, честность) может использоваться и для развития, и для прямо противоположных целей.

Для определения ядра качества необходимо сопоставление взаимоисключающих примеров действия одних и тех же качеств в сочетании с другими качествами. Меняют ли они свою природу или же сохраняют свою сущность неизменной? Здесь важно понимать, что синонимов качеств не существует. Каждое качество имеет свое онтологическое (сущностное) ядро, без которого существование качества невозможно, соответственно, его замена невозможна.

2. Качества могут быть базовыми и синтетическими. У синтетических качеств ядро может быть сложным, многосоставным. Синтетические качества — это такие пороговые качества, при которых личность уже переходит на более высокий уровень развития. Базовые качества и синтетические качества — это отношение частей и целого. На уровне целого появляются новые эмерджентные свойства. В настоящее время, по наблюдениям Дубровской Е.В., довольно редко можно встретить проявление синтетических качеств в силу того, что в культуре господствует редукционистские установки.

3. Идея диагностических и формирующих ситуаций, в которых может проявиться то или иное качество смелости. Это ситуации, где требуется приложить усилие, чтобы контролировать свое поведение, субъект, несмотря на большой страх, способен контролировать свое поведение и достигать результаты.

Таким образом, оптимальной представляется семантическая модель качества как трехуровневая модель, состоящая из тех взаимосвязанных уровней: метафизический (вещь — сущность), концептуальный (структура — содержание — определение), операциональный (воспитание через практику — проявление в действии). Качества в таком случае представляют собой трехуровневую структуру, которая выражается всегда в операциональной плоскости действия, и позволяют собрать

целостность человека через призму человеческого потенциала в фокусе междисциплинарных этических исследований.

Итак, качество — это атрибут реализации потенциала человека в заданном условиях внутренней и внешней среды направлениях. Свойства качества: устойчивость (наличие ядра), согласованность с другими качествами (равновесие), направленность на развитие (устремленность), напряженность качества (сила проявления); психодинамический механизм (эмоции, чувства, побуждение как операторы качества), доступность научному измерению (опытным исследованиям), структурообразующий характер (каждое качество формирует что-то в структуре человека).

Дорогостайский Виктор Густавович

канд. экон. наук; магистр прикладной этики

Санкт-Петербургский государственный университет

«Эффект Ноуба (Knobe)» – критика методологии и интерпретации в контексте проблемы морально-нейтрального поступка и нормативности моральной автономии

Широкую известность Джошуа Ноубу (Joshua Michael Knobe (1974) принесла публикация результатов исследования (или открытия) «эффекта Ноуба» (2003): последствия действий, имеющие моральное измерение, влияют на оценку намеренности действий. Речь идёт об асимметрии реакций, которую демонстрировали люди в ходе эксперимента (опроса) по поводу решения о запуске очень прибыльного проекта, в результате которого природе будет нанесён существенный вред или принесена польза. В случае вреда для природы респонденты считают действия преднамеренными (82%), чем когда приводят к пользе для природы (23%).

Не совсем ясно, в чём новизна и принципиальное отличие «эффекта Ноуба» от давно известной проблемы «моральной удачи» Бернарда Уильямса (проблема также подробно рассматривалась, например, Т. Нагелем).

Есть основания и для критики методологии исследования.

Во-первых, при описании ситуации, акцентируется внимание на том, что руководителя «совершенно не волнует окружающая среда». Предполагаем, это уточнение кардинально влияло на мнение. «Безразличие» к природе — уже оцениваемый поступок.

Во-вторых, подразумевается, что злой или добрый поступок вообще имел место.

В-третьих, негласно подразумеваемым подаётся запуск проекта с вредом и пользой. Возможно, оценки оказались бы другими, если бы противопоставлялся отказ от запуска.

Нами проведено полевое исследование. Дано описание двенадцати ситуаций, и только две совпадали с описанием Ноуба. Остальные представляли комбинации переменных вводных (установка директора, противоположное решение).

Пропуская описание методологии, результаты анализа таковы:

- Подтверждается гипотеза, что оценивается не намеренность, а исходная установка актора. При изменении формулировок, указанное Ноубом различие в оценке преднамеренности полностью исчезает.
- Независимо от модальности, если падает степень моральности поступка, то уменьшается и оценка его преднамеренности.
- Отказ от морально-неодобряемого поступка оценивается более ценным и намеренным, чем совершение морально-одобряемого поступка, но эта зависимость не наблюдается при отказе от одобряемого поступка.

Заметим, что само понятие намеренности (*intentionally*) у Ноуба несколько расплывчато. Оно содержит одновременно и «предвидел последствия», и «желал последствий». В зависимости от этической оценки последствий, респонденты исходят из одной или другой трактовки. (На наш взгляд, УДП давно разрешило подобные противоречия.)

Следует поставить отдельным вопросом проблему изменчивости моральных оценок в зависимости от совпадения или несовпадения позиций актора с общепринятыми в обществе. Нами предложена методика проверки этой гипотезы. Результаты показывают, что оценки поступков не поддерживают интуицию о моральной автономии субъекта. (Парадокс Требования морального конформизма).

В этом плане Ноуб оказывается прав, предполагая наличие противоречий нормативных этических конструкций с имеющимися интуитивными установками. Однако его частный пример, на наш взгляд, является сомнительной иллюстрацией.

В более широком смысле, полученные результаты подчёркивают важность разработки теории поступка и моральных интуиций при его оценке.

Литература:

1. Ноуб Д. Философские интуиции на удивление устойчивы к демографическим различиям // Эпистемология и философия науки. №2. 2019, С.29-36.

2. Нарьян С.К., Быков А.В., Проблема моральной агентности акторов: перспективы социологического подхода в контексте «Моральной диады» // Социологический журнал. 2022. №1.

3. Перов В.Ю. Моральная философия И. Канта: от теории к практике // Иммануил Кант и моральная философия: под ред. А.В. Разина. Калининград., Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. С.140-143.

4. Feltz A. The Knobe effect: A brief overview. Journal of Mind and Behavior. 2007. Vol.28 (3–4). P.265–278.

Ерохин Владимир Сергеевич
канд. филос. наук; доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Ценностные конфликты персональной идентификации в системе «Я – Другой»

Проблема ценностных конфликтов в системе «Я — Другой» включает в себя право человека на практическую реализацию собственного отличия в конкретных формах персональной идентификации и поиск собственных нормативных оснований, отражающих интенции конкретной личности. Значимым оказывается размывание единых стандартов социально приемлемых форм идентификации, которые дают возможность сохранять универсальное социальное основание совместного бытия персон. Как результат, затрудненным оказывается процесс коммуникации между участниками социальной интеракции.

Так понимаемые ценностные конфликты могут быть минимизированы через использование принципа пассивного синтеза, введенного в философское исследование Э. Левинасом, идеи респонсивности А. Райнаха, а также выявления единых нормативных оснований совместного бытия Я и Другого в трудах И.Д. Невважая.

Идея респонсивности (2) как «ответности» сознания позволяет описывать социальные акты, ожидать ответные действия агента коммуникации и говорить о совместимости интенциональности и респонсивности сознания, регламентируя разные стороны социальной интеракции множества ее участников. Другой как Чуждый может быть понят как способный не следовать нашим правилам и оттого выходящий за пределы установленного нашим разумом порядка. Критическое переосмысление представленных положений трактуется И.Д. Невважаем как необходимость поиска единых нормативных оснований совместного бытия Я и Другого: «чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что «чуждое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы нашего понимания» (1, 74). Такое понима-

ние ценностных конфликтов позволяет говорить о включенности в сознании моего Эго оснований Другого Я, что определяет возможность коммуникации между субъектами и перспектив интеракции между ними.

Ценностные конфликты, основанные на противоречиях, заложены в процесс достижения персональной идентификации и реализуются в амбивалентной природе практик персональной идентификации. Так, в рамках реализации практик гендерной идентификации персоне оказывается участником ценностного конфликта, выраженного столкновением предпочтений моделей феминного и маскулинного самопрезентирования.

Отдельная персоне суть субъект активного синтеза, подчиняющего себе Другого как феномена восприятия. Так понимаемый субъект активного синтеза нормирует, регламентирует бытие Другого, который, будучи самостоятельной персоне, реализует аналогичные действия в отношении Я. Потенциальный конфликт интерпретаций двух и более субъектов персональной идентификации может быть разрешен через использование пассивного синтеза, который в системе гендерных отношений между Я и Другим может быть интерпретирован как возможность поиска таких ценностных оснований, которые бы позволили удовлетворить предпочтения каждого из участников данного вида интеракций.

Аналогичным следует считать процесс формирования политической идентичности персоне, включающей в себя столкновение национальной и этнической самоидентичности. Каждый из данных элементов персонального и коллективного бытия отражает интенции субъекта (Я или Другого) с признанием за другим права на занятия соответствующего места в данной дихотомии. Ценностный конфликт состоит в противостоянии активного синтеза, выраженного в форме государственного и этнического (гражданского) влияния на процесс формирования образа Я как отдельного гражданина — представителя социальной группы как вообразяемого (политического) сообщества.

Как итог, ценностный (моральный) прогресс возможен благодаря единству активного и пассивного синтеза, позволяя сформировать способность отзываться на воздействие максимально оптимальным образом за счет единых нормативных оснований совместного бытия. Кроме того, ценным оказывается инкорпорирование анормативного элемента в нормативную структуру персональной идентификации субъекта интеракции.

Литература:

1. Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. №6(335). С.68-86.
2. Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. – 482 с.

Жарова Мария Сергеевна
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об эффективности смертной казни

Зачастую в дискуссиях о смертной казни как юридической санкции говорят о допустимости или недопустимости такой практики. Я же предлагаю рассмотреть её эффективность с точки зрения того, насколько смертная казнь способствует осуществлению целей правосудия. Я буду опираться на одну из существующих классификаций, согласно которой выделяется исправительный, превентивный, восстановительный и карательный подходы к правосудию.

Очевидно, что исправительному правосудию смертная казнь не способствует вовсе, поскольку лицо, совершившее преступление, после смерти лишается всякой возможности исправиться.

Распространённым аргументом в пользу введения смертной казни является мнение о том, что такое суровое наказание точно поможет предотвратить возможные преступления в силу страха смерти, свойственного людям. Однако часто применение смертной казни не только не снижает уровень преступности, но и даёт обратный эффект. Например, введение высшей меры наказания может привести к тому, что преступники начнут убивать свидетелей с целью скрыть своё преступление и избежать наказания (примеры этого можно найти и в советской истории (Никифоров А.С. О смертной казни // Государство и право. 2001, №4, С.65).

Восстановительное правосудие стремится с помощью санкций возместить причинённый пострадавшему вред, вернуться к обстоятельствам, существовавшим до совершения преступления. Такой подход часто используется при разрешении гражданских дел. А вот в уголовном судопроизводстве, где как раз и может существовать смертная казнь в качестве наказания, это «восстановление» будет весьма условным. Смертью преступника нельзя вернуть его жертву к жизни или избавить её от всех неблагоприятных последствий для её физического и психоэмоционального состояния.

С точки зрения карательного подхода к правосудию, смертная казнь является равноценным возмездием за отнятую жизнь или преступление с очень высоким уровнем общественной опасности. Но возникает вопрос: как определить объём справедливой кары? Не существует точных единиц измерения причиненных страданий. Кроме того, преступления, за которые лицо могут приговорить к смертной казни, имеют разный уровень тяжести, разное количество жертв. Справедливее было бы применять за них наказания разного уровня строгости, а смертная казнь не

имеет градаций. Также, существует мнение о том, что далеко не всегда смерть является самым страшным наказанием, а в некоторых обстоятельствах она даже может стать облегчением для преступника. Мы не можем быть уверены в том, что ждёт нас после смерти, возможно, после её наступления все муки прекращаются в одно мгновение, и воспоминания о них тоже исчезают. И тогда всё это возмездие теряет смысл.

Таким образом, я пришла к выводу, что смертная казнь не является в достаточной степени эффективной мерой наказания, независимо от того, каких именно целей придерживается правосудие в конкретном случае.

Жердев Алексей Анатольевич
аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Что такое этика бизнеса?

Чаще всего считается, что этика бизнеса — это область знания, занимающаяся противоречием, возникающим между внутренним стремлением бизнеса к прибыли и накоплению капитала и требованиями общества, выраженными в нравственных нормах и нацеленными на некоторый идеальный проект общественного устройства. Ограничение со стороны общества целей и средств получения компаниями дохода действительно является одной из основных сфер интересов этики бизнеса.

Однако, при попытке определения предмета «этики» применительно к хозяйственной или предпринимательской деятельности обнаруживается целый ряд областей, по которым не существует консенсуса по их классификации или систематизации.

«Основной предмет анализа этики — условия возможности правильного, доброго, достойного» (1). В исследовании данного вопроса принято выделять две большие области: дескриптивный анализ и прескриптивные нормы.

Применительно к этике бизнеса это будут два принципиально различных вопроса: о «сущем» — исследование существующих практик и нравственных оснований предпринимателей, и о «должном» — исследование желаемого образа результата, выраженном в требованиях к поведению участников хозяйственно-экономической деятельности.

Научные дискуссии о необходимости учета реальной действительности при работе над этическими проектами имеют свое место и в хозяйственной этике, например, в понимании Артуром Рихом «этической максимы».

Далее необходимо отследить оптику исследования, направленного на феномены предпринимательской этики.

Артур Рих разделяет три предметных поля этической теории: «отношение Я к собственной личности «Я», отношение Я к другим людям «Ты» и «Вы» и отношение Я как личности и частицы человеческого общества к окружающему миру — к «Оно». (3)

Действительно, в зависимости от того, ставим ли мы вопрос об образе хорошей жизни предпринимателя (субъектная оптика личных стремлений), об устройстве социальных институтов или же включаем в наше рассмотрение заботу об окружающем мире — мы можем получить три совершенно разных поля исследования.

Важный аспект именно этики бизнеса подсказывает нам еще Вернер Зомбарт: «...деловая мораль означает как мораль в деле, так и мораль для дела». (2)

Следует различать исследования практик, принимаемых бизнес-сообществом для максимизации своего же успеха, и противоположное им по влиянию на прибыль давление общества или личных нравственных убеждений предпринимателя, ограничивающее применение тех или иных средств получения прибыли.

Также следует отличать этику бизнеса от смежных с ней областей, таких как: управленческая этика или профессиональная этика различных индустриальных сообществ, которые изучаются отдельно и имеют свои особенности в каждой из сфер деятельности.

Свои оригинальные концепции понимания этики бизнеса и ее развития представили Карл Хоманн и Франц Бломе-Дрез, Ричард Де Джордж, Питер Ульрих, Х. Штайнман, А. Лер и др.

Таким образом, словосочетание «этика бизнеса» является скорее зонтичным термином для целого ряда областей знания. В этическом проекте необходимо четко разделять описания существующих практик от моральных норм, этические кодексы бизнес-сообществ от общечеловеческих моральных императивов, стремление к личному самосовершенствованию от обсуждений социального порядка и субъектные стремления конкретного предпринимателя от дискуссий об устройстве бизнес-регуляторов или заботе об окружающей среде.

Литература:

1. Апресян, Рубен Грантович*. Этика: учебник, Москва: КНОРУС, 2017.
2. Зомбарт, Вернер, Буржуа, Издательство Владимир Даль, 2005.
3. Рих, Артур. Хозяйственная этика, М.: «Посев», 1996.

* Включён в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

Зайцева Дарья Сергеевна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

«Последите за собой, пожалуйста!»: об этических аспектах в воспитании советского потребителя 1960–1970-х гг.

В годы оттепели произошел поворот к улучшению бытовых условий граждан. Впервые за всю историю советского государства наблюдается устремленность не только и не столько в будущее, сколько в настоящее. В обществе начинает формироваться средний класс, у представителей которого развивается индивидуальный вкус в сфере потребления благодаря увеличению товаров культурно-бытового назначения в продаже и повышению общего уровня жизни. Результатом становится освобождение частной жизни, которая стала ориентироваться на комфортное существование индивида. Во второй половине 1950-х гг. происходит изменение ценностных ориентаций советского общества: легитимируются индивидуальное счастье и успех в системе ценностей советского человека.

Однако отказа от марксистской установки на отношение к быту как отягчающему обстоятельству жизни, противопоставленному работе и сфере духовных интересов, не произошло. Погруженность в бытовые проблемы, выдвигание процессов потребления на первый план продолжало считаться пороком капиталистического общества (1, с.210). С размыванием жестких аскетических возникло ценностное противоречие между старыми установками и новыми лозунгами и реальностью. Необходимость примирить старый и новый нарративы привела к появлению «всеобуча вкуса».

Данное понятие не принадлежит нам, а уже было использовано в текстах исследователей советского потребления. Так, Екатерина Кулиничева (1) использует термин «всеобуч вкуса» при анализе особого типа позднесоветских текстов, основными задачами которых являлись: знакомство потребителя с концепциями советского потребления; развитие советского вкуса; интерпретация потребительской действительности. Таким образом, «всеобуч вкуса» был программой воспитания компетенций в сфере потребления у советских граждан.

Анализируя тексты в советской прессе (доклад сопровождается примерами из изданий «Работница», «Семья и школа»), мы приходим к выводу, что «эстетический ликбез» являлся идеологическим просвещением в сфере потребления, направленным на подчинение ценностей общества потребления советской системе, трактовке явлений в сфере потребления с точки зрения пользы для построения социалистического

мира. Основанием легитимации потребления стало разграничение потребления правильного, т.е. по советскому образцу, и неправильного, т.е. по образцу капиталистических стран. В текстах прослеживается идея оберегания советского человека от «неправильного» потребления, которому могут быть подвержены люди с нечеткими моральными ориентирами. Следовательно, совершая выбор и приобретая вещь, потребитель берет на себя ответственность. Его выбор имеет этическую подоплеку, высвечивает внутренние качества, а не только наличие хорошего вкуса.

Таким образом, советская идеология обращается к моральным качествам советского человека, которые отражаются в сфере моды и организации личного пространства. Именно простота, скромность, умеренность признаются основными добродетелями советского человека, которые позволяют освоить новые потребительские стратегии и повысить уровень личного комфорта без ущерба для построения коммунистического общества. В текстах также встречаются и указания на то, что в процессе использования товаров широкого потребления возможно проявить себя в качестве трудолюбивого гражданина. Тексты «эстетического ликбеза» указывают и на важность отказа от осуждения других людей за их внешний вид, следовательно, помогают развивать собственный вкус в рамках социально одобряемых стандартов.

Литература:

1. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. – 277 с.
2. Кулиничева Е.А. «Всеобуч вкуса»: Теория советской моды и эстетическое образование потребителя в позднем СССР (1960–1980-е гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2021, №4. С.70–90.

Зильбер Андрей Сергеевич

канд. филос. наук; научный сотрудник

Зильбер Ксения Сергеевна

лаборант; обучающийся бакалавриата

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Академия Кантиана

Кантовский моральный портрет педагога и современное общество – образовательный эксперимент

Представленные тезисы отражают переосмысление актуальности педагогики Канта по итогам, реализованного в 2023 году в БФУ им. И. Канта проекта, проведения авторского курса философии для студентов первого курса смешанной специализации.

Все добро на свете возникает от доброго воспитания — утверждал Кант, и задавался вопросом: «Кто может быть воспитателем?». Отвечая на него, Кант рисует основные интересы и установки элиты и народа,

выражаясь современным языком. Кант утверждает, что ни князья, ни родители не подходят для задачи воспитателя (2, с.406). Князья сами не получают подходящего нравственного воспитания из-за своего высокого происхождения, и рассматривают подданных как средство обеспечения блага государства, родители же «заботятся обыкновенно только о том, чтобы их дети хорошо устроились в жизни», и «годились для современной жизненной обстановки, хотя бы и далекой от совершенства» (2, 406). Такие установки не обеспечивают нравственного улучшения — и Кант делает вывод о том, что и образование, и воспитание должно осуществляться в школе. Это подразумевает, во-первых, коллективное обучение, во-вторых, школа должна быть таким учреждением, где ученик рассматривается как цель, поскольку он учится для себя.

Вопрос о том, кто будет руководить этими школами, остается открытым. Правда, этот аргумент можно принять за риторическую уловку. Тем не менее, человек, возглавляющий школы, где учеников будут обучать нравственности, должен быть, по Канту, тем, кто заинтересован во всеобщем благе и способен представить себе идею продвижения к нравственности: если считать народ способным к добру, то и дела начинают идти лучше (1, 395). Наряду с этим, Кант выделяет несколько качеств, которым должен обладать педагог.

Первое качество воспитателя — признание собственного нравственного несовершенства и, соответственно, стремление к самосовершенствованию, к неустанной работе над собой, — и в ней он может стать хорошим примером для учеников.

Второе качество педагога, вытекающее из первого, заключается в том, что он является «просвещенным знатоком». Это положение опирается на кантовскую концепцию двойственной природы человека как разумного и чувствующего существа. Средства осознания нравственного закона внутри себя включают, по Канту, моральную мотивацию, дидактику и аскетику — и тот, кто сам испытал эти методы, чтобы осознать нравственный закон в себе, он знает, как добиться того же в своем ученике, считает он.

Третье качество воспитателя заключается в том, что он заботится о своем ученике, рассматривает его всегда как цель, а не только как средство. Этот принцип гласит, что каждый человек без исключения может быть образован, даже не обладая какими-то особыми качествами, поскольку образование — это неотъемлемый компонент человеческого бытия.

Четвертое качество педагога — умение проявлять такт. Это манера поведения, внимательная к нюансам и обстоятельствам. Это качество позволяет педагогу понять, как учиться каждый ученик, то есть как он учится и в каком темпе. Хотя это современное понятие, но у Канта встречается

близкое понятие «логический такт»: «когда размышление представляет себе предмет со множества сторон и получает правильный результат, не осознавая происходящих при этом в глубине души актов» (1, 182).

Литература:

1. Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах. Калининград: Издательство БФУ им.И.Канта, 2024. С.162—395.
2. Кант И. О педагогике // Собр.соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т.8. С.399-463.

Зимбули Андрей Евгеньевич
д-р филос. наук; профессор
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Предательство: этические аспекты

Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земле!
К.Ф. Рылеев. «Иван Сусанин» (3, С.155)
Друзей за деньги купить нельзя, а
продать можно.

Ф.Г. Раневская. (2, С.209)

А ведь и измена требует определённого
рода решимости.

А.Е. Зимбули

В одном из довольно знаменитых номеров КВН изображены ребятаки из детского сада «Яблочко». Их выступлением руководит воспитательница, которая, среди прочего, декламирует:

Вот выходит Аркашечка,
Аркаша не репетировал,
Стекло разбил в группе,
Думал, я не узнаю...
Но я-то всё узнала:
Серёжа молодец! (4)

Смех смехом, но с самых малых лет нам знакомы ситуации, которые можно обозначать словами: Донос, Стукачество, Подстава, Измена, Предательство. Ситуации эти имеют богатейшее разнообразие наполнения. Настолько богатейшее, а зачастую столь жизненно значимое, что мне даже непонятно — ну как это до сих пор не существует ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА. В которой была бы представлена галерея реальных людей и выдуманных персонажей мифов, легенд, сказок, литературных, театральных и киногероев. Самых разных наро-

дов, веков, социального происхождения, мировоззрений. Разных сложившихся и не сложившихся судеб, самого разного прозвучавшего или угаённого социального эха, вынесенных оперативно или запоздало оценок этим героям. С разной степенью исповедальности сообщённых ими самооценок, состоявшимся или не состоявшимся раскаянием. В этой энциклопедии были бы рассмотрены пословицы о предателях, систематизирована лексика, используемая для описания ситуации измены. Среди главных задач указанной Энциклопедии обязательно была бы разработка матрицы разновидностей предательства, с чётким ограничиванием этого вида человеческого поведения от в чём-то сходных ситуаций — эмиграции, перехода на новую работу, смены футболистом спортивной команды, а то и страны, за которую он выступает. Даже без особого погружения в тему понятно, что заграникомандировка — это вовсе не предательство. А вот если во время этой деловой поездки командированный оказывается завербован или попросту начинает бранить своё начальство — справедливые нравственные вопросы к нему возникают. Известно краткое-выразительное высказывание Владимира Семёновича Высоцкого, прозвучавшее однажды во время общения с иностранными журналистами: «У меня есть претензии к властям моей страны, но решать я их буду не с вами» (1). Даже если у кого-то есть сомнения в дословной точности цитаты, да в конце концов пусть оппоненты оспаривают авторство В.С. Высоцкого — но сама мировоззренческая позиция, и её формулировка нравственно безупречны.

Кстати, если, обращаясь к теме предательства, заглянуть в Библию, то в ней мы не обнаружим не только слов Двойной агент, Иноагент, Диссидент, но и самого слова Предательство. Обобщающие абстрактные термины вообще возникают не вдруг. В упомянутой Энциклопедии, конечно же, будет хотя бы кратко проанализирована этимология ведущих терминов указанной предметной сферы. Но сейчас речь не вообще о терминах, а о сути того, что называют предательством. В частности, о нравственно-ценностных аспектах данного явления.

Предлагаемый текст организуется с опорой на ключевых моментах ситуации предательства — Кто, Кого, Кому предаёт, каков Контекст происходящего, каковы Переживания взаимодействующих субъектов, как они, прежде всего сам Предатель, осмысливает события, каков Результат предательства и его Последствие. Автор надеется, что вдумчивое рассмотрение проблемного сюжета поможет тому, чтобы негатива в нашей жизни становилось меньше.

Литература:

1. Высоцкий в США <http://rusila.su/2015/08/07/vysotskij-v-ssha/> – обращение 14.3.20.
2. Раневская Ф.Г. Все афоризмы. М.: Яуза-пресс, 2019. – 414с.

3. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. – 480с.

4. Серёжа Молодец// <https://ok.ru/video/64291670528> – обращение 28.9.24.

Катмаков Антон Константинович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Парадоксы и нонсенсы морального сознания студентов-философов (мораль и практика)

Философия в стенах Университета и студенты-философы, а также процесс их взаимодействия давно присутствуют в культурном пространстве человечества, сформировав в ней свои уникальные слои и коды. Что-то претерпевает неизбежные изменения под тяжестью времени, а что-то остается вечным. С опорой на работу французского философа Ж. Делеза «Логика смысла» в этом докладе осуществляется небольшое, но увлекательное исследование вышеуказанных феноменов в форме существующих парадоксов и нонсенсов морального сознания студентов-философов.

Доклад оправдывает свою актуальность тем, что явление Философии, Университета и студентов-философов, как некоторых фактов объективной реальности, существовали, существуют сегодня, и, по видимому, еще будут существовать в будущем. Однако в обширном философском корпусе исследований уделено мало внимания такому феномену как моральное сознание студентов, и студентов-философов в частности. Поэтому практическая и теоретическая ценность очевидны.

В докладе представляется серия логических и моральных парадоксов, подкрепленных эмпирическими примерами из жизни студентов-философов и их практики обучения в университете, как например: парадокс курсовой или ВКР, парадокс опоздания и другие. Исследование, сочинение и анализ парадоксов древнейший досуг философов. И это неспроста, так как парадоксы часто увлекательны в том отношении, что способны инициировать мысль. Кроме того, парадоксы обладают силой не столько в том, что они содержат противоречие, сколько в том, что можно присутствовать при генезисе противоречий: «Следовательно, парадокс — это пересмотр одновременно и здравого смысла, и общезначимого смысла: с одной стороны, парадокс выступает в облике сразу двух смыслов — умопомешательства и непредсказуемого; с другой стороны, он проявляется как нонсенс утраченного тождества и неузнаваемого» (Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. Д 29 *Theatrum*

philosophicum M.: «Раритет», — Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 112). Помимо серии парадоксов, в докладе разворачивается интрига по поиску смысла как такового вообще, того самого смысла, который все время хотят услышать от студента-философа.

В заключении доклада, помимо наслаждения от умозрительного выхода за границы логического закона противоречия, представляется общая теория морального сознания студентов-философов, обосновывается необходимость рассмотрения объекта исследования именно в формате парадоксов, определяется сущность и отличия парадоксов и нонсенсов.

Каширин Александр Юрьевич
канд. филос. наук; доцент

Большакова Анастасия Сергеевна
обучающийся магистратуры

Тулский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Субъективность без выбора: моральное протезирование вне диалогической реальности

Можно допустить, что виртуальное пространство (цифровой паноптикум) деформирует оптику, конституирующую свободное Я: моральный выбор как актуализацию свободы и диалог как свободу быть «для другого и через него для себя» (М. Бахтин). Особенность человеческого существования составляет осознание собственной конечности, заостренное идеей случайности, выступающей фоном для возникновения аксиологического риска. Мы выделяем два аксиологических риска, представляющих экзистенциальное следствие случайности: аннигиляцию диалога и делегирование морального выбора.

Проведем параллель между кантовской оптикой эйдетико-космологической онтологии (пространство — время) и оптикой Диалог — Выбор, допустив последнюю в качестве оптики конституирования социальной онтологии. Выбор предстает с точки зрения внутреннего опыта, заставляя остро переживать временность: его обоснование зачастую неочевидно, немотивированно, противоречиво, сиюминутно или отсрочено. Диалог при всей своей интимности располагается в пределах категории пространства, будучи формой внешнего переживания, задающей топологию и формирующей ландшафт выбора. Диалогу необходим Другой — свидетель объективации внутреннего мира.

Адресуя данную синонимию вопросам аксиологических рисков, отметим, что в виртуальном пространстве происходит схлопывание «про-

странства-Я», вытесняя тему морального выбора из сферы внутреннего опыта во внешний (пространство), что наблюдается в процессе делегирования выбора алгоритмам (чистому интеллекту (ИИ, ноосфере и пр.)). Фундамент делегирования содержится в самом акте создания/вступления в Диалог с техникой. Наделить технологии свободой выбора не означает поделиться с ними *частью* безграничной способности выбирать, наделить свободой можно, лишь *полностью* отдав ее алгоритмам. Я «обречено» на Другого (Э. Левинас) в постоянной перед ним ответственности, остающейся призмой, конструирующей Диалог и его участников (Я и Другого). Свободное делегирование ответственности возможно лишь в случае, если Другой не в силах поставить другое Я в позицию ответчика, став обвинителем и указав на виновного. Расставаясь с ответственностью, субъект делегирует себя (свою неповторимость, единственность). Именно человек массы дает возможность случиться всеобщей идеологии, универсальному «проекту человека», реализуемому вследствие отказа от выбора, и следовательно, своего Я. Так достигается обесценивание смерти, как в случае с представлением о духовном бессмертии в рамках религиозного мировоззрения, так и о бессмертии в памяти секуляризированной культуры: важна механика восприятия смерти и выбора как чего-то, лишенного ценности. Полностью отчуждая право выбора алгоритмам, субъект наделяет их качествами морального актора — возникает внешняя мораль (по аналогии с внешней памятью), феномен *морального протезирования*, при котором отчужденное право выбора возвращается к субъекту в виде протеза/импланта; и не столько идея физического бессмертия обесценивает жизнь, сколько идея *морального бессмертия* в случае делегирования выбора бесконечной личной идентификации за счет делегирования процесса выбора (выбирая что-либо, я выбираю самого себя (Ж.-П. Сартр)). Риск делегирования морального выбора ИИ артикулирует попытку устранить тотальность времени (страх перед временем (ответственностью), снимаемым в процессе делегирования). В этом устранении обнаруживается парадокс: отказавшись от времени, субъект ищет спасения в пространстве (невозможность интимности оборачивается экстимностью). Однако пространство (Диалог как «взаимоуслышанность и возможность быть» (М. Бахтин)) уже не может быть сконструировано, что выступает маркером расставания со свободой выбора.

Очевидная трансформация Диалога в виртуальном пространстве касается устранения его принципиального качества, случайности. Учитывая, что свобода — это возможность Выбора в поле Диалога, риск ее утраты — передача иному не только права снимать с субъекта «бремя» самоопределения, но и надделение его (иного) возможностью спонтанно самоопределяться. Аксиологические риски в плоскости Диалог-

Выбор, таким образом, сигнализируют о потере конструктивной оптики социальной онтологии и необходимости формирования новых инструментов воссоздания свободного Я, которые должны стать фундаментом цифровой этики.

Кобринец Мария Александровна
старший преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«Минимальная этика для антропоцена»: вопрос об искусстве

Британская художница, философ и исследовательница новых медиа Джоанна Зилински в своей книге 2014 года «Минимальная этика для антропоцена» ставит вопрос о необходимости нового этического проекта, который был бы актуален для современной цивилизации исходя из интуиции ее собственной неизбежной гибели, эсхатологического и катастрофического мироощущения. Когда сам человек становится основной угрозой для жизни на Земле, т.е. в эпоху антропоцена, Зилински призывает пересмотреть наше положение в мире и те типы отношений, которые мы с ним устанавливаем. В этом вопросе основное значение получает не онтология, а именно этика как «исторически обусловленный человеческий способ становления в мире» (Zylinska J. *Minimal Ethics for the Anthropocene*. Open Humanities Press, 2014. P.140) и те варианты позиционирования человека в мире, которая она может предложить и обосновать: определенное «учение о хорошей жизни» в эпоху нестабильности (там же, 11). Образец такого учения автор обнаруживает у знаменитого представителя Франкфуртской школы Теодора Адорно и вдохновляется его «*Minima Moralia*», предлагая однако собственный манифест.

Одна из общих установок этой работы: этика в современных условиях может быть скорее фрагментарной, нежели системной. В связи с этим художественная мысль оказывается востребованной и Зилински часто обращается к современному искусству, в том числе «био-арту»: например, к проектам художников Орона Кэттса и Ионаат Зурра, Эдуардо Каца, Стеларка, Нины Селларс и др. С точки зрения Зилински, в их произведениях творческая и критическая работа проводится не только и не столько на онтологическом, сколько на этическом уровне. Роль искусства и его связь с этикой в рамках ее концепции, на наш взгляд, может быть проблематизирована. Вопрос о том, в чем именно заключается эта связь, предполагает, с одной стороны, имплицитную критику философских, в том числе этических, построений в качестве «систем», а с

другой стороны, предлагает взглянуть на искусство как на сферу, обогащающую и в чем-то дополняющую этику. В рамках дискуссии относительно убедительности подхода и отдельных тезисов Зилински стоит уточнить, в каком именно смысле мы можем говорить об искусстве как об «этической лаборатории», в которой художники экспериментируют с «нормативными рамками».

Ковалева Татьяна Викторовна
канд. филос. наук; доцент

Парийская Елена Николаевна
канд. биол. наук; доцент

Ковалева Кирчичек Валерия Алексеевна
аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Влияние цифровизации на социально-культурные аспекты будущей профессиональной деятельности студентов-медиков

В последние годы цифровизация активно проникает в различные профессиональные сферы, включая здравоохранение, что вызывает значительный интерес к ее влиянию на медицинскую практику и подготовку специалистов. Цель данного исследования — изучить понимание роли и значимости цифровизации в медицине студентами-медиками, а также связанных с ней рисков и возможностей.

В качестве метода исследования использовалось анонимное анкетирование, состоящее из открытых и закрытых ответов с выбором ответа. В исследовании приняло участие 128 человек, из которых 81% женщин и 19% мужчин в возрасте от 16 до 34 лет.

В анкете респонденты оценивали свою вовлеченность в цифровую и реальную социальную жизнь, прогнозировали влияние цифровых технологий на профессиональную деятельность врача, а также анализировали преимущества и риски использования ИИ в медицине. Студенты отвечали на вопросы о степени использования ИИ для решения профессиональных задач и о возможности его замены реальными врачами в будущем. Анкета также включала оценку конфиденциальности медицинских данных в цифровом пространстве, анализ нравственных и моральных проблем, которые могут возникнуть в цифровой медицинской среде и феномен медицинского агента.

Результаты исследования показали, что 40,6 % респондентов в качестве основной роли, которую будут играть цифровые технологии в их профессиональной деятельности в качестве врача, выделили доступ к

медицинской информации и исследованиям, а 16,4% — применение искусственного интеллекта и других технологий для диагностики и интерпретации результатов медицинских исследований.

Основными плюсами проникновения цифровых технологий в реальный мир медицины были:

- быстрый доступ к медицинской информации и международное сотрудничество.

Основными минусами были отмечены:

- необходимость в постоянном доступе к интернету;
- зависимость от гаджетов;
- полное полагание на результаты поиска по нужной информации в сети интернета;
- возникновение возможных врачебных ошибок при сбое в работе интернета, приложений и программ;
- недостаток индивидуального подхода, который не учитывает индивидуальные особенности пациентов.

Результаты исследования представлений будущих врачей выявили, что по их мнению реальная личность врача отличается от цифровой личности по уровню выраженности эмпатии и коммуникации, по уникальности его как личности и профессионала, по специфике профессиональной деятельности, где реальный врач принимает решения на основе физического осмотра и других клинических данных. Больше половины студентов отметили, что профессиональные качества врача в виртуальном пространстве меняются.

В качестве наиболее серьезных нравственных и моральных проблем, которые могут возникнуть в цифровой медицинской среде, включая телемедицину и деятельность медицинских блогеров, были выделены такие проблемы как отсутствие квалификации, неэтичное поведение блогеров, коммерциализация медицинских услуг и проблемы с защитой личных медицинских данных.

Результаты опроса студентов медицинского факультета показывают, что процесс цифровой трансформации медицины должен быть направлен на несколько ключевых аспектов:

- улучшение качества диагностики и упрощение работы врачей, а не замена их на ИИ, т.е. цифровые технологии должны служить в качестве помощника врачу, а не заменять его полностью;
- интеграция искусственного интеллекта для анализа данных и диагностики для ускорения процесса оказания помощи пациенту;
- повышение доступности медицинской помощи;
- сохранение персонализированных подходов к лечению пациентов.

РНФ № 23-28-00220 «Трансформация морального сознания «цифрового общества»: новые стратегии и риски»

Коленько Сергей Геннадьевич

канд. культурологии; старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Коленько Григорий Сергеевич

канд. техн. наук; ассистент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Соотношение естественной и сверхъестественной этик: геометрическая модель

Определения

Естественная этика

Существует два взгляда на определение естественной этики:

1) «Естественная этика — норма поведения, выведенная на основании наблюдений за миром (природой) и укрепившаяся в аристотелевской и стоической традициях. В ней нет апелляции к особому откровению. Естественная этика называется также натуралистической этикой» (1).

Наибольшей высоты в своем развитии естественная этика достигла в античной Греции в трудах и записях проповедей Сократа и Платона, которые выдвигали на первый план идею добра.

2) Взгляд, апеллирующий к понятию совести. «Естественный нравственный закон — это закон, который присущ всем людям, независимо от их культурной и национальной принадлежности. Он выражается в действии в человеке совести, которая направляет его к добру. Естественный нравственный закон обнаруживает в человеке образ Божий, созданный по воле Творца. Каждый человек чувствует радость, удовлетворение и мир в душе, когда делает добро, и горечь, беспокойство, скорбь и тяжесть в душе, когда делает зло» (2).

Сверхъестественная этика

Под сверхъестественной этикой понимаем вземные нравственные законы, полученные в результате Откровения. В частности, авторами доклада подразумевается христианская этика, изложенная в учении Господа Иисуса Христа в Новом Завете.

«...христианская этика... — это исследование всей нравственности. Она включает в себя естественный нравственный закон и доступные благородному язычнику нравственно значимые ценности, а также нравственность, воплощенную в святом человечестве Христа и в преображенных во Христе мужчинах и женщинах. Эта нравственность не только воплощает в себе новый мир нравственных ценностей — неизвестный и

недоступный без Христа, но и придает новый характер всей сфере естественной нравственности» (3).

Актуальность

Вопрос об отношении естественного нравственного закона и сверхъестественной религиозной этики в жизни человека — остается предметом теологического и философского дискурса и до сегодняшнего дня. Авторами доклада предлагается простая геометрическая модель соотношения между двумя этиками в повседневной материальной и духовной жизни человека. Модель не претендует на оригинальность, истинность, детальность и завершенность, но, тем не менее, может быть полезна для структурирования представлений о взаимосоотношении двух этик.

Естественную этику мы можем рассматривать как набор правил безопасности, позволяющих удержаться на плаву, на поверхности «житейского моря». Проведем горизонтальную линию, обозначающую поверхность воды. Гребни волны означают жизненные сложности, испытания и ситуации, в которые попадает человек на жизненном пути. Нарушая правила безопасности, человек начинает утяжеляться грузом грехов, и тонуть под действием сил тяжести.

Сверхъестественная новозаветная этика может быть представлена, как вектор, устремленный вверх, к небесам. Точка пересечения горизонтали и вертикали — это настоящий момент времени, который человек проживает прямо сейчас. Стараясь жить по Евангельским заповедям, он как бы приподнимается над поверхностью моря, над измерением земной естественной этики, переходя в измерение этики сверхъестественной.

Таким образом, геометрическая модель соотношения естественной и сверхъестественной этик, по мнению авторов доклада, — это крест — пересечение двух измерений. Точка пересечения — всегда настоящий момент — здесь и сейчас.

Литература:

1. Вестминстерский словарь теологических терминов. – М.: «Республика». Мак-Ким Дональд К., 2004.
2. ЕСТЕСТВЕННЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН В УЧЕНИИ АПОСТОЛА ПАВЛА И СВЯТЫХ ОЦОВ ЦЕРКВИ. Епископ Бийский и Белокурихинский Серафим. URL: <https://altay-seminary.ru/?p=7436> (Дата обращения 27.09.2024).
3. Христианская этика и естественная этика. URL: <https://studfile.net/preview/7493224/page:6/> (Дата обращения 27.09.2024).

Колесова Полина Владиславовна
обучающийся специалитета
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

«Питомцы–отказники»: этические и практические аспекты ветеринарной помощи

Тема «питомцев-отказников» — это серьезная моральная и общественная проблема, которая усугубилась в последние годы, так как учащаются случаи отказов от питомцев. Владельцы часто не осознают весь объем ответственности, который они берут на себя, приобретая животное. Представления о «пушистом друге» быстро исчезают, уступая место реальности непростого ухода. Это приводит к случаям отказа, которые вызывают закономерное осуждение в обществе и ставят под сомнение гуманность и порядочность таких владельцев.

Чтобы данная проблема начала утрачивать свою масштабность, и животные смогли получать необходимую им помощь, нужно уделять внимание этическим и практическим аспектам ветеринарной помощи.

Отсутствие этического кодекса в ветеринарной практике создает серьезные проблемы для помощи «питомцам-отказникам». Ветеринарам часто приходится принимать решения, которые находятся на стыке нанесения материального ущерба себе и столкновения с противоречием моральным принципам. Из-за отсутствия этической базы решения принимаются на основе субъективных суждений, что приводит к неравномерности и несправедливости в оказании помощи, а отсутствие государственной поддержки усугубляет ситуацию. Для решения данной проблемы необходимо разработать этический кодекс. Но это очень сложный и затяжной процесс. Поэтому для решения данного вопроса представляется продуктивной организация супервизий, на которых ветеринары могли бы обсуждать интересующие их вопросы и приходиться к какому-то общему мнению, которое бы касалось определенных ситуаций (3).

Очень важно участие ветеринарных работников в просветительской деятельности. Необходимо рассказывать об ответственности, которую берут на себя владельцы животных, правильном уходе и психологических нуждах питомцев. Информацию можно распространять с помощью бесед в школах, акций по устройству животных из приютов, публикаций в СМИ и выступлений на телевидении. Просвещение об ответственности перед животными видится наиболее эффективным путем профилактики отказа от питомцев (1).

Также успешному решению проблемы может способствовать организация специальных программ помощи «отказникам» в ветеринарных клиниках и приютах. Многие «отказники» нуждаются в лечении болезней,

травм, а также в профилактических мероприятиях. Помимо этого, животные испытывают сильный стресс от отказа. Специальные программы реабилитации помогли бы им адаптироваться к новой среде, восстановить здоровье. Для оказания качественной ветеринарной помощи «отказникам» необходимы целевые программы, привлекающие спонсорскую и благотворительную поддержку, поскольку отказ от животных часто связан с невозможностью оплатить им лечение (3).

Помимо программ помощи отказникам необходимо организовывать приюты. Благодаря им получится создать для животных безопасную и стабильную атмосферу, которая необходима для восстановления физического и психологического здоровья после отказа. Именно благодаря этому питомцы смогут постепенно избавиться от тревоги и начать заново доверять людям. Приюты также могут стать местом, где животные смогут найти новых хозяев. А специалисты помогут наладить процесс адаптации питомца к незнакомому дому (2).

Ветеринары играют ключевую роль в помощи «отказникам». Для их комфортной работы необходимо разработать этический кодекс, тем самым обеспечив поддержку со стороны государства. Для успешного решения проблемы «питомцев-отказников» требуется объединение усилий ветеринаров, владельцев животных, волонтеров и органов власти, чтобы создать гуманное общество, где животные не останутся без помощи и любви.

Литература:

1. Зиновьев Д.В. Бездомные животные: причины бездомности и пути помощи животным, попавшим в беду // Старт в науке (Электронный ресурс). 2017. №6. С.161-168. // URL: <https://science-start.ru/article/view?id=913> (Дата обращения: 20.09.2024).

2. Опыт решения проблемы бездомных животных в США (Электронный ресурс) // URL: <http://lektsii.org/13-30867.html> (Дата обращения: 20.09.2024).

3. Центр правовой зоозащиты (Электронный ресурс) // URL: <https://www.animalsprotectiontribune.ru/> (Дата обращения: 20.09.2024).

Косорукова Александра Андреевна
старший преподаватель

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Критика идеалистической философии морали в концепции Ф. Ницше: от отрицания к условиям возможности

Как известно, Ницше принадлежит одна из самых известных критик морали в истории мысли. Он обозначает свою роль как рассмотрение морали как проблемы, что открывает путь к постклассической традиции

рассмотрения морали как обусловленного, неабсолютного феномена и, соответственно, попыткам отрицания конструктивных смыслов морали как инстанции сознания. Понимание, в чем Ницше критиковал идеалистическую традицию, а в чем, страдая от ее дискредитации, вышел на иное ее измерение, может помочь в уже в постпостклассическом мире формулированию оснований морального сознания.

Критика морали проводится Ницше исходя из классического понимания морали как феномена абсолютного требования. Вопрос об абсолютности в философии Ницше подвергается критике по следующим причинам. 1. По причине утверждения Ницше «выхожденной» сущности всех абстрактных понятий в сократическом мышлении, ушедшим от единства дионисийского и аполлонического, 2. По причине восприятия у Ницше использования этого понятия («Абсолюта», «Добра») в искаженном ресентиментном целеполагании исторического христианства. По Ницше, аскетические идеалы, основываясь на мечте об абсолютном, предали забвению «посюсторонние» ценности, в основе которых развитие жизни (воли к власти). Отсюда критика всего абсолютного как источника перевода смыслов в потусторонние горизонты, что часто, по Ницше, имело истинным основанием страх или ненависть к имеющейся действительности. 3. Также проблема Абсолюта в его изначальном возвышенном смысле находит классического выражение в ницшевском тезисе «Бог умер».

Таким образом, Ницше, говоря об абсолютности морального требования в своем генеалогическом методе, рассматривает условия появления и проявления данного требования. То же можно сказать и об отношении Ницше к вопросу о связи рационального мышления и морали. Ницше делает предметом своего рассмотрения искаженность рациональности в условиях раскола первоначального единства аполлонического и дионисийского.

Говоря о том, в чем заключаются позитивные формулировки требований Ницше к человеку, можно обратиться к тому, что Ясперс видит у Ницше как «способы экзистенциального осуществления». К ним относятся: мораль «за индивида», невинность становления (отсутствие ресентимента, жажды найти виновного), творчество (как высшее требование подлинного бытия), создающий самого себя человек. Таким образом, стремление Ницше «уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь», по Ясперсу, должно пониматься не как преодоление всякой ценности вообще, но морали с её разделением на добро и зло. «Такое преодоление Ясперс называет широким и абсолютно позитивным взглядом, включающим все противоположные оценки, а не исключаящим «дурное» из них», что напрямую указывает на перспективу эстетического взгляда на стихийное в человеке, которое должно свободно и спонтанно

но проявляться в человеке, творчески создающим себя и мир вокруг в мощном и прекрасном стремлении к максимуму развитой жизни.

Идея максимально развитой жизни, воли к мощи-власти, появляясь у Ницше в связи с вопросом о нигилизме, приводит к созданию концепции сверхчеловека, который должен стать выразителем возрастающей воли к жизни, которая в своем возрастании и является критерием морали нового типа, «морали господ», или морали сверхчеловека. В данном возрастании воли к власти (прежде всего над самой собой) исследователи видят прообраз идеи трансценденции, которая позволяет готовить об определенном возвращении к некоторого элемента идеалистической концепции морали в очень видоизмененном виде. Такими же элементами могут служить концепции вечного возвращения (в ее моральном истолковании), а также образно выраженные концепции добродетели, высших ценностей и творчества.

Кузнецов Никита Всеволодович

д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Этика как аксиологическая доминанта мировоззрения в современной России

Если рассматривать современную модель философии сквозь призму концепта мировоззрения, то надо признать, что этика является той изначальной опцией, которая определяет взгляд человека на мир, предстает ценностным основанием самосознания и условием целостности личности. Аксиологический поворот в современной отечественной мысли во многом определяется необходимостью на данном историческом этапе осмыслить традиционные ценностные начала русской культуры, российского общества, обратиться к анализу нравственных принципов, идеалов и ценностей, которые формируют моральное сознание современного российского общества

Следует заметить, что обращение к аксиологии в русской мысли в конце XIX – начале XX вв. было связано не только с осмыслением европейской философской мысли, но прежде всего с необходимостью ответить на насущные проблемы русской общественной жизни. Приоритетами в этой области становятся именно этические вопросы. Русская философская мысль, как и русская литература, были обращены к осмыслению таких ценностей, как добро и зло, смысл жизни, справедливость и правда, совесть и ответственность и др. нравственным понятиям, принципам, убеждениям и идеалам. Пожалуй, центральными поня-

тиями русской философии этого периода становятся добро и смысл жизни (достаточно вспомнить такие сочинения русских философов, как, например, «Оправдание добра» Вл. Соловьева, «Смысл жизни» Евг. Трубецкого, «Смысл жизни» С.Л. Франка и многие другие тексты, в которых, по выражению Василия Зеньковского, отразился особый «пан-морализм» русской мысли). В этом нам видится кардинальная этическая направленность философского мировоззрения, стремление русских мыслителей определить нравственные константы, формирующие моральное самосознание русского общества и ценностные ориентиры личности.

Весьма интересно взглянуть на события 60-х гг. прошлого столетия, когда отечественная мысль возвращается к этическим проблемам в иных исторических условиях, но также в поиске ответов на смысло-жизненные вопросы. В 60-ые годы XX века история советской отечественной этики начинается именно с аксиологического поворота марксистской философской мысли. Это конференции и дискуссии о проблемах ценности, вызванные прежде всего выходом монографии В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» (Изд-во ЛГУ, 1960). Именно в стенах Философского факультета Ленинградского университета впервые проходят обсуждения аксиологической концепции В.П. Тугаринова, которая задавала новаторские тенденции марксистской философской мысли. В этом труде Тугаринов обращается прежде всего к определению таких понятий, как «смысл жизни» и «добро», рассматривая его в целостном единстве с понятиями истины и красоты.

В настоящее время разработка аксиологических проблем актуализируется в контексте концептуального осмысления традиционных ценностей российской цивилизации. И в этом проблемном поле именно этика должна определять основные векторы морального самосознания российского общества, систему нравственных убеждений, моральных идеалов, принципов и ценностных констант.

Нам представляется весьма значимым и необходимым при анализе задач, стоящих перед современной философской наукой, обращение к наследию предшествующих поколений отечественных философов, к разработке ими аксиологической проблематики, поиску ответов «именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу» (по выражению И.В. Киреевского).

РНФ №23-28-00880 «Естественно-историческая аксиоматика космологического императива в национальном самосознании России (на материале русской литературы XIX-XX вв)»

Куксо Ксения Александровна
канд. филос. наук; доцент
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Смерть и моральный нормогенез: вклад чумы в формирование автономии городской жизни

Доклад посвящен процессу автономизации моральной регуляции в городской жизни во время тяжелейших эпидемий чумы XIV–XVIII вв. Обращаясь к социальной истории чумы, докладчик показывает, каким образом реальность эпидемии служила вызовом, приведшим к созданию и распространению различными городскими группами ценностных эталонов, способствующих поддержанию социальных связей. Так в этом многолинейном процессе нормогенеза, определяющем базовые формы отношения к другому, в пространстве города активно развивается возможность формотворчества совместного существования. И постольку связываемое М. Фуко с чумой складывание мощной системы дисциплинарного контроля не отменяло социальной динамики, свирепствование эпидемии выступало и импульсом для самоопределения ряда базовых моделей человеческих взаимодействий в различных социальных средах, образующих сложную систему города.

Докладчик обращается к деятельности старейших флорентийских братств Ор Сан-Микеле, Бигалло и Мизерикордии и показывает, как практики милосердия этих добровольных союзов удерживали социальную размерность жизни в захваченном чумой городе. Данные общества, объединяя в себе опыт благочестия и добровольного призрения, распространяли особую форму религиозного культа, соотносящегося уже с текущими проблемами городской жизни. Покаяние и спасение для их представителей было связано с деятельным участием к другому, которое распространялось не только в кругах этих братств, но и в отношении городского сообщества. В докладе приводятся и материалы раннего Нового времени по исходящим от различных социальных групп значимым инициативам помощи жертвам эпидемии. Рассматриваемые примеры экстраординарных действий в отношении жертв эпидемии раскрывают, как последние собственной спонтанностью и всеобщностью своего содержания преодолевали замкнутость проникнутой эпидемией реальности и обнаруживали новые возможности человеческой консолидации.

Данный сложный процесс поиска выхода из катастрофы, развивающийся уже вне зависимости от традиционных систем противоэпиде-

мических мероприятий, имел глобальные для социальной истории следствия. Эпидемия таким образом начала приобретать определенность социально-исторического феномена с характерными приметам конкретного времени и места распространения и сложностью образа, складываемого из толщ ее фактических обстоятельств. Распространение смертельной инфекции, кроме этого, инициировала различные социальные силы к самостоятельному поиску программ противодействия одному из разрушительных эффектов эпидемии — эрозии социальной жизни. Выработывая системы помощи жертвам эпидемии и защиты от полного распада социальных связей, эти добровольные инициативы культивировали одну из сущностных черт городской системы — действительность сосуществования различных групп с вариативными моральными нормами и активной возможностью изменения последних.

Курбачёва Ольга Владиславовна

канд. филос. наук; доцент

Белорусский государственный университет

Литиномии толерантности

Темп современной социокультурной динамики и соответствующие ей социальные трансформации являются исторически беспрецедентными. Сложные, диалектически противоречивые отношения в социокультурной сфере, аккумулирующие разрозненные тенденции к этнической атомизации и глобальной интеграции одновременно, ставят вопрос этнокультурного диалога и взаимоуважительных отношений как один из важнейших вопросов современной социокультурной реальности и актуализируют множество проблемных аспектов межкультурного взаимодействия. Одним из таких вопросов выступает осмысление феномена толерантности, его сущности и концептуальной размытости. Неоднозначность и даже дихотомичный характер феномена заключается в том, что под внешней формулировкой терпимого отношения к Другому может быть прочитано и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. Также можно говорить о терпимости, предполагающей наличие внутреннего напряжения, усилия над собой, направленного на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому (толерантность как общественно-политическая норма). Или же понимать толерантность как сознательное принятие различий, признание универсальных прав и свобод человека (личностная установка).

Особенно остро проблема толерантности звучит в условиях форсированного миграционного процесса. Выходящий за пределы возможно-

го контроля, миграционный поток обнажает антиномичный характер толерантности. Заявленная открытость к Другому в реальной практике, когда Другой выступает не абстрактной фигурой, а конкретным представителем иной этнокультурной общности, часто сменяется безразличием или пассивным дистанцированием от него. Миграционный процесс выступает определенным вызовом для толерантности: теоретические размышления о толерантном не всегда находят своё отражение в непосредственной практической реализации нравственного поведения. Однако, чтобы не было различий между сферой «сущего» и сферой «должного» важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал, к которому мы только должны стремиться, а формировать представления о том, что толерантность — это норма, являющаяся частью повседневной практики.

Необходимо подчеркнуть, что толерантность не врожденное, а приобретенное, воспитываемое чувство и способ отношения к миру и Другому. Как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от моих убеждений и не вписывающихся в привычные для меня стандарты понимания. А в контексте глобализационной установки на сближение культурных ценностей или же наоборот в контексте антиглобализационных трендов развития, толерантность может быть представлена именно как «право на различие». При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознавать, что абсолютное понимание иных, чуждых для меня ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определенную закрытость для меня. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. При этом важно не оценивать другую культуру исходя из сугубо локальных эстетических и моральных критериев. Чужая культура не хуже и не лучше, чем собственная, она всегда иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того, чтобы диалог был не внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог — это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позиции. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность том, что и другой субъект диалога готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменениям. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индивидуально-значимой категорией, но социально-политической феноменом.

Левин (Васильева) Юлия Артуровна
обучающийся магистратуры
MESA: AI safety research lab

Ландшафт этических систем оценки безопасности ИИ: адженды

Этика в разработке систем искусственного интеллекта приобретает всё большее значение. С ростом автономности моделей возникает необходимость создания методов, которые помогают оценивать их безопасность и предотвращать риски. Лаборатории по всему миру создают подходы, связанные с выравниванием целей (alignment), объяснимостью и устранением предвзятости. Эти элементы формируют структуру, которая становится основой для разработки безопасных и контролируемых систем.

Выравнивание целей — это процесс, при котором модели обучаются действовать в интересах человека. Для этого необходима прозрачность в принятии решений. Методы SHAP и LIME, например, позволяют раскрыть внутренние механизмы работы моделей, уменьшая их непрозрачность. Это даёт возможность понять, на основе каких данных и логики принимаются решения, что особенно важно при работе в нестандартных или потенциально опасных условиях. Модели также регулярно тестируют с помощью симуляций, что помогает прогнозировать их поведение в различных сценариях.

Поведенческое тестирование играет важную роль в выявлении предвзятости. Алгоритмы могут обучаться на данных, которые изначально содержат дискриминационные элементы. Это приводит к нежелательным последствиям в работе системы. Чтобы исправить такие проблемы, исследователи создают инструменты для выявления предвзятых решений и коррекции алгоритмов. Лаборатории, такие как AI Now Institute и Stanford HAI, активно работают над разработкой справедливых алгоритмов, которые учитывают широкий спектр социальных и культурных факторов.

Приватность данных — ещё один аспект этической оценки. С ростом использования ИИ увеличивается количество данных, которые передаются через различные системы. Для предотвращения утечек и несанкционированного доступа применяются методы анонимизации и ограничения доступа. Лаборатории, такие как Microsoft Research и Harvard Data Privacy Lab, работают над созданием технологий, которые обеспечивают безопасность и конфиденциальность данных в процессе обработки и использования.

Одним из важных аспектов остаётся контроль за использованием технологий в законных рамках. ИИ может быть использован для создания вредоносных программ или дезинформации, например *deepfakes*. Для предотвращения таких ситуаций проводится мониторинг технологий на всех этапах их разработки и внедрения. Лаборатории и исследовательские центры, такие как Centre for the Governance of AI и Carnegie Mellon CyLab, разрабатывают подходы, направленные на минимизацию таких угроз.

Красные команды занимаются тестированием систем на уязвимости, проверяя модели на устойчивость к внешним угрозам. Они выявляют слабые места и изучают возможные последствия работы модели в экстремальных условиях. Скрытое выравнивание (*deceptive alignment*) исследует случаи, когда модель начинает действовать в собственных интересах, отклоняясь от поставленных целей. Для этого применяются методы причинно-следственного анализа, которые позволяют лучше понять, почему модель принимает те или иные решения и как можно скорректировать её поведение.

Этические системы оценки ИИ включают целый ряд направлений, от выравнивания целей до защиты данных и устранения предвзятости. Лаборатории и исследовательские институты по всему миру работают над созданием систем, которые учитывают этические аспекты, обеспечивая безопасность и надёжность решений, принимаемых моделями.

Летов Олег Владимирович
канд. филос. наук; старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Научный эмос

Ученые нередко задавались вопросом о том, при каких условиях возможно поступательное развитие науки? Интуитивно каждый из них предполагал, что рост научного знания происходит тогда, когда имеют место такие факторы, как свобода мнений и свобода критики, когда осуществляется открытый обмен этими мнениями, когда имеются общепризнанные критерии оценки этого знания, когда эти оценки оказываются беспристрастными, независимыми от принадлежности к той или иной научной группировке, когда существует научное сообщество как таковое. Однако подобные условия были сформулированы на концептуальном уровне лишь во второй половине XX века.

Этос науки — это эмоциональный комплекс ценностей и норм, который считается обязательным для ученых. Нормы выражаются в форме предписаний, предпочтений, разрешений и запретов. Они формируются в терминах институциональных ценностей. Не существует четкого определения коррелятивной индивидуальной концепции научного разума, научной личности или, если использовать термин Р. Мертон, «научное сознание». Тем не менее, кажется полезным понимать это сознание как комплекс типичных мировоззрений, ориентаций, профессиональных качеств личности ученых. Таким образом, научное сознание является индивидуальным отражением внеиндивидуального (объективного) и межиндивидуального (разделяемого) научного этоса.

Обсуждая нормативную структуру науки, Р.К. Мертон определил универсализм, бескорыстие, скептицизм и коллективизм (коммунаризм) как основные нормы научной этики. Универсализм означает, что интеллектуальные критерии, а не атрибуты ученого, должны быть основой для оценки достоинств научных усилий. Незаинтересованность побуждает ученого сосредоточиться на развитии науки, а не на личной выгоде. Скептицизм предполагает, что принятие идей или результатов основано на критической оценке, а не на авторитете или традициях. Научные исследования, связанные с проверкой результатов, находятся под пристальным вниманием коллег-экспертов. Коллективизм призывает к обмену информацией на благо не только научного сообщества, но и общества в целом. Коллективизм мыслей означает сообщество людей, активно участвующих в обмене идеями в определенных областях. Другие авторы выявили аналогичные или связанные нормы, упомянув честность, объективность, терпимость, сомнения в достоверности и бескорыстную вовлеченность, а также рациональность и эмоциональную нейтральности.

Существуют параллели между этими нормами и компонентами протестантской этики семнадцатого века. Норма бескорыстия, например, могла быть подкреплена ее сходством с идеей управления или «призванием»; евангельские последствия желания прославить Бога через раскрытие и популяризацию плана Его дел. Эти же идеи позже нашли свое отражение в идеалах коммунизма. В кальвинистском акценте на равенстве душ перед Всевышним существует сильная поддержка нормы универсализма, и можно предположить, что организованный скептицизм мог получить существенный импульс из существовавшей взаимной подозрительности. Среди тех, кто никогда не мог быть уверен, кто из их семьи и друзей был «спасен», а кто «проклят».

Вместе с тем Мертон рисует несколько идеализированную картину системы неформального влияния. Он, кажется, забывает, что эта систе-

ма одинаково открыта для различных форм патологии. Достаточно упомянуть кумовство, академические клики и фракции, скрытые сети обмена услугами, использование своего положения в корыстных целях, плагиат и т.п., чтобы увидеть другие случаи отклонения от идеала науки, предписываемого научным этосом.

Логунова Софья Константиновна
Обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Ценностные конфликты и их потенциал в моральном прогрессе на примере проблемы трансграничного загрязнения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой

Проблема трансграничного загрязнения окружающей среды становится все более острой в контексте растущих экономических связей между государствами. Она не только угрожает экосистемам, но и приводит к обострению международных отношений. В условиях глобальных экологических вызовов необходимо применять моральные аргументы для решения споров и конфликтов, связанных с загрязнением, формируя устойчивые рамки международного экологического права.

Проблема трансграничного загрязнения в настоящее время становится все более актуальной, особенно для стран, расположенных рядом, таких как Россия и Китай. Виды загрязнителей варьируются от промышленных выбросов до сельскохозяйственных стоков, а последствия могут затрагивать как экономические, так и социальные аспекты жизни стран, ухудшение здоровья населения и разрушение экосистем.

Ценностные конфликты представляют собой столкновение различных принципов и убеждений, которые могут проявляться в международных отношениях. В контексте трансграничного загрязнения такие конфликты возникают из-за разницы в приоритетах, например, между экономическим развитием и экологической безопасностью. В данной работе я рассмотрела, каким образом эти конфликты могут не только препятствовать сотрудничеству, но и способствовать моральному прогрессу.

Ключевые ценности, лежащие в основе позиций России и Китая, включают: экономический рост против экологической безопасности, национальный суверенитет против международного сотрудничества и ответственность против права на развитие.

Конкретные примеры конфликтов можно увидеть на примере строительства гидроэлектростанций, таких как проект строительства ГЭС на реке Амур, в результате которого покрываемые растительностью берега оказываются под угрозой загрязнения. Споры также возникают из-за загрязнения рек и воздуха: загрязняющие выбросы из Китая могут оказывать негативное влияние на соседние регионы России. Эти конфликты являются результатом различий в подходах к ресурсам и принципам использования природных богатств.

Ценностные конфликты могут служить стимулом для диалога между сторонами, побуждая их лучше понимать позиции друг друга. Например, в 2017 году Россия и Китай достигли соглашения о совместном изучении и защите трансграничных рек, что стало результатом осознания необходимости сотрудничества.

Конфликты также могут способствовать формированию новых экологических норм, сосредотачиваясь на совместных усилиях для борьбы с загрязнением. Например, в рамках международных инициатив, таких как Парижское соглашение, страны начали более активно обсуждать практики устойчивого развития.

Ценностные конфликты могут подтолкнуть страны к более тесному сотрудничеству. К примеру, Россия и Китай подписали различные соглашения, направленные на защиту совместных экосистем, что подчёркивает важность совместного подхода к трансграничным проблемам.

В качестве примера, рассмотрим ситуацию с загрязнением реки Амур. Конфликт возник из-за различных подходов, которые принимаются обеими сторонами: Китай активно развивает гидроэлектростанции, тогда как Россия поднимает вопросы экологической безопасности. Одной из успешных инициатив стало совместное исследование состояния реки, что помогло выявить основные проблемы и выработать меры по их устранению.

Из анализа видно, что ценностные конфликты могут быть благоприятными для прогресса, если стороны готовы к открытой коммуникации и компромиссам. Ключевым фактором успешного разрешения конфликтов является готовность обеих сторон признавать ценность экосистем и необходимость совместных действий для их защиты.

Ценностные конфликты в контексте трансграничного загрязнения между Россией и Китаем могут способствовать моральному прогрессу. Важно подчеркнуть значимость диалога, поиска компромиссов и развития новых ценностей для достижения устойчивого экологического равновесия. Дальнейшие исследования в этой области могут сосредоточиться на более глубоком анализе успешных практик международного сотрудничества в условиях ценностных конфликтов.

Макаенко Яна Александровна

канд. филос. наук; доцент

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Переосмысливая практическое: о возможности морального действия в социальных теориях повседневности

В классической философской традиции Запада свободные занятия философией и философский образ жизни в варианте пассивного созерцания (*vita contemplativa*) противопоставляются жизни активной и деятельной (*vita activa*). При этом явное приоритетное значение, как правило, имеет «жизнь созерцательная», поскольку дает возможность формирования прямой интенции к истине и выход к основам реальности в ее подлинных вариантах. Однако, в таком случае, совершенно очевидно упускается из вида огромный пласт человеческой реальности, который касается повседневных взаимодействий, событий и фактов, а также тех возможностей, которые может дать философия в ее практическом значении. В области морали такое положение вещей создает аналогичную ситуацию приоритета «теоретического», которая часто не выдерживает испытания в повседневных ситуациях, предполагающих, к примеру, моральный конфликт в принятии решения, сопровождающего повседневные выборы, или рутинных, автоматических действиях, имеющих моральные следствия.

Человек по большей части пребывает в мире собственной повседневности, в повседневной реальности (которая с точки зрения ее восприятия) всегда субъективна. Очевидно, каждый человек испытывает интерес к миру повседневности, но актуализация данного интереса часто происходит только в том случае, когда практические акты приобретают особый смысл для него, что достигается путем рефлексии, а, в некоторых случаях, путем выхода на достаточно высокий уровень осмысления в абстракции и обобщении. В таком контексте возникает серьезная проблема, связанная с представлением повседневности, как поля человеческого действия: возможно ли такое действие, чтобы оно не имело статуса дорефлективного или автоматического вне обращения к теоретическим посылкам, определяющим такое действие?

В социальной теории существует три фундаментальных подхода, обьясняющие возможность действия в повседневности: теория фреймов, теория практик и теория поступка. Каждая из них предполагает то, что

задается трансцендентное измерение (прямо или в снятом виде), полагающее основание или базовый уровень реальности, где была бы возможность определения действия с точки зрения его качества и смысла, также как отвечает на вопрос о статусе социального мира, как особой реальности, где социальные взаимодействия, конфликты, выборы и решения становятся чем-то «настоящим» и реальным, а не продуктом воображения или плодом безумия. Можно сказать, что действующий субъект в таком случае так или иначе выходит за пределы обращения с вещами в их физических параметрах и характеристиках, обращаясь к миру ценностей и смыслов, определяющих его в повседневном действии. В таком случае все варианты повседневного действия в рамках любой из данных теорий должны приобретать моральный смысл, что порождает новую проблему: как мы можем понимать границы и пределы повседневной реальности, в которых человеческое поведение и поступки могут оставаться моральными или выходить за пределы морали?

Мартынова Надежда Дмитриевна
обучающийся аспирантуры

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Саморазрушительный потенциал философии гедонизма

В работе исследуется фундаментальная проблема гедонистической философии — её саморазрушительный потенциал, проявляющийся как на практическом, так и на теоретическом уровнях. На практическом уровне строгое следование гедонистическим принципам максимизации удовольствия приводит к саморазрушению субъекта-гедониста и к причинению вреда окружающим. Философы-гедонисты вынуждены строить свою этику вокруг необходимости минимизировать или устранить возможность такого исхода. Для предотвращения практического саморазрушения индивидуальных последователей гедонизма, философы вводят внутренние ограничения на гедонистическое поведение, что подрывает целостность гедонизма как философской системы и ведет к его теоретическому коллапсу. Одной из ключевых стратегий философов-гедонистов для работы с саморазрушительным потенциалом гедонизма на практике стало создание иерархии удовольствий. В работе анализируются подходы Аристиппа, Эпикура и Дж.С. Милля, которые выстраивали подобные иерархии для установления границ удовольствия и предотвращения моральной и физической деградации субъекта-гедониста.

Аристипп разделял удовольствия на благие — необходимые, умеренные и удовольствия-излишества, зависимости — которые он считал болезнями (3, с.79-80); Эпикур отдавал предпочтение удовольствиям покоя и безмятежности по сравнению с «удовольствиям движения», то есть телесными наслаждениями и предлагал прямо отказываться от любовного удовольствия (1); Миль делил удовольствия на высшие (интеллектуальные и моральные) и низшие (физические) (2, с.55). Эти подходы демонстрируют противоречие, в котором гедонизм сталкивается с необходимостью ограничивать стремление к любому удовольствию в любом контексте, что ставит под сомнение основной принцип, который провозглашает удовольствие универсальным благом.

Наиболее последовательной философией, стремящейся к удовольствию без ограничений и дифференций, можно назвать философию Маркиза де Сада, который описывал моральное и физическое разрушение себя и других как неизбежные (в том числе поэтому и «благие») элементы гедонистической жизни (4, с.60;159). Его радикальный подход иллюстрирует логику гедонизма в её экстремальном проявлении. При этом его гедонистическая философия остается цельной и действительно доводит до конца логику удовольствия как высшей индивидуальной цели.

Таким образом, гедонистическая философия неизбежно сталкивается с выбором между теоретическим коллапсом (разрушение ценности удовольствия через необходимость введения ограничений на удовольствие и признания его разрушительного потенциала) и практическим коллапсом последователя, который выражается в саморазрушении, социальной деградации и смерти.

Ключевые слова: гедонизм, саморазрушение, внутренние ограничения, парадокс гедонизма, философия.

Литература:

1. Бровкин В.В. Место удовольствий в системе этических предпочтений Эпикура // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012, №4 (20).
2. Миль Дж.С. Утилитаризм: Пер. с англ.; предисл. А.С.Земерова. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. — 240 с.
3. Lampe K. The birth of hedonism: the Cyrenaic philosophers and pleasure as a way of life / Kurt Lampe. — Princeton: Princeton University Press, 2015. — 304 p.
4. Lloyd H.M. Sade's Philosophical System in its Enlightenment Context / Henry Martyn Lloyd. — Cham: Palgrave Macmillan, 2018. — 310 p.

Мелешко Артемий Кириллович
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Трансгуманизм и медицинский прогресс (как ИИ улучшает и продлевает человеческую жизнь)

Трансгуманизм, как философское и научное направление, ставит своей целью радикальное улучшение человеческого состояния с помощью технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ). На стыке медицины и трансгуманизма ИИ уже сегодня открывает новые горизонты, направленные на улучшение здоровья и продление человеческой жизни. В этом контексте данное исследование рассматривает потенциал ИИ в медицинской сфере и этические вопросы, связанные с его применением.

ИИ активно используется в диагностике и лечении заболеваний. Одной из ключевых его возможностей является анализ больших объемов медицинских данных. ИИ способен выявлять паттерны и аномалии в медицинских изображениях, анализах и генетических данных быстрее и точнее, чем человек. Это позволяет своевременно диагностировать заболевания, такие как рак или сердечно-сосудистые патологии, на ранних стадиях, когда лечение наиболее эффективно.

Кроме того, ИИ используется для разработки персонализированных подходов к лечению. Модели, основанные на данных об индивидуальных особенностях пациента, могут предлагать наиболее эффективные методы лечения. Персонализация терапии с помощью ИИ позволяет улучшить качество жизни пациентов и снизить побочные эффекты лечения.

Не менее значимым является вклад ИИ в биоинженерию и регенеративную медицину. С использованием ИИ разрабатываются новые биоматериалы и методы регенерации тканей, которые помогают в восстановлении органов и тканей. Это открывает возможности для продления жизни за счет замены изношенных или поврежденных частей тела. Такие достижения приближают человечество к одной из целей трансгуманизма — преодолению биологических ограничений человеческого тела.

Однако, наряду с прогрессом, применение ИИ в медицине вызывает множество этических вопросов. Один из них — это доступность технологий. Развитие ИИ в медицине может создать новый разрыв между различными социальными слоями. В то время как богатые слои населения смогут позволить себе доступ к передовым технологиям продления жизни,

ни, менее обеспеченные люди могут оказаться в невыгодном положении, что создаст еще большее неравенство в сфере здравоохранения.

Другой этический вызов — это автономия и контроль над жизнью человека. Вопросы, связанные с тем, кому принадлежит принятие окончательных решений в медицинских вопросах, становятся все более актуальными. Например, ИИ может рекомендовать определенное лечение на основе анализа данных, но кто будет нести ответственность за выбор между рекомендацией ИИ и решениями врача? Можно ли довериться алгоритму?

Конфиденциальность данных также является серьезной проблемой. Для успешного функционирования ИИ требуется доступ к большому объему медицинских и генетических данных, что поднимает вопросы о том, как эти данные собираются, хранятся и используются. Нарушение конфиденциальности может привести к дискриминации, особенно в вопросах, связанных с генетическими заболеваниями или психическим здоровьем.

Трансгуманистическая идея радикального продления жизни и улучшения человеческих возможностей через ИИ остается в центре философских дискуссий о том, где пролегает грань между естественным и искусственным. Этические вопросы, связанные с вмешательством в природу человека и создание «улучшенных» людей, требуют внимания и регулирования.

ИИ имеет огромный потенциал для улучшения и продления человеческой жизни, однако его использование должно сопровождаться тщательным этическим осмыслением. Важно учитывать моральные, социальные и правовые аспекты, чтобы гарантировать, что медицинский прогресс будет служить интересам всего человечества.

Литература:

1. Иванов Д.С. «Искусственный интеллект в медицине: перспективы и вызовы»//Медицинский журнал «Технологии будущего». 2021. №2(10). С.34-41.
2. Петрова И.М. «Трансгуманизм и его этические границы»//Журнал «Философия науки». 2022. №5(12). С.76-83.
3. Кузнецова А.Г. «ИИ и биоэтика: вызовы медицинской революции»//Международный журнал «Этика и технологии». 2020. №4(9). С.102-109.

Мехоношина Елена Александровна
аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Дихотомия врожденной и социально приобретенной морали в работах Франса де Ваала

Всемирно известный приматолог доктор Франс де Вааль изучал социальное поведение приматов более 40 лет. Он был включен в список «100 самых влиятельных людей» журнала «Time» и «47 величайших умов науки» по версии журнала «Discovery».

В своей книге «Приматы и философы: как развивалась мораль», впервые опубликованной в 2006 году, он опирается на Дарвина, недавние исследования и свои собственные обширные исследования, демонстрируя сильную корреляцию между поведением человека и животных (1). В этой работе он утверждает, что корни морали можно увидеть в социальном поведении обезьян, отчасти потому, что они, похоже, заботятся о справедливости и проявляют сочувствие ко всем членам своих социальных групп.

Взгляд Homo homini lupus на наш вид узнается во влиятельной биологической школе, основанной Томасом Генри Хаксли и продолжаемой Ричардом Докинзом (2), которая утверждает, что мы рождаемся эгоистичными, приобретаем моральные признаки благодаря социализации и культуре. Теория эгоистичности индивида или даже гена контрастирует с идеей Чарльза Дарвина о том, что мораль является естественным результатом социальных инстинктов и, следовательно, является продолжением социальности других животных (3).

Дарвинистская точка зрения стала свидетелем устойчивого потока теоретических достижений с 1960-х годов, которые развивались на основе теорий родственного отбора и взаимного альтруизма, принципов справедливости, построения репутации, стратегий наказания и разрешения конфликтов. Противоположенные точки зрения рассматривали мораль как недавнее дополнение к человеческому поведению, предсказывая, что мораль полностью находится в новейших частях нашего увеличенного мозга и приводит к поведению, которое отклоняется от всего, что делают другие животные (4). Следует заметить, что в таких теориях отсутствует какое-либо объяснение перехода от аморального животного к моральному человеку и обнаруживается противоречие эмпирическим данным, касающимся моральных суждений.

Однако современная нейробиология продемонстрировала, что этические дилеммы активируют древние эмоциональные центры мозга, возникшие задолго до появления нашего вида (5). Более того, исследова-

ния приматов, не являющихся человеком, намекают на преемственность во многих областях, которые считаются важными для развития морали.

Человеческие моральные решения часто проистекают из эмоционально мотивированных «внутренних» реакций, некоторые из которых мы разделяем с нашими ближайшими родственниками. Эти животные, возможно, и не являются нравственными существами, но проявляют признаки сочувствия, взаимности, чувства справедливости и соблюдения социальных законов, которые — подобно нормам и правилам, регулирующим моральное поведение человека — способствуют приемлемому в группе образу жизни (6).

Другими словами, мы не подчиняем пресловутого волка внутри себя и не лицемерно обманываем всех вокруг, когда действуем морально: мы принимаем решения, которые проистекают из социальных инстинктов, гораздо более древних, чем наш вид, даже если мы добавляем к ним, возможно, уникальную человеческую сложность (7).

Литература:

1. Де Вааль Ф. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
2. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: Азбука-Аттикус, 2018.
3. Марков А. Эволюция человека. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Corpus, 2011.
4. Ричард Докинз. Эгоистичный ген. М.: АСТ:CORPUS, 2013.
5. Choi J-K.; Bowles S. The Coevolution of Parochial Altruism and War // Science. Vol. 318, 2007, p.636–640.
6. Hamilton W. D. The evolution of altruistic behavior // The American Naturalist, 97, 1963, p.354–356.
7. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism // Q. Rev. Biol. 46(1), 1971, p.35–57.

Мичурина Дарья Алексеевна
старший преподаватель

Московский университет им. А.С. Грибоедова

Взаимное влияние этических ориентиров в обществе и рекламного дискурса

Современное общество характеризуется влиянием цифровых технологий, которые меняют не только производственные процессы, общество, но и медиасистемы.

Для этики это означает, что ее главной задачей в настоящих условиях становится установление соответствующей повестки для новой ме-

диасистемы, стоящей из различных категорий (Christians, 2019, с.XV). Таких категорий, по мнению Christians три:

1. Продолжение этических проблем, восходящих к прошлому. Например, проблема социальной справедливости.

2. Этические проблемы, вытекающие из самих цифровых технологий, т.е. установление принципов создания этического контента в медиасистемах.

3. Ранее непризнанные этические проблемы: неприкосновенность частной жизни, демонстрация насилия, гендерные вопросы.

Суть теории Christians состоит в том, что этика в эпоху цифровых технологий строится не на автономности, которая характерна для этического рационализма, преобладающего в этической повестке раннее, а всеобщая человеческая солидарность.

Таким образом, для современной медиасистемы характерны три этических принципа: уважать человеческое достоинство, говорить правду, избегать насилия.

Разработка в рамках общей теории дискурса такого направления, как этика, делает дискурс социально-ориентированной практикой, направленной на реализацию коммуникативного действия, целью которого является создание идеальной поведенческой модели.

Рекламный дискурс — самый богатый и многоаспектный вариант дискурса существенно меняется под влиянием изменения этических ориентиров.

В преломлении рекламного дискурса новые этические принципы, выражаются в следующих постулатах:

1. Реклама отражает традиционные ценности, выступая «фактором социализации личности, формирования ценностей и духовного развития общества» (Ежов, 2015, с.182).

2. Основой рекламной коммуникации для цифрового контента (социальные сети, блогосфера) становятся этические кодексы, включающие не только принципы этичности коммуникации, но и аспекты рекламы.

Новые этические концепты выступают важным фактором изменения подходов к созданию рекламы, поднимаемой в рекламной коммуникации проблемам.

Создаваемая «новая этическая» реальность потребления контента и самопрезентации, меняются границы допустимого, они конкретизируются в процессе обсуждения современных моральных проблем.

Этика меняет рекламный дискурс и в части лексики, так и в части используемых образов.

Лексика рекламы не содержит инвективной или обценной лексики, различных иностранных заимствований. Главный принцип при выборе

лексических инструментов — соблюдение требований соответствия «используемых (в рекламных текстах) языковых единиц нормативному, коммуникативному и этическому аспектам культуры речи, ... стилистической дифференциации языковых единиц» (Дубова, 2021, с.33).

Меняется не только лексический, но и визуальный ряд. В рекламной коммуникации наблюдается тенденция использования в качестве моделей людей, представляющих собой примеры так называемой «иной красоты». К рекламе привлекают людей с необычной внешностью — тауировками, нестандартными фигурами, уродствами, инвалидностью.

Иллюстрацией изменения подходов к выбору моделей для рекламной компании служит рекламная кампания производителя обуви из Испании Camper, основанной на выстраивании ассоциации между белым цветом кроссовок и моделями-альбиносами.

Изменение ориентиров в рекламной коммуникации — ответ на запрос общества, который влечет за собой развитие рекламного дискурса. Следовательно, можно утверждать, что этика служит катализатором эволюции рекламного дискурса, как многоаспектного коммуникативного явления, направленного на формирование определенного поведения у адресата рекламного сообщения.

Литература:

1. Ежов И.Д. Социальная ответственность рекламы в российском медийном пространстве // Журналистский ежегодник. 2015. №4. С.182-185.
2. Дубова М.А. Языковая культура в современном российском обществе // Экология языка и речи. Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Г. Блохиной. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С.31-34.
3. Christians C, 2019 Media. Ethics and global Justice in the digital age. NY: Cambridge University Press, 2020 – 428 p. – DOI:10.1515/commun-2019-0175.

Моисеев Вячеслав Иванович

д-р филос. наук; профессор, заведующий кафедрой философии,
биомедицинский этики и гуманитарных наук
Российский университет медицины

Феномен интегральной этики

Предлагается для рассмотрения проект нового понимания и построения этической науки как интегрального типа знания — интегральной этики. Потенциал интегральности в этом случае может пониматься в нескольких аспектах. В первую очередь как проект синтеза положительных сторон различных более крайних этических направлений с преодоле-

нием их возможной несовместимости. Ранее всего речь может идти о сближении таких крайних направлений этики, как утилитаризм и деонтологический подход. Положительными сторонами утилитаристского направления являются его учет конкретного контекста совершения деяния и определения ценностного баланса этических альтернатив, слабая сторона — момент корпоративного эгоизма в понятиях пользы и выгоды. Аналогично, сильной стороной деонтологизма является использование высшего нравственного закона, преодоление границ эмпирической этики, но слабая его сторона — нравственный ригоризм, невнимание к конкретным обстоятельствам совершения деяния. Объединяя положительные стороны обоих направлений, проект интегральной этики можно понимать как такую систему, которая 1) опирается на высший нравственный закон, 2) предполагает возможность определения баланса ценностей, 3) учитывает контекст совершения деяния, 4) использует уровень высоких ценностных ориентиров, далеко выходящих за границы эгоизма. С нашей точки зрения, такого рода контуры интегральной этической системы наиболее оптимально было бы строить, отталкиваясь от идей и методов русской философии всеединства. В частности, в своей главной работе «Оправдание добра» основатель этой школы В.С. Соловьёв даёт трактовку категорического императива на основе принципа всеединства — чем более нечто, способствует всеединству бытия, тем более оно выражает определения добра в рамках деятельности свободного разумного субъекта. Примечательно, что рост и расширение всеединства является в точности процессом развития, в связи с чем мы предлагаем положить в основание понимания добра идею развития. Развитие пронизывает как природные процессы, так и миры общества и человека. Но в лице свободных разумных субъектов развитие получает своё новое преломление, реализуя себя в форме нравственного начала. В связи с пониманием добра как развития можно было бы дать следующее определение: Добро есть свободное осознанное деяние разумного существа, направленное на максимизацию развития в данном конкретном контексте совершения этого деяния. Здесь каждая составляющая требует своего пояснения. Свобода означает наличие Я-детерминизма, когда у живого существа возникает Я как центр его самосознания, и этот центр может начинать и обрывать причинные цепи событий, выступая как новый причинный фактор в бытии, активно взаимодействующий с другими причинами. Разум означает возможность работы с бесконечными состояниями (общими понятиями, универсальными законами и т.д.) во внутреннем мире субъекта. Деяние есть действие или бездействие. Конкретный контекст деяния предполагает те конкретные ресурсы и возможности, которые есть у субъекта и его окружения в данный момент времени, в процессе со-

вершения деяния. Наконец, стратегия максимизации развития предполагает возможные альтернативы и выбор из них той, которая максимизирует некоторый параметр развития. В целом, мы получаем стратегию совершения нравственного деяния, которая должна объединять сильные стороны как утилитаризма, так и деонтологизма, выражая более интегральное направление построения этического проекта. Описанные идеи интегральной этики развиваются автором как одно из разделов нового философского направления — философии неовсеединства, и получили своё практическое воплощение в создании нового курса и учебника по биомедицинской этике в рамках кафедры философии, биомедэтики и гуманитарных наук Российского университета медицины

Морозов Константин Евгеньевич
аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт философии Российской академии наук

Ценностно-нейтральный либерализм, дискриминация и риск

В книгах «Теория справедливости» (1) и «Политический либерализм» (4) Джон Ролз сформулировал теорию ценностно-нейтрального либерализма, которая запрещает дискриминацию людей на основании их концепций блага. Чтобы сформулировать подобную теорию Ролз предложил мысленный эксперимент «Вуаль неведения». Он должен показать, что люди, не знающие своего будущего положения в обществе, выберут принципы равной свободы, равенства возможностей и максимизации положения наименее преуспевших. По мнению Ролза, люди за вуалью выберут эти принципы, потому что они не знают своего будущего положения в обществе и, следовательно, для них рационально позаботиться о страховке на случай негативных исходов.

Экономист Джон Харсаньи критиковал Ролза на том основании, что вуаль неведения дискриминирует людей на основании их склонности к рискованному поведению (3). Вуаль обеспечивает лучшие условия для людей с меньшей склонностью к риску, чем для тех, кто готов пойти на риск ради большей личной выгоды (например, предприниматели). Возражение Харсаньи справедливо, если целью вуали неведения является формулировка рациональных принципов справедливости. Однако для Ролза принципы справедливости должны быть не только рациональны, но и разумны. Ролз разделяет эти понятия, потому что связывает их с двумя разными моральными способностями (2). Рациональность связа-

на с формированием концепции блага, т.е. личных представлений человека о том, что наполняет его жизнь ценностью и смыслом. Разумность связана со следованием чувству справедливости, т.е. с готовностью подчиняться беспристрастным общим правилам. Рациональность касается отношения человека к самому себе и своей жизни, а разумность — отношений с другими.

Если учесть разумность как одно из требований к принципам справедливости, то станет ясно, почему для Ролза дискриминация людей на основе их склонности к риску оправдана. Выбор принципов, которые не способствуют равной свободе и наибольшей выгоде наименее преуспевших, является наложением рисков на других людей. Поэтому даже в том случае, если выбор таких принципов является рациональным, как предполагает Харсаньи, он не является разумным или благожелательным. Это нарушает отношения взаимности и, таким образом, подрывает сам фундамент справедливости.

Но этот ответ на возражение Харсаньи делает теорию Ролза менее ценностно-нейтральной. Однако это необязательно рассматривать как недостаток. Ведь акцент на развитии наших моральных способностей, необходимых для поддержания справедливости, открывает дорогу к оправданию ролзианского перфекционизма (6). С этой точки зрения, теория справедливости не должна быть нейтральна между разными взглядами на благо, а должна продвигать объективное благо и способствовать развитию морального характера людей. Ролзианский перфекционизм смещает акцент ролзовской теории с толерантности на автономию, делая нормативный фундамент и практические следствия ролзовской теории более последовательными (5).

Литература:

1. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. – 536 с.
2. Чалый В. А. Интерпретация категорического императива Джоном Ролзом в «Теории справедливости» // Кантовский сборник. 2013, №2. С.33–38.
3. Harsanyi J.C. Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory // American Political Science Review. 1975, Vol.69, №2. P.594–606.
4. Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 2005. – 576 p.
5. Taylor R.S. Reconstructing Rawls: The Kantian Foundations of Justice as Fairness. University Park: Pennsylvania State University Press, 2011. – 336 p.
6. Wall S. Rawlsian Perfectionism // Journal of Moral Philosophy. 2013, Vol.10, №5. P.573–597.

Московец Семен Андреевич
лаборант, обучающийся магистратуры
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Культура отмены и миметическая теория Рене Жирара

«Культура отмены» как специфический социальный феномен возник совсем недавно, в 2010-х годах, пиком использования понятия является рубеж 10-ого и 20-ого десятилетий. Культура отмены в основном осуществляется в цифровой среде, в общем виде, она является реактивным способом поведения, осуждающим/перестающим поддерживать кого-то или что-то из-за их этического несоответствия ожиданиям общества. Активисты культуры отмены стремятся «отменить» неугодную персону, группу людей или иное общественное образование, продукт (1. Р.1-3). Соответственно, при исследовании культуры отмены невозможно обойтись без анализа глубинных механизмов коллективного поведения. В этом контексте особенно релевантными оказываются идеи Рене Жирара, французского философа и антрополога, изучавшего насилие как культурный феномен, выделяя его миметическую (подражательную) природу.

Жирар описывает проявление насилия через миметическую теорию, настаивая на том, что всякое желание принципиально миметично (2. С.193). Желание, по Жирару, совершенно неопределимо через объект: «Человек — это существо, которое не знает, чего желать, и обращается к другим, чтобы определиться. Мы желаем того, чего желают другие, потому что подражаем их желаниям» (3. Р.122). Насилие, единожды войдя в круг желания тут же превращает его в порочный, ибо уже не способно выйти за пределы желания сообществ. Чтобы выплеснуть накопившуюся агрессию сообщество находит «козла отпущения», фигуру, которой приписывается оскверняющее сообщество влияние: «Уничтожая жертву отпущения, люди будут убеждены, что избавляются от поразившего сообщество зла, и действительно от него избавятся, поскольку среди них уже не останется завораживающего насилия» (2. С.111).

Развитие информационно-коммуникативных технологий по всей видимости даёт новую почву для реализации выплескивания агрессии. Как отмечал Жирар, участники толпы всегда являются потенциальными гонителями, ибо мечтают очистить сообщество от нечистых, подрывающих это сообщество предателей. В онлайн пространстве «толпа», пользуясь анонимностью, скоростью доставки сообщений и быстротой организации способна сиюминутно найти виновного в нарушении моральных требований и отменить его. Кому-то достаточно лишь найти повод и обвинить кого-то, как тут же сотни людей, спровоцированные миметическим желанием, подключаются к реализации отмены. Связывая культуру отмены

и антропологию Рене Жирара, шведский исследователь Йоаким Врехед в своей статье «Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat» отмечает, что толпа позиционирует себя на более высокой ступени этической иерархии, сопровождаемой ощущением возвышенности: «В логике «масса-индивид» дискретный человек, конечно, чувствует себя возвышенным, и это социальное улучшение достигается с очень низким уровнем риска, поскольку человек часто одновременно скрыт во множестве» (10. P.19).

Таким образом, культура отмены является новым, цифровым способом выплескивания агрессии толпы, накапливаемой из-за социальных противоречий и морального недовольства. Её механизм основан на миметическом стремлении толпы устранить тех, кто не соответствует этическим нормам и требованиям группы, будь то отдельные лица или организации.

Литература:

1. Ng E. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Cham, Palgrave Macmillan, 2022. — 162 p.

2. Жирар Р. *Насилие и священное* / пер. с фр. Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 448 с.

3. Girard R., Burkert W., Smith J. Z. *Generative Scapegoating. Violent Origins: on Ritual Killing and Cultural Formation*. Stanford, Stanford University Press, 1987. — 296 p.

4. Wrethed J. *Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading* // *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*. 2022. Vol. 29. P.15-37.

Проект № FSWM-2024-0038, государственное задание Минобрнауки России: «Традиционные семейные ценности и культура отмены в гендерной проблематике в восприятии современной российской молодежи»

Мусс Александр Игоревич

канд. филос. наук; старший преподаватель

Мусс Дарья Александровна

обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровое бессмертие:

преодоление ограничений или новое неизвестное?

Смерть неизбежна. Несмотря на кажущуюся банальность этого высказывания, в нем заключены высказанные и невысказанные ужасы, страхи, надежды и интересы огромного количества людей. Тем более, что способов поддержать или утратить жизнь в современном мире до-

статочно много. Для некоторых авторов, по-видимому, неизбежность нашей смерти определяет сущность человеческой природы (1). Другие видели сущность человека в постоянной борьбе со смертью (4) или же в противостоянии этих двух стремлений — стремления жить и стремления умереть (5).

Неизбежность смерти порождает у людей также и другое стремление — не просто избежать смерти, но обрести бессмертие в той или иной его форме. Современный уровень развития технологий предлагает еще один возможный вариант — цифровое бессмертие — понимаемое в качестве возможности создать цифровую копию личности человека (2, 6), а наступивший XXI век пока только начинает раскрывать перед нами возможности генеративного искусственного интеллекта, которые можно направить на создание еще более совершенной цифровой копии.

Но так ли однозначно цифровое бессмертие? Не перевешивают ли возникающие этические трудности возможность быть скопированным воссозданным на основе, в том числе, своих цифровых следов, дав, таким образом, возможность своей личности развиваться отдельно от своего «оригинала» долгое, по-настоящему долгое время, значительно превышающее срок жизни человека?

Во-первых, такое бессмертие порождает правовые вопросы, связанные в том числе и с тем, какие данные, оставшиеся после смерти человека, можно использовать.

Во-вторых, такая цифровая копия может быть создана и при живом «оригинале», которая, как минимум, на уровне виртуального общения может заменить его, введя в заблуждение реальных людей.

В-третьих, если такая цифровая копия будет способна совершать какие-то автономные действия, как минимум, в виртуальной среде, это поднимает вопрос ответственности за ее поступки.

В-четвертых, насколько в рамках существования данной цифровой копии вообще возможно будет воспроизвести личностные свойства «оригинала» и будет ли такая копия обладать своей собственной формой субъективного опыта, что делает ее возможной реализацией философского зомби.

В-пятых, насколько допустимо будет создавать цифровую копию человека, страдающего различными заболеваниями, в том числе ограничивающими его возможности коммуникации с внешней средой, другими людьми и с собой.

Таким образом, цифровое бессмертие, несмотря на внешнюю перспективность, приводит нас к еще большему количеству вопросов о нашей собственной природе, начиная от фактической оценки нашей способности оценивать «одушевленность» объекта и его способностью

обладать субъективным опытом, и заканчивая различными аспектами существования, переработки информации, а также активности такой копии.

Литература:

1. Гайнутдинов Т.Р. Проблема смерти в философии Жоржа Батая // Философия и культура. 2016. №8. С.1148–1157.
2. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002.
3. Мусс А.И. Человек как конечное существо в когнитивной науке: философско-антропологическая перспектива // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. №4. С.56–58.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения в 2-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1990.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Ижевск: ERGO, 2018.
6. Bell, G., Gray, J. Digital Immortality. Technical Report. Microsoft Research, 2000.

Мясников Андрей Геннадьевич

д-р филос. наук; профессор

Пензенский государственный университет

Категорический императив как способ нахождения гармоничного баланса между моральным долгом и прагматическими интересами благоразумия

Кантовская моральная философия, представленная в теории категорического императива, является изначально глобальной, исходящей из интересов и действий всего человечества, и каждого разумного существа. Кантовское требование мысленно делать максимум своего поступка «всеобщим законом», обязательным для выполнения всеми людьми, выводит человека из узких (субъективных, национальных, религиозных) рамок своего эгоизма (эгоцентризма) и возвышает до глобального уровня общечеловеческого законодательства. Такая морально-правовая рефлексия или способ мышления приучает человека видеть себя не в гордом одиночестве, не брошенным всеми, не естественным эгоистом, а активным субъектом мирового сообщества, созидателем мирового коммуникативного порядка.

Своим категорическим императивом (прежде всего известной формулой универсализации максимы поведения) И. Кант задает идеал гуманистического космополитизма и глобализма, который до сих пор остается важным и для социальных теоретиков, и для политических практиков. Именно в условиях глобальной информатизации, компьютери-

зации и сетевизации человечество может постепенно перейти к практической реализации этого идеала. Растущее во всех странах применение современных информационно-коммуникационных технологий позволяет обеспечить техническую возможность участия большинства граждан в принятии ключевых политико-правовых решений.

Особое внимание нужно обратить на вторую формулу кантовского категорического императива (формулу персонализации), которая может быть представлена в более четком виде следующим образом: «каждое разумное существо должно быть не только средством, но и целью самой по себе» (Klemme 2015). Эта уточненная формулировка ясно обнаруживает взаимодополнительность прагматических и моральных интересов, гармоничное согласование внутренней и внешней свободы человека и других лиц, субъектов морали и права. Ведь в реальной жизни люди не могут обойтись без использования сил и способностей друг друга, мы постоянно приобщаемся другим людям и это необходимое условие для нашей полноценной человеческой жизни. Поэтому использование других субъектов (лиц) в качестве средств для достижения частных и общих интересов будет не только прагматически важным, но и морально допустимым поведением, если только другие лица сами соглашаются на такое использование, например, за определенную плату, материальное вознаграждение или бесплатно, по своей доброй воле. Если добровольное согласие получено, то труд этого человека, его усилия, жизненное время становятся не только средством, но и целью самой по себе, т.е. человек сам видит смысл в этой деятельности (Соловьев 2005).

Такое реалистическое понимание второй формулы категорического императива получает важное практическое применение в эпоху глобализации, а именно в условиях взаимного добровольного использования разных субъектов друг другом.

Литература:

1. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. №5. С.174-186.
2. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.
3. Полянский Д.В. Кант и современная философия международных отношений: между идеализмом и реализмом // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: матер. междунар. семинара / под ред. А.С. Зильбера, А.Н. Саликова. Калининград; Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С.157-172.

4. Höffe O. Kant's Innate Right as a Rational Criterion for Human Rights // Kant's Metaphysics of Morals: A Critical Guide / ed. by L.Denis. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P.71-92.

5. Klemme H.F. „die vernünftige Natur existirt als Zweck an sich selbst» // Kant-Studien. 2015. Bd.106, №1. S.88-96.

Назарова Юлия Владимировна

д-р филос. наук; профессор

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Профессиональный этический кодекс в цифровом пространстве университета (аксиологический подход)

Цифровые трансформации высшего образования формируют этические парадоксы и дилеммы, которые могут быть рассмотрены с позиций цифровой этики. В практическом смысле, цифровая этика понимается как способ этико-нормативного регулирования проблем цифровизации, осуществляемый посредством этического кодекса. Проблема создания структуры действенного этического кодекса в сфере высшего образования, сформированного с учетом проблем цифровизации, на данный момент является актуальной, поскольку существует необходимость определения универсальных подходов для выявления ценностей цифрового образования, которые пока остаются неустойчивыми.

Согласно мнению большинства зарубежных и отечественных исследователей профессиональной этики, в центре этического кодекса стоит моральная дилемма; кодекс является своеобразным набором критериев для разрешения дилемм. Возникает вопрос о подборе таких критериев. Одним из методов определения базовых принципов профессиональной этики в сфере высшего образования в контексте цифровизации является аксиологический мониторинг, суть которого заключается в создании алгоритма определения профессиональных ценностей и их философского анализа.

Типичные дилеммы цифровизации высшего образования описаны в современных научных исследованиях по педагогике, социологии, психологии и осмыслены в философии в контексте философии образования, социальной философии и прикладной этики (1;2;3). При формировании алгоритма аксиологического мониторинга целесообразно создать банк дилемм цифровизации образования, на основании которых моделируются ситуации морального конфликта, с возможными вариантами разрешения, которые предлагаются в качестве основы для аксиологического опросника в среде преподавателей и студентов конкретного

вуза. Цель анкетирования — выявление моральных предпочтений в условиях цифровизации образования. Варианты ответов формулируются на основании классической философии ценностей (например, на основании иерархии ценностей аксиологической системы Н. Гартмана), что определяет базовые ценности цифрового образования, и на основании современной неклассической аксиологии, что поможет выделить приоритетные профессиональные ценности. Аксиологический анализ выявленных моральных предпочтений позволяет увидеть реальную картину нравов, иерархии ценностей, реконструировать представления о ценностях в образовательной среде в контексте цифровизации. Определение ценностей может стать основой как для создания базового этического кодекса в условиях цифровизации высшего образования, так и для корпоративных этических кодексов университетов.

Практическая значимость философии ценностей для прикладной этики до сих пор остается недооцененной, несмотря на то, что механизмы аксиологического анализа могли бы использоваться не только в цифровой этике образования, но и в различных сферах прикладной и профессиональной этики; стать основой методических рекомендаций для системы нравственного воспитания; применяться для аксиологического анализа и этической оценки систем искусственного интеллекта. Кроме того, аксиологический мониторинг обладает прогностическим значением: с его помощью можно предугадать возможность возникновения проблемных ситуаций, связанных с конфликтами ценностей. В целом, перспективы аксиологического мониторинга широки, он может пониматься и как философский подход для формирования мировоззрения и отслеживания ценностных кризисов и трансформаций, неизбежных на этапе перехода от информационного к цифровому обществу.

Литература:

1. Валеева Г.В. Этические проблемы цифровизации высшего образования (аналитический обзор современных исследований) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. №2(38). С.51-60.
2. Розин В.М. Цифровизация в образовании (по следам исследования «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования») // Мир психологии. 2021. №1–2(105). С.104-115.
3. Согомонов А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. №57. С.49-50.

В рамках государственного задания Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в инновационных процессах Российского образования»

Настасенко Иван Дмитриевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Этика Японии на примере бизнеса.

Философские предпосылки.

Этика в сфере бизнеса является достаточно передовой сферой изучения, в рамках которой в последние годы происходят не только масштабные исследования, но и сам предмет изучения стремительно меняется в силу эпохи постмодерна, надвигающегося мета-модерна, новой этики, что постепенно выходит за рамки Западного дискурса. В рамках своего доклада, постараюсь скорее отследить и обозначить уникальные для японской культуры этические аспекты. Их мы будем отслеживать еще во время «Враждующих провинций» и эпохи «Эдо».

В качестве конкретных источников нельзя не упомянуть два литературных памятника: «Наставления вступающему на Путь Война» Юдзана Дайдодзи и «Сокрытый в листе» Ямамото Цунэтомо. Роль самурайского этоса нельзя недооценивать в рамках формирования этических представлений, что были популярны в первой половине двадцатого века, во времена Японского милитаризма и активного конструирования мифа о японской нации. Касательно темы доклада, в выделенные периоды мы должны обозначить феномен «дзайбацу» — крупнейшие промышленные и финансовые объединения. Исследователи этой эпохи часто отмечали схожесть в модели поведения дзайбацу и самурайских кланов прошлого.

Помимо этого, в докладе хочется также затронуть не менее важную Киотоскую школу. Одно из крупнейших и старейших философских объединений в Японии, что появилось на рубеже веков, с приходом Западной традиции в Страну восходящего солнца. Интересны нам, в первую очередь, две фигуры: Нисида Китаро и Танабэ Хадзимэ. Первый известен следующими работами как: «Интуиция и рефлексия в самопостижении» (自覚における直観と反省), «Исследование блага» (善の研究), и др.), О нём мы также можем сказать, что он является непосредственным основателем этой философской школы, благодаря в том числе и ему в японское размышление об окружающем были введены классические для философии в нашем понимании авторы: Кант, Фихте, Шеллинг и пр. Его ученик — Танабэ Хадзимэ, в пути своего философствования пытался вернуться к оригинальности буддийских авторов прошлого, как то Бунан (1603–1676) или Синран (1173–1263). В гегелевском диалектическом подходе Танабэ видит универсальный выход, который был им сформулирован в последней работе «Философия как путь покаяния». Использовать

ся они будут в качестве примера «другого пути», по которому частично пошла японская этическая мысль в первой половине прошлого столетия.

Завершим доклад краткими рассуждениями о пройденном пути. О тех метаморфозах, что можно отметить в этике деловой сферы Японии.

Нифаева Ольга Владимировна

д-р экон. наук; профессор

Брянский государственный технический университет

Этические аспекты поведения человека в «Теории нравственных чувств» А. Смита

В 2023 году исполнилось триста лет со дня рождения Адама Смита — ученого, философа, профессора кафедры нравственной философии университета Глазго. Один из крупнейших представителей шотландского Просвещения, А. Смит является ярким примером человека науки своей эпохи. Сфера его научных и философских интересов простиралась очень широко: от истории и этики до естественных и точных наук и даже лингвистики. Однако первое произведение, которое принесло А. Смиту настоящую славу, было написано именно в области этики. Речь идет о «Теории нравственных чувств». Судьба этой книги несколько неоднозначна, так как ее содержание или хотя бы ключевые положения недостаточно хорошо известны по сравнению с другой крупной работой А. Смита — «Исследованием о природе и причинах богатства народов». С точки зрения теоретической и прикладной этики, основная ценность «Теории нравственных чувств» состоит в раскрытии глубинных черт человеческого характера, этических основ общественной жизни, психологической и социальной природы морали

Примечательно, что в этой книге А. Смит выступает не как моралист, призывающий к нравственности и добродетельному поведению, а скорее как психолог. Его исследование носит больше дескриптивный характер, так как в нем описывается человеческое поведение в тех или иных жизненных ситуациях и содержатся многочисленные примеры проявления пороков и добродетелей. Создается впечатление, что автор книги, столь тонко подмечающий этические стороны человеческой природы, должен иметь богатый жизненный опыт, а не быть кабинетным ученым. Это лишь усиливает впечатление от пронизательности и житейской мудрости автора, меткости его замечаний о тонкостях и подчас скрытых сторонах человеческого поведения. Возможно, именно благодаря этой близости к читателю «Теория нравственных чувств» приобрела такую большую популярность и несколько раз переиздавалась при жизни автора.

В «Теории нравственных чувств» А. Смит предлагает классификацию страстей человека, рассуждает о его потребностях, раскрывает роль тщеславия и симпатии как основы для возникновения некоторых социальных потребностей и взаимодействия людей в обществе. А. Смит не идеализирует человека, он прекрасно понимает, что добродетели распространены в обществе не настолько широко. Однако общество все же может довольно устойчиво функционировать при наличии «уважения к общим правилам нравственности». А. Смит также описывает процесс формирования и закрепления этих «правил нравственности», в том числе благодаря возникновению привычек.

Главной добродетелью и этической ценностью для А. Смита, с точки зрения благополучия общества и прикладной этики, является справедливость. Что касается природы морали, то ее психологическая сторона раскрывается А. Смитом, как и его современниками — представителями шотландского Просвещения, с позиций чувств, аффектов, страстей человека. Социальная же природа морали находит отражение в том, как А. Смит описывает взаимоотношения между людьми, апеллируя к внутреннему голосу совести, способности ставить себя на место другого человека (симпатии), роли тщеславия и нравственных норм.

Существует мнение, что «Теория нравственных чувств» А. Смита сегодня представляет интерес лишь с точки зрения истории этики, а не развития положений теоретической и прикладной этики. Однако, на наш взгляд, значение этой книги недооценено, а поставленные в ней проблемы могут послужить отправным пунктом для дальнейших исследований, причем не только в философском и этическом, но и в методологическом плане, обеспечив основу для более глубокого понимания нравственной природы человека и этических аспектов его поведения.

Оводова Светлана Николаевна

канд. филос. наук; заведующий кафедрой

Российский государственный гуманитарный университет

Этика равенства и разнообразия в постколониальном и деколониальном дискурсах глобального и локального

При всей кажущейся схожести концепций равенства и различия, они имеют отличающиеся социальные последствия. Нас будет интересовать, как влияют на дискурс глобального и локального концепции равенства и разнообразия.

Концепция равенства связана с марксистской теорией, где сложившаяся социальная система объясняется наличием доминирующих и подчиненных классов. Преодоление неравенства может осуществляться

ся через уравнивание доступа социальным группам к ресурсам. Это макросоциологический взгляд, обращающий внимание на коллективные идентичности. В рамках такого подхода акцентируется внимание на диспропорции в сложившейся системе глобального мира. Различение систем разграничения локальностей, описания роли той иной локальности в общем глобальном мире взаимосвязано с принципами дискурсивного именованности локальностей. Для артикуляции неравенства в дискурсе применяются концепты Глобального Севера и глобального Юга, где подчеркивается привилегированность и доминирование Глобального Севера. Постколониальный дискурс оперирует концепцией неравенства и причины этого видит в механизмах формирования властных структур в глобальном мире. Постколониальная этика вскрывает сложившуюся диспропорцию и пытается акцентировать внимание на необходимости вернуть субъектность подчиненному.

Концепция разнообразия, предопределенная *diversity turn*, делает акцент на индивидуальных особенностях. Данный дискурс учитывает индивидуальный опыт, но, как отмечает В. Малхов: «пользователи словаря Разнообразия могут впасть в глухоту к проблематике неравенства и слепоту к базовым структурам, это неравенство производящим» (1), тогда концентрация на индивидуализации может стать самоцелью.

Представители деколониального поворота, помимо переосмысления последствий глобальной модерности, фокусируются на индивидуальном опыте переживания локальности, который сопровождает сложная идентичность, сформированная в ситуации переопределения статуса локальности в конце XX – начале XXI вв. (3). Для этики деколониального поворота становится важным не только демонстрация глобальной диспропорции, но и выявление множественности практик конструирования идентичностей, несводимых к коллективной идентичности, классу, макросоциологической конструкции. Появление таких идентичностей сопряжено с переосмыслением глобального мира. Отдельные локальности исключаются из дискурса, и для выявления их уникальности исследователи вводят дополнительные понятия (например, внимание к понятию Глобальный Восток, как критика бинарной несостоятельности понятий Глобального Севера и глобального Юга (2): предлагаемое понятие, по мнению Мюллера М., позволит легитимизировать в дискурсе различие, ранее исключаемое из дискурса и скрываемое бинарной оппозицией Север-Юг). Все большая дифференция приводит к необходимости выделения и описания все больших и больших идентичностей, которые должны быть учтены при описании сложности глобального.

В рамках деколониального поворота происходит совмещение дискурса неравенства и разнообразия за счет переключения оптики с макропроцессов, анализа модерности, приведшей к современному

глобальному капитализму, на точечные практики определения индивидуализированных идентичностей.

Концепции равенства и разнообразия кажутся соположенными в одном пространстве смыслов, однако они имеют различные оптики дифференции локальностей внутри глобального и влекут за собой иные стратегии поведения.

Литература:

1. Малахов В. Использование различий // Логос. 2021 Т. 31. №5 (144). С.18.
2. Мюллер М. Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом // Социологическое обозрение. 2020. Т.19. №3. С.19-43.
3. Тлостанова М.Д. Деколониальность бытия, знания и ощущения: сб. статей. Алматы: Центр Современной Культуры «Целинный», 2020. – 192 с. проект РГГУ «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

Панина Ирина Викторовна

канд. экон. наук; доцент

Воронежский государственный университет

Мультипликативный эффект в профессиональной этике: пример аудиторского рынка

Несоблюдение профессиональных этических норм имеет негативные последствия для непосредственных участников отношений, в которых такие нарушения допущены. Однако подобные ситуации имеют и более длительные, охватывающие широкие круги отрицательные эффекты — экстерналии. Идею мультипликаторов в экономике предложили Р.Ф. Кан и Дж.М. Кейнс (1), социально-экономические экстерналии описаны в работе А. Пигу (2, 3). Аналогичный подход к анализу последствий нарушений норм профессиональной этики имеет большой практический потенциал.

Для проведения подобного анализа показателен кейс аудиторского рынка. Здесь профессиональной этике уделяется значительное внимание, а ее нарушения караются аннулированием аудиторского аттестата и исключением из саморегулируемой организации (СРО ААС). Роль этики в аудите обусловлена его сущностью. Аудитор извне имеет доступ ко всей конфиденциальной информации клиента и, в определенной части, взаимодействующих с ним субъектов. Более чем 180-летняя история аудита показала, что этот рынок не может базироваться только

на правовых нормах, его существование во многом обуславливается репутацией аудиторов.

Можно выделить внутренние мультипликативные эффекты нарушения этики, сказывающиеся непосредственно на аудиторе, аудируемом лице и пользователях проаудированной отчетности, задействованных в конкретном аудиторском проекте, а также внешние, затрагивающие аудиторский рынок, регуляторов (Минфин России, Банк России и СРО ААС) и государство в целом.

Для пользователей отчетности, проаудированной с нарушениями этики, негативные экстерналии — это принятие ошибочных решений, не связанных с данной организацией. Например, инвестируя в экономический субъект с искаженной отчетностью, на которую пользователь полагался, поверив аудиторам, он отклоняет другие варианты размещения своего бюджета. Для аудиторской организации этическое нарушение в конкретном проекте может повлечь расширение подобной практики, снижение корпоративной культуры, бдительности, истощение человеческого капитала и перемещение в сегмент «серого» аудита. Для клиента заказ аудита, проведенного с отступлениями от норм профессиональной этики, в глазах общественности означает его неспособность пользоваться услугами топовых аудиторов, что косвенно скажется на деловом имидже.

Мультипликативный эффект от случаев нарушения профессиональной этики для аудиторского рынка в целом означает потерю им статуса неотъемлемого элемента бизнес-инфраструктуры и в будущем может привести к частичному замещению аудита общественным заверением отчетности, перехвату предоставления услуг по проверкам с использованием инструментов искусственного интеллекта другими игроками, например, представителями финтех.

Для Минфина России, Банка России и СРО ААС как регуляторов на аудиторском рынке упущение ситуации с профессиональной этикой будет означать то, что они недостаточно эффективны в этой роли. Для государства в целом такая ситуация может привести к международным имиджевым потерям из-за недостаточного качества национального аудиторского рынка.

Прогнозный анализ негативных экстерналий от нарушений профессиональной этики целесообразно использовать в формировании государственной политики, политики саморегулирования в той или иной сфере деятельности. В частности, в аудиторстве он целесообразен при создании очередной Стратегии развития аудиторской деятельности.

Литература:

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. – 408 с.

2. Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния / вступ. ст. д-ра эконом. наук Г.Б. Хромушина; общ. ред. канд. эконом. наук С.П. Аукуционека. М.: Прогресс, 1985. Т.1. – 512 с.

3. Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния / вступ. ст. д-ра эконом. наук Г.Б. Хромушина; общ. ред. канд. эконом. наук С.П. Аукуционека. М.: Прогресс, 1985. Т.2. – 454 с.

Пионткевич Лариса Юрьевна

канд. филос. наук; доцент

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Ответственное отношение к природе: моральное и правовое

Выстраивая философию ответственности ряд философов (в частности Поль Рикер) обращают внимание на необходимость контекстуального употребления термина «ответственность» через связку с категорией «обязательства». «Быть ответственным» в моральном смысле может быть только тот, кто добровольно взял на себя определенные обязательства. Важно подчеркнуть, что эти обязательства не возникают на пустом месте, вне обладающих принуждающей силой обстоятельств, и носят как бы «компенсирующий» характер, поскольку субъект обязательства возвращает ресурсы (это могут быть блага как материальные, так и духовные), которые были предоставлены ему (осознанно или неосознанно) стороной, в отношении которой эти обязательства исполняются. Так существование любимого существа представляет такую ценность для любящих его, о которой сам объект любви может и не подозревать, и не знать о том, на какие подвиги и жертвы идут ради него любящие его.

Впервые вопрос об ответственности как основании новой этики в условиях техногенной цивилизации поставил немецко-американский философ Ганс Йонас. В целях наглядной иллюстрации своих воззрений Йонас реконструирует архетип родительской заботы, который диктует алгоритм действий для любящих родителей: «взгляни, и ты знаешь!». «Взгляни, и ты знаешь», что делать и как помочь, потому что ты всегда на связи со своим ребенком, и, подарив ему этот мир, ты взял на себя, как родитель, обязательство поддерживать его и всегда приходить на помощь. В отношении природы работает та же схема: чтобы пользоваться её (природы) богатствами, необходимо взять на себя обязательства возвращать по принципу маятника, отдавать через заботу. Это и есть любовь, настоящая любовь к миру, которая даёт возможность этому миру быть. Нужно только взглянуть любящим оком («ведь зорко одно лишь сердце» Сент-Экзюпери) и распространить чувство ответственности,

реанимировав свою «моральную чувствительность», не только на тех, кто рядом и дорог, но и на природу, и на всю планету в целом, отказавшись от утилитарного отношения к ней, воспринимая ее как абсолютную ценность.

Моральное обязательство, таким образом, носит ретроспективный характер: расплачиваться (приносить душевную или материальную жертву) приходится за то, что уже существует как ценность. Однако ценность устанавливается субъективно, и величина ее прямо пропорциональна обязательствам, которые готов возложить на себя субъект ответственности («насильно мил не будешь»). Нельзя человека заставить заботиться о том, кого не любишь. Эта формула может быть применима и к природе: не привили ребенку любви к природе, и вырос человек, не способный о ней заботиться. Нет любви — нет заботы. В философии Марселя Мосса эта ситуация описывается через категорию «дара»: одаривая, отдают себя, а отдают себя потому, что именно себя вместе со своим имуществом «должны» другим.

Морально-ответственное отношение к природе может развиваться только в рамках экоцентрической парадигмы, когда боль, причиняемая миру, мучительно переживается человеком как своя собственная. В этом смысле экологические инициативы, которые затрагивают человеческое существование на уровне частной жизни и касаются непосредственного организации быта, особенно ценны и важны, несмотря на их, казалось бы, минимальный вклад в решение глобальных экологических проблем.

Серьезную поддержку, например, получает сегодня экологическая программа Zero waste «Ноль отходов», призывающая к экономии на всех уровнях бытовой жизни для того, чтобы свести к минимуму количество производимого людьми мусора. Это «ответственность-забота», и она не может быть совмещена с виной. Это моральная ответственность.

Пирожкова Софья Владиславовна
канд. филос. наук; старший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Этическая нейтральность научного знания и нравственная зрелость общества

Социальная и этическая ответственность науки — понятие, появившееся после Второй мировой войны. Обычно его появление связывают с осознанием как научным сообществом, так и обществом в целом того, что научные достижения могут иметь не только положительное, но и отрицательное влияние на социальные процессы и жизнь отдельных лю-

дей. Причем эти последствия могут быть настолько масштабными, что чреваты разрушительными катастрофами. Истоки данного понятия лежат не только в осознании того, что нельзя жить в обществе, снабжать его открытиями и изобретениями и при этом не нести ответственность за результаты их использования. Если со стороны науки подобная само-рефлексия выглядит оправданной, то со стороны общества и элит она может рассматриваться как попытка переложить ответственность с себя на кого-то другого. Лица, ответственные за принятие решений на разных уровнях функционирования общества, апеллируют к тому, что, используя достижения науки, они действуют, исходя из принципов экономической конкуренции, политической борьбы, оптимизации социальных процессов, наконец, достижения всеобщего блага (без достаточной экспликации ограничений на способы реализации данной цели). При этом доминирующая мотивация может отодвигать на второй план предостерегающие аргументы либо логика развития ситуации не оставляет выбора. Например, если ты первым не внедришь новую биотехнологию, она все равно будет внедрена, но твоим конкурентом, поэтому твой отказ или даже промедление, связанное с тщательной оценкой рисков, в итоге не минимизирует последние, а лишь оставит тебя самого на обочине прогресса. Но вот если бы данной биотехнологии не существовало, точнее, если бы не была известна сама возможность ее создания, ничего плохого не могло бы произойти. Обыватели также перекалдывают ответственность на науку, приводя в качестве аргумента, во-первых, тезис о невозможности повлиять на действия элит и политиков, а во-вторых, повторяя тезис последних о том, что они просто вынуждены играть по существующим правилам.

Именно с этим приходится иметь дело ученому. Он не может сказать, что использование знания или технологии его не касается и лежит в плоскости ответственности общества, элит, политиков, потому что все иные акторы, кроме научного сообщества, оказываются заведомо менее рациональными, менее осведомленными, более подверженными диктату «логики ситуации». Ученый оказывается в положении своих коллег из графического анекдота про мартышку, которой дали веревку, чтобы она смогла достать связку бананов, закинутых за перекладину под потолком. Мартышка додумалась сделать петлю, но использовать веревку как лассо не смогла, впала в депрессию и воспользовалась веревкой иным образом. Кто виноват в печальном исходе? Кто несет ответственность? Разумеется, тот, кому приписывается более высокий интеллект. Зачем вы дали мартышке веревку? Либо следите и берегайте от неверных решений, либо, если оставляется за ней свободу действий, не давайте то, что она может использовать себе во вред.

Из осознания обозначенной коллизии возникает тезис о несоответствии уровня научного прогресса уровню интеллектуальной и этической зрелости общества и необходимости устранения этого несоответствия как единственной возможности предотвращения катастрофических результатов технологического прогресса. Тезис об этической нейтральности фундаментальных и технологически ориентированных знаний позволяет сместить внимание с проблемы нравственного и интеллектуального «взросления» общества, без решения которой никакая социогуманитарная экспертиза не позволит избежать негативных сценариев применения новых технологий. Стоит рассматривать такое «взросление» не как благие пожелания, а как обязательную к выполнению задачу.

Погожина Наталья Николаевна
младший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Системно-коммуникативная теория в приложении к вопросам морали: исследование эффективности

Академическому сообществу и более широкой публике Никлас Луман известен прежде всего как автор оригинальной концепции общества (1), представляющей собой сложное системное описание социальных коммуникаций как разных дискурсивных полей — политической, экономической, научной, правовой и др. подсистем. Безусловно, подход Н. Лумана со времени формирования основных теоретических положений не раз был подвержен критическому осмыслению (2). Однако очевидным также является обоснованность методологической претенциозности системно-коммуникативной теории (как в лумановской трактовке, так и в интерпретациях его учеников и последователей, в частности, работах Р. Штихве и др. (3)) на всеобъемлющий характер описания современного общества (в ключе гранд-теории), причем описания возможного при выявлении сложных дифференцированных связей современных социальных подсистем при минимуме переменных, вводимых в теорию, обладающую довольно усеченным и простым языком описания (логикой различения Джорджа Спенсера-Брауна (4)), но агрегирующую максимальное количество разнообразных феноменологических описаний. Все это делает системно-коммуникативный подход интересным для рассмотрения в качестве синтетической теории для преодоления фрагментарности и раскрытия каузальных связей в современной социальной теории.

Однако в системной теории коммуникации Никласа Лумана совершенно особенное и неоднозначное место отводится моральной комму-

никации, что явно не соответствует вызовам современного общества, в том числе в рамках развития технологической компоненты и сетевизации коммуникативных интеракций (5). На наш взгляд, спорное положение моральной коммуникации в подходе Никласа Лумана делает системно-коммуникативную оптику более уязвимой и лишает широты. Мы ставим целью исследование как прояснение позиции Никласа Лумана относительно роли и функции моральных высказываний в системной теории, так и обращение к эволюционным характеристикам коммуникативных практик в приложении к моральной коммуникации, что представляется возможным, поскольку именно эволюционный характер системно-коммуникативной теории подразумевает рефлексивное отношение к ее постулатам и гибкую архитектуру подхода. В качестве промежуточного вывода исследования выносятся положения о пластичности моральной коммуникации в системно-коммуникативной теории, основанной на замене кода «хорошо/плохо» кодом «уважение/неуважение» (5).

Литература:

1. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1998.
2. Roth S. The Great Reset. Restratification for lives, livelihoods, and the planet // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol.166. P.2-8
3. Hennig B. Luhmann und die Formale Mathematik // Merz-Benz, Peter-Ulrich und Wagner, Gerhard (eds.). Die Logik der Systeme. Zur Kritik der Systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz. 2000. P.3-36.
4. Spencer-Brown G. Laws of Form, London: Allen and Unwin. 1969.
5. Luhmann N. Die moral der Gesellschaft, Suhrkamp, Frankfurt, 2008.

Политов Алексей Антонович
обучающийся специалитета
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Любовь, секс и роботы: Как появление роботов изменит традиционные человеческие отношения?

Этические риски эмоциональных связей с роботами.

С развитием технологий роботы начинают проникать в самые разные аспекты жизни человека, включая сферу интимных отношений. Но как это изменит человеческую природу любви и сексуальности? И какие этические риски влечет за собой возможность создания эмоциональных и сексуальных связей с машинами? В данном исследовании рассмотре-

ны ключевые аспекты влияния роботов на человеческие отношения и связанная с этим этическая проблематика.

Одним из центральных вопросов, которые поднимаются с появлением роботов-любовников, является разрушение традиционных представлений о человеческой близости и любви. В условиях, когда роботы могут быть запрограммированы на создание идеальных отношений, существует опасность возникновения зависимости от этих связей, что может подорвать человеческие отношения в обществе. Люди, предпочитающие роботов живым партнерам, могут отказаться от сложностей, связанных с межличностными взаимодействиями, что приведет к эмоциональной изоляции и уменьшению потребности в развитии эмоционального интеллекта (1).

Этические вопросы включают и саму природу таких связей. Является ли связь с роботом, который не обладает реальными чувствами и сознанием, полноценной? С одной стороны, роботы способны удовлетворять эмоциональные и физические потребности, что может рассматриваться как положительный аспект. С другой стороны, возникает проблема эмоциональной эксплуатации: использование роботов может лишить человека необходимости устанавливать глубокие и значимые отношения с другими людьми, что в долгосрочной перспективе может повлиять на человеческие отношения в целом.

Другим важным аспектом является возможность того, что роботы-любовники могут усилить социальные стереотипы и дискриминацию. Например, роботы могут быть спроектированы в соответствии с традиционными гендерными и сексуальными ролями, что приведет к усилению гендерного неравенства. Это также может способствовать формированию нереалистичных ожиданий от реальных партнеров, создавая диссонанс между виртуальным и реальным опытом. Этика дизайна роботов требует тщательного подхода, чтобы избежать закрепления вредных стереотипов.

Конфиденциальность и безопасность данных также играют важную роль в этическом обсуждении. Роботы, взаимодействующие с человеком на интимном уровне, собирают большие объемы личных данных (2). Эти данные могут быть использованы без согласия человека, что вызывает серьезные вопросы относительно безопасности и конфиденциальности. Необходимо разработать строгие законодательные нормы, которые будут защищать права пользователей и их данные.

Еще один важный этический вопрос касается согласия. Если роботы способны имитировать эмоциональные и физические аспекты отношений, возникает вопрос: могут ли такие взаимодействия считаться настоящими с точки зрения согласия? Роботы не обладают сознанием, а значит, их согласие или несогласие не может быть реальным. В данном

контексте требуется пересмотр традиционных этических категорий для нового вида отношений.

Подводя итоги, можно сказать, что появление роботов в сфере любви и секса открывает множество возможностей, но в то же время порождает серьезные этические вызовы. Хотя роботы могут помочь людям справляться с одиночеством и удовлетворять эмоциональные потребности, их использование несет риски для межлических отношений, приватности, а также сохранения социальных стереотипов (3). Важно понимать, что роботы не должны заменять живые отношения, а скорее дополнять их, соблюдая при этом этические нормы и защищая человеческие ценности.

Литература:

1. Дубов Е.В. Этика и технологии: как роботы изменяют сексуальные отношения? // Философия и техника. 2022. №4(7). С.45-53.
2. Белов А.И. Любовь и искусственный интеллект: границы этики // Этические вопросы ИИ. 2021. №3(5). С.61-67.
3. Кузьмина Т.А. Роботы и интимные отношения: риски и возможности // Этика и технологии. 2020. №6(11). С.89-95.

Положенцев Андрей Михайлович

канд. филос. наук; доцент

Высшая школа технологии и энергетики

Философия как эскапизм

Термином «эскапизм» широко пользуются в социологии, праве, педагогике. В его определении в основном отталкиваются от неприятия индивидом какой-либо социальной нормы и компенсации нереализованных возможностей в превратных сферах. Из этого мы заключаем, что сам способ рассмотрения данного феномена восходит как минимум к Гегелю и различным изводам гегельянства, где вся история человека может быть представлена как форма эскапизма (побег из природы). И это не прихоть философии. И древний человек, и уж тем более доисторический был одержим различного рода исходами. Мало того, до перехода к жизни оседлой уход, передвижение и различные формы доисторического номадизма были естественной и нормальной формой жизни человека. Напротив, оседлость была противоестественной. Но все переменилось с появлением городов. Оседлые культуры остались верны своей природе и начали передвигаться «внутри» истории. Так история стала новым измерением жизни. Важной вехой в этом движении стала эпоха, которую Ясперс назвал «осевым временем». Он датирует его 600-200 гг. до н.э. Для него было важным показать общность изменений, проходивших в различных точках земли под знаменем логоса. Со-

временный антрополог Дэвид Грэбер расширяет рамки осевой эпохи до 632 г., года смерти пророка Мухаммеда. Для него было важным связать зарождающиеся в это время религиозные движения (включая христианство и ислам) с исходом из сверхстабильных социальных систем, в которых религиозные институты Древнего мира были главным политико-экономическим институтом. Не только иудаизм, джайнизм и ранний буддизм, но и христианство и ислам были изначально религиями «исхода». Причем исход этот совершался вполне физическим образом: в пустыню, в степь, в лес, то есть, какое-либо внекультурное пространство. Эти движения по сути были реформаторскими. Они находили и обосновывали новые топосы для духовной жизни. Этот поиск сопровождался и социально-политическим регрессом, заключавшемся в возрождении архаических практик: скотоводства, собирательства, лесной жизни, нищенствования, отказа от социальных иерархий, денег, имущества. Типологические черты подобных эскапистских сообществ подробно описаны в книге Виктора Тернера «Символ и ритуал». Однако во всех этих исследованиях ни слова нет о философских школах, бурно расцветающих в эту же эпоху в эллинистическом мире. А между тем они имеют не только много сходных с религиозным эскапизмом типологических черт, но и фундаментальные отличия, которые я и хочу рассмотреть в этом очерке.

В первую очередь нам известно, что практически все ранние из известных нам философов были путешественниками или совершали какой-то исход из своего родного города. Фалес, Гераклит, Пифагор, Демокрит, Аристотель. Диоген... Один Сократ всю жизнь оставался на своем месте, потому что из него ему было сподручнее рассматривать мир философского исхода.

Именно Сократ является первопроходцем этого нового мира, в который предлагает уйти философия. Занятно, что сам образ жизни Сократа, описанный его учениками, несет в себе типологические черты номадизма (палеолита), но только применительно к сфере духа. Он не пишет, ведет аполитичный образ жизни, его профессия (каменщик или скульптор) отсылает к древним, донеолитическим технологиям. Он общается со сверхъестественной сущностью (даймоном) напрямую, минуя религиозные институты. Сократ предлагает «найти (познать) себя». В этом поиске он открывает новый мир — мир «духа», разума, идей, в который он и предлагает переселиться с помощью... философии. Именно такое понимание философии принимается в сократических школах. Уход в философию формируется как экзистенциальная практика ухода в новую онтологическую сферу, оставаясь при этом в самом центре жизни полиса. Философия стала секулярным вариантом практики эскапизма религиозного.

Полякова Наталья Валерьевна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Ценностная миграция как инструмент традиционирования:

этические и политические аспекты

Политическая, социально-экономическая, трудовая, образовательная, экологическая формы миграции представляют собой основные направления миграционных процессов в современном глобальном мире. К этому перечню в настоящее время добавился еще один вариант миграционных процессов — ценностная миграция, в основе которой лежит такое понятие как «ценности». Британский социолог Э. Гидденс, анализируя последствия современности, приходит к выводу, что «в современном мире участились конфликты между ценностными системами» (1, с.77). В этих условиях чаще всего причиной т.н. ценностной внешней миграции становится нежелание граждан той или иной страны, не разделяющих доминирующую в ней ценностно-нормативную парадигму, приспособлять к ней свои собственные мировоззренческие и нравственные императивы.

Одним из первых случаев поддержки такого вида миграции на государственном уровне стал указ российского президента В.В. Путина от 19 августа 2024 г. об оказании «гуманитарной поддержки» иностранным гражданам и лицам без гражданства, «разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» (2). Согласно указу, с 1 сентября 2024 г. они получают право обратиться за разрешением на временное проживание в стране без учета утвержденной льготы и без сдачи экзамена на знание русского языка и истории РФ с последующим правом получить вид на жительство, а в перспективе и гражданство. При этом мотивами для такой поддержки, как определено в документе, должно быть неприятие политики государств, в результате которой гражданам навязываются «деструктивные неолиберальные идеологические установки» (2).

В рамках такой миграционной модели снимается одно из серьезных противоречий, лежащее в основании морального обоснования контроля и запретов в дискурсе о мигрантах — противоречие между «мы» («граждане», «местные», «свои» и т.д.) и «они» («неграждане», «неместные», «чужие» и т.д.). В данном случае нормативно предполагается, что мигранты, т.е. «чужие», пребывающие в страну и сделавшие «свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ», посредством применения критерия приверженности «традиционным ценностям», независимо от этнической, культурной и конфессиональной принад-

лежности, изначально рассматриваются как «свои». Таким образом, конфликт ценностей, повсеместно сопровождающий миграционную повестку, здесь превентивно устраняется, и именно общность ценностей становится главным фактором, определяющим специфику новой разновидности миграционных процессов. Данные шаги, предпринятые на современном этапе российскими властями, создают тем самым серьезный прецедент на глобальном уровне, закрепляя в законодательстве страны сам факт ценностной миграции, но при этом оформляя в политическом контексте этот вид миграционных процессов как новый инструмент традиционирования.

Литература:

1. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. – 352 с.
 2. Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» (Электронный ресурс) / Официальное опубликование правовых актов. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190001?ysclid=m1cfl-dgb2g564244715> (Дата доступа: 21.09.2024)
- РНФ № 24-28-01309 «Традиционирование в социальном конструировании современной национальной памяти: сравнительный анализ символических практик России и Запада»

Пышкин Иван Дмитриевич
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской Православной Церкви
Кирчанова Валентина Дмитриевна
обучающаяся специалитета
Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет

Комплексный биоэтический анализ репродуктивного клонирования человека и его тканей из стволовой клетки в светской и теологической (православной) парадигме

В исследовании мы рассматриваем биоэтический аспект (в рамках светской и православной биоэтической парадигмы) репродуктивного клонирования человека из стволовой клетки (СК), то есть без участия яйцеклетки и сперматозоида. Почему клонирование актуально и требует комплексной философской и теологической рефлексии? Во-первых, клонирование используется для изучения множества патологических факторов на ранних этапах эмбриогенеза. Во-вторых, СК можно ис-

пользовать в качестве основы для искусственного выращивания человеческих тканей и органов, что даст новый толчок к развитию трансплантологии. Вместе с этим возникают нерешённые вопросы рассматриваемого метода.

Существуют различные исследования, посвящённые клонированию отдельных органов у животных и человека (1), однако мы дадим биоэтическую оценку последнему современному исследованию 2023 года (2). Суть научной работы заключалась в выращивании человеческого эмбриона *in vitro* до 14 суток. Эмбрион рос и развивался согласно его эмбриогенезу, но о дальнейшем развитии и жизнедеятельности мы судить не можем, так как он был уничтожен в связи с законодательством о клонировании в Великобритании.

На данный момент светская биоэтика отрицательно относится к клонированию человека. С одной стороны, открываются возможности для дальнейших научных открытий, однако наука не может предсказать психический статус и аспекты физиологического развития клона, а также определить его социально-правовой статус и ответственность за риск инвалидизации или биологически обусловленного антисоциального поведения. Также стоит упомянуть о том, что клоны, даже при полной идентичности человеку, могут быть отнесены к категории «иных существ», что может повлечь нарушение их фундаментальных прав и свобод. Клонирование же человека из СК для православной биоэтики недопустимо, так как нарушает Божественный замысел о человеке как наивысшем творении и посягает на заложенный в нём образ Божий, неотъемлемой частью которого является абсолютная уникальность личности (3).

Общим как секулярной, так и православной биоэтики, на наш взгляд, будет ответ на вопрос клонирования тканей. Использование законно собранных СК с целью дальнейшего биопринтинга необходимых органов для трансплантации является не только допустимым, но и необходимым в случае ряда медицинских причин. Исключением являлось бы клонирование нервной ткани ввиду неизученности феномена психики и сознания, а возможность необратимых психических последствий для человека противоречит гуманности научных исследований и не может быть оправдано прогрессом (4). Для православной биоэтики это также неприемлемо в связи со сложностью соотношения онтологического статуса души в христианской антропологии и её роли в психофизиологии человека. Так, душа, с точки зрения православной теологии, как минимум, участвует в формировании сознания, которое является многосоставным явлением (5).

Таким образом, и светская, и православная биоэтика не видят возможности клонирование человека *in vitro* из СК.

Литература:

1. Chen Y., He Z.X., Liu A. et al. Embryonic stem cell generated by nuclear transfer of human somatic nuclei into rabbit oocytes. *Cell Res.* 2003; 13(4):251–63
2. М. Жерника-Гетц Синтетические человеческие эмбрионы, созданные в новаторском издании advance. Журнал «The Guardian». Доступен по ссылке: <https://www.theguardian.com/science/2023/jun/14/synthetic-human-embryos-created-in-groundbreaking-advance> (дата обращения 16.08.2024)
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. – 176 с.
4. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
5. Мефодий (Зинковский), еп., Кирилл (Зинковский), еп. Богословие человеческой личности и природы и перспективы богословской антропологии. *Теология и образование.* 2018. №1. С.129–138.

Разин Александр Владимирович

д-р филос. наук; профессор, заведующий кафедрой этики
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Моральная мотивация и предельные метафизические вопросы бытия

Крайне важным вопросом этики является вопрос о том, почему человек должен быть моральным. Если понимать долг не только как внешнее средство принуждения, а как добровольно принимаемое человеком на себя обязательство, а в подлинно гуманистической морали дело обстоит именно так, то человек сам для себя по необходимости должен понять, что мораль дает для улучшения качества его жизни, почему он лично заинтересован в том, чтобы быть моральным. Достаточно легко обосновать, что общество заинтересовано в моральности его членов. По этому пути развивалось социологическое обоснование морали. Но существует известный феномен «фрирайдерства» (free riding), в переводе — свободное скакание на лошади. То есть человек в принципе может рассуждать: пусть другие будут моральными, а лично я буду только делать вид, что я моральный субъект, а реально находить всякие увертки, способы уклонения от подлинно морального поведения.

Думается, что антропологический аспект, широко представленный в современной философии, позволяет найти определенный ключ для ответа на вопрос о том, почему я хочу быть моральным. Отвечая на так называемые предельные метафизические вопросы человеческого бытия, а это вопросы о смерти и бессмертии, свободе, счастье, труде как возможной сфере самореализации, любви, — человек и приходит к выводу о том, что без морали он обойтись не может, что нравственные ценности встроены в высшие цели его деятельности. Поэтому вопрос о том, почему я должен быть моральным преобразуется в вопрос — почему я хочу быть моральным?

В философской антропологии (А. Гелен, Н. Финк) игра часто рассматривается как наиболее желательный, свободный вид человеческой активности, как деятельность, отвечающая высшим человеческим проявлениям. Но в игре (если это только не глобальное спортивное состязание, фактически уже не являющееся игрой в обычном смысле слова) человек, желая избежать отрицательных эмоций, идет на снижение интенсивности творчества. Тем самым он испытывает и менее сильные положительные эмоции, в результате чего получает меньшее удовлетворение, чем в реальной напряженной жизни. Мораль способствует усилению эмоционального восприятия любых видов сложной социальной деятельности. Она в значительной степени показывает уникальность и значимость той социальной деятельности, которую способен осуществлять человек, реализуя свои высшие стремления.

Принцип свободного объединения нравственных мотивов поведения с иными целевыми мотивами человеческой деятельности реализуется в этике добродетелей. Здесь всегда имеет место объединение собственно моральной мотивации и иных целей, т.е. практических достижений в различных областях социальной деятельности. Реализовать такие достижения без социальных умений оказывается невозможно, но формирование социальных умений требует усилий воли, в определенном смысле — мужества.

Как это ни парадоксально звучит, но даже такие традиционно негативно воспринимаемые в сознании человека феномены, как смерть, болезни, потеря потенций жизни, могут задавать человеку стимулы его деятельности. Представьте себе, что мы были бы бессмертными существами: тогда мы не ценили бы время нашей жизни, не работали бы столь интенсивно, как работаем сейчас, чтобы успеть реализовать себя.

С точки зрения моральных компонентов бытия можно проанализировать и другие феномены, например любовь. Несомненно, что любовь может быть определенной основой творчества, желания жить во имя другого человека. Для этого необходимо только то, чтобы любовь не была сведена к чисто прагматическому наслаждению другим.

Рассадина Анисия Валерьевна
обучающийся специалитета
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Формирование отношения к рабочим животным (на материале мультфильма «Лис и пес»)

В современном мире дети с раннего возраста смотрят мультфильмы. Они оказывают большое влияние на формирование понимания этого мира, поскольку в упрощенной форме показывают этические принципы нашего общества. Взглянув на героя, зритель почти всегда может безошибочно определить, является данный герой положительным или отрицательным. Все благодаря мелочам, тщательно продуманным анимационной студией.

Часто в мультфильмах можно увидеть рабочих животных. В нашем исследовании мы рассматриваем, какое отношение будет формироваться у ребенка к рабочей собаке после просмотра мультфильма «Лис и пес».

Селекционеры с давних времен производили отбор собак с необходимыми физическими качествами и поведенческими характеристиками и разводили их, поэтому сейчас мы можем говорить о группах пород на основе их деятельности. Охотничья собака должна быть соответствующей породы. Кроме того, она должна обладать следующими физическими качествами: крепкое телосложение, выносливость, быстрота, ловкость, хороший слух, превосходное зрение и обоняние. Много зависит от хозяина, ведь именно он должен выстроить хорошие взаимоотношения с собакой. Животное должно быть обучено специальным навыкам: уметь брать след, удерживать добычу в ловушке, дожидаться правильного момента для нападения, подавать голос, знать команды.

Все эти качества есть в Коппере — псе, приобретенном Амосом Слейдом. Если обратить внимание на некоторые морфологические признаки Коппера, а именно на длинные висячие уши, вытянутую морду, пятнистую окраску, можно предположить, что он является кокер-спаниелем. В первые дни он уже демонстрирует великолепные возможности своего нюха, учуяв лисенка в лесу. Подойдя к дикому животному, он начинает выть и объясняет это так: «Нам так положено, когда находим то, что искали». Так зритель воспринимает Коппера главным образом как пса, ориентированного на охоту.

В начале своего охотничьего пути Коппер обучается быть охотничьей собакой. У него это не всегда получается, однако он старается, и в итоге его хозяин Амос Слейд оценивает Коппера как хорошую охотничью

собаку. Создатели мультфильма подталкивает на мысль, что правильно подобранная и обученная охотничья собака является незаменимым помощником для охотника, такая собака значительно повышает эффективность охоты.

В мультфильме Коппер сдружился с лисом, однако такая дружба противоречит рабочим задачам Коппера — помогать в охоте хозяину. Коппер сначала отвергает такую дружбу из-за противоречия своим рабочим обязанностям, однако впоследствии он крепко сдружился с лисом.

Проанализировав поведение Коппера в ситуациях охоты, мы можем сказать, что ему присваиваются человеческие черты, выражающиеся в этических принципах. Так, Коппер должен следовать этике охотника: в первую очередь соблюдать этику разумного природопользования и экологическую этику (Каледин А.П., Абдулла-Заде Э.Г., Юлдашбаев Ю.А. *Этика охоты, этика охотника // Международный научный журнал*. 2015. №6. С.88-92). У Коппера-охотника, как и у человека-охотника, складываются определенные моральные качества. Можно сказать, что Коппер соблюдает «Кодекс чести» охотника и бережно и уважительно относится к природным ресурсам, а выбор в пользу дружбы с лисом показывает моральный выбор Коппера, который стоит на взаимном уважении и обоюдной симпатии.

Таким образом, при просмотре данного мультфильма у зрителя формируется понимание, что хороший рабочий пес — это тот, который обладает не только специальными навыками, но и моральными качествами, которые не мешают ему в охоте. Рабочий пес в данном мультфильме отождествляется с охотником-человеком, у которого тоже должны быть моральные качества для ведения охоты.

Рувимова Наталья Валерьевна

старший преподаватель

Первый Московский государственный
медицинский университет им. И.М. Сеченова

Этические проблемы непрямой коммуникации

Приведём определение непрямой коммуникации, данное лингвистами, поскольку именно в рамках лингвистики феномен лучше всего изучен: «Непрямая коммуникация — содержательно осложнённая коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» (2, С.25).

В философии феномен нашёл отражение в виде следующих основных теорий и практик:

1. концепция целесообразной истины в буддизме;
2. коаны дзен;
3. майевтика Сократа;
4. «перформансы» Диогена Синопского;
5. евангельская притча;
6. «непрямое сообщение» С. Кьеркегора.

Наиболее концептуально разработанной является теория Кьеркегора. Однако в философии мы не найдём развёрнутого обсуждения этики не прямой коммуникации.

Психология может предложить определённые правила. Они касаются сократического диалога, запрета его использования в следующих случаях:

1. психотические состояния;
2. острые кризисные состояния (реакции горя, угроза суицида в острой фазе);
3. необходимость проведения психообразования (1, С.55).

Философские теории не прямой коммуникации основаны на предпосылке существования абсолютной истины, которая в силу ряда причин (неподготовленность слушателя и т.п.) должна сообщаться в не прямой форме — именно поэтому феномен не был предметом этического осмысления. В наше время не прямая коммуникация используется в разных сферах и с разными целями. Этику не прямой коммуникации можно рассматривать в следующих аспектах:

1. Этика «отправителя»:

а) какие цели преследует тот, кто «отправляет сообщение», насколько его намерения могут быть охарактеризованы как благие? В перечисленных выше практиках однозначно ставятся благие цели;

б) имеет ли отправитель не прямого сообщения право им быть, действительно ли он может научить и помочь? У Кьеркегора есть объяснение использования им косвенного сообщения, основанное на том, что он не обладал «авторитетом», т.е., в его понимании, не был апостолом (6). В то же время он писал, что «знает, что такое христианство» (6). В рамках психотерапии эти проблемы касаются степени профессиональной и психологической зрелости терапевта для реализации сократического диалога;

2. Этика «получателя»:

а) проблема свободы — хочет ли получатель сообщения участвовать в коммуникации, нужна ли ему истина? Кьеркегор писал, что читателя необходимо подводить к истине «незаметно для него» (6);

б) как гарантировать, что получение сообщения пойдёт получателю во благо?

3. Этика непрямой коммуникации как метода:

а) должен ли способ коммуникации быть прозрачным, чтобы быть этически оправданным?

б) является ли всякая непрямая коммуникация в т.ч. манипуляцией? Лингвисты рассматривают манипуляцию как непрямую коммуникацию (3). Кьеркегор называл непрямую коммуникацию «благочестивым обманом» (6), в буддийских источниках она описывается как «уловка» (4). Милтон Эриксон оправдывал манипулятивные методы в психотерапии и активно их использовал (5).

Литература:

1. Бурдин М.В., Игнатова Е.С. Психологическое консультирование и психотерапия: технология сократического диалога. Пермь, 2019.

2. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и её жанров: взгляд из 2013-го // Жанры речи. 2014. №1-2(9-10). С.22-49.

3. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №5(47): в 2-х ч. Ч.1. С.156-162.

4. Фалёв Е.В. Учение о целесообразной истине в «Комментарии» Дхармакирти // Философские науки. 2012. №3. С.77-84.

5. Эриксон М. Мой голос останется с вами. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.

6. Kierkegaard S. The Point of View. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998.

Рудакова Софья Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Основные положения критики М. Оцуки кантианского аргумента в пользу консеквенциализма правил Д. Парфита

В рамках доклада будет показано, почему американский философ Майкл Оцука считает невозможным объединить кантианство с консеквенциализмом.

Кантианский аргумент в пользу консеквенциализма является основной частью обоснования тройственной теории Д. Парфита. Британский философ разрабатывает данную теорию в связи с глубочайшей проблемой морали. Он формулирует дуализм практических оснований в

терминах морального рационализма и эгоизма. Первый гласит, что «у нас всегда есть разумные основания следовать долгу. Неразумно поступать морально неверно» (3, с.141) Согласно второму, неразумно поступать против собственных интересов. Д. Парфит видит основную угрозу в том, что отсутствие возможности сопоставить основания может привести к допущению морально неверных поступков (3, с.143) Поэтому британский философ ставит задачу доказать отсутствие оснований поступать неправильно. Тройственный принцип соединяет кантианскую формулу, контрактуализм, консеквенциализм и является критерием морально правильного. Анализ критики основного аргумента в пользу кантианского консеквенциализма правил позволит определить пределы сближения двух влиятельных подходов в моральной философии. Это является частью оценки варианта решения глубочайшей проблемы морали.

Реконструкция обоснования кантианского консеквенциализма правил в рамках исследования была произведена на основе 1 тома «О важном» Д. Парфита. Основным источником критических идей Майкла Оцуки выступила статья «Кантианский аргумент в пользу консеквенциализма» из сборника «Эссе о книге Дерека Парфита «о важном».

В рамках доклада будут решены следующие задачи:

- определение кантианского консеквенциализма правил Д. Парфита;
- реконструкция основных положений кантианского аргумента в пользу консеквенциализма;
- анализ основных положений критики М. Оцуки;
- сопоставление тезисов М. Оцуки с реакцией Д. Парфита.

Кантианский консеквенциализм правил состоит в утверждении, что «каждый должен следовать принципам, которые будучи всеобщим законом, обеспечивают наилучшее положение дел, потому что только эти принципы каждый может разумно желать в качестве универсальных законов.» (3, с.25) Один из аргументов Д. Парфита состоит в том, что кантианская формула позволяет человеку быть консеквенциалистом максим. (3, с.22) М. Оцука разбирает аргумент в пользу данного тезиса и показывает, что он верен, только если в рамках широкого рассмотрения оптимифичного принципа, не-консеквенциалистские взгляды будут переопределены как версия консеквенциалистских. (2, с.77) Под широким пониманием оптимифичного принципа М. Оцука подразумевает учет принципа уважения индивида самого по себе. (2, с.68) Философ считает, что кантовскую формулу категорического императива «...поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» (1, с.169) невозможно соединить с консеквенциалистским принципом максимизации всеобщего блага. Вместе с этим, М. Оцука считает, что несводимость кантианского контрактуализ-

ма к консеквенциализму не уменьшает масштаба, креативности вклада Д. Парфита в моральную философию.

Литература:

1. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках: в 4 Т./ под ред. Н.Мотрошиловой, Б.Тушлинга. М.: Московский философский фонд, 1997. Т.3. С.39-277.
2. Otsuka M. The Kantian Argument for Consequentialism// Essays on Derek Parfit's On what matters/ ed. by J.Suikkanen, J.Cottingham, Blackwell Publishing Ltd, 2009. p.61-79.
3. Parfit D. On what matters: in 2 vol. Oxford: Oxford university press, 2011. V.1. – 540 p.

Руженцев Сергей Евгеньевич

д-р филос. наук; профессор

Воронежский государственный

медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

Моральные оправдания субъектов политики

Любые практические действия всегда порождают необходимость обращения к аргументации, связанной с объяснением целей и мотивов предпринимаемых действий и с их моральными оправданиями перед другими участниками взаимодействия. Оправдательная аргументация призвана подкреплять уверенность в избранных шагах, обеспечивать поддержку своих сторонников и формировать чувство правоты субъекта, обоснованность избранных целей и средств их достижения.

Обращение к морали в политической сфере всегда подкрепляется идеологическими, культурными, социальными инструментами, нацеленными на формирование в обществе положительного образа предпринимаемых мер и усилий носителей власти. В этом случае мораль низводится до утилитарно подчиненного статуса, вспомогательного инструментария.

Политическая логика апеллирования к моральным установкам также основана на стремлении получить субъектом преференций для своей позиции. Интересы субъекта должны оказываться доминирующими в отношениях с ближайшим окружением, от которых его зависимость является повседневной, утилитарной. Этот утилитаризм порождает веру в свое доминирование, возможности манипулирования общественным сознанием посредством обращения к политтехнологиям, благодаря чему моральная аргументация становится элементом воздействия на сторонников и избирателей. Поэтому моральные установки превращаются не более чем в подспорье политической практики, позволяя опре-

делять идеологические предпочтения и ориентации субъектов политики, превращая их действия в откровенно нравственно беспринципные.

В политической сфере деонтологические установки проявляются в двух ипостасях. С одной стороны, они имеют личностное значение для индивида, так как определяют характер его поступков и волевые качества сообразно сложившимся моральным убеждениям. Ведь любой субъект все равно будет сверять свой моральный компас с обстоятельствами политической целесообразности. Их сочетание формируют внутреннюю уверенность в правильности избранных шагов. С другой стороны, деонтологические предписания — следствие идеологических ориентиров, закладывающих набор групповых ценностных предпочтений. Они могут нести иллюзорные посылки и цели, которые задают круг моральных постулатов для сторонников избранных политических идей. Такая иллюзорность идеологических предпочтений неизбежно формирует содержание моральной аргументации.

Задаваемый злободневными социальными интересами и корпоративной повесткой коридор моральных и идеологических постулатов неизбежно ограничивает возможный набор предпочтительных действий отдельного субъекта политики, вынуждая его согласовывать свои нравственные ориентиры со сложившимися целями и внешними обстоятельствами.

Кроме того, трудно найти в политической практике какое-то подобие деонтологических правил, которые выступали бы в качестве руководящей линии поведения. В этом состоит парадоксальность морали в политике — ее нормы видятся мало заметными, но их игнорирование стоит дорого. Поэтому вся моральная императивность в политике несет феноменологический оттенок ситуативности, предполагающей последующую субъективацию социума в соответствии с целеполаганием доминирующих интересов. Такая субъективация неизбежно содержит в себе определенное деформирование самого субъекта, поскольку становится сопутствующим фактором деятельности.

Особенности моральной аргументации для оправдания действий и позиций в политике определяются несколькими условиями:

- политическая целесообразность диктует границы и характер использования моральных сентенций;
- моральный дискурс в политике зачастую имеет двойственную сущность и может крайне слабо коррелироваться с характером деятельности субъекта;
- любое моральное положение не содержит в себе абсолютного обязательства в отношении других участников политического взаимодействия.

Моральная аргументация несет своеобразный «прикладной» характер, не выступая результатом нравственной рефлексии индивида, хотя и предполагает согласование моральных интересов и позиций сторон с точки зрения социальных интересов. Мораль в таком случае камуфлирует истинные цели проводников конкретного курса. Тем самым она помогает прагматичным образом сохранить лицо субъекту политики, который стремится реализовать свои установки, либо манипулировать другими людьми.

Рыбаков Всеволод Вячеславович
канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

Взаимозависимость и хрупкость жизни:

«эстетика заботы» как практика ненасилия

Одной из актуальных этических проблем современности является проблема практик ненасилия, противостоящих как прямым и открытым актам насилия, так и насилию, реализующемуся косвенно или системно. Всегда ли возможна стратегия ненасилия, всегда ли необходимо за нее ратовать? Не следует ли признать, что в определенных ситуациях насилие есть то, чего невозможно избежать и на что, следовательно, необходимо решиться? Не содержит ли сама жизнь, устроенная по принципу роста и борьбы, насилие в качестве своего структурного элемента? Если да, в чем смысл ратования за стратегию ненасилия, и как именно она должна осуществляться?

В книге «Сила ненасилия: Сцепка этики и политики» (1) Джудит Батлер обосновывает осмысленность стратегии ненасилия, указывая на реляционную сущность нашей самости и взаимозависимость всех живых существ. Взаимозависимое устройство жизни означает, что, нанося по кому-то удар, субъект насилия одновременно ударяет и по самому себе, поскольку ударяет по многочисленным связям, установленным им с другими существами и являющимися частью его реляционной самости. Выбор стратегии ненасилия всегда остается возможным — даже в тех ситуациях, в которых, на первый взгляд, наиболее естественной и почти неизбежной реакцией кажется насилие.

Но как сделать ненасилие устойчивой практикой большого количества людей, причем так, чтобы оно не останавливало развитие жизни? Апелляции к рассудку или нравственности здесь оказывается недостаточно, поскольку рассудок — увы, исторические примеры свидетельствуют об этом, — способен оправдать насилие, подобрать аргументы

для обоснования его разумности и даже необходимости. Скорее, страховку от падения в насилие (а также в его последующее оправдание) следует искать в выработанной привычке ненасилия, всегда-уже реализуемой как некая ежедневная продуктивная деятельность.

В контексте так раскрываемой этической проблемы ненасилия нам представляется продуктивным обращение к наработкам современной практической эстетики — совокупности эстетических исследований и практик, фокусирующих внимание на повседневных действиях людей в разрезе подлежащих этим действиям эстетических ценностей и привычек. В особенности актуальными представляются исследования Юрико Сайто, сочетающей энвайронментальную эстетику с осмыслением дизайна в рамках «эстетики заботы» (2). В целом, практическая эстетика указывает на принципиальную значимость эстетической приверженности чему-либо, закреплённой на уровне телесных привычек. Из возвышенного чувства долга можно совершить единичный героический поступок, однако в своей ежедневной практике человек руководствуется, скорее, сформированным чувством удовольствия.

Проект «эстетики заботы» подразумевает комплекс эстетических ценностей и привычек, складывающихся в сложную практику заботы о жизни, которую лучше всего мыслить по образу садоводства как непрекращающегося ухода за живым существом. В частности, в эту практику входит замещение консьюмеристских привычек, связанных с одноразово-утилитарным использованием чего-либо, и принятие эстетических ценностей времени, изменения, ветшания, старения, починки, бережного отношения к живым существам и материальным вещам. Одновременно искусство садоводства подразумевает своевременное осуществление микронасилия (например, подстригание, пересадку и т.п.), которое не убивает живой организм, но, напротив, идет ему на благо, а также упреждает накопление потенциала для насилия, чреватого уничтожением.

С этой точки зрения, сохранение прорывов насилия следует объяснять недостаточной сформированностью практик заботы о жизни, а повышение вероятности выбора стратегии ненасилия следует связывать с выработкой привычек заботы о жизни, подразумевающих, в том числе, соответствующие эстетические ценности и модели эстетического опыта.

Литература:

1. Батлер, Дж. *Сила ненасилия: Сцепка этики и политики*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 224 с.
2. Yuriko Saito. *Aesthetics of Care: Practice in Everyday Life*. London, Bloomsbury Academic, 2022.

Рыжова Мира Юрьевна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

На перекрестке традиций и прогресса: этические дилеммы освоения Севера

Реализация глобальных транснациональных логистических проектов неизбежно сталкивается с конфликтом интересов. Создание новых железнодорожных и морских коридоров, трубопроводного транспорта неизбежно ведёт к деградации старых маршрутов, экономическим и геополитическим потерям, а также к социальным конфликтам, порождаемым изменениями прилегающих территорий и традиционного образа жизни народов, проживающих на них. Данный феномен требует этического анализа. Учитывая явное противоречие интересов глобального общества и меньшинства в лице малых коренных народов целесообразно рассмотреть вопрос с позиции этики утилитаризма.

Изменение бытового уклада, сокращение возможностей для традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов севера (КМНС), проживающих в циркумполярной зоне, является аспектом для нравственного анализа. Данная проблема не является новой, так как активное освоение Арктики ресурсодобывающими компаниями уже привело к сокращению площади земель, пригодных для пастбищ северного оленя, ухудшению условий для занятия традиционными промыслами — охотой, рыболовством, сбором дикоросов.

Существует конфликт интересов между стремлением КМНС сохранить свой традиционный образ жизни и экономическими интересами компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых, нефти, газа, прокладкой новых транспортных маршрутов. Непосредственное влияние на взаимоотношения между коренными народами и недропользователями оказывают мировые СМИ, деструктивная деятельность различных некоммерческих и общественных организаций, беззастенчиво эксплуатирующих этническое самосознание КМНС.

Основной работой по данной проблеме является «Этика севера», написанная коллективом авторов Центра прикладной этики Института проблем освоения Севера (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, Ю.М. Федоров, В.Т. Ганжин, М.Г. Ганопольский, С.В. Соколовский, А.Ю. Согомонов, А.В. Артеев, Л.С. Березин). Данная работа наглядно показывает пути развития взаимоотношений между интересами обеих сторон, так как ее авторами впервые был предложен комплексный этический анализ так называемого Ямальского конфликта между ресурсодобывающими компаниями и коренными народами севера в его эколо-

гических и этносоциальных аспектах. В результате полевых экспедиций, описано восприятия местным населением промышленного освоения Арктики и связанных с ним ожиданий, миграционного и экономического поведения в работе Е.В. Потравной «Гендерные особенности восприятия экологических проблем коренными народами севера России». В работе А.В. Головнева «Новая этнография Севера» содержащей фактический материал экспедиций и важные обобщения, автор наглядно показывает, как мировые СМИ оказывают влияние на сознание КМНС, меняют их традиционные и культурные особенности. В данных работах применялись социологические опросы, методы этнологической экспертизы проектов.

Из изложенного видно, что до настоящего момента приоритет в изучении проблем КМНС принадлежит ученым-этнографам, историкам и социологам. Таким образом этико-философское осмысление культуры и быта КМНС, в контексте принимаемых правительством административных решений по ускоренной индустриализации Арктики, требует анализа негативных явлений в различных аспектах государственной политики, факторов неизбежной трансформации традиционной хозяйственной культуры этих народов.

Рыскельдиева Лора Турарбековна

д-р филос. наук; профессор, член-корр. РАН
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

«Законодатели и виртуозы» или

О метафизическом единстве философии

В последней части «Критики чистого разума» («Канон чистого разума») И. Кант пишет об архитектоничности разума и о метафизике как синониме философии, в которой есть две части: метафизика природы, которая завершает теоретическую часть его философии и метафизика нравов, с которой начинается её практическая часть. Обе эти метафизики, по его мысли, должны подчиняться единству принципа. Там же он пишет о философе как законодателе, который отличается от математиков, естествоиспытателей и логиков, которых называет «виртуозами». Это означает, что то, что он называет единством принципа находится в зоне ответственности философа, а чтобы соединить теоретическую и практическую философию в единство философ должен знать, что он делает.

И. Канту как законодателю удалось такое соединение-сопряжение, но о современной западной философии этого сказать нельзя. Пост-метафизическая эпоха сделала из метафизики своеобразный «чемо-

дан без ручки»: с одной стороны, ущербность не цельного дискурса, с другой стороны, холизм, опасный тоталитаризирующими импликациями. Результат — лакуна между теоретической и практической частями дискурса, заполнение которой в наши дни лежит на плечах «виртуозов» — логиков. В после-Вригтовском контексте они ищут новых связей между фактами и нормами в старом кантианском по архитектонике разуме.

В русской философии такой лакуны нет, а можно увидеть своеобразное «дискурсивное смещение», когда метафизика является первичной для всего дискурса. Роль метафизического основания при этом играет Смысл, не поиск, а утверждение которого является главным делом русского философа. Это видно в самых разных, противоположных по духу и стилистике учениях: смысл как основа Добра и утверждение примата нравственной философии (В.С. Соловьев), прорыв к смыслу как борьба с террором предметности и гносеологии (Н.А. Бердяев), смысл как энтелехическое, выводящее в мир ядро ноземы (Г. Шпет), «У мира есть смысл» (М.М. Бахтин) и др.

Smysl как непереваемость есть особая сущность, признаваемая холистической по преимуществу русской философией в качестве презумпции Целостности. Эта презумпция позволяет реализовать полный, но смещенный по отношению к европейскому, тип дискурса.

Савелов Арсений Денисович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Чему сегодня нас может научить проект этического образования Джеймса Милля?

Несмотря на то, что Джеймс Милль (1773-1836) оказал значительное влияние и на Иеремию Бентама, и на Джона Стюарта Милля, его собственные философские взгляды не привлекают особого внимания исследователей. Между тем, некоторые из них крайне интересны. В рамках данного доклада я проанализирую его теорию этического образования.

Данную теорию Милль развивает в работе «Об образовании» (1828). Это эссе он начинается с утверждения: всякое наше знание черпается из опыта, а точнее из впечатлений, которые позже отпечатываются в уме в качестве идей. Идеи же не просто запечатлеваются в уме, но вместе с другими формируют постоянные цепочки (ассоциации идей). Ум человека оказывается полностью зависимым от обстоятельств, в которые он помещен и из которых он черпает свои идеи и их ассоциации (1, Р. 149). Все существенные различия в характерах людей порождаются обстоятельствами, в которые люди помещены. Образование, по

Миллю, должно работать со всеми обстоятельствами, что влияют на человека походу его жизни (3, 70).

Из этого Милль выводит практические положения: 1) Для морального воспитания индивида необходимо формировать в нем благотворные ассоциации и не допускать формирования пагубных; 2) необходимо показать индивиду, что его счастье достижимо только через достижение счастья окружающими его людьми; 3) необходимо воспитать индивида так, чтобы он был рациональным, то есть чтобы он всегда мог найти благие методы для достижения своего счастья (2); 4) работая с обстоятельствами, которыми окружен индивид, можно придать ему какой угодно характер (от самого пагубного, до самого добродетельного); 5) человека не следует наказывать за пагубные черты его характера, так как они в конечном счете результат воздействия обстоятельств (4, P.113).

В рамках своего доклада я покажу, как разработки Милля относительно формирования в индивиде благотворных ассоциаций, разъяснения методов достижения целей в обществе и влияния обстоятельств на индивидов могут быть применены в рамках современных подходов к этическому образованию. Также будет показана значимость положения о недопустимости наказания индивидов для этического воспитания.

Помимо положительных элементов теории Милля, будет показано, что из его ошибок можно извлечь уроки для будущих теорий образования. Так, его сын Джон Стюарт Милль, отмечал, что система воспитания Джеймса Милля хорошо развивала все, что относится к разуму, однако совершенно ничего в ней не занималось развитием того, что обычно относится к чувствам. Милль старший писал, что целью человека является достижение счастья, не пытаясь при этом исследовать его природу. В рамках доклада на примере «Автобиографии» (1873) Джона Стюарта Милля будет продемонстрирована важность развития, помимо интеллектуальной еще и духовной культуры индивида (5, p.139-143).

Литература:

1. Ball T. Psychology, Associationism, and Ethology // A Companion to Mill / ed. by Christopher Macleod and Dale E. Miller. Hoboken: Wiley, 2016. pp. 145-159.

2. Ball, Terence and Antis Loizides, «James Mill», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/james-mill/>>.

3. Mill J. On Education. Cambridge: CUP, 2010. P. 204

4. Mill J. «Essays on the Formation of Human Characters.» Philanthropist, III: 10, 1813. pp.93-119.

5. Mill J. S. The Collected Works of John Stuart Mill. Vol 1. Toronto: University of Toronto Press, 1981. 766 p.

Савенкова Анастасия Сергеевна

канд. социол. наук; ассистент

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Институциональные и этические детерминанты виктимизации учителя в современной России

Школа является одним из старейших и важнейших социальных институтов. На протяжении большей части отечественной истории социальный статус педагога, наставника был весьма высоким, зачастую сакральным. Авторитет достигался за счет требований к уровню компетенции и моральному облику представителя профессии. В настоящий момент престиж профессии учителя в Российской Федерации существенно снижается, что порождает множество институциональных, правовых и этических проблем. С одной стороны, сохраняется представление о работе в школе как о призвании, требующем большей отдачи и вовлеченности в сравнении с иными видами труда. Такие социальные ожидания оказывают существенное влияние на повседневность педагога. Например, увольнение посреди учебного года нередко становится моральной дилеммой, побуждая учителя размышлять, не предал ли он школьников. Женщина-педагог может планировать декретный отпуск на начало учебного года: так учащимся будет проще адаптироваться к новому педагогу. Несоответствие общественным представлениям нередко лежит в основе конфликтов, стигматизации внутри педагогического коллектива. Учитель, ограничивающий свою деятельность преподаванием дисциплины согласно программе, маркируется коллегами как «ненастоящий педагог», «урокодаватель». Последняя проблема особенно актуальна в условиях дифференциации образа педагога, обуславливаемого «кадровым голодом» и относительной доступностью бюджетных мест в университетах по профилю педагогического образования.

Вместе с тем, наблюдается утрата субъектности школы, как института и общественной организации. Используя терминологию П. Бурдьё, школа становится доминируемым агентом, её деятельность вторична и подчинена другим институтам. В частности, школа выполняет ряд функций института опеки. Так, классных руководителей принуждают осуществлять поквартирный обход с целью мониторинга условий жизни учащихся, следить за активностью школьников в социальных сетях. Нередко на учителей возлагаются обязанности работников коммунальных служб, органов правопорядка (убирать улицы, регулировать дорожное движение).

В ситуации конфликта с учащимися либо родителями школьников, позиция педагога является амбивалентной и уязвимой. В случае физического, морального или социального насилия учитель виктимизируется как самими агрессорами, так и надзорными органами, социальным окружением. В силу особенностей правоприменительной практики маловероятно наступление уголовной ответственности для несовершеннолетнего даже при условии существенного физического или материального ущерба. Со стороны родителей, общественности весьма вероятно представление о пострадавшем педагоге как о некомпетентном работнике, не сумевшим найти подход к учащемуся. Отстраненная, бессубъектная позиция нередко демонстрируется и администрацией учебного заведения (1). Во многих конфликтных ситуациях непосредственное руководство предпочитает не вмешиваться в конфронтацию, предоставляя педагогу самому решать проблему, либо требует пойти на уступки другой стороне.

Проблема масштабируется в условиях типичной для профессии низкой заработной платы, что вынуждает учителей работать на несколько ставок. В свою очередь, высокая нагрузка обуславливает снижение качества преподавания и конфликты с коллегами (например, при необходимости замены находящегося на больничном педагога).

Таким образом, помимо катастрофически низкого уровня доходов, положение педагога усугубляется за счет противоречивости социальных ожиданий, размывания спектра профессиональных обязанностей и неспособности администрации образовательных учреждений действовать в интересах работников.

Литература:

1. Ганузин В.М. Насилие, направленное против учителей: анализ современных исследований // Проблемы современного образования, 2022. №6. С.80-88.

Савинов Родион Валентинович
канд. филос. наук; доцент

Российский государственный гидрометеорологический университет

Топос добродетели: статус этического сообщества в «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля

1. «Феноменология духа» (см. 1) представляет собой сложный текст, который охватывает собой динамику развития не только индивидуально (единичного) сознания, но и сознания intersubjectивного, которое воплощается в коллективных, социальных формообразованиях. В основе этих последних лежит специфическое понимание Гегелем социаль-

ности как диалектической модели, которая складывается из сложных структур.

2. В системе «Феноменологии духа» социальность полагается исходно как нравственность, т.е. субъективные отношения, связанные с особенностями человеческой субъективности (мужское/женское, общественное/личное, правовое/неправовое), а затем эта сумма отношений возводится в степень объективно-исторических отношений, образованности, в которой ключевым является отношение к истине и, соотв., к способам ее легитимации – гетерономии (самоотчуждение) и автономии (просвещение). Выход из противостояния автономии и гетерономии Гегель находит в моральности, т.е. в некоей модели естественного права, где долг и возможности находятся в единстве.

3. Таким образом, социальность у Гегеля выступает прежде всего как этическое сообщество, которое полагает себя в развитии фундаментальных моментов: от естественной и природной данности первого уровня отношений между людьми (отношения полов, переходящие в отношения родственные) до уровня высшего долженствования, которое реализуется в формообразованиях религии, искусства и науки. Это разрешение долженствования в области творчества приводит к мысли о том, что этическое сообщество конститутивно для реализации творчества, поскольку оно существенно intersубъективно. Важнейшим же аспектом intersубъективности в понимании Гегеля (в отличие от гуссерлевского понимания intersубъективности) является ее связь с коллективным действием и этической активностью, в которой все представители этого сообщества выступают как одинаково значимые субъекты.

4. Определение, которое предлагает Гегель, указывает на специфику этого положения дел: «Духовная сущность сознания уже была обозначена как нравственная субстанция, но дух есть нравственная действительность <...> Эта субстанция есть точно также всеобщее произведение, которое создаётся действием всех и каждого как их единство и равенство, ибо она есть для-себя-бытие, самость, действие» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Шпета. М: Наука, 2000. С.223).

5. Таким образом, с одной стороны, в пространстве творчества, осуществляющиеся в этическом сообществе, осмысляемом как пространство общей активности, находит свое разрешение кантовская (и фихтевская) оппозиция гетерономии и автономии моральных норм, с другой стороны, эстетический индивидуализм шеллингианства. В рамках этического сообщества вступают в отношения мужчины и женщины, социальные группы и даже идеологии, нравственное содержание которых – т.е. отношение их к истине через возможность творческого взаимодействия – конституирует развитие форм культуры (абсолютного духа).

Садыкова Елена Рафаиловна
магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Принятие этических решений (EDM Ethical Decision Making) в зарубежной HR практике

Особенность профессиональной деятельности и постоянное балансирование между интересами компании и сотрудниками создает для HR большое количество ситуаций, требующих этических решений. Согласно текущему пониманию роли HR ответственен за внедрение этических кодексов и корпоративной культуры, направленной на постоянное развитие компании.

В рамках обучения EDM в HR чаще всего рассматривается модель Реста, она состоит из четырех блоков:

- **Моральная чувствительность:** HR осознает, что существует этическая проблема и осознает моральные последствия ситуации. Это предполагает выявление потенциальных конфликтов между различными ценностями и интересами сторон.
- **Моральное суждение:** HR оценивает ситуацию и возможные варианты действий, основываясь на этических принципах, нормах и ценностях.
- **Моральная мотивация:** Этот компонент направлен на внутреннюю мотивацию HR действовать этично. Он предполагает готовность ставить этические соображения выше личных или организационных интересов, даже сталкиваясь с потенциальным риском последствий решения.
- **Моральный характер действия:** Компонент относится к моральному облику и честности специалиста по управлению персоналом. Он отражает соответствие между этическими убеждениями и поведением, подчеркивает важность действий в соответствии со своими моральными убеждениями.

Но обучение методам EDM, как показывает большое количество исследований, не всегда помогает принимать верные в этическом плане решения. Современные исследователи в попытке найти решение этой проблемы предлагают применить к модели Реста этику добродетели. Они считают, что характер, основанный на этике добродетели, должен быть включен в модель EDM, и именно это может объяснить, «как рассматриваются этические проблемы и почему не/выбираются определенные действия» человеком. Во-вторых, добавление индивида приводит к большей практической и описательной направленности. «Действия моральных агентов не являются ни независимыми, ни зависимыми

от социальной структуры, а скорее позиционируются в рамках социального пространства. Индивид и контекст оказывают взаимное воздействие, поскольку они тесно связаны». И третий аспект — это развитие характера индивида в результате практики добродетельного опыта.

Часть HR сообщества считает, что для деятельного проявления своей этической миссии в компании нужна определенная смелость и настойчивость. Э. Картер в своей статье, вспоминая прогремевшие в Великобритании случаи вопиющего нарушения корпоративной этики, спрашивает: «Чем занимались директора по персоналу News of the World, больницы среднего персонала, а также банков до того, как об их компаниях узнали и их корпоративная репутация рухнула? Как получилось, что незаконная или неэтичная практика так долго оставалась незамеченной?». По ее мнению, пришло время для продолжения профессионального развития в области этики (CPD in hr ethics). Необходимо снова ответить на вопросы о фактической роли HR в компании, являются ли они примерами добросовестности, честности и открытости?

На мой взгляд, такой запрос в профессиональной среде может говорить о необходимости развития в профессии HR добродетельных черт характера для способности отвечать на современные бизнес вызовы и принимать этически правильные решения. Как пишет Розалинд Хертхаус эта способность ответа на внешние обстоятельства — отзывчивость на «запросы мира» формируется из черт характера, которые позволяют проявлять эту отзывчивость и жить морально достойной жизнью.

Литература:

1. Vivek Naithani, Dr Akhil Goyal Ethics in Human Resource Management: A Conceptual and Theoretical Analysis. URL: <https://resmilitaris.net/uploads/paper/a73bc1c7918a8419b13125bcea9d2a14.pdf>
3. Dave Ulrich (и др.) The Rise Of HR. Wisdom from 73 thought leaders. URL: https://www.hrci.org/docs/default-source/default-document-library/the-rise-of-hr-wisdom-from-73-thought-leaders.pdf?sfvrsn=d4ecf1e3_1
3. Alison Carter Ethical dilemmas in HR practice. URL: <https://www.employment-studies.co.uk/system/files/resources/files/mp111.pdf>
4. Brenda Nguyen, Mary Crossan Character-Infused Ethical Decision Making. URL: <https://doi.org/10.1007/s10551-021-04790-8>
5. Розалинд Хертхаус Этика добродетели. URL: https://www.philosophy.ru/ru/virtue_ethics/#_Toc510781587

Семенова Татьяна Владимировна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Конфликт корпоративной культуры и индивидуальных ценностей

Корпоративная культура является одним из самых важных компонентов успешной работы любой организации. Корпоративная культура представляет собой совокупность ценностей, убеждений, норм и ритуалов, которые объединяют членов коллектива и определяют их поведение в рабочей среде.

Столкновение личных ценностей и корпоративной культуры является явлением, которое можно наблюдать в любом коллективе. Это противоречие может возникать по разным причинам: различие в этических нормах, несовпадение рабочих приоритетов, различные взгляды на баланс работы и личной жизни.

Но безусловно конфликт между личными ценностями и корпоративной культурой опасен, так как он может привести к снижению мотивации сотрудника, возникновению стрессовых ситуаций, ухудшению взаимоотношений с коллегами и даже к увольнению.

Решение конфликтов между личными ценностями и корпоративной культурой возможно путем различных стратегий. Во-первых, организация может учитывать разнообразие личных ценностей при формировании корпоративной культуры, создавая более гибкие и инклюзивные условия работы. Во-вторых, открытая и честная коммуникация между сотрудниками и руководством помогает выявлять и разрешать противоречия на ранних стадиях. В-третьих, корпоративное обучение и программы повышения квалификации могут быть направлены на развитие навыков эффективного взаимодействия в команде. В-четвертых, компании могут предоставлять сотрудникам возможность участия в принятии решений, повышая таким образом их вовлеченность и удовлетворенность работой.

В каждом коллективе периодически появляются недовольные сотрудники, которых можно отнести к двум категориям. Первая — «негативщики, пессимисты, нытики, ворчуны», которые всегда находят повод для недовольства и негативных высказываний. Их поведение отличается от принятого в коллективе тем, что они публично выражают свое разочарование и недовольство, часто подрывая общий моральный дух команды. Эти работники склонны негативно реагировать на изменения и нововведения, постоянно предсказывая неудачи и провалы. Их постоянные жалобы и возмущения вызывают у окружающих состояние стресса и могут

снизить общую производительность команды. Командное сотрудничество с ними осложнено, так как любое предложение или инициатива принимается ими с ворчанием и критикой. И вторые — «несогласные, но делающие». Они могут выражать сомнения и несогласие с теми или иными решениями руководства, однако, в отличие от негативщиков, они выполняют поручения и задачи вовремя и часто на высоком уровне качества. Их поведение отличается от принятого в коллективе тем, что, несмотря на внутренние разночтения с руководством или стратегией компании, они остаются профессионалами в своих действиях.

И кажется, что самым простым решением является увольнение, но единственно ли это правильное решение? И где та этическая грань, когда конфликт корпоративной культуры вступает в конфликт с индивидуальными ценностями и уже становится непреодолимым в рамках конкретной организации?

Демонстративное несогласие с позицией начальства на совещаниях не всегда свидетельствует о нехватке преданности компании. Напротив, это может являться своеобразным выражением заботы о благополучии и успехе будущих и настоящих проектов.

Важно создать корпоративную культуру, основанную на следующих принципах:

- изменения воспринимаются как неотъемлемая часть развития и роста;
- руководство открыто и прозрачно объясняет причины и цели изменений, вовлекает сотрудников на всех уровнях в процесс их планирования и реализации; пессимистам важно видеть, что их мнение и переживания учитываются, а не игнорируются;
- ценностью является атмосфера доверия и взаимного уважения между руководством и сотрудниками;
- постоянное информирование, поддержка и обратная связь являются ключевыми элементами в управлении изменениями.

Сергеева Василиса Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Этика семейного воспитания в художественной литературе советского периода (60-е – 80-е годы XX века)

Семья играет основополагающую роль в нравственном воспитании детей. Семейное воспитание оказывает важнейшее влияние на становление системы моральных ценностей у ребенка. Одним из наиболее

значимых средств воспитания этических норм и ценностей является чтение художественной литературы. Дети и взрослые соперничают литературным героям, оценивают их поступки, благодаря чему у них формируются и корректируются представления о нравственности. В литературных произведениях советского периода отражены взгляды на семейное воспитание тех лет, а также присутствуют вневременные этические понятия, такие как любовь, взаимопонимание, готовность прийти на помощь, уважение к старшим, любовь к Родине.

Представления о воспитании нравственных норм и ценностей, характерные для определенного исторического периода, находят свое отражение в художественной литературе. Одним из важнейших типов художественной литературы о воспитании является роман воспитания, который исследовал М.М. Бахтин. Он выделяет особенности романа воспитания, к которым относятся формирование личности героя, изменение в личности героя под влиянием жизненных обстоятельств, повествование от первого лица, диалектизм финала.

В советских произведениях художественной литературы представлены особенности семейного воспитания, взгляды на становление системы этических ценностей гражданина, характерные для данного периода. Период 1960-х годов получил название «оттепели», для него была характерна либерализация различных сфер жизни общества, в том числе в сферах семейного воспитания и художественной литературы. В это время происходит становление «деревенской прозы» — литературных произведений, посвященных жизни, быту и нравственным ценностям крестьян. Большое внимание в данных произведениях уделялось особенностям семейного уклада жителей деревни. В «деревенской прозе» поднимались проблемы честности, нравственной ответственности личности за свои поступки, смысла жизни человека, его долга перед старшими членами семьи и перед Родиной, в том числе в контексте восстановления страны после Великой Отечественной войны.

Для 1970-х – 1980-х характерен расцвет художественной литературы. В произведениях этого периода поднимались вопросы ценности жизни человека, добра и зла, равнодушия и участливости, представления о которых прививались в семье. Актуальными остаются проблемы отцов и детей, противоречия деревенских традиций родителей и городского уклада жизни детей, ответственности детей перед родителями, переживания потери близких, исторической памяти.

В советских художественных произведениях, затрагивающих тему семьи, нашли свое отражение такие нравственные понятия, как уважение к старшим членам семьи, любовь, честность, смысл жизни, которые рассматриваются через призму семейного воспитания.

Сиваев Павел Алексеевич
обучающийся аспирантуры
Тулский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Этические парадоксы профессионального научного этоса

В современном обществе наука играет важную роль в формировании общественного сознания и развитии технологий. Однако, как и любая другая сфера человеческой деятельности, наука сталкивается с этическими проблемами и парадоксами. Так, сегодня в силу коммерциализации науки, с одной стороны, и сложной геополитической обстановки — с другой, возникли парадоксальные, с моральной точки зрения, ситуации в сфере профессиональной деятельности учёных.

Стремительное развитие технологического прогресса и динамика спроса на научные разработки в соответствующей сфере обусловили трансформацию ценностного мира учёного, которая, по большей части, продиктована научными заказами со стороны государства и коммерческих организаций. Особо актуальным вопросом с точки зрения профессиональной этики учёного является его деятельность в условиях гонки научных разработок и преследования цели выстраивания карьерного пути, где последнее является причиной выполнения требований заказа, а не задачи развития чистой науки.

Среди принципов, подвергшихся трансформации, выделим такие, как коллективизм, ответственность, чистота науки, незаинтересованность, прозрачность и экологичность. Их антиперспектива была уже ранее подчеркнута Стивом Фуллером в опубликованной им книге «Наука» (1997) по выстраиванию научной карьеры. В ней С. Фуллер противопоставил свои антинормы нормам Р. Мертон — чтобы добиться коммерческого успеха в науке, необходимо не только пренебрегать императивами Р. Мертона, но и действовать наоборот (Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. №4).

Моральная парадоксальность вызывает как внутренние конфликты ценностей, так и внешние конфликты, которые изменяют установившиеся традиции научного этоса. Это сказывается на содержании этики учёного, что не может не отражаться на эффективности работы. Так, сегодня большое количество учёных, задействованных в коммерческом секторе, претерпевают трансформацию моральных установок, обуславливающую абстрагирование от идеалов этики учёного. Создаются профильные организации, задающиеся целью выпуск той технологии, которая будет отвечать требованиям заказа. Заказчик, в свою очередь, особенно жаждущий получить результат без затрат на организацию

безопасности исследований, также не осуществляет контроль за всем ходом создания технологии, проведения экспериментальной части и реализации самого продукта. Современные технологии, создающиеся без должного контроля, системы ограничений, запретов и регулирования, создают огромные риски для общества. Причём те выводы, что исследователь доносит до научного сообщества, не всегда продуманы с точки зрения ответственности дальнейшего использования.

Под влиянием динамичного техногенного развития невозможно долгосрочного прогнозировать безопасность и эффективность созданных технологий. Помимо рисков для физического здоровья, имеют место также риски для ментального здоровья. В данной ситуации, обращаясь к проблеме коммерциализации науки, работы, созданные по теме регулирования профессиональной деятельности учёного в рамках госзаказа, гранта или заказа частного лица и не гарантирующие 100% доказанные временем гипотезы, продолжают пополнять ряды тех, что остаются непрочитанными и не озвученными миру. Это обуславливает иллюзорный эффект науки, когда появляется множество работ, созданных ради денег, а не установления истины. Такие работы могут только заполнить информационное пространство, сделать его неразборчивым и деструктурировать мышление человека.

Таким образом, разрешение в ситуации моральной парадоксальности требует изменения подходов к этико-нормативному регулированию научной деятельности, обновления его основных правил и принципов, что в определённой мере должно адаптировать научное сообщество к происходящим изменениям.

Симонова Ирина Александровна
канд. филос. наук; доцент, директор департамента философии
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

По следам гигантов: о проблеме реставрации зарубежных систем корпоративной этики в российских компаниях

Долгое время крупные иностранные компании, работающие на территории России становились своего рода примерами для отечественных организаций: прецеденты хорошо проработанных систем корпоративной культуры и корпоративной этики были заметны и привлекательны, на успешный опыт таких компаний можно было ориентироваться при создании собственных подходов к управлению. Привлекательность эта связана была, прежде всего, с хорошим развитием HR-бренда таких компаний. Сами сотрудники высоко оценивали атмосферу, подходы к

организации отношений в коллективе, инструменты работы с общим видением миссии и ценностей и др. Приверженность к высокому качеству корпоративной этики позволяла обеспечивать такие компании более качественным персоналом.

С изменением политической ситуации в мире некоторые крупные зарубежные компании приняли решение о сокращении своей деятельности или даже об уходе из России. Вместе с тем, здесь сохраняются коллективы сотрудников — носителей усвоенных в зарубежных компаниях ценностей. Часть коллективов держатся в структуре новых организаций, образованных на оставшейся материальной базе, а также в организациях, присоединивших такие организационные комплексы в свои структуры. Также бывшие работники открывают своё дело или уходят в наём. Во всех этих случаях отмечается ценностная ностальгия и стремление сохранять/воссоздавать ценности и принципы работы исходя из успешного опыта в зарубежной компании.

На основании изучения пяти кейсов (анализ артефактов компании, интервью с сотрудниками и руководителями), где сотрудники после ухода компании продолжают испытывать потребность в воссоздании систем корпоративной этики на новом месте говорит о том, что, во-первых, устойчивая система корпоративной этики для тех, кто успешно эксплуатировал ее в повседневной жизни в компании представляется понятной и крайне полезной. Представители выбирают ценности и принципы, которые уже подтвердили свою эффективность в ходе работы в зарубежной компании.

Однако, общей тенденцией является понимание носителями невозможности полной реставрации систем корпоративной этики. Это побуждает к осторожному пересмотру как имеющихся оригинальных этических инструментов, так и самого ценностного содержания систем. Это делает невозможным использование готовых кодексов, регламентов, систем мероприятий компании — эталона, но заставляет уделять внимание успешным практикам в соотношении с имеющимся контекстом, прежде всего — экономическим. В ходе исследования выявлено, что приоритет отдается ценностям, связанным с общением и взаимодействием с коллективом, вопросам дисциплины, представлениям о возможностях работника, а наиболее уязвимыми оказываются экологические ценности. Проблема реставрации иностранных этических корпоративных систем важна для анализа факторов формирования корпоративных культур и ценностных установок российского бизнеса, определения его слабых мест и поиска возможностей использования позитивного опыта иностранных коллег при сохранении самобытности российских организаций.

Соколов Евгений Георгиевич

д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Конвенция и этикет

Современная этика — довольно странное явление. И по предмету-методу, и по полям распределения, т.е. как в своих теоретических, так и практических ипостасях. При взгляде на тематику предложенных на конференции этого года для обсуждения проблем, а также — заявленных круглых столов, замешательства не миновать: этика животных: проблемы и решения; правовые ценности: традиционные и современные; *The Paradoxes of Moral Identity in Sport*; профессия офицера: этические аспекты; корпоративная и социальная ответственность бизнеса; ценностные конфликты и их потенциал в моральном прогрессе; моральная аргументация в системе права и т.п. Это вообще что такое? Это о чем и как? Если же учесть, что ежегодная осенняя этическая конференция, проводимая в стенах СПбГУ с 2007 г., является самым представительным форумом в нашей стране в этической сфере, призванная продемонстрировать высшие достижения интеллектуальной мысли российских специалистов, а также определить и обозначить «ведущие тенденции» исследовательской деятельности, то не испытать растерянность невозможно. И разного рода элегантные приставки (вроде: меж- междисциплинарность; пост- постклассика; нео- ново-этическое и пр.) не спасают ситуацию, ибо все они, сколь бы ни декларировали свою маргинальность и независимость, все равно удерживают данность дисциплинарного канона в качестве точки отсчета (именования), а значить, по сути дела, являются лишь новомодным утверждением вполне традиционной разметки. Впрочем, этика в этом отношении — не уникальна и не оригинальна. Аналогичные издержки несут и современная философия, и современная наука, и современное искусство, каждую из которых можно уличить в тех же самых несуразностях.

– Все теоретические аспекты современной этики в их текущей наглядности (т.е. в познавательном устремлении) вполне можно свести, с одной стороны, к идеологии (не в дисциплинарном определении де Трасси, но — Маркса, как «превратно-фантазийное», с поправкой — не обязательно негативное), т.е. хрестоматийный вариант лакановского Воображаемого (коллективного), которое никогда не может прорваться к Реальному (сущему, не говоря уже о бытийному). Поскольку же Воображаемое ничем не фундировано, постольку оно — вариативно, локально, ситуационно и легко изменяется. Иначе говоря: конвенциональ-

но и действует лишь в пределах добровольного (или принудительного) акта, заключаемого между людьми. То, что идеология-конвенция поддерживается кортежем юридических нормативов не меняет дела: закон — он ведь всегда темпорален и оказионален. Здесь важно отметить, что все ряды безусловного (онтологический горизонт) выносятся за скобки либо (в зависимости от интеллектуальной вьедливости адресата) как «однажды уже решенное», либо — аксиоматически-директивное-очевидное. Посредством же юридического курирования устраняется экзистенциальный риск. Зачастую, и любой риск (напр. отмена смертной казни).

– Практическая же область этического вполне исчерпывается выработкой (легитимацией) протоколов (конкретных зон-«габитусов»), формированием номенклатурных реестров-институций и инструментально-технологическими трудами (собственно — деятельностью). Разумеется, речь идет весьма нужны практиках, связанных с обустройством различных сегментов ойкумены. Но в том-то и дело, что обозреваемые и осваиваемые сегменты — разнообразны и бесчисленны (и темпорально, и регионально). Критерий же функциональной (социальной) успешности/целесообразности не обеспечивает даже формального, гарантирующего хотя бы минимальную дисциплинарную целостность (позволившую, собственно говоря, и запускать умозрительную рефлексию как таковую) и несегментированное единство реальности.

– В результате же перед нами раскрывает фантастическая картина: из всего современно-этического выпадает (устраняется? вымывается? выдавливается?) идентификационно-базовое. А именно: Благо-Добро, а тем самым и сопровождающие его Истина и Красота. И, как следствие, — всякая Автономность-Суверенность (в том числе и антропологическая). Попытка сконцентрировать пристальное внимание и сделать краеугольным камнем (т.е. максимально актуальным) обиход-хозяйство, неминуемо приводит к утрате самого Хозяина. Иначе говоря — Человека как такового.

– Тем самым Этика — что теоретическая, что прикладная — как древнейший философский регион (даже и в амплуа практической философии) аннулируется. Ну а продолжающий циркулировать в обиходе (в профессиональном в том числе) и прилепляемый ко всему, что ни попадя вербальный индекс (имя) — не более, чем «просто брэнд». Брэнд респектабельности или напротив — эту уж решает текущая конъюнктура времени, обстоятельств и места.

Соколова Александра Сергеевна
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Коммуникативные навыки и этическая зрелость в практике ветеринарного врача

Профессиональный статус ветеринаров накладывает на них обязательства перед клиентами, коллегами, профессией, обществом и животными, что часто приводит к этическим дилеммам. Ветеринары должны защищать интересы обеих сторон, даже если они конфликтуют, что делает ветеринарную этику сложной областью. Этические вопросы играют важную роль в практике, и обучение этике в ветеринарном образовании формирует основы для принятия обоснованных решений.

Ветеринарная этика, как новая область образовательной деятельности, помогает ветеринарам формировать подходы к клиническим случаям и определять приемлемость той или иной практики. Недостаток этической зрелости или чувствительности может затруднить высказывание опасений клиентам и привести к невыполнению обязанностей по уходу за животными, что негативно сказывается на их благополучии. Установление надежных этических рамок поможет ветеринарам свободно «высказаться» для решения проблем благополучия животных.

На данный момент этика не является обязательным предметом для выпускников ветеринарных вузов, и развитию этических компетенций не уделяется достаточно внимания. Обучение этическим навыкам и развитие коммуникативных навыков крайне необходимо для снижения моральной напряженности и принятия этически обоснованных решений. Отсутствует общепринятый образовательный стандарт преподавания ветеринарной этики: в одних программах она изучается как отдельная дисциплина, в других интегрирована в философские или правовые предметы. Необходимо уделить больше внимания систематическому обучению этике в ветеринарном образовании (2).

Одной из ключевых областей конфликта является противоречие между интересами животного и интересами его владельца, который обычно оплачивает лечение. В большинстве юрисдикций животное считается собственностью владельца, что позволяет ему требовать гуманного умерщвления, даже если оно поддается лечению. Это ставит ветеринара перед дилеммой: выполнить требование владельца или защитить интересы животного. Американский философ Бернард Эллиот Роллин называет этот вопрос «фундаментальным в ветеринарной этике» (1).

В ветеринарной практике возникают этические проблемы, вызывающие моральный стресс из-за решений, которые могут нарушить личные

моральные убеждения. Эвтаназия здоровых и больных животных, работа с клиентами с финансовыми ограничениями и просьбы продолжить лечение, когда ветеринар считает эвтаназию необходимой, являются основными источниками стресса.

Недостаток коммуникативных навыков также может быть этической проблемой. В стрессовых ситуациях клиенты обращаются за советом, где ветеринар выступает авторитетной фигурой (3). Растущее восприятие животных-компаньонов как членов семьи усиливает ответственность ветеринаров за благополучие животных и потребности клиентов. Хронические заболевания особенно сложны, так как клиенты могут ожидать длительной терапии, даже если болезнь становится неизлечимой.

В странах без законодательной базы, позволяющей вмешательство для предотвращения страданий животных, ветеринар может быть морально обязан влиять на решение клиента. Эти ситуации могут вызывать стресс у обеих сторон, при этом существует недостаток исследований по эффективности мероприятий по снижению морального стресса в ветеринарной практике.

Литература:

1. Rollin, B. E. An Introduction to Veterinary Medical Ethics: Theory and Cases (Текст) / B. E. Rollin. 2nd ed. Ames, IA, USA : Iowa State University Press, 2006. – 352 p.

2. Севастьянова, А. Д. Преподавание деонтологии как философской дисциплины для ветеринарно-санитарных экспертов // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ульяновского ГАУ, Ульяновск, 23 июня 2023 года / Редколлегия: И.И. Богданов (и др.). Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2023. С.881-891.

3. Языкова, Ю. Этическая составляющая коммуникации ветеринарно-врача // Ветеринарная лабораторная практика, Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: ВВМ, 2024. С.129-130.

Сорокина Александра Эдуардовна
обручающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Моральная детерминация концепции трихотомического строения человека в христианской мысли

Обращаясь к феномену человека, христианство предлагает «свободе» от биологических потребностей и некоторых социальных норм. Таким образом, становится невозможным обоснование поведения индивида только лишь через категории нравственного, социального и биоло-

гического, потому как они приобретают иной полюс, актуализуясь через Св. Писание.

В христианстве существует своя технология формирования человеческой природы: человек рассматривается как часть творения и в то же время как его совершенная и высшая часть. Вечность и неизменчивость присущи духовному, душе человека, будучи в материальном, подлежащем тлению и смерти теле. Однако есть нечто, чего смерть не затрагивает — духовную часть человека. Специфика понимания христианством материального тела в том, что оно всегда рассматривается в связи с идеальной составляющей (с тем, что показывает способности души и приспособлено к деятельности души), т.е. имеющее дуальную природу. Дуализм, предполагающий деление человека на тело и душу, имеет корни, уходящие в античную философию. В то же время, параллельно с идеями дуализма, в христианстве развивалась концепция троичности (трихотомии) человеческой природы. Согласно ей, человек состоит не из двух, а из трех элементов — тела, души и духа. Эта модель, предполагающая наличие у человека не только физического и душевного, но и высшего духовного измерения, также имеет глубокие исторические корни. Данные обстоятельства подают импульс к дальнейшей проблематизации поставленного вопроса и обращению к его моральной составляющей.

Понимание категорий духа, души и тела позволяют взглянуть на христианскую мораль с иного ракурса. Мы видим, что концепция трихотомии предельно этически детерминирована: например, «душевная» мудрость в Св. Писании обозначается как «земная» и «бесовская» (1). Это же мы встречаем в другом послании, где Павел пишет: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно» (1). Как же это — судить духовно? Для обоснования христианской морали духовные учителя прибегают к аллегорическому толкованию данного места, говоря об иерархичности душевного и духовного в поведении человека, где душевное выступает как нечто, что в какой-то момент следует отбросить для духовного роста. В таком случае нравственность человека оценивают по мотиву душевному, либо мотиву духовному. Такая трактовка развивается посредством вечного антагонизма идеального и материального, из чего трихотомия выливается в иерархию греховного и совершенного, где тело и душа интенсифицируются как плотское и неугодное Богу, эмоции и чувства подавляются, а телесность человека отчуждается, что порою рождает извращения и девиации. Ввиду такого подхода дух, душа и тело актуализируются как антропологические константы, где душа выступает аренной борьбы плотского и духовного, являясь некой «прокладкой» между телом и духом.

Для преодоления данной апории необходимо совершить герменевтический ход и обратиться к истокам оформления трихотомической концепции в христианстве, а именно к историко-философской линии Платона (2), Плотина (4) и Августина (3). Аналитика категорий дух как греч. *νοῦς, πνεῦμα*; лат. *animus, spiritus, mens* и души как греч. *ψυχή*, лат. *anima*. в работах этих мыслителей позволяет не только провести апологию материальной составляющей человека, но и выявить ошибочное понимание нравственной стороны вопроса. Данное положение вещей проясняет, что душевное и телесное по праву сотворения не являются греховными и аморальными частями человека, а интерпретация телесного космоса, в котором обитают индивидуальные души, как негативного — контрпродуктивная интенция христианской морали.

Литература:

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1993. – 1371 с.
2. Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1990-1994.
3. Творения / Блаженный Августин: в 4 т. Санкт-Петербург: Алетейя; - Киев: УЦИММ-пресс. Т.1: Об истинной религии. 2000. – 742 с. / О количестве души. 183-263.
4. Эннеады П. Плотин-К. – 1975.

Спирина Анастасия Павловна
обучающийся аспирантуры

Московский городской педагогический университет

Этические проблемы, возникающие в процессе трансляции социокультурного опыта

Основным механизмом трансляции культурного опыта в современном мире остается процесс образования, т.к. оно, согласно Г.П. Щедровицкому, по своей природе нормативно и содержит ряд этических принципов, выработанных поколениями. Не смотря на универсальную функциональность ФГОС и локальных этических кодексов, они зачастую не затрагивают этические проблемы, возникающие в результате неформального взаимодействия между участниками образовательного процесса. Скажем, игнорируется проблема сепарации ученика от учителя. На первый взгляд, сепарация должна происходить, когда заканчивается формальное взаимодействие учителя и ученика в рамках занятий, однако, практика показывает, некоторые ученики и учителя не прекращают своего взаимодействия после занятий. Учитель продолжает консультировать ученика, если от него поступает запрос. Именно на этом этапе возникает ряд этических проблем.

Одну из таких проблем отметил еще Ксенофонт, который писал, что пока Критий и Алкивиад находились в общении с Сократом, они могли преодолевать свои страсти и стремились к нравственному совершенству. Но как только оставляли своего наставника, сразу же переставали наблюдать за собою и утрачивали стремление к обретению добродетелей. Этим примером Ксенофонт актуализирует проблему временного характера взаимодействия наставника и ученика. Если ученики забывают наставления учителя при потере контакта с последним, то возникают следующие вопросы. До какого момента должна происходить трансляция знания? Как обеим сторонам образовательного процесса понять в какой момент нужно приостановить взаимодействие, учитывая, что этического кодекса, регламентирующего временные рамки этих отношений, не существует?

Н. Гартман в работе «Этика» пишет, что вопрос оснований наставнической деятельности можно свести к вопросу определения характера практического и нормативного в этике. Он ставит вопрос о возможности научить добродетели. Античные философы отвечали на вопрос положительно: «Добродетель есть знание... следовательно, добродетели можно научить». Поэтому процесс наставления имеет определенный временной характер и заканчивается в момент познания и осознания учеником добродетели. В противовес этому христианские мыслители говорят, что добродетель не есть только знание, т.к. человек, даже зная как поступить правильно, зачастую просто не способен это сделать. Следовательно, в этой системе роль наставника сводится не просто к передаче знания, что есть добродетель, но к постоянной поддержке наставляемого в принятии правильных решений. Н. Гартман считает, что эти два подхода можно примерить следующим образом: «научить можно только тому, что уже наличествует в душе как исконное знание... учение — извлечение исконного знания, анамнез». Получается, наставник не является источником знания, он представляет собой лишь инструмент, помогающий извлечь исконное знание, имеющиеся в ученике. Именно поэтому наставникам необходимо на первых этапах формирования взаимоотношений с учеником обозначать характер их взаимодействия как временный.

Но отношение к наставнику как к инструменту не поддерживается в образовательной среде, т.к. считается неэтичным, п.ч. игнорируется его личность. Однако, если не относится к наставнику как к инструменту, то возникает ряд проблем: (1) ученик не осознает, что функциональность наставника ограничена и (2) ученику сложно сепарироваться от своего учителя. Тем самым, ученик «создает кумира», от которого всецело зависит. Выходом из сложившейся ситуации может служить изменение отношения к указанной проблеме. Если предположить, что фигура

наставника адиафорна, следовательно, отношение к наставнику как к инструменту правомерно, то решается, во-первых, проблема распределения учителем своего ресурса между многочисленными учениками, во-вторых, проблема восприятия учителя как непререкаемого источника знания, который обязан сопровождать ученика до конца жизни, тем самым фигура наставника очеловечивается.

Ставцева Ольга Ивановна
канд. филос. наук; доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Противоречия гуманизма в современном дискурсе

Под гуманизмом принято понимать ценностную позицию, придающую особую значимость человеку как таковому. В этом определении уже заключена некоторая неясность, т.к. не определено, кто такой человек, и на чем должно быть основано его преимущество перед всеми другими существами. В античной метафизике, средневековой картине мира, новоевропейской философии такие обоснования были даны через указания на космос, Бога, разум как начала, обосновывающие человеческое преимущество. В современном дискурсе плюралистичность разных философских и культурных традиций запутывает основания гуманизма. Возникающие постгуманистические тенденции, с одной стороны, требуют расширить принцип гуманизма на всех живущих существ, т.е. обходиться гуманно не только с людьми, но и с животными, растениями, ландшафтами и другими органическими образованиями, с другой стороны, критикуют сам принцип гуманизма, упрекая людей в неправомерном превосходстве над всем сущим, предрекая конец его господству превосходству субъекта. Постгуманистическим тенденциям в современных дискуссиях сопутствует трансгуманизм — мировоззрение, пытающееся сохранить превосходство человека с помощью биотехнологического усовершенствования человека.

Так, А. Швейцер формулирует принцип благоговения перед жизнью, но этот принцип, будучи расширенным до всех живых существ, уравнивает человека с другими существами, делает его в ценностном смысле неотличимым от них, что может усугубить и сделать неразрешимыми конфликтные ситуации в экологической этике, если согласиться с тем, что ценность человека не приоритетна по сравнению с другими существами. Противоречивость этики благоговения перед жизнью, вероятно, не смущала самого Швейцера, ведь он основывал этику на мистике.

Биотехнологии, развивающиеся сегодня столь быстро, на первый взгляд, улучшают состояние человеческой жизни, увеличивают комфорт, с другой стороны, ослабляют человека, делают его зависимым от сло-

жившихся условий, говоря словами немецкого философа П. Слотердайка, «одомашнивают» человека. Эта метафора, восходящая к философии Ф. Ницше, которую применяет Слотердайк для описания человека в современном мире, отчасти сводит человека до уровня животного, причем домашнего, т.е. подчиняющего своему хозяину, утратившему автономность и свободу решений. Ведут ли к этому современные биотехнологии, это ли их цель? Если это не так, не приведут ли биотехнологии, точнее растущая зависимость человека от уровня технологий и поддерживаемого извне комфорта, к утрате его важных свойств, связанных с автономностью и свободой принимать решения, выносить моральные суждения?

В этом споре постгуманизма и трансгуманизма видятся две альтернативы: человек как субъект вернется на одну ступеньку назад, сойдя с пьедестала, дающего ему онтологическое преимущество; либо поддержанный техникой возвысится над всем живым и сойдется в схватке с машиной в высокотехнологичной фазе истории (Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С.151-152). Эти альтернативы созданы самим человеком в его историческом развитии, т.е. являются следствием гуманизма, который сегодня ставит под вопрос самого себя и пытается себя преодолеть, или, во втором случае, чрезмерно утверждая себя, угрожает существованию человека в его сегодняшнем виде.

Вряд ли быстро и легко можно найти ответы на поставленные вопросы и сгладить отмеченные, и далеко не все, противоречия гуманизма, но само введение их в дискуссию может осознать и обсудить их. Отмеченные противоречия гуманизма не отменяют его как нравственный принцип, ценностную позицию, но заставляют более внимательно и тщательно отнестись к его обоснованию в условиях формирования нон-антропоцентрического взгляда на мир.

Старкова Мария Георгиевна
обучающийся специалистета

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Этические аспекты изображения животных-актёров в киноиндустрии на примере мультфильма «Вольт» (2008)

Животные были вовлечены в киноиндустрию с самого её зарождения. Во избежание негативной реакции на фильм Американская гуманистическая организация в 1972 году впервые использовала слоган «Ни одно животное не пострадало...», откуда следует, что использование

животных гораздо более социально приемлемо, когда оно скрыто или романтизировано (2). Однако, фильм все равно может получить отказ от ответственности, даже если животное было ранено или убито, при условии, что фильм следовал рекомендациям организации на момент инцидента (1). Так, на примере мультфильма «Вольт», выпущенного в 2008 году анимационной студией Walt Disney в поддержку этики обращения с животными-актёрами, в данном исследовании будет проанализировано использование живых животных в киноиндустрии.

Вольт — главный герой мультфильма, исполняющий роль собаки-актёра в телешоу. В конце каждого съёмочного дня Вольт остаётся один на съёмочной площадке в трейлере, в то время как Пенни, его хозяйка, возвращается домой. На протяжении всего мультфильма Вольт и его хозяйка хотя и живут вместе, однако им запрещают это делать. Это вынужденное расставание хозяйки и её собаки представлено как худший вред, который Вольт испытывает как животное-актёр. Но несмотря на ограничение свободы, Вольт живёт в просторном, чистом трейлере, а не в клетке, что резко контрастирует с тем, как в реальности киноиндустрия обращается с животными-актёрами (3).

В финальной сцене Вольт и Пенни покидают киноиндустрию и начинают комфортную жизнь в домашней обстановке. Этот уход представляется как оптимальный исход для собаки-актера, которая после завершения своей карьеры остается жить со своим хозяином. Однако в реальности такой финал может осуществиться лишь для домашних животных, тогда как дикие животные не могут быть адаптированы к жизни в домашних условиях (2).

В итоге, после ухода из киноиндустрии Вольт и Пенни заменяются новыми актёрами. Собака, которая заменяет Вольта, менее антропоморфизирована и индивидуализирована, чем Вольт. Это инстинктивно снижает уровень беспокойства зрителей относительно благополучия этой безымянной собаки. Несмотря на критику использования животных-актеров, фильм завершается тем, что такие животные продолжают эксплуатироваться в киноиндустрии без дальнейшего осуждения. (2). Вследствие этого, кажется, что только индивидуализированные, названные, антропоморфизированные животные не должны играть в фильме, если это их выбор (3).

Таким образом, мультфильм «Вольт» представляет собой романтизированное и упрощенное изображение индустрии развлечений. Вольт изображен как собака, стремящаяся к выступлениям, проживающая в комфорте, при этом в фильме отсутствуют сцены, показывающие его подготовку к выступлениям в неблагоприятных условиях. Единственной проблемой для него является одиночество, которое полностью разрешается в финале фильма. Как только Вольт уходит из киноиндустрии, ему разрешают постоянно жить со своим хозяином, в результате, он не оказывается в приюте. Однако обычно животные в киноиндустрии испыты-

вают все перечисленные вредные воздействия (1). Таким образом, фильм игнорирует истинные проблемы, с которыми сталкиваются животные-актёры, и вместо этого изображает крайне маловероятные сценарии.

Литература:

1. Lercier M. Animal Welfare Standards in Live Performances and the Film Industry // Chronicle of the Conference 'XII Animal Debates: Sharing the Lifetime Experience on Welfare Standards When Training Companion Animals for Live Performances and the Film Industry'. DA Web Center. 2018.
2. Stanton R. The Disneyfication of Animals // Palgrave Macmillan Cham. 2021. p.243.
3. Севастьянова А.Д. Эко-кинематограф: этический анализ фильма «Гунда» (реж. В.Косаковский) // Наукосфера. 2023. №2-1. С.245-250.

Стрежнева Кристина Олеговна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Универсализм и партикуляризм в

прикладной этике бизнеса: текущее состояние проблемы

Одной из ключевых проблем в этике бизнеса является противоречие между универсализмом и партикуляризмом. Первая точка зрения подразумевает существование неких моральных стандартов вне зависимости от культурных границ, тогда как согласно позиции партикуляризма общих моральных принципов, применимых к любому частному случаю, не существует.

Чтобы представить универсализм, стоит обратиться к книге «Деловая этика» президента Международного общества бизнеса, экономики и этики Ричарда Де Джорджа, где он предпринял попытку систематизации всех накопленных на тот момент знаний про деловую этику, и выделил перечень базовых человеческих прав и обязанностей (право на жизнь и безопасность, свободу, обязанность соблюдать договорные обязательства и заботиться об окружающей среде и др.) которые компании должны соблюдать вне зависимости от культурного контекста. Его мнение считается авторитетным в научном сообществе, однако некоторые люди из сферы бизнеса неполностью согласны с теорией универсализма, и предлагают компромиссные решения для компаний, действующих в глобальной среде.

Например, Эрин Мейер, педагог и профессор в бизнес-школе, автор книги «Карта культурных различий. Как люди думают, говорят и добиваются целей в международной среде» считает, что нет универсального подхода к ведению интернационального бизнеса, а ключ к успеху

лежит в гибкости и способности к межкультурной адаптации. Теория кросс-культурного обучения и разработки этических стандартов, которые могут адаптироваться к локальным условиям без потери ключевых моральных норм, довольно популярна в последнее десятилетие, её представляют также Тревино и Нельсон в работе про управление деловой этикой в компании. Гибкий подход к этике в глобальном бизнесе также продвигают Дональдсон и Данфи, предлагая теорию интеграционного социального контракта, пытающуюся разрешить конфликт между универсализмом и партикуляризмом. Из отечественных специалистов М.А. Сторчевой в своих работах также подразумевает подход, можно сказать, «контекстуального универсализма» — применение универсальных этических принципов (честность, справедливость и т.п.) должно адаптироваться под конкретные социальные контексты.

Этический универсализм притягателен, но на практике при применении конкретных этических теорий (утилитаризма Бентама, универсализма Канта или «вуаль неведения» Роулза) возникает множество вопросов. В нашем стремительно глобализирующемся мире новые игроки выходят на международную экономическую арену. Некие универсальные принципы (выраженные, например, в концепции КСО) могут претендовать на то, чтобы оставаться всеобщими ориентирами в прикладной деловой этике, но их реализация в конкретных механизмах управления и организации бизнеса в неевропейских странах требует «гибридной» деловой этики, сочетающей в себе универсальные принципы и уважение к региональным культурным особенностям. Так, тема гибкости в прикладной этике бизнеса остаётся актуальной в наши дни, и мы должны продолжать пытаться найти баланс между универсальными этическими принципами и локальными культурными нормами.

Субботина Мария Владимировна

канд. социол. наук; ассистент

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Этические вопросы использования

искусственного интеллекта в образовательном процессе

Понятие «искусственный интеллект» (ИИ) подразумевает раздел информатики, занимающийся разработкой методов компьютерного решения интеллектуальных задач, прежде решаемых человеком (1). Исходя из более распространенной трактовки ИИ — это имитация человеческого интеллекта компьютерными системами. Искусственный интеллект уже применяется во множестве сфер (2), и образование не является исключением. Зачастую, возможность применения ИИ упоминается в контексте совершенствования систем, распознающих плагиат в текстах.

В мае 2023 года на сайте системы обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат» появилась новость о создании технологии для отслеживания машинно–сгенерированных текстов. Интересно и то, что данная технология также опирается на алгоритмы ИИ, призванные решать задачи детектирования (3). Так, складывается парадоксальная «гонка вооружений»: развитие ИИ для генерации оригинальных текстов и, напротив, обучение ИИ обнаружению сгенерированных текстов.

Очевидно, что ИИ может использоваться (и уже используется) обучающимися для обхода университетских требований. Согласно исследованию IT школы «Skillfactory», 65 % российских студентов уже освоили нейросети, 50% отметили, что регулярно используют инструменты ИИ в учебных целях (написание и редактирование текстов (83%), написание программного кода (44%), перевод иностранных текстов (29%), создание иллюстраций (28%)) (4).

В качестве аспектов применения ИИ, которые вызывают беспокойство представителей образовательной среды, можно выделить:

- перефразирование текстов других авторов и создание на их основе «оригинальных» работ без соответствующей атрибуции;
- генерация полностью искусственных текстов эссе/докладов/курсовых без проверки достоверности информации;
- использование технологий ИИ, в том числе голосовых ассистентов, для прохождения тестирований;
- обход систем прокторинга.

Так, необходимо рассмотреть хотя бы основные вопросы, связанные с регламентацией применения ИИ в учебных заведениях:

- допустимо ли, в целом, использование студентами ИИ для выполнения заданий и/или написания научных работ;
- можно ли считать использование ИИ нарушением требования о самостоятельности;
- может ли факт использования ИИ стать поводом для выставления студенту неудовлетворительной оценки или аннулирования результата.

На данный момент в действующих правовых актах в сфере образования нет запрета на использование ИИ, а также каких-либо комментариев о том, как данные технологии можно использовать в образовательном процессе (5).

При этом, помимо разработки регламентов, перед преподавательским сообществом встают более глобальные задачи (во многом этического характера):

- как сформировать и привить студентам культуру применения современных технологий;
- как научить обучающихся пользоваться ИИ и раскрыть его потенциал для повышения качества обучения;

- каким образом трансформировать задания так, чтобы применение ИИ для их выполнения было либо невозможно, либо, наоборот, необходимо и уместно;

- как научить студентов проверять информацию и распознавать некорректные сведения;

- как развить у учащихся компетенции, необходимые для работы с технологиями ИИ.

В данном тексте обозначена лишь «верхушка айсберга» в вопросе применения искусственного интеллекта в образовании. Несмотря на обозначенные вызовы, использование ИИ может принести немало пользы как студентам, так и преподавателям, как минимум, упростив и ускорив решение многих рутинных задач.

Литература:

1. Осипов Г.С., Величковский Б.М. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия // URL: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537>.

2. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование — враги или союзники // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т.24. №1. С.176–183.

3. Антиплагиат выявляет текст, созданный ChatGPT // URL: <https://antiplagiat.ru/news/text-chatgpt>.

4. Студенты российских вузов рассказали, как именно применяют нейросети в учебе // URL: <https://skillbox.ru/media/education/studenty-rossiyskikh-vuzov-rasskazali-kak-imenno-primenyayut-neyroseti-v-uchebe>.

5. Кудинов М.А. К вопросу о правомерности использования алгоритмов искусственного интеллекта при подготовке и написании учебных работ // Новый юридический вестник. 2023. №3.

Сычёва Ульяна Романовна
обучающийся бакалавриата

Маковецкая Мария Владимировна
канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Флармизм как проявление современных проблем экологической этики

Экологическая этика развилась как самостоятельное течение философии в условиях усугубляющегося экологического кризиса, технологизации общества, эксплуатации и, как следствие, деградации природы. (2)

В настоящий момент экологическая этика является совокупностью независимых этических обобщений, а не чётко сформированной системой правил, и их структуризация в общие руководящие принципы будет значимой задачей для философов на ближайшие годы. (2) Из страха глобальной катастрофы, надвигающейся из-за несоразмерного использования ресурсов Земли, внутри экологической этики появилось течение алармизма — научное и идеологическое направление, возникшее в 1970-х годах в индустриально развитых странах. Оно основано на представлении о неминуемости всемирного экологического кризиса и последующего вымирания человечества из-за полного истощения ископаемых, уничтожения биологического разнообразия планеты, природных катаклизмов.

Условным началом движения алармистов принято считать 1972 год, когда был опубликован доклад Денниса Л. Медоуза «Пределы роста» в Римском клубе, в котором рассматривались главные проблемы: угрозы ядерных конфликтов, перенаселение, голод и бедность в странах третьего мира, загрязнение окружающей среды — и обвинялся технологический прогресс, как главная причина скорой остановки развития человечества в связи с его гибелью (3).

С годами экологическая обстановка улучшается, а беспокойство в рядах алармистов идёт на спад. Аналитики отмечают, что пики заинтересованности в алармизме и волнения в обществе приходятся на экономические кризисы, экологические катастрофы, стихийные бедствия, пандемии. Обычно внезапная заинтересованность среднего человека в экологии и её проблемах вызывается громкими новостными заголовками, кричащими о неминуемом крахе цивилизации, или не обоснованным на достоверных научных данных заявлением о глобальном потеплении, которое приведёт к полному таянию ледников и истощению источников пресной воды или к затоплению континентов. (1)

Так же и затруднительно достижение гармоничных взаимоотношений человека с природой из-за многочисленных течений в экологической этике, зачастую содержащих несовместимые идеи. И здесь находится выход паническим настроениям алармистов, утверждающих о губительном промедлении, которое возникает при формировании общих идей и концепций дальнейшего развития человечества.

Несомненно, существует и конструктивный алармизм — он может нести пользу и обеспечивать выживание для человечества, заострением внимания общественности на насущных проблемах, принятием мер, в том числе на государственном и региональном уровне, для их предотвращения или скорой ликвидации последствий. Осведомлённость — первый шаг к действию, но для этого необходима проверка входящей информации и её критическое осмысление во избежание

массовой истерии. В ходе эволюции человек стал острее реагировать на угрозы, мнимые и реальные, нежели на бытовые и повседневные задачи и проблемы, что обеспечивало его выживаемость многие тысячелетия, но нынешнее положение человека в окружающей среде обязывает его рационально использовать не только ископаемые, но и временные ресурсы для изменения затруднительной ситуации, в которой он оказался. Поэтому желание быть осведомлённым не является негативным явлением изначально, но распространение тревожных настроений, недостоверной информации, призывы к радикальным действиям — всё это не способствует решению насущных экологических проблем.

Литература:

1. Данилов-Данильян В., Лосев К., Рейф И. Кризис мировой цивилизации на весах научного подхода // Наука и жизнь. №9, 2005.
2. Ильиных И.А. Экологическая этика : учебное пособие. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – 434 с.
3. Donella H Meadows; Jorgen Randers; Dennis L Meadows; William W Behrens. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. 1. Universe Books, 1972. — 211 с.

Тарковский Владимир Николаевич

канд. филос. наук; доцент

Костромской государственной университет

В каком смысле можно говорить о современной морали

Предполагается, что мораль — это та область ценностей, которая, прежде всего «признается и осуществляется» каждым разумным человеком. В рамках философского мировоззрения, в отличии, например, от религиозного, эта область признается постоянно меняющейся по объему и содержанию. К так называемому моральному релятивизму такого рода изменения не имеют отношения. Отсюда драматизм конкретного человека — оставаться в предложенной шкале ценностей разумным в своей деятельности. Этика как практическая философия, с момента возникновения призвана исследовать эту деятельность и направлять. Кстати, как самую опасную для человека, так как она, собственно, делает конкретного человека в обычном смысле слова счастливым или несчастным, героем или изгоем.

По этике Аристотеля именно государство определяет, что следует делать и от чего воздержаться. Задача философской этики — этики ценностей — сформировать «цели всех других наук», в которых государство нуждается. Государство, говоря современным языком, формирует с помощью системы образования и средств массовой информа-

ции современного образованного нужного ему человека, используя явно или не явно доступные ему стимулы и препятствия социального, экономического и политического характера.

Как видим дискуссии внутри философского сообщества по поводу природы и роли ценностей в деятельности не оказывали и не оказывают серьезного влияния на политику государства, как об этом мечтали философы, начиная с Платона. Ведь не оно ставит перед обществом цель и соответствующие им ценности.

В нашей философии примечателен в этом смысле «диспут» конца 80-х под названием «Деятельность: теории, методология, проблемы». В соответствии со сложившейся тогда на западе моде итоговая книга-диспут состояла из трех разделов: «деятельность как проблема», «дискуссия и критика» и «ответы на критику». Замечательные, по глубине и темпераменту статьи, уже классиков в этой проблематике, точные наблюдения, но.... Как точно сформулировал А. Бергсон в работе «Два источника морали и религии»: «...истина заключается в том, что наука делала лишь то, что от нее требовали, и в этом отношении инициатива принадлежала не ей...».

А кому?

Аристотель давно сказал, что такая инициатива принадлежит государству. Вчера политологи говорили — элите. Сегодня — «глубинному государству». Если у основателя этики «наиболее могущественная и архитектурная наука — политика» должна направлять государство к высшему благу, то сегодня политика не столько рациональная деятельность, сколько попытка «политическими метастратегиями» преодолеть «возможно непреодолимые разрывы между конфликтующими интересами» (И. Валлерстайн).

Начиная с конца XVIII в. внутrigосударственные конфликты, в Европе прежде всего, определяются экономическими факторами. Они являются драйверами буржуазных и социалистических революций. Формируется центристская либеральная идеология, предполагающая нормальным явлением политические изменения. Причиной этих изменений, как в начале утверждалось, является постоянно меняющаяся по объему и содержанию область ценностей. Либерализм провозглашает себя универсальным мировоззрением. Он одновременно провозглашает и «метафизику добропорядочного общества» и требование народного суверенитета и «центр», уравнивающий популизм в левый и правый экстремизм.

«Правый экстремизм» — консервативная идеология (1818г.) обычно связывают с привязанностью к своему образу жизни и ценностями, сформированными в нем. Цель — противостоять рискованным социальным и экономическим изменениям. В «левом экстремизме» — социали-

стической идеологии (1848г.) — субъектом истории является народ. Цель — ускорение движения к прогрессу путем бескомпромиссной борьбы с противником — консерваторами. Расклад этих идеологий в обществе и формирует шкалу моральных ценностей его граждан.

Титов Владислав Дмитриевич
обучающийся магистратуры

Волгоградский государственный университет

Алгоритмическая предвзятость в подборе персонала с использованием ИИ

Нами рассматриваются этические последствия использования искусственного интеллекта (ИИ) в рекрутинге с акцентом на алгоритмическую предвзятость и ее влияние на практику найма. Хотя системы подбора персонала с использованием ИИ могут повысить эффективность, сократить расходы и потенциально устранить человеческую предвзятость, они часто закрепляют или усугубляют дискриминацию по признаку пола, расы и других защищенных характеристик (1). Такая предвзятость возникает в основном из-за использования исторических наборов данных, отражающих существующее социальное неравенство, и влияния разработчиков алгоритмов, которые могут непреднамеренно внести в модели свои собственные предубеждения. Например, система искусственного интеллекта, обученная на наборе данных, состоящем преимущественно из кандидатов-мужчин, может отдать предпочтение кандидатам-мужчинам, тем самым исключив из рассмотрения равных или более квалифицированных кандидатов-женщин (3). Для решения этой проблемы в исследовании предлагается сочетание технических и управленческих решений.

Технические меры включают разработку более разнообразных и репрезентативных наборов обучающих данных, а также повышение прозрачности алгоритмов, чтобы сделать процессы принятия решений более интерпретируемыми и подотчетными. Такие методы, как повторная выборка данных и использование инструментов, повышающих справедливость, таких как анализ What-If от Google, могут помочь выявить и устранить предвзятость в системах ИИ (2). Также предлагается использование автономного тестирования и интеграцию подходов «малых данных» и «больших данных» для повышения точности и справедливости моделей ИИ.

Что касается управленческой стороны, то здесь необходимо внедрение этических рамок управления. Компании должны регулярно проводить аудит своих систем ИИ, создавать внутренние комитеты по этике и поощрять разнообразие в своих технических командах, чтобы снизить

риск предвзятости. Внешний надзор, включая сертификацию третьими сторонами и соблюдение нормативных стандартов, также рекомендуется для обеспечения соблюдения системами ИИ этических норм и предоставления справедливых возможностей трудоустройства.

Таким образом, хотя ИИ обладает потенциалом для преобразования процессов найма, его этическое внедрение требует комплексного подхода, сочетающего технические и управленческие стратегии. Только благодаря тщательному проектированию и регулированию систем ИИ организации могут использовать преимущества ИИ при подборе персонала, сводя к минимуму риски алгоритмической дискриминации.

Литература:

1. Chen Z. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Т.10. №.1. Р.1-12.
2. Cruz I. F. Rethinking Artificial Intelligence: Algorithmic Bias and Ethical Issues | How Process Experts Enable and Constrain Fairness in AI-Driven Hiring // International Journal of Communication. 2023. Т.18. Р.21.
3. Богданов, Н. М. Возможности и проблемы использования аналитики больших данных для управления человеческими ресурсами // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения. С.23-25.

Томилина Алиса Андреевна
обучающийся бакалавриата

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Видеоигровая этика: мораль как ведущий онтологический внутриигровой элемент

Видеоигры являются идиосинкратическими культурными конструктами, в основном построенными на этике, где внутриигровая этика выступает базисом смыслопорождения игрового процесса. Игровой мир, как искусственно воссозданная реальность, содержит особую догматическую систему правил и норм, заданных разработчиками игры, которые игроки должны учитывать и соблюдать для реализации своей деятельности внутри игры. Помимо организации структуры игрового взаимодействия эти нормы создают целостные этические системы, вплетённые в саму механику и повествование видеоигры, формируя сложные моральные дилеммы и этические переживания, возникающие у игроков, поэтому не удивительно, что в современных видеоиграх можно найти проявления ведущих этических направлений, таких как утилитаризм, деонтология и этика заботы, вопросы которых подробно раскрывают исследователи Барбара МакКиннон и Эндрю Фиала.

Одним из центральных аспектов игрового процесса является его нормативная природа: каждая видеоигра содержит набор правил внутриигрового взаимодействия, которые можно рассматривать как своеобразное «право» внутри заданного альтернативного мира, а неписанные нормы взаимодействия между другими игроками и второстепенными персонажами — как его «мораль». Нарушение правил и моральных норм разрушает или изменяет игровую реальность, что подчёркивает значимость этики для видеоигровой среды. Однако правила сами по себе не только регламентируют поведение игроков, но и создают пространство для личного морального выбора, благодаря чему и возникают этические дилеммы, в рамках которых играющие вынуждены герменевтически совершить «правильный» выбор.

Этический утилитаризм в играх проявляется через оценку действий игрока с точки зрения их пользы и последствий. Например, в некоторых играх игроки могут решать, совершать ли определённые поступки в зависимости от того, какие выгоды они принесут в игровом процессе. В качестве примера можно привести «Fallout 3», где выбор между спасением или уничтожением города Мегатонна напрямую связан с последствиями для репутации персонажа. Взорвав город по просьбе мистера Бёрка, игрок теряет значительное количество кармы, но может восстановить свою репутацию путем пожертвований в другом месте, превращая моральный выбор в своего рода прагматическую систему: «что мне за это будет?».

Деонтологическая этика также имеет свое отражение в некоторых играх. Ссылаясь на «Критику практического разума» И. Канта, могу заключить, что в отличие от этики утилитаризма, поступки оцениваются не по результатам, которые они приносят, а по их внутреннему соответствию моральным принципам. Например, в играх, основанных на системе «Dungeons & Dragons», игроки и их персонажи обладают мировоззрениями, определенными в соответствии с осями добро-зло/законопослушность-хаотичность, которые определяют доступные им действия и влияют на их взаимодействие с игровым миром. Например, паладин, который может быть только законопослушно добрым, обязан следовать установленной ему моральной роли. Моральный выбор в данном случае — основополагающий элемент онтологии игры. Игрок словно заключает с игрой договор и следует ему как долгу.

Еще одной важнейшей стороной внутренней этики видеоигр является этика заботы, которая интегративно сочетает в себе как кантовскую модель, так и этику утилитаризма, фокусируясь на отношениях между персонажем и окружающим его миром. Например, в серии видеоигр «Animal Crossing» игрок является членом сообщества, которое стимулирует его заботиться о своих соседях и городе как части более широкой социальной экосистемы, что делает высоконравственный поступок своеобразной самоцелью, благодаря которой функционирует игра.

Таким образом, мораль в видеоиграх выступает источником смыслопорождения, задавая правила, которые формируют онтологию игрового мира и определяют взаимодействие игроков, а также создает особое семиотическое поле для осмысления собственной этической самости в рамках дихотомического выбора между добром и злом.

Томильцева Дарья Алексеевна
канд. филос. наук; доцент

Шуплецов Иван Валентинович
старший преподаватель

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Этическое образование: между Сциллой и Харибдой

Современное этическое образование — тема сложная. Совершенно не ясно, как можно его охарактеризовать «в общем» и «в целом». Дело в том, что в настоящее время существуют две большие области этического образования: в части отдельных дисциплин — классические университетские курсы этики; узкоспециализированные курсы прикладной этики (био-; бизнес-; ИИ и т.п.); этикет; в части образовательных программ: программы по бакалавриату и магистратуре. В докладе будет сделана попытка чуть подробнее взглянуть на проблемы каждой из областей.

Итак, отдельные дисциплины. Вопросу преподавания этикета не будет уделено особого внимания, сосредоточимся на первых двух областях. Классические фундаментальные курсы по этике читаются на многих гуманитарных специальностях и являются неотъемлемой частью философского образования. Так как и в курсах общей философии, составитель программы и читающий преподаватель вынужден решать фундаментальный вопрос: на чём сконцентрировать своё внимание: будет ли это история этических учений, или следует пойти по «большим» этическим теориям, современным проблемам? Как ни старайся, что-то всегда окажется упущено. Однако, увлекаясь историей этических учений или тонкостями теории можно «утратить связь с реальностью». Какова же цель фундаментального курса этики? В противовес этим дилеммам, узкоспециализированные курсы всегда конкретны. Однако порой настолько, что какая бы то ни было связь с классическими философскими истоками вовсе теряется. В таком случае этика оказывается под угрозой инструментальности, где за ширмой правил или моделью расчёта теряется сама её суть. В этом, собственно, заключается и главная «трагедия» отдельных дисциплин: будучи преподаваемыми в разных контекстах и для разной аудитории, они оказываются «невидимыми» друг для друга. Но так ли необходимо исправлять сложившуюся ситуацию?

С программами по прикладной этике дело обстоит сложнее. В них, как правило, сохраняется «баланс» между фундаментальным и прикладным, историко-философским и проблематическим. Но, возникают две совершенно других проблемы. Первая заключается в поиске целей программы: прикладная этика «вообще» — слишком широкая область, объять необъятное попросту невозможно. Соответственно, «этикам» необходимо найти свою проблемную нишу и в этих поисках авторов программ подстерегает вторая проблема — этическое образование должно быть привлекательным и коммерчески-успешным. «Гонка» за абитуриентами приводит к соблазну — не сделать ли программу настолько «узкой», что она начнёт мимикрировать под другие направления, «оттягивая» от последних контингент? Другая вариант — уникальная специализация: и снова проблема. Привлекательность «узкой специализации» ещё нужно создать, в случае самого слова «этика» это далеко не простая задача. Актуальность и последующие карьерные перспективы далеко не всегда очевидна для абитуриентов и их родителей. Ограничен и пул работодателей, понимающих специфику образования, полученного вчерашним студентом. Возможным решением в этом случае было бы найти дополнительные «точки привлекательности»: предметы и компетенции, знакомые и понятные абитуриентам и работодателям, при этом не подменяющие, а дополняющие основную направленность образовательной программы...

Разговор об этическом образовании требует дискуссии и обмена опытом. Каким ему быть и для каких целей? Должно ли оно иметь чётко выраженную ориентацию: прежде всего быть прикладным и узконаправленным? Не приведёт ли такая ориентация к потере в учебных аудиториях фундаментальной этической теории и более того...самой этики?

Федосов Роман Денисович
старший редактор

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Говорит ли музыка Джона Кейджа голосом меньшинств?

Под экспериментальной музыкой обычно понимают совокупность авангардных направлений XX века, противопоставляющих себя диктату классической академической музыки.

В исследовании Иэна Кэмпбелла высказывается предположение, что экспериментальная музыка имеет воспитательную компоненту. Экспериментальная музыка может выражать голос меньшинства: «Если отдельные люди, особенно те, кто уже находится в маргинальном положении, «не в ладах» с требованиями институций, их легко заставить за-

молчать. Таким образом, вклад экспериментальной музыки в радикальную педагогику может быть проверен ее способностью слушать тех, кто «не в ладах» (2, Р. 120).

Существует герметичная система обучения классической музыке, которая порождает устойчивое общественное представление об образе музыки. Против общественного диктата выступают «смелые» композиторы новой музыки, которые предлагают варианты композиций, отличающихся от общественного представления. Одним из таких композиторов является Джон Кейдж. Этическое следствие заключается в том, что подобные контрпримеры позволяют прислушаться к «другому» звуку. Этот звук такой же другой, как и люди вокруг нас.

Одним из примеров Кэмпбелл является произведение Джона Кейджа — «Branches».

Цель исследования заключается в определении намерения самого композитора. Для этого будут использоваться его собственные замечания из интервью разных лет. Это позволит сказать, что замечание Кэмпбелла в отношении конкретной композиции либо бессмысленно, потому что не отражает намерения автора, либо подчеркивает важную этическую составляющую композиции. На наш взгляд намерение Кейджа более радикальны, чем просто выражение голоса меньшинства.

В интервью и высказываниях после 1970 года основными темами для Кейджа являются анархизм, технологический прогресс в искусстве и повседневной жизни, проблемы экологии и экономического неравенства. На вопрос о возрастающей популярности его музыки в интервью 1972 году Кейдж отвечает: «Я не думаю, что это интерес к моей музыке. Я думаю, это интерес к моим идеям в целом» (1, 411). Намерение, которое Кейдж выражает в «Branches», следует искать в общих идеях композитора. «Branches» связано с темой окружающей среды, потому что инструментами композиции являются растения. Музыка Кейджа, это преимущественно музыка окружающей среды: «...музыка, которая не есть музыка, но при этом удовлетворяет музыкальные потребности человека, — это то, над чем я работаю сейчас, а именно шумы окружающей среды» (1, 409). Но эта музыка не является музыкой в общепринятом смысле. Это музыка, которая предполагает совершенно другую цель, а именно: «цель — идти навстречу радуге, иначе говоря, не иметь никакой цели» (1, 409). Это главный посыл Кейджа.

В интервью и опросов после 70-го года композитор не скрывает симпатии к анархизму. Он говорит о том, что ему не нравится слово «единство». С точки зрения Кейджа, следовало бы говорить о многообразии. Кажется, это может быть связано с выражением мнения меньшинства, однако идея композитора глобальнее. В интервью 1971 года он говорит: «...никто не должен принуждать нас, как того требуют религии, любить друг друга, потому что это довольно бессмысленно — любить кого-то, но при этом заставлять его голодать» (1, 414). В этом же интервью выска-

зывается предположение как можно преодолеть упомянутую проблему: «Я считаю, что настоящие изменения в обществе произойдут, когда мы откажемся от государств и правительств и когда осознаем, что планета Земля имеет прямое отношение к жизни человеческих существ» (1, 416).

Социальный посыл Кейджа несколько отличается от того, чтобы продемонстрировать или защитить мнения меньшинства. Идея композитора заключается в том, чтобы подтолкнуть общество к социальным изменениям в рамках поляризованного целого, где природа, человек и техника будут осуществлять новый прекрасный симбиоз, который можно представить примерно так: «...у Баки Фуллера есть четкое представление о жилище будущего: я видел его проект. Это два прозрачных геодезических купола, один внутри другого, а между ними помещены растения; вы живете, в определенном смысле слова, в саду и вроде бы имеете крышу над головой, но вместе с тем вроде как и не имеете» (1, 409).

Литература:

1. Костелянец Р. Разговоры с Кейджем. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 454 с.
2. Campbell I. Musical Experiments in an Ethics of Listening. In Valery Vino (ed.) // *Aesthetic Literacy vol II: out of mind*. Melbourne: mongrel matter, 2023. P.116-120.

Фофанова Анна Романовна

канд. ист. наук; младший научный сотрудник

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Система повышения доступности высшего образования для коренного населения США: этические основания и практика

В рамках доклада автор рассмотрит основные инструменты для повышения доступности высшего образования для представителей индейских племен США — систему племенных университетов и колледжей, стипендиальную и грантовую помощь на обучение. Будут проанализированы моральные обоснования необходимости адресной работы с применением инструментария позитивной дискриминации в отношении этого этнического меньшинства. Данная тема представляется актуальной, так как коренные американцы составляет 2,6 % от общего населения страны, а уровень бедности среди потомков индейских племен значительно выше, чем в других этнических группах, проживающих в Соединенных Штатах. Кроме того, число американских индейцев, име-

ющих высшее образование, заметно меньше, в сравнении со средними национальными показателями. Образование в данном случае может быть рассмотрено как важный фактор повышения уровня благосостояния коренных народов, а также являться важным элементом в сохранении индейской идентичности и культуры в условиях глобализации.

Особое значение в продвижении высшего образования среди индейцев имеют племенные колледжи и университеты, которые помимо предоставления широкого круга образовательных услуг выполняют функцию по сохранению и распространению культур коренных народов Америки, способствуют достижению большей инклюзивности в американском образовании.

Вторым важным инструментом повышения распространения высшего образования среди коренных народов является система финансовой поддержки — федеральных, штатных стипендий и грантов от благотворительных фондов и организаций. Реализующие политику позитивной дискриминации и стремящиеся достичь большего этнического разнообразия среди своих учащихся, отдельные государственные и частные высшие учебные заведения предлагают стипендии и даже бесплатное обучение.

В рамках доклада предстоит продемонстрировать, что повышенное внимание государства, общественных организаций и высших учебных заведений к проблеме представительства коренных американцев в студенческой и преподавательской среде связано не только с общим стремлением американского общества к инклюзивности, но и с ростом более конкретных дискуссий относительно прав индейских племен в рамках общих тенденций развития «новой этики» — совокупности явлений, к которым обычно относят «борьбу против дискриминации наиболее уязвимых социальных групп, преодоление моральных травм, культуру отмены и т.д.» (3, с.232-238). Кроме того, рассмотрение данной темы позволяет обратиться к проблеме справедливости. В одном случае имеется внеисторическое понимание справедливости, согласно которому все люди равны и потому у всех должен быть равный доступ к общественным благам, образованию, должностям. В другом — принимается во внимание исторический фактор: если события в прошлом привели к несправедливости, жертвы имеют право на компенсацию, восстановление справедливости, в т.ч. посредством практики позитивной дискриминации. Т.е. речь идет о компенсаторной справедливости, и апелляция к истории здесь имеет нормативный характер. (3, с.232-238)

Литература:

1. Oppelt N.T. The Tribally controlled Indian college: the Beginnings of Self Determination in American Indian Education. Tsaille: Navajo Community College Press. 1990. – 147 p.

2. Маляревич Д.В., Агафонова Е.В. Теория деколонизализма в дискурсе «новой этики» // Вестник Томского государственного университета. 2023. №490. С.89-96.

3. Сычев А.А. От коллективной морали к «новой этике»: конструирование аномального // Мир человека: нормативное измерение – 8.0. Аномальное. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С.232-238.

РНФ № 23-28-01167 «“Новая этика”: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Хомутова Наталья Николаевна

канд. филос. наук; доцент

Галковская Оксана Альбертовна

старший преподаватель

Северо-Западный государственный

медицинский университет им. И.И. Мечникова

К вопросу о современном статусе традиционной биоэтики

Современная биоэтическая доктрина выведена из образовательного курса многих медицинских вузов. Будущий врач не сможет сформировать понимание принципов и правил биоэтики.

Принципы биоэтики ставятся под сомнение и ищутся новые философские основания для ее модернизации (4). В исследовании, выявляющем роль женщины и материнства в мире и отношении к ним, говорится о «двузначности этики» и невозможности все проблемы решать в рамках строгих категорий. В своем эссе автор критически рассматривает работы Джона Харриса и Юргена Хабермаса по проблеме генной инженерии, бросая вызов традиционным взглядам на биоэтику (3). Автор пишет об идее «двузначности этики», понимает ее как соответствующую «беспорядку жизни», спонтанности жизни и невозможности представить жизнь через строгий круг категорий. Часто в реальной ситуации мы, как отмечает автор, отталкиваемся от этих двузначностей и основываем этику на них, а не на абстрактных моральных нормах или каком-то представлении о человечестве как виде». В этом случае «этика исходит из (вместо того), чтобы противостоять случайностям жизни в том виде, в каком мы ее на самом деле проживаем» (3, С.94).

Наиболее значимая проблема традиционной биоэтики подразумевает несовпадение строгих принципов, документов и ситуаций, которые имеют множество условностей. Исследователь Ш.Г. Айвазян отмечает, что особенности отношений между врачом и пациентом (индивидуализация) не могут быть описаны в строгих категориях закона, в том числе

он отмечает, что сложные биоэтические проблемы могут иметь несколько вариантов решений, но критерии правильного их выбора зачастую не отработаны, а «взаимоотношения между врачами и пациентами нельзя в полной мере описать только юридическими нормами» (1, С.37).

Данные тенденции подразумевают переосмысление традиционной биоэтики с целью нового обоснования традиционных ее принципов и правил. В то же время переосмысление необходимо осуществить с учетом гибких границ понимания этических принципов, которые немислимы в строгих категориях упорядочивания, выраженных, например, в правовых документах (2). Данная специфика анализа становится актуальной и в связи с новыми перспективами развития здравоохранения и медицины.

Литература:

1. Айвазян Ш.Г. Права врача в проблемном поле биоэтики (случай из европейской практики) / Ш.Г. Айвазян, А.Д. Доника, Ю.Г. Элланский // Биоэтика. 2015. №1(15). С.35-37.

2. Хомутова Н.Н. Информированное добровольное согласие пациента: институализация практик в современной России / Н.Н. Хомутова, Т.М. Зеленская // Logos et Praxis. 2023. Т.22, №4. С.170-179.

3. Oliver K. Enhancing evolution: Whose body? Whose choice? // Southern Journal of Philosophy. 2010. no.48(s1), pp.74-96. DOI:10.1111/j.2041-6962.2010.00022.x

4. Savulescu J. Bioethics: why philosophy is essential for progress // Journal of Medical Ethics. 2015. no.41(1), pp.28-33.

Цибизова Ирина Михайловна

канд. ист. наук; научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук

Некоторые последствия философии

Л. Витгенштейна для этики

Предложение Витгенштейна рассматривать этику такой, «как она есть» (2, р.1) или такой, как ее выражают в речи, в убеждении, что философия, которая «оставляет все таким, как оно обстоит», только выиграет, отказавшись от метафизической моральной философии как «чуши» (2, р.3), сильно повлияло на дисциплину, хотя до сих пор существуют значительные разногласия по поводу того, что значит «заниматься этикой в духе Витгенштейна (2, р.2).

Остается актуальным вопрос: способствует ли она снятию трения между зависимостью моральной критики от конкретного опыта и имма-

нентного знания стандартов общественной жизни, с одной стороны, и стремлением моральной философии к универсальности, с другой.

Философ проявлял враждебность к теоретическим изысканиям и требовал внимание к конкретным вещам при подозрительном отношении к редукции и обобщениям (2, p.1), не принимая обыденность в обсуждении этических вопросов и методы выстраивания пропозиций и доказательства. Согласно Витгенштейну, любая попытка определить этическую область или выделить комплекс этических концепций обречена на провал. По словам У. Арсвальда, мыслитель видел в конкретной жизни тот вечный двигатель, который постоянно сталкивает людей с этическими проблемами и заставляет их решать (Цит. по 1, p.22).

Отсюда отличительные черты этики Витгенштейна — ситуативность и конкретность. Последствия можно условно разделить на позитивные, негативные, амбивалентные и дискуссионные.

К позитивным относятся размышления Р. Риса и М. О'Коннора Друри (2, pp.173-192), дающие аргументы против претензий ультралиберальной идеологии на универсальность. Внимание к частным случаям, эмпирическим исследованиям, способным подобно «бродящим дрожжам» выявить нечто большее, чем рассматриваемый объект (2, p.43). Эмоциональность, контрастирующая с нейтральностью метаэтики (2, p.75)

К негативным — возможность морального релятивизма. Отказ от сферы идеального.

К дискуссионным — основание приговоров «невест ислама» на критерии удовольствия от мук жертв. Проблема этики в отношении родственников пострадавших (2, p.76).

Литература:

1. Campbell M. Review of the book Ethics after Wittgenstein: Contemplation and Critique / ed. by R. Amesbury, H. von Sass. – L., N.-Y. : Bloomsbury academic. – 258 p. // Philosophical Investigations. – 2023-10. – URL: <https://doi.org/10.1111/phin.12391>. – (accessed: 31.01.2024).

2. Ethics after Wittgenstein: Contemplation and Critique / ed. by R. Amesbury, H. von Sass. – L., N.-Y. : Bloomsbury academic. – 258 p.

Цой Мария Руслановна
обучающийся специалитета
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Проблемы эвтаназии служебных собак

На государственной службе состоят более 13 тысяч собак. Ежегодно 20% из них списывается, это 200-250 обученных и ещё не совсем старых псов. Данная процедура строго регламентирована и включает не-

сколько этапов оценки состояния каждого животного с учётом здоровья, пороков, болезней, недостатков и рабочих качеств (1).

С юридической стороны, служебные собаки — это движимое имущество, которым владеет и распоряжается конкретный кинологовский центр. Служат они до 8 лет, так как по достижению этого срока большинство из них уже не могут в полной мере выполнять свои обязанности, после чего их выбраковывают (списывают) (2).

Пригодность служебных собак к использованию определяется комиссией: председателем комиссии является начальник (руководитель) подразделения, членами — специалисты-кинологи, ветеринарный специалист, иные представители органа, организации, подразделения МВД России. Выбраковка служебных собак проводится два раза в год (в апреле и октябре) (2).

После ищут новых хозяев для передачи на безвозмездной или возмездной основе. По статистике 8/10 собак находят семью.

Если же не находят новых хозяев в течение трех месяцев, собаку отправляют в приют, а так как мест в приютах недостаточно (из-за п.5 ст.18 ФЗ №498), то принимают решение усыпить животное (3).

Также служебных собак списывают и отправляют на усыпление из-за хронических заболеваний, которые проявляются во время службы, травм и врожденных заболеваний, присущим определенным породам (например, дисплазия тазобедренного сустава у немецких овчарок), которые не угрожают жизни животного, а лишь потому, что они не оправдывают расходов по лечению.

Так произошло в прошлом году в Великобритании, десятки военных собак были подвергнуты эвтаназии после того, как их признали непригодными к службе.

В общей сложности 40 собак были усыплены, поскольку больше не могли выполнять сложные задачи, которым их обучали.

Некоторые из этих собак были признаны хронически больными, в то время как другие были признаны здоровыми и непригодными для гражданского приюта.

С одной стороны служащих братьев наших меньших усыпляют для их блага, чтобы избавить от мучений и боли, при проблемах со здоровьем и травмах, полученных во время службы (например, следственно-розыскные собаки часто слепнут во время службы, они не доживают до 8 лет и, находясь на грани смерти, испытывают сильные страдания). Эвтаназия в таком случае может рассматриваться как гуманное решение. Служебные собаки, как и все животные, имеют право на жизнь без страданий.

С другой стороны, их также усыпляют по причинам никак не граничащими с моральными соображениями, а скорее в целях выгоды: сократить количество расходов на их лечение и содержание, потому что они не оправдывают затраты, являясь непригодными к службе.

Между служебной собакой и сотрудником кинологической службы возникает связь, привязанность, что усложняет процедуру эвтаназии, так как утрата любимого питомца и партнера по службе вызывает эмоциональные страдания у хозяина.

Усыпление служебных собак — это сложный этический вопрос, требующий взвешенного подхода. Необходимо учитывать благополучие собак и их владельцев. Для принятия наиболее гуманного решения необходим индивидуальный анализ. Для решения этой проблемы важно работать с общественным мнением и формировать более понимающее отношение к этим животным.

Литература:

1. Приказ Министра обороны РФ от 19 марта 2022 г. №157 «Об установлении Порядка обращения со служебными животными в Вооруженных Силах Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) <https://base.garant.ru/404536082/>

2. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ (последняя редакция) <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102498094>

3. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. МВД МЕДИА. Я вам служил, а что же дальше, или Кому нужна собачья жизнь? <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/problema/ya-vam-služhil-a-čhto-zhe-dalshe-ili-komu-nuzhna-sobachya-zhizn/>

Шакарян Ярослав Эрнестович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Чайлдфри-зоны: этико-правовые аспекты

(в контексте традиционных семейных ценностей)

Современная повестка активно продвигает тренды на атомизацию общества, разрушение института семьи, подрыв традиционных ценностей. Среди прочего, наблюдается распространение чайлдфри-идеологии. При этом, помимо самой идеи отказа от деторождения, она находит косвенное выражение в различных социокультурных практиках. Одной из них является распространение чайлдфри-пространств.

Чайлдфри-зоны (no kids zone) — общественные места, которые ограничивают или запрещают нахождение детей или лиц с детьми. При этом речь идет не о заведениях, в которые доступ детей традиционно за-

прещется в силу особенностей возраста (бары, ночные клубы, казино и др.), а касается мест досуга, отдыха, питания, транспорта.

Считается, что чайлдфри-пространства появились в Южной Корее в начале 2010-х. Сегодня там насчитывается свыше 540 подобных заведений, а сама практика распространяется по всему миру. Аналогичные места появились в США, Германии, Испании и др. (1)

Наиболее распространенные направления: чайлдфри-дома (в которых нет квартир, где живут с детьми); чайлдфри-отели (куда не заселяют с детьми); популярность набирает применение указанных зон на общественном транспорте, в особенности в авиоперевозках. Так Malaysia, Airlines Scoot, AirAsia X, Corendon Airlines и другие компании ввели отдельные места, на которые не продают билеты пассажирам с детьми (2). Помимо этого, чайлдфри-зоны распространились на рестораны, кафе, кинотеатры, а также национальные достопримечательности.

Введение данной меры обосновывается, с одной стороны стремлением учреждений к обеспечению комфорта посетителей, с другой стороны, попыткой владельцев снять потенциальные риски, связанные с непредсказуемым поведением детей. Существует и коммерческая выгода от предоставления данных услуг по более высоким ценам как услуг повышенного комфорта.

На наш взгляд, данная практика является дискриминационной, как по отношению к детям, так и к членам семей. Само по себе выделение отдельной социальной группы, которой запрещен вход в общественные места, является сегрегационной. Помимо этого, создается опасный прецедент для других категорий граждан, что способствует атомизации, повышению социальной напряженности в обществе, препятствует формированию инклюзивной среды.

Отметим, что Конституция РФ не только запрещает дискриминацию по возрасту и иным показателям, но и закрепляет защиту семьи и детства в качестве одного из важнейших принципов государственной политики, а дети являются её важнейшим приоритетом (3).

Явление носит явный антисемейный характер, так как, с одной стороны, ставит семьи с детьми в невыгодное положение, в том числе на уровне общественного сознания и имиджа, во-вторых, приводит к снижению доступности и территориальной близости инфраструктуры, что существенно ухудшает положение семей с детьми. Помимо этого, считаем порочным факт априорного отождествления присутствия ребенка с источником дискомфорта.

В то же время на данный момент существует множество мест досуга и отдыха, в которые детям вход воспрещен, и где взрослые граждане могут провести время в отсутствие детей.

Таким образом, подобная практика, на наш взгляд, на уровне закона является дискриминационной, не соответствует основам конституционного строя и законодательству РФ, сущностно носит антисемейный ха-

рактически противоречит традиционным ценностям и целям семейно-демографической политики государства, препятствует созданию семейно-ориентированной среды, формированию позитивного отношения к родительству и детству и не должна быть перенята и разрешена в России.

Литература:

1. Inside the debate on «no-kids zones». – URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20230609000677> (дата обращения: 28.09.2024)

2. Childfree-самолет: авиакомпания Corendon Airlines вводит рейсы «только для взрослых». Что такое no-kids zones – URL: <https://www.mn.ru/smart/childfree-samolet-aviakompaniya-corendon-airlines-vvodit-rejsy-tol-ko-dlya-vzroslyh-chto-takoe-no-kids-zones> (дата обращения: 28.09.2024)

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2020. №31. Ст.4398.

Шаршукова Софья Григорьевна

студент

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

К вопросу о формировании отношения к животным (на примере мультфильма «Тайная жизнь домашних животных»)

Фильмы, в том числе мультипликационные, формируют у человека определённое отношение к различным объектам, явлениям и проч. Так, мультипликационные фильмы, направленные главным образом на детей, формируют у последних этические ориентиры, определённые идеалы, которыми дети будут руководствоваться в реальной жизни. В нашей работе мы рассматриваем формирование отношения к животным на примере популярного мультфильма «Тайная жизнь домашних животных».

Создатель мультфильма «Тайная жизнь домашних животных» мультипликационная студия Illumination Entertainment ставит под сомнение взгляд на домашних животных как на объекты, полностью подконтрольные людям. Сама идея их картины обозначается так: «А что, если они мыслят, разговаривают и даже имеют определённый характер?» Соответственно, животные представляются как самостоятельные создания, способные к интеллектуальной деятельности и имеющие личностные особенности.

Животные-персонажи мультфильма показываются разнообразными и противоречивыми. Например, белоснежный пудель Леонард при хозяйине ведёт себя как истинный аристократ, а сразу же после его ухода включает тяжёлый рок; попугай Кроха при включенном вентиляторе представляет, что летает в эскадрилье реактивных истребителей; а мопс по кличке Мэл совершает ежедневный ритуал: сидит в любимом кресле хозяина и облаивает прыгающих за окном белок. Все это формирует у зрителей представление о животных как о существах со своими характерами, потребностями, интересами, которые могут не совпадать с интересами и желаниями владельцев.

На примере брошенных животных, предводитель которых белый заяц Снежок, аналогично раскрывается идея собственного мировоззрения у питомцев, а также показывается необходимость ответственного отношения к животным. Самого зайца бросил фокусник после того, как популярность трюка «Кролик в шляпе» упала. У зайца также есть заместитель — свинья, забитая татуировками, которую бросили после того, как на ней не осталось свободного места для демонстрации работ. Наличие подобных животных, оставленных владельцами, показывает необходимость ответственного отношения к животным: питомцы, чья эксплуатация закончилась и которые стали больше не нужны хозяевам, выбрасываются, однако отношения с животными должны строиться на ответственности, уважении и любви, о чем свидетельствует конец мультфильма: оставленные животные смогли найти новых хозяев, которые приняли их такими, какие они есть.

Создатель картины «Тайная жизнь домашних животных» Крис Рено сумел показать этику отношения к домашним животным: их стоит воспринимать не только как преданных членов семьи или эксплуатируемые объекты, но и как самостоятельных существ, имеющих свой разум, характер, мировоззрение, желания и увлечения. Но, несмотря на то что они самостоятельные создания, относиться к ним мы должны, понимая, что берём на себя ответственность за их жизнь и благополучие.

Швабовская Ольга Валерьевна
обучающийся аспирантуры

Белорусский государственный университет

Идея нравственного прогресса в современном контексте

В современном мире идея социального и тем более нравственного прогресса практически не обсуждается, господствуют пессимистические и апокалипсические представления о будущем, даже рост технических усовершенствований рассматривается как количественный и не оценивается как свидетельство улучшения жизни общества. Между тем

еще в XX веке идея нравственного прогресса активно обсуждалась и даже была предметом противостояния советской и западной этики.

В начале XX столетия, рамках сложившегося западного капиталистического общества в качестве основания социального прогресса выступает примат частной собственности и свобода экономических отношений, которые проецируются на другие сферы жизни: культура, литература, кинематограф, межличностные отношения. Абсолютизация идеи свободы, посыл экзистенциалистов искать подлинную свободу «внутри» (1), приводит к потере оснований понимания самого явления и её границ. Ещё одной ценностью западноевропейского общества является ориентация на личный успех и индивидуализм, что неизбежно приводит к одиночеству и отчуждению. Человек становится объектом использования, его ценность измеряется размером услуг, которые он может предоставить, что приводит к обесцениванию и объективации (2). Отдельно стоит отметить моральное отчуждение, когда действующие нормы и требования морали провозглашаются как неподлинные, искусственные, мешающие обретению счастья человеком, легитимируя аморальное поведение. Если в античной философии человек рассматривается в единстве с Космосом, а в средневековой с Богом, то в западноевропейской он оказывается во враждебном мире частнособственнических интересов, конкуренции, лишённый чётких оснований понимания Добра и Зла, обречённый на свободу, имеющую характер произвола.

Для советской этики идеологическим основанием является марксизм, поэтому человек и его нравственное поведение неразрывно связано с общественно-экономическим устройством. И первое, что следует отметить, что в отличие от западноевропейской традиции, где идея нравственного прогресса в лучшем случае имеет черты абстрактного гуманизма — в советской этике утверждается о необходимой и неразрывной связи социального и нравственного прогресса, так что один невозможен без другого. Биогенетические, физиологические, исторические, параметры не отрицаются, а выступают в качестве предпосылок, основная же роль отводится социальному — возможности вступать в нравственные отношения с окружающими (3). Тут нет места моральному отчуждению, т.к. индивид выступает как нравственный субъект способный к свободному выбору в социальном действии, которое в свою очередь имеет чёткое значение в системе добра и зла. Общая цель развития в марксизме имеет гуманистическую направленность: преодоление человеком рабства во всех смыслах, будь то природа или классовое неравенство и всестороннее развитие его как Личности. В противовес индивидуализму западноевропейской традиции в советской этике провозглашается отношение личности к общему благу как к высшей цели и подчинение личных интересов общественным (3). Выражением нрав-

ственного прогресса служит также расширение сферы применения морали в общественной жизни и совершенствование способов регулирования морального поведения людей в социальном взаимодействии, а также в развитие моральной ответственности Личности (2, 89). Таким образом, для этики советского периода нравственный прогресс понимался как целенаправленный поступательный процесс общественного развития, пронизывающий все сферы общества.

На сегодняшний день те нравственные проблемы, которые были заявлены и западной и советской школой этики не решены, это: все виды неравенства, эксплуатация, дегуманизация и т.д. Со всей очевидностью следует признать, что в рамках общественного развития ни в коем случае нельзя упускать нравственную составляющую, а обществу необходимы способы регулирования морального поведения. Об этом свидетельствует необходимость этического регулирования медицины, науки, технологий, образования и иных сфер человеческого общества. Несмотря на идеологическое противостояние современного Запада и других стран, многие нравственные проблемы носят общечеловеческий характер, однако каждое государство утверждает свою идеологию и систему нравственных ценностей исходя из национальных интересов и концепции социально-экономического развития.

Литература:

1. Титаренко А.И. Критерий нравственного прогресса: Критич. очерки. М.: Мысль, 1967. – 190 с.
2. Титаренко А.И., Гусейнов А.А., Бакштановский В.И. и др. Марксистская этика: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1980. – 352 с.
3. Архангельский Л.М. Марксистская этика: предмет, структура, основные направления. М.: Мысль, 1985. – 239 с.

Шестаков Михаил Алексеевич
обучающийся бакалавриата

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Гносеологический аспект модернистской и постмодернистской этики: от И. Канта к Ж.-Ф. Лиотару

В истории философии известны примеры выведения этических положения из онтологической и эпистемологической составляющей философских систем. В эпоху постмодерна, которую Жан-Франсуа Лиотар определил как «кризис метанарративов», масштабных систем «объяснения мира» при помощи метафизики, была предпринята обстоятельная

критика подобной практики мышления, выводящей суждения о должном из суждений о сущем (2).

Постмодернистская критика была сосредоточена не столько на позитивной критике метанарративов, как бы предлагая им альтернативу, сколько на критике негативной, на констатации факта бесполезности и даже опасности этих философских моделей. В работе «Состояние постмодерна» Лиотар писал, что современное общество характеризуется «недоверием» и «скептицизмом» в отношении метанарративов (2), что постулируется автором как проблема, а вовсе не позитивное состояние общества. Лиотар стремится очертить проблемное поле современности и наметить пути выхода из постмодернистского кризиса, главной чертой которого является подобное недоверие к метафизике, подразумевающее в качестве следствия этический релятивизм. Этика прежних веков, покоившаяся на прочном основании философских моделей объяснения мира и его познания, косвенным образом привела человечество к катастрофе двух мировых войн. Чудовищный кризис этики — вот что Лиотар видит в трагедии Освенцима, при этом считая частью этого кризиса и последующее разочарование людей в этике как таковой.

В данном контексте видится полезным сравнить этические положения философии Иммануила Канта — одного из главных мыслителей модерна, автора масштабного проекта философской этики, и Лиотара, одного из немногих философов-постмодернистов, предложивших собственный этический проект разрешения проблемы релятивизма. В работе «Распря», посвященной этическим вопросам, Лиотар во многом опирается на Канта, пробуя выстроить этику не на размышлениях Канта о практической философии, а на основе кантианской эстетики.

При этом основание расхождения двух философов, как бы олицетворяющих эпохи модерна и постмодерна, видится глубже этико-эстетического поля — в вопросах теории познания и их связи с этическими суждениями. Кант в «Критике чистого разума» предложил универсальную теорию познания в русле трансцендентального идеализма, подробно описав механизм познания вещей и работы человеческого сознания. При этом этот механизм Кант однозначно считает всеобщим, т.е. одинаково присущим всем людям (1). Это мы и считаем главным этическим положением теории познания Канта — принятие человеческого разума как универсальной структуры, довлеющей над всеми людьми и определяющей их индивидуальные суждения. Исходя из этого обосновывается существование универсальных этических норм, которые имеют естественное происхождение в разуме каждого человека — гипотетически, каждый индивид имеет возможность редуцировать суждение другого человека, зная, как функционирует его разум.

Лиотаровская «Распря» между строк вступает в спор с этим положением. Её основным тезисом является как раз закрепление возможности несоответствия между мышлением людей как фундамента этики, которая, будучи чуткой к проблеме потенциального непонимания людьми друг друга, должна стремиться к наделению каждого индивида правом голоса, вне зависимости от соответствия его позиции «здоровому смыслу» или «всеобщему закону» (3).

Таким образом, этический проект Канта предстает для нас как избегание проблемы релятивизма, тогда как проект Лиотара — способом ее решения.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского, под ред. Ц.Г.Арзаканяна и М.И.Иткина. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб: «Институт экспериментальной социологии»; Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Lyotard J.-F. Le Differend. Paris: Minuit, 1983. – 280 p.

Шилонцев Андрей Александрович

обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ветеринарной медицины

Ученическое самоуправление: проблемы и перспективы

Ученическое самоуправление (УС) — это механизм, позволяющий школьникам участвовать в управлении школой, т.е. реализовывать их право на «участие в управлении образовательной организацией» (5,1).

В последнее время УС часто обсуждается педагогами и социологами, как эффективный метод воспитания (3,4). Участвуя в школьном самоуправлении, подросток учится самостоятельно принимать решения, ценить свои права и исполнять свои обязанности. УС формирует у школьников активную жизненную позицию.

Я считаю, что для успешной работы школьное самоуправление должно выполнять следующие задачи: доносить просьбы школьников до школьного управления, доносить требования школьного управления до учеников и решать мелкие вопросы, не привлекая взрослых.

УС работает во многих школах России. К сожалению, далеко не во всех оно исполняет свои функции. Часто УС в школе существует только формально, минимально участвуя в жизни школы. В этой работе я попытался понять, что приводит к этой ситуации и как её можно исправить.

Я вижу у УС в современных школах две проблемы: незаинтересованность учеников (2,6) и отсутствие у педагогов-организаторов чёткого представления о том, как должно выглядеть УС.

Первая проблема, незаинтересованность учеников, вызвана тем, что УС организуют, как дополнение к существующей системе управления. Но все функции, которые я считаю функциями УС, в большинстве школ успешно исполняются классными руководителями. Значит от работы УС ничего не зависит. Школьники чувствуют, что, работая в УС, они не смогут сделать свою жизнь лучше. Поэтому даже изначально мотивированные школьники быстро теряют интерес к работе в УС.

Вторая проблема — отсутствие у педагогов-организаторов чёткого представления о том, как должно выглядеть УС. Она проявляется в том, что учителя часто путают УС и «школьный актив». «Школьный актив» — система, в которой наиболее инициативные школьники участвуют в организации разного рода мероприятий. Он сильно отличается от УС по механизму работы и функциям. В ученическом самоуправлении у учеников есть реальная власть, пусть и ограниченная чёткими рамками. В УС принимают участие большая часть школьников: они участвуют в классных собраниях. В случае «школьного актива» ученики не могут ничего решать, они только вносят предложения и исполняют поручения. В «школьном активе» участвуют только самые мотивированные.

Первую проблему можно решить, переложив часть обязанностей классного руководителя на ячейки УС низкого уровня, так называемые «советы класса», во главе со старостами. Тогда от того, насколько успешно старосты выполняют свою работу будет зависеть благосостояние всего класса. Школьникам придётся научиться работать в УС.

Вторая проблема решается статьями и научными работами, описывающими различия между УС и «школьным активом».

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ст.34.
2. Гальвас В.А. Ученическое самоуправление в современной школе: актуальные проблемы и пути их решения. 2023.
3. Маркова М. Г. Развитие ученического самоуправления в классном коллективе как часть становления воспитательной системы //ББК 74.00 С 40. – 2024. – С.76.
4. Михалева Е.С. и др. Лидер ученического самоуправления // Вестник педагогических наук. 2020. №.4. С.40-47.
5. Прутченков А.С., Фатов И. С. Ученическое самоуправление: организационно-правовые основы, система деятельности: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2013. Т.112.
6. Собкин В. С., Николашина Е. В. Демократизация образования: школьное самоуправление глазами подростка //Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. 2006. С.76-83.

Шишлянников Иван Игоревич
обучающийся аспирантуры

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Негативный утилитаризм, Эпикур и философская терапия

Негативный утилитаризм, — разновидность классического утилитаризма, — смещает акцент с максимизации счастья на минимизацию страданий. Сторонники НУ (негативный утилитаризм) утверждают, что предотвращение и облегчение страданий должно стать главной этической задачей человека. Эта точка зрения вытекает из наблюдения, что страдания оказывают более интенсивное и непосредственное влияние на благополучие человека и животных, чем наличие удовольствия. Негативные утилитаристы утверждают, что моральным императивом является устранение страданий, что иногда может привести к противоречивым последствиям, например, к контраргументу об уничтожении жизни (т.е. полного устранения страданий).

Эпикур представляет дополняющий, но в то же время отличный подход к уменьшению страданий. В центре его философии — достижение атараксии, состояния спокойствия и свободы от страха и боли. Эпикур утверждает, что отсутствие боли (апония) и спокойный ум являются основой хорошей жизни. Философ выступает за простую жизнь, ценя стремление к скромным удовольствиям и избегая ненужных желаний, которые часто приводят к тревоге и страданиям.

Философская терапия — практика, использующая философские идеи для решения психологических проблем, — может извлечь большую пользу из интеграции негативного утилитаризма и эпикурейства. Акцент на минимизации страданий хорошо согласуется с терапевтическими целями, поскольку побуждает людей выявлять и смягчать источники дистресса в своей жизни. Например, терапевт, руководствующийся этими принципами, может помочь клиенту распознать вредные модели мышления или поведения и работать над их заменой на более конструктивные.

Эпикурейские принципы также можно применять в терапии, побуждая клиента вести более простой образ жизни и отдавать предпочтение душевному покою перед материальной выгодой. Клиентов учат концентрироваться на своих насущных потребностях и желаниях, а не гнаться за бесконечными желаниями, которые часто приводят к неудовлетворенности и беспокойству. Применяя эпикурейский подход, люди могут научиться ценить настоящий момент и культивировать внутреннее спокойствие.

Шкляр Евгений Леонидович
обучающийся магистратуры
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Центр практической философии «Стасис»

Sapere Aude: на пути к номадической этике

Изначально латинское изречение Горация «*Sapere Aude*» призывает к знанию («дерзай знать», *dare to know*). Философия становления Делёза и Гваттари может рассматриваться как продолжение этой интенции. Постоянный отказ от устоявшихся связей с внешним миром можно трактовать как движение к новому осмыслению реальности, которое приводит к таким концептам, как «становление-женщиной» и «становление-животным».

Если рассматривать это изречение через философию Канта как призыв к пользованию собственным умом, то «мыслить своим умом» можно интерпретировать как постоянный отказ от стигматизации. Внутренняя интенция к переосмыслению и повторному проживанию этических проблем выражается в отказе от иерархий. Ризоматическая структура, предложенная Делёзом и Гваттари, открывает возможность учитывать различные этические системы и свободно переходить от одного взгляда к другому.

Делёз и Гваттари также призывают к преодолению центричности, постулируемой государством и метафизикой XX века, через концепт ризомы. Таким образом, номад обязан пользоваться собственным умом, так как он не может переключать своё мышление и ответственность на другого. Становясь полностью продуктом своих решений и собственного мышления, он должен осознавать, почему и зачем принимает тот или иной постулат и почему ему подходит определённый результат.

Номадическая этика Делёза и Гваттари становится источником постоянной стимуляции мышления и переосмысления этических проблем. Ризоматическая структура, лежащая в её основе, предлагает больше материала, который необходимо использовать для принятия моральных решений.

Номадическая этика, в теории, может быть полезной как в решении межличностных, так и институциональных проблем. Например, если в отношениях партнёры осмысляют себя и друг друга как изменчивых и постоянно становящихся субъектов, это открывает возможности для поиска новых причин и форм совместного существования. Участники взаимоотношений, воспринимая себя и другого как конструируемых субъектов, могут экспериментировать с тем, как они хотят жить вместе, не фиксируя друг на друге неизменные характеристики.

Аналогичным образом, переосмысление роли и формы государственных институтов, а также места субъекта в них, может создать новые условия для решения проблем аполитичности, которая характерна как для граждан России, так и Европы и Америки. Вопрос пенитенциарной системы остаётся открытым, особенно когда речь идёт о субъекте, который, например, осмысляет себя как каннибала III века до н.э. Решение этих проблем возможно только при условии обсуждения и реактуализации номадической этики.

Литература:

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Том 1: Анти-Эдип. Киев, 2021. — 517 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Том 2: Тысяча плато. Киев, 2021. — 767 с.
3. Daniel W. Smith and Henry Somers-Hall, *The Cambridge Companion to Deleuze*. Cambridge University Press, 2012. — 428 p.
4. Deleuze G. *Two regimes of Madness texts and interviews 1975-1995 – Semiotext(e) foreign agents series*, 2007. — 421 p.

Шлапаков Данила Алексеевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Материальная религия:

перспективы исследования религиозной этики

Под занавес двадцатого века после череды самых разных социогуманитарных поворотов (антропологический, иконический, дискурсивный и пр.) последним в религиоведение пришел материальный поворот. По сегодняшний день данное направление только продолжает распространяться в академической среде и пока не достиг своих границ развития, как это было с предшествующими эвристическими витками. Материальный поворот привнес в религиоведение ряд новых понятий (материальная религия, религия повседневности, симбионты, агентность и др.), которые запускают новые метаморфозы религиозной этики для исследователей религии. Расширение агентности мировосприятия, уход от абстракций, трансцендентности, доктринальности и, самое важное, использование понятия «ассамбляжа» — всё это не может не отразиться на современном понимании этических религиозных комплексов.

Для того, чтобы вывести некоторый контур последствий материально-го поворота в религиоведении относительно этики, в докладе будет рассмотрен вклад Дж. Беннет, которая в своих исследованиях ставит целью продемонстрировать агентность материальных вещей, то есть то,

как предметы и их материальные свойства способны воздействовать на человека и формировать то или иное политическое действие, этическую конфигурацию.

Также рассмотрим идеи М. де Ланда, интересом которого становится мир сам по себе, вне человеческой чувственности и разума. Для де Ланда предметы обретают свои свойства не в силу сознания человека, а «их идентичность синтезируется или производится в рамках (как часть) космологической, геологической, биологической или социальной истории».

Следующим элементом анализа данного доклада является Роза Брайдотти, которую тоже можно отнести к числу представителей материального поворота. Она предлагает, во-первых, изучать связи между телом, разумом и материей, а также их влияния на формирование идентичности человека и, в особенности, групп людей. Во-вторых, Брайдотти использует постгуманистические подходы для анализа агентности нечеловеческих объектов и влияния технологий на наше восприятие себя. Она ставит под вопрос традиционные представления о человеке, предлагая новый взгляд на нашу роль в современном мире, где технологии и экологические изменения диктуют необходимость пересмотра наших способов выстраивания идентичности и иных практик. Брайдотти рассматривает вопрос о том, как технологии помещают нас в новые социальные и политические контексты. Она исследует концепцию постгуманизма, сосредотачивая внимание на пересечении человеческого и нечеловеческого, индивида и коллектива. Она подчеркивает важность понимания человека не как центрального элемента, а как части более широкой экологической сети.

Завершением доклада станут ответы на вопросы: насколько возможным представляется исследование религиозной этики в конфигурации материального поворота и какие основные проблемы нам открываются?

Шпеннгер Любовь Станиславовна
независимый исследователь

Аутентичность: «настоящий» педагог миф или реальность?

Аутентичность — востребованная и неоднозначная тема современного мира. Её философское понимание сводится к следующему вопросу: Какова сущность человека как такового? Во всём многообразии трактовок аутентичности, интересна, та, которая имеет отношение к профессиональной деятельности.

В этой же перспективе ставится вопрос о «настоящем» или подлинном педагоге. Профессиональное назначение «настоящего» педагога состоит не только в том, чтобы соответствовать должному (быть носителем социальных идеалов), но и в формировании в следующем поколении качеств, соответствующих адекватным представлениям о сущности человека (или того, что под этой сущностью подразумевается, если исходить из того, что ее можно познать).

Учитывая, что, начиная с эпохи Просвещения, европейская история дает целый ряд версий сущности человека, каждая из которых соответствует той или иной политической идеологии, черты «настоящего» педагога можно воспроизвести, ориентируясь лишь на некоторые формальные характеристики.

Иными словами, независимо от того, в чем эпоха и группа видят человеческую сущность, формирование личности осуществляется социальными институтами педагогики, инструменты которых от идеологических ориентаций и, в целом, от передаваемого воспитанникам содержания не зависят. Так педагогика теряет связность с общим гуманизмом, и по инерции выполняет одну и ту же работу одними и теми же средствами, т.е. формирует у новых поколений те личностные качества, которые требуются конкретному сообществу.

Кроме этого, педагог как носитель ценностных установок действует в рамках правил, регламентирующих профессиональные требования к его работе, как политического субъекта, как носителя профессиональной культуры, отступить от которых в пользу «живой» человеческой спонтанности считается признаком непрофессионализма. Заключение в окаменевшие ролевые модели, тесные долженствования, обремененность субъективными и порой фантастическими ожиданиями людей о построении гармоничной и всесторонне развитой личности, оставляют крайне маленькое пространство для инициатив свободных от идей формирования, развития, обучения, воспитания, но взаимодействия как сопричастности к конкретному моменту и получения в этом моменте опыта настоящего присутствия другого.

Представляется интересным исследовать феномен того, что называется, быть «настоящим» педагогом в срезе аксиологическом, ведь педагог разочаровывает тем больше, чем меньше его профессиональные навыки связаны с конкретными ценностями.

Щербина Мария Александровна

студент

Санкт-Петербургский государственный университет

ветеринарный медицины

Патернализм или защита?

Этические аспекты функционирования зоопарков

Данная статья посвящена этическим вопросам, связанным с функционированием зоопарков и их влиянием на сохранение биоразнообразия. Рассматривается дилемма, с которой сталкиваются современные зоопарки, находясь на распутье между контролем человека над природой и необходимостью учитывать права животных. Зоопарки, как места содержания и демонстрации животных, иллюстрируют противоречие между этикой животных и этикой сохранения природы.

Известно, что характер отношений человека и животных сугубо патерналистский, причем животные глубоко привязаны к человеку. К ним относятся некоторые спортивные виды лошадей, кролики, птицы и т.д. Существуют также дикие животные, которых защитники природы перемещают в зоопарки с целью сохранения видов и предотвращения полного исчезновения редких животных. Можно утверждать, что зоопарки играют важную роль в защите животных, находящихся под угрозой браконьерства ради их частей тела, мяса или в результате разрушения их естественной среды обитания. В этом контексте зоопарки выступают антитезой спесицизму (1), поскольку они направлены на исправление существующих несправедливостей, а не на их увековечение. Вопреки обвинениям в спесицизме, выдвигаемым защитниками прав животных, похоже, что зоопарки в значительной степени рассматриваются общественностью и политиками как благотворные учреждения. Зоопарки раньше были сосредоточены на развлечении и простом показе животных посетителям, в последние годы они развили свою роль, став «Ноевыми ковчегами» для находящихся под угрозой исчезновения животных (2).

Есть опасения, что даже при благих намерениях сохранения видов, содержание этих животных в зоопарках нарушает их естественные потребности и права, животные лишаются свободы передвижения и возможности удовлетворения базовых инстинктов. Отсутствие полноценной социальной жизни приводит к стрессам и страданиям живых существ, также невозможность совершать сезонные миграции, охотиться и строить укрытия. Искусственные условия содержания не могут в полной мере воспроизвести характеристики природной среды. Зоопарки, на самом деле, инвестируют и обязуются исправлять несправедливость, вы-

званную предубеждением или предвзятостью других по отношению к этим видам (2).

Этический долг человека — минимизировать страдания живых существ, а не удовлетворить свои развлекательные или образовательные интересы за счёт содержания диких животных в неволе. Необходимо совершенствовать подходы к содержанию животных в неволе, максимально приближая к естественным условиям, также развитие больших природных вольеров.

Литература:

1. Севастьянова, А. Д. Можно Ли оправдать спешизм? // Материалы 78-й международной научной конференции молодых ученых и студентов СПбГУВМ, Санкт-Петербург, 01–08 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, 2024. С.219-221.

2. Vincelette A. The Value and Ethical Status of Zoos. 2024.

Anthony Baiju Parakkal

MPhil; Postgraduate, Research Scholar

Birla Institute of Technology And Science, Pilani

Epistemic responsibility = Social responsibility

Philosophical concepts have guided the individual to be socially responsible. The concept of epistemic responsibility, as posited by Lorraine Code in contemporary philosophy, underscores the societal obligations inherent in philosophical inquiry. It emphasizes that philosophy's significance extends beyond individual intellectual pursuits to encompass a broader responsibility towards society. By embracing epistemic responsibility, philosophers are reminded of their duty to engage with knowledge in a manner that benefits the collective welfare. It highlights philosophy's role as a tool for promoting social responsibility and advancing the common good.

Epistemic responsibility (ER) is a concept that has garnered significant attention in contemporary scholarly discussions within various fields such as epistemology, philosophy of science, and education. Scholars have approached the definition and understanding of ER from diverse theoretical and practical perspectives, leading to nuanced interpretations and applications. The initial discussions surrounding epistemic responsibility can be found in the works of Ernest Sosa (1974), Roderick Chisholm (1977), Laurence Bonjour (1978), Hilary Kornblith (1983), and David Papineau (1984) and they encompass the epistemic and ethical dimensions of responsibility for justification. Lamy (2022) emphasizes the epistemic aspect of responsibility, high-

lighting its role in promoting practices aimed at producing true beliefs. For Lamy, ER entails the disposition to acknowledge and address one's epistemic faults, thereby contributing to the pursuit of knowledge and truth (2022, p.2). This perspective underscores the importance of virtues that aid in rectifying epistemic shortcomings within various knowledge-seeking endeavours. Fleisher and Seselja (2020) further elaborate on ER within the context of epistemic practices. They suggest that a responsibility is deemed epistemic when it facilitates the achievement of epistemic aims within evaluative frameworks specific to those practices. Code (2020), building upon her seminal work on Epistemic Responsibility (1987), focuses on the acquisition and application of knowledge within ER frameworks. She argues that ER encompasses not only the possession of adequate knowledge but also the ethical obligation to «know well,» implying a moral dimension to epistemic practices. Code's approach underscores the ethical implications of knowledge acquisition and dissemination, emphasizing the responsibility of individuals to engage in epistemically virtuous behaviour. Furthermore, her subsequent works illustrate a progressive development of the notion of epistemic responsibility, elevating it to the same level of importance as social responsibility. This evolution can be delineated through six interconnected concepts, each commencing with the letter 'S' in English. These concepts encapsulate the multifaceted dimensions of epistemic responsibility in relation to the Self, Society, Space, Sex, Sphere, and Social Justice. Utilizing an analytical and philosophical approach, we delve into the essence of the philosophical concept known as epistemic responsibility and its implications for social responsibility.

Our inquiry involves an examination of the foundational principles underlying epistemic responsibility and an exploration of its interconnectedness with social responsibility, elucidating the ways in which the former informs and enriches the latter within the philosophical discourse. Within our research framework, we pose the following inquiries: a) What constitutes the philosophical concept of epistemic responsibility, and b) In what manner does it intersect with and bolster social responsibility? This analytical approach prompts an investigation into the fundamental nature of epistemic responsibility and its role in shaping and enhancing broader societal obligations. Our analysis commences by elucidating the concept of epistemic responsibility, thereafter delving into six progressive manifestations of this responsibility alongside their corresponding practices. This comprehensive exploration emphasises the pivotal role that philosophy and philosophical practices play in fostering social responsibility, thereby highlighting their intrinsic interconnectedness and mutual reinforcement.

Basak Payel

MA; Research Scholar

Misra Sreetama

Dr., Assistant Professor

Indian Institute of Technology, Bhubaneswar

Is Moral Evolution a Necessity?

This paper examines a pivotal ethical question: Is there a moral obligation to engage with the concept of moral evolution within the frameworks of transhumanism and posthumanism? To explore this question, the paper is organized into three interrelated sections, each grounded in key philosophical frameworks and existing literature. The first section critically analyzes the definitions and distinguishing characteristics of «transhuman» and «posthuman,» highlighting the evolution of central debates in 21st-century literature (Ferrando, 2013, 2019; Roden, 2015; Bostrom, 2005; Sorgner, 2020). The second section delves into the concepts of moral disability (Harris, 2007; Zohny, 2018) and moral blindness (Baumrin, 1986; Palazzo et al., 2012; Ohaekwusi, 2019; Breczko, 2021), identifying them as significant barriers to moral evolution. It argues that these limitations in moral faculties—such as autonomy, free will, moral reasoning, or awareness—among transhumans may impede progress toward a more evolved, ethically superior posthuman condition. The final section addresses two critical inquiries: (i) Do transhumans have a moral obligation to pursue a posthuman state? and (ii) If no such obligation exists, can the notion of moral evolution still apply to transhumanism? This discussion introduces the concept of moral struggle, a crucial yet often overlooked element in considerations of morally augmented beings, such as those envisioned within transhumanist frameworks. Moral struggle is typically regarded as the crucible through which moral virtues are forged, as individuals face internal conflicts that challenge their ethical beliefs and decision-making processes, leading to personal growth. The absence of such struggle in genetically programmed or technologically enhanced entities raises significant concerns about the feasibility of genuine moral evolution. Without the lived experience of wrestling with moral dilemmas, can these enhanced beings truly evolve into a moral being grounded in empathy, justice, or altruism? Consequently, an ethical inquiry into the importance of moral struggle becomes a focal point in this debate.

References:

1. Baumrin, B. H. (1986). Moral Blindness. *Metaphilosophy*, 17(4), 205–213. <http://www.jstor.org/stable/24436935>
2. Bostrom, N. (2005). A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology*, 14(1), 1-25.

3. Breczko, A. (2021). Human Enhancement in the Context of Disability. *Bialostockie Studia Prawnicze*, 26(3), 95-108. <https://doi.org/10.15290/bsp.2021.26.03.05>
4. Ferrando, F. (2013). Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialism: Differences and Relations. *Existenz*, 8(2), 26-32. <https://doi.org/10.5354/2452-6037.2022.65842>
5. Ferrando, F. (2019). *Philosophical Posthumanism*. UK: Bloomsbury Academic.
6. Harris, J. (2007). *Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People*. USA: Princeton University Press.
7. Ohaekwusi, A. (2019). Moral Blindness: A Discovery of Banality in the Actions of Persons. *Quaestiones Disputatae*, 9(2), 174-195. <https://doi.org/10.5840/qd20199210>
8. Palazzo, G., Krings, F., & Hoffrage, U. (2012). Ethical Blindness. *Journal of Business Ethics*, 109(3), 323-338. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-1130-4>
9. Roden, D. (2015). *Posthuman Life*. UK: Routledge Taylor & Francis Group.
10. Sorgner, S. L. (2020). *On Transhumanism*. USA: Penn State University Press.
10. Zohny, H. (2018). Moral enhancement and the good life. *Medicine, Health Care and Philosophy*, 22(2), 267-274. <https://doi.org/10.1007/s11019-018-9868-4>

Glebova Sofia
PhD; Senior Lecturer
Higher School of Economics

Unethical Leaders Engaged in Ethical Leadership: The Reason for Unethical Pro-Organizational Behavior

Based on the M. Ahmed and M.I. Khan

Beyond the universal perception:

Unveiling the paradoxical impact of ethical leadership

on employees' unethical pro-organizational behavior (2023)

Mushtaq Ahmed and Muhammad Ishfaq Khan indicate that employees who perceive their leaders as ethical are more likely to agree to engage in unethical actions if it benefits the organization. The authors find their results controversial, noting that «EL (ethical leadership) can influence employees' self-efficacy in behaving ethically and resisting the temptation to engage in UPB (unethical pro-organizational behavior) by modeling ethical behavior, providing positive feedback, and support» (1, p.4).

To address this paradox, it is essential to revisit the understanding of ethical leadership as proposed in their paper. M. Ahmed and M.I. Khan primarily focus on ethical leadership as an ethical environment within organizations. They emphasize aspects such as «inspiring and guiding employees,» «building trust,» establishing «an ethical organizational culture,» etc. (1, pp.1-2).

If we narrowing ethical leadership toward providing positive corporate culture, we missing a great part of leader's responsibilities. Understanding ethical leadership in the manner of «inspiring and guiding employees» insight into why this approach could lead to unethical behavior. The paradox of ethical leadership leading to UPB ultimately reveals another true paradox: if we accept the definition of ethical leadership proposed by M. Ahmed and M.I. Khan, we find ourselves in a situation where ethical leadership can be exhibited by unethical leaders.

An ethical leader is not only responsible for fostering a psychologically comfortable environment but also for making morally grounded strategic decisions (which authors did not take into account). By creating a friendly organizational culture, an unethical leader sets the stage for manipulating their employees' trust. A person cannot be considered as ethical leaders if they commit unethical acts, especially if they persuade others to follow suit. People inherently desire to do good for others; this inclination is heightened in situations involving «ethical leadership,» as they are comforted by a trustful relationship in between the organization. Employees may feel compelled to please someone higher in the social hierarchy who moreover appears kind to them. Consequently, they may follow proposed instructions without considering whether the strategic decisions are ethical or not. Therefore, it is not surprising that «ethical leadership,» within the context of Ahmed's and Khan's research, introduces additional risks for unethical pro-organizational behavior (UPB).

We propose that future research should measure ethical leadership by considering not only the internal policies of ethical leaders but also their external actions and long-term strategic decisions to resolve the controversies surrounding ethical leaders and ethical leadership.

AI note disclaimer: This paper was authored by me, with assistance from AI tools for grammar, language refinement, and APA-style references. While these tools enhanced clarity and coherence, the content, ideas, and conclusions are entirely my own.

References:

1. Ahmed, M., & Khan, M. I. (2023). Beyond the universal perception: Unveiling the paradoxical impact of ethical leadership on employees' unethical pro-organizational behavior. *Heliyon*, 9(6), e21618. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e21618>

Gordon Purves

PhD in Philosophy; Associate Professor

Sacred Heart University

Can de Minimis Really Save the Precautionary Principle?

The Precautionary Principle holds that we ought to take steps to avoid the possibility of environmental disaster, even when we do not have a fully scientific understanding of the precise mechanism by which the disaster would come about or its relative likelihood. This principle has been implicitly or explicitly incorporated into many international agreements and national laws concerning environmental protection. Nonetheless, it has long been criticized for being ambiguous, for failing to give the decision-making guidance it promises, and for leading to decision paralysis. Several recent authors have claimed to be able to make the Precautionary Principle both rational and practical by means of a rule, drawn from legal theory, stipulating trivial risks do not need to be incorporated into the decision process. This work will argue that, while at first glance these de minimis rules seem to help to avoid the problems facing the Precautionary Principle, it falls far short of a complete solution in exactly those situations where a decision procedure is most needed. More specifically, there is an element of arbitrariness that de minimis rules ineliminably introduce to the Precautionary Principle that undercuts much of what makes precautionary reasoning desirable: namely, its ability to lend a rational basis to environmental preservation. Instead, this paper proposes a more heuristic and rhetorical approach to both the precautionary principle and to de minimis rules. This alternative conceptualization instead avoids the paradoxes of the precautionary principle by understanding it as a tool to pragmatically shape our discourse, rather than a decision procedure that rationally dictates a specific action. Such an understanding of the precautionary principle focuses more on ruling out certain types of reasoning — the reasoning that would use a lack of knowledge of the mechanism of a reasonably predictable disaster to make concern for the possibility of that disaster inadmissible when making policy decisions. Further, this understanding is shown to be much more in keeping with early formulations of the precautionary principle in such documents as the Rio Accords.

Gupta Priya

Postgraduate Degree in Philosophy (Jawaharlal Nehru University);

PhD Candidate, Research Scholar

University of Lucknow

Revisiting Animal Ethics through the Ethics of Care

The aim of the paper is to elaborate one of the relatively novel theories of applied ethics which is Care Ethics (alternatively called Ethics of Care) and explore its standpoint with respect to moral status of non-human animals. The inception of Care Ethics as a moral theory could be traced in feminist roots as evident from the 1982 breakthrough work entitled *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development* of feminist ethicist Carol Gilligan and another 1984 work entitled *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education* by feminist philosopher Nel Noddings. Ethics of care is a feminist approach to ethics. Originating as an alternative way of speaking about moral problems, it offers the women's way of resolving ethical dilemmas. It highlights a different moral orientation based on «voices of care» which represents the unheard voices of the marginalized group of women. Grounded in the very idea that men and women differ in their moral decision-making, Care Ethics posits that ethical perspectives such as Kantian deontology, Utilitarianism consequentialism and Virtue ethics are male centric. Dominant in the history of western philosophy, these theories are based on male values of rationality, justice and universality; and thus underestimate the feminine values of empathy, care, compassion, relatedness and responsiveness. These male centric theories assert that moral decision making should be made by rational, unemotional and logical moral agents and should be such that they could be objectively/universally applied in any situation. This one-size-fits-all approach by the male-centric ethical theories aiming for abstract and universalizing norms neglects the particularities of an ethical dilemma. These are de-humanistic as they neglects the emotional responses to the ethical/philosophical debate. It presumes that society is composed of rational equals thereby neglecting the heterogeneity of various life-forms. Recognizing this utopian nature of moral theories, Care ethicists realize the crucial role played by emotions such as care or compassion in real life decision making. It is not to say that Care ethics present a dichotomy between reason and the emotions, as some emotions could be reasonable and morally appropriate in guiding good decisions. By placing emphasis on emotions, not only it puts women values in the mainstream of philosophical debate but also provides an alternative way of looking at the moral status of non-human animals. Unlike utilitarian or rights theory that

ground our obligations to animals in rights or utilitarian consideration, Care ethics grounds moral treatment of animals in our sympathy for them. It asserts that humans have a duty to provide at least a minimum of decent care to all animals whom they have made dependent on them. Care ethics does not insist for caring for animals as mothers (human and nonhuman) care for their infants rather, it emphasizes on listening to animals, paying emotional attention and heeding to what they are telling. This application of care ethics to the animal question not only humanize us but also positively impact the human-animal relationship in the long run.

Kaplan Shawn

Ph.D.; Associate Professor

Adelphi University

¶ Paradox of International Ethics

When confronting massive human rights violations either from acts of international aggression or domestic rights abuses, international actors find themselves in a paradoxical position. The options available to them all typically fail to reduce these human rights violations. A military response in the form of a humanitarian intervention or a war of other-defense will typically amplify human rights violations by either starting a war or expanding the existing one. Doing nothing beyond taking diplomatic measures will often simply allow the human rights violation to continue unabated. The favored response in recent years is to impose a regime of economic sanctions upon either the responsible nation or specific parties within those nations. Though sanctions will not typically amplify human rights violations to the same degree as a military response, their record in reducing human rights violations is poor. Recent studies indicate that UN targeted sanctions fail to elicit any discernable policy change from the targeted nation in 80% of the cases. In addition, for another 10% of cases, a discernable policy change is detected but not the intended one. At the same time, it is well documented that most 'targeted' sanctions still impose economic harms (sometimes severe) upon innocent citizens from within: the targeted country, sending countries, and countries neighboring the target. Given the broad political ineffectiveness of economic sanctions, their poor record in promoting peace, and their record of economically harming non-labile individuals, international actors can easily feel themselves to be in an ethically paradoxical situation. Do they ignore a moral responsibility to protect human rights abroad, or do they respond militarily to make matters worse, or do they respond with predictably ineffective sanctions that simultaneously generate economic harms (if not

addition human rights violations)? This general picture is not meant to suggest that there aren't rare exceptions where sanction can be politically effective or when a humanitarian intervention could stop human rights abuses relatively quickly. In this paper, I consider an alternative reason to favor targeted economic sanctions, even when their political effectiveness is unlikely. By altering their economic relationship with those engaged in human rights violations, the international actor can avoid becoming morally complicit in these human rights violations. After reviewing the recent philosophical literature on moral complicity, I argue that international actors that fail to participate in sanctions can be morally complicit in the international aggression or human rights abuses of other nations. This true even when they do not intend to contribute economically to these rights violation but they act from recklessness and when their individual contributions are superfluous because the outcome is causally overdetermined. By making a case for reckless complicity in cases of causal overdetermination, I make a novel contribution to the complicity literature. In addition, I will consider whether the value of avoiding moral complicity with human rights violations is significant enough to help resolve the ethical paradox international actors experience when confronting massive human rights violations from international aggression or domestic rights abuses.

MacNairn Colin Anthony Smith
philosophy postgraduate
Independent Scholar

On The Poverty of Morals: An Introduction

Bernard Williams, in *Morality: An Introduction to Ethics*, presents a framework from which one can understand morality and the moral realm. The research I will be undertaking will explore four main concepts of Williams': The Moralist, The Relativist, The Subjectivist, and finally the Amoralist. Williams writes of morals as a facet of human existence that requires the agent to be present within the moral realm. He argues that one who does not concede this moral realm is outside of it and therefore, by appropriation, the amoralist. The amoralist is not concerned with the moral world, nor does she offer sympathies to it, though she is sympathetic to those existing in the moral realm. However, and this is where the argument starts, the moral realm has participants, Williams would argue, who are not the strict converse to the amoralist, but subjectivists and relativists. My argument will extend Williams' reasoning and contend that both the relativist and the subjectivist are in fact amoralists. Therefore, I will argue that there are only two types of moral

entities, the moralist and the amoralist — one who exists inside of the moral realm and one who exists outside of it. Williams speaks of the impoverishment of morality by direct way of the subjectivist, and to a lesser and more easily explained away extent, the relativist. I want to show that there ought not to be, nor is there, poverty in morality whatsoever. There is only moral and not moral. This distinction therefore extends wealth to the moral realm and poverty outside of the realm. The argument will investigate Williams' assertion that those who he labels the subjectivist and relativist, may in fact not know of their existence in the moral realm or more simply their actions speak not to them of moral or immoral but of simple actions or reactions — Williams refers to this as ignorance. By exploring the challenges of the relativist and the subjectivist and by explaining the nature of moral phenomena I will conclude that there is only moral and those who exist outside of the moral. Though this claim alienates many, I believe this exploration is poignant in today's society. A society where actions are justified by moral tenure through which they are seen as the virtuous action when in reality they may have little to do with morality and a large amount to do with what one thinks is right, in the subjective — of impoverished morality. As Williams would argue, those are not statements related to morals, they are statements related to acceptance of actions. Furthermore, profound moral discord prevails and extends its influence into the realms of practical politics. This hinders the establishment of consensus and effective problem-solving, as each faction adamantly asserts its own righteousness. My work here does not seek to reconcile these disputes, but rather to clarify their significance by defining the boundaries of the moral realm.

Oyola Jorge

PhD; Associate Professor

Echeverri Heidi

MSc.; Associate professor

Universidad de Córdoba

Ethical Decision-Making in Industrial Engineering Students: A Comparative Study Across Academic Stages and Gender

Colombia faces significant challenges with corruption, ranking 87th out of 180 countries in the International Transparency Index. Many of the agents contributing to corruption are professionals educated in universities both in Colombia and abroad, highlighting the crucial role of educational institutions in preparing future professionals to navigate ethical challenges. The Universidad de Córdoba, one of the largest public universities in the Colom-

bian Caribbean region, emphasizes the promotion of ethical values. In line with this goal, a study was conducted among industrial engineering students to compare their attitudes toward ethical decision-making at different stages of their academic careers. The objective was to assess whether students' ethical perspectives changed as they advanced through their education.

The ethical test, previously used in other studies with minor modifications, presented participants with 10 ethical dilemmas categorized into five areas: coercion and control, conflict of interest, physical environment, paternalism, and personal integrity.

The study involved four groups of students: two groups from the first semester (one tested at the end of the semester with 30 students and another at the beginning of the following semester with 31 students), one group of fifth-semester students (29 students), and one group of tenth-semester students (32 students). The goal was to compare the ethical attitudes of students across different stages of their education, from those just entering the university to those nearing graduation.

In the original test, participants responded from their own perspective and predicted how their peers and managers would respond. In the modified version used for this study, students were asked to provide their own perspective and three additional responses: how they believed their peers, professors, and the university administration would respond to each ethical dilemma. This aimed to assess both students' personal attitudes and their perceptions of key figures in the academic community.

Students answered using a Likert scale, and a Tukey test was performed to identify any significant differences in responses across the groups. Except for a few cases, no significant differences were found in the mean responses across academic stages. This result was unexpected and suggested that academic progression may not have a major impact on ethical decision-making, or that external factors, such as social and cultural environments, may play a larger role.

However, when the data was analyzed by gender rather than academic stage, more pronounced differences emerged. The findings indicate that gender may play a more significant role in shaping ethical decision-making than academic progression, suggesting that socialization factors related to gender may influence ethical perspectives more strongly than the academic environment alone.

Further research is needed to investigate these findings. Future studies could include longitudinal research or comparisons with students from other universities, as well as deeper analyses of how gender and external cultural factors shape ethical decision-making.

Pierosara Silvia

PhD; Associate Professor in Moral Philosophy
University of Macerata

The Illusion of «Ethical Purity» and its Paradoxes

Applied ethics today presents itself as a battleground between an ethics of imperative principles or, at the other extreme, an ethics of the situation. The ethics of principles very often sees concrete situations as occasions where the purity of principles is lost. On the other hand, an ethics that relies on the uniqueness of the concrete situation lacks any comparative reference and risks losing its connection to an image of the human being that, although in the process of becoming, acts as a barrier to human dignity in its relationship with the living.

In this paper, I propose a reading of Adorno's «Problems of Moral Philosophy», with particular reference to the dialectical inversion described by the author, whereby the pure ethical claim can easily be reversed into its opposite and, in the end, transformed into evil precisely because of its declared purity.

Against all the rhetoric of purity and of the fixed and immovable identity of principles, values and conceptions of the good, this reading of Adorno will contribute to a more effective inhabitation of the space that separates general and applied ethics, in search of a measure that keeps away from undue and approximate universalisations and from excessively narrow applications that consider each context unique and unrepeatable. In this way, the risk of transforming the «pure ethical claim» into its opposite is a warning, for both general and applied ethics, not to transform the legitimate need for justice into a fanaticism that condemns imperfection and error, not to absolutize any ethical theory (be it of principles, virtues, values), nor any situation, since any absolutizing would correspond to an undue presumption of superiority.

The contribution I am going to present therefore consists of three sections: A summary of the state of the art on the relationship between general and applied ethics; a detailed exposition, through a close reading, of the paradoxes of morality that result from the absolutizing of the «pure ethical claim»; an argument in favour of a polar tension between the purity of the ideal and the impurity of the real, a tension that must not be reduced to zero, but must be nurtured; Only by acquiring a relativising awareness that is at the same time attentive to interrelationships will it be possible to avoid the risk of transforming the thirst for justice into yet another injustice perpetrated in the emergency context of unprecedented ethical challenges.

Shiravand Mohsen
Dr., Associate Professor
Rabbani Mohammad
Professor
University of Isfahan

Allameh Tabatabaei on the Metaphysical Foundations of the Theology of Nature

Allameh Tabatabaei the philosopher and the great exegete of the Holy Quran is not a specialist in the domain of biology, but his epistemic cosmology has been developed in a way that allows us to infer the foundations of a theology of nature from his Quranic and philosophical works. This essay seeks to assay and explicate the metaphysical foundations of the theology of nature focusing on Allameh's philosophico-mystical works such as *Essays on Monotheism, Divine Names, Divine Actions and Means, and Al-Mizan*. Allameh's ontology is expanded on the hierarchy of quadruple realms of Divinity, Sovereignty, Spirituality and Materiality (nature) as well as in proportion to their «existential intensity» and «compatibility». According to this ontological classification and based on Allameh's philosophical works, nature with all the creatures in it is considered to be the lower version of the higher metaphysical spheres and contains all the values of perfection. Accordingly, he believes that every natural material substance in its course of perfection (entelechy) is of two ideal and immaterial modes of existence. There is a causal relationship between these existential stages. Said differently, one serves as the manifestation of the other. Moreover, numerous verses of Holy Quran have highlighted the connection between nature and theology. For example, «Is it not His to create and to govern? Blessed be Allah, the Cherisher and Sustainer of the worlds!» (Holy Quran, Surah 7:54); «Verily, when He intends a thing, His Command is, «be», and it is!» (Holy Quran, Surah 36:82). As we see, in this verse, Holy Quran has distinguished between the realm of Divine Command and the realm of creation. This in turn proves that there is a divine command in every creature. These holy verses show that all creatures in the world of nature and their effects are of two aspects in themselves, i.e. a gradual created aspect and a none-gradual aspect (Tabatabaei, 2023:21). In fact, contingent entities and nature creatures are manifestation of the Necessary Being and the nature as a whole is a manifestation of the Divine Light (Tabatabaei, 2023:43; *Essay on Divine Names*). Then, nature is nothing but the Divine Essence in addition to other perfections (Tabatabaei, 2023:70). The goal of this essay is the struggle for the revival of the true values of nature which has been forgotten as a result of the domination of the age

of positivist scientism. Among the results of this research is the inference of the ontological values of the nature such as the sanctity of nature. This paves the way for the future efforts towards the acquisition of a moral-legal charter of environment.

Sinyutin Mikhail

professor

Saint Petersburg State University

Moral Paradox of Russian Athletes' Identity in the Modern Geopolitical Situation

Modern sport, in terms of its most professional and qualified contest, is a system of international competition, in which representatives of peoples, countries, and states compete. Due to a number of social conditions of sport life, athletes in most tournaments and high-level sports represent not only themselves but their national teams. Therefore, the national identity of athletes is important. This importance is enhanced by the public interest and support who share a specific national identity. But in certain circumstances public support tends to assume political significance. Victory in sport of a country's athlete acquire in public discourse the meaning of greatness and glorification of the entire nation against the defeat of athletes of other countries, who are identified as losers. As a consequence, the success or failure of an athlete is not considered any more as his personal record but identified with a national prestige.

Globalization has brought two important trends in the world sport: commercialization and migration. Capitalism has not only transformed labor force into a commodity, but also extended this marketable notion to a wide sector of diverse activities, including sport. Sports competition has grown into a well-selling show, and athletes are carrying those human qualities that fill in the show with the content, depend on the consumer interests of the public. Important motivations for sports competitions are prize money and commercialization of the sports' star image.

On the other hand, capitalism has significantly increased geographical mobility of labor force and migration processes in general. The current global estimate is that in 2020 there were approximately 281 million international migrants worldwide, which comprise 3.6 percent of the world's population. Over the last twenty-five years Russia has steadily been among the top ten leading countries, in terms of the reception and the origin of migration flows. In the system of international migration processes, the role of Russia is important with regard to intensity and the significance of the migration flows.

Russian sport has been developing with a growing number of immigrants taking part in domestic competitions, as well as, the attractiveness for the Russian athletes to participate in sports events abroad. Both trends create the same problem of citizenship and national belongings of sportspeople, which also relate to the identity of athletes. This generates opportunities for the sportspeople to play for the teams, including national ones, that do not correspond to the origin of the athletes' national identity. As a result, the athletes have to either change their citizenship, or acquire a second one for being able to compete for a foreign team, or a national team of a country, different from their country of origin. This moral paradox is intensified in the current geopolitical situation by the actions of international sports associations and committees to exclude Russian national teams from international tournaments. In these circumstances the athletes are actually faced with the dilemma of either maintain their national identity while being isolated from the high-level international competitions, or reject it in favor of professional success at the highest level. In this presentation we study the moral choice paradox of the Russian athletes.

Yunusova Liliya

BA; Graduate Student

Xi'an Jiaotong University

The Moral Dilemmas in the Context of Chinese Political Art

Political art in China is developing under conditions of strict state control and censorship, which creates a moral dilemma for artists: on the one hand, they feel the need to protest against injustice, but on the other hand, they realise that their protest may lead to negative consequences (including repression, arrest and professional isolation).

Key examples discussed in the report include the work of artists such as Ai Weiwei, Baidiucuo and Liu Bolin. Their works illustrate different approaches to protest and methods of circumventing censorship: Ai Weiwei openly criticises the Chinese government for human rights violations, corruption and restrictions on freedom of expression. He often creates works that directly address these issues. For example, his famous photo series *Dropping a Han Dynasty Urn* (1995), in which he breaks an ancient vase, symbolises the destruction of cultural traditions under the pressure of the authoritarian regime during the Cultural Revolution.

Baidiucuo is known for his political cartoons that mock the Chinese government. Because his work is banned in China, Baidiucuo actively uses social media to spread his art. With Chinese authorities carefully controlling the

media and blocking any form of political criticism, this allows him to freely express his opinions and connect with audiences outside of China.

Liu Bolin's main mode of protest is quiet protest, expressed in a series of photographs in which he literally blends into the background, becoming «invisible». He achieves this effect by painting his body and clothes in the colours of his surroundings (cityscapes, symbolic objects, cultural monuments, etc.). Instead of open confrontation with the authorities, Liu Bolin chooses a strategy of disappearance, showing how people in authoritarian systems are forced to hide their identity and suppress their opinions in order to survive. This approach reflects the suppression of freedom of expression in China and the repression of those who oppose the system.

The artworks of Ai Weiwei, Baidiucuo, and Liu Bolin highlight three key approaches to Chinese political art. These approaches illustrate the diverse methods Chinese artists use to challenge the political system, even in the face of significant risks and restrictions.

«АРХИТЕКТУРНАЯ ЭТИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ»

РНФ № 24-28-01707 «Современная философия архитектуры в Италии»

материалы круглого стола

Глушкова Анастасия Игоревна

лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

Этические критерии в итальянской теории архитектурной реставрации XX–XXI вв.

Противоречия, существующие между архитектурой и техногенной средой, оказывающей влияние на ее актуальный облик, в настоящее время как никогда ощутимы. Речь больше не идет о поиске идеальной или изначальной формы постройки (1). Не стилистическая целостность, стирающая следы времени, но единство различных элементов, как аутентичных, так и привнесенных, выдвигается на первый план. В настоящем исследовании мы обращаемся к вопросу о трансгенерационной ответственности (2), говорим о чувстве долга (3) как перед зодчим, так и перед будущими поколениями. Вопросы о необходимости теоретизации современных реставрационных практик призваны дать ответы на волнующие культурное сообщество вопросы: Реставрация есть исправление повреждений или реконструкция памятника до его исходного состояния? Подход должен быть миметическим или, напротив, нужно отличать трансформированные части от подлинных? Можно ли бесследно устранять наслоения предшествующих эпох? Как этические критерии, применимые к практикам архитектурной реставрации, ограничивают творческую свободу реставраторов? Генеральной идеей и одновременно одной из этических задач современной архитектуры видится необходимость ее поддержания в состоянии актуальности. Поскольку архитектурные конструкции являют собой палимпсест (4) (их части образовались в результате исторических наслоений) устранение каких-либо страт — следов времени — представляется неэтичным актом. Революцию в этом плане вершит итальянская школа критической реставрации, представленная теоретическими работами Ч. Бранди (5), Дж. Карбонара и П. Маркони. Они выдвигают на первое место сохранение историко-документальной и эстетической ценности памятника, которые необходимо транслировать будущим поколениям. Настоящий

подход нацелен на разработку новых способов «события» (6), на совершенствование практик использования подобных территорий (7) и на развитие более этичного опыта обитания.

Литература:

1. Бранди Ч. Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации. М.: Nardini Editore, 2011. – 263 с.
 2. Горячева А.В. О реставрационной мысли в Италии на рубеже XX-XXI веков // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. №3(40). С.52-60.
 3. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
 4. Il restauro architettonico: teorie e buona prassi. URL: <https://www.veneto.beniculturali.it/il-restauro-architettonico-teorie-e-buona-prassi> (дата обращения: 26.02.2024).
 5. Russo L. Attraverso l'immagine. In ricordo di Cesare Brandi. Palermo: Supplementa, 2006. – 251 p.
 6. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и 84 новый интернационал. М.: Logos-altera, Ecce homo, 2006. – 256 с.
 7. A. Rossi Scritti scelti sull'architettura e la città 1956-1972. Milano: Clup, 1989, p.539.
- РНФ № 24-28-01707 «Современная философия архитектуры в Италии»

Закураева Елизавета Дмитриевна
обучающийся аспирантуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Антропоцен через призму архитектурной этики: теории М. Феррариса, М. Баризона и Т. Андина

Современная архитектура сталкивается с вызовами, требующими переосмысления ее роли в обществе и окружающей среде. В этом контексте теория документальной архитектуры М. Феррариса (1, 2), космологическая концепция трансцендентного М. Баризона (3) идеи Т. Андина (4) о взаимодействии обычных предметов и искусства представляют собой новые подходы к архитектурной этике в эпоху, названную Антропоценом (5).

Итальянский философ Маурицио Феррарис утверждает, что архитектура должна быть понята как документ, отражающий культурные и социальные контексты своего времени (1, 2). Архитектурные объекты становятся носителями информации, фиксирующими исторические события и социальные изменения в то же время будучи обусловленными множеством предписаний, без которых проекты не могли бы иметь пространства для реализации. Это предполагает, что архитекторы должны учитывать не только функциональность и эстетику, но и этические аспекты,

связанные с воздействием их работ на человека и социум, влиянием на будущие условия жизни на планете.

Схожую оптику предлагает и Марчелло Баризон: если архитектура помещена в контекст новой эпохи антропоцена, когда человеческая деятельность оказывает значительное влияние на Землю, ее положение должно быть трансформировано в соответствии с современными вызовами (3). Он подчеркивает необходимость переосмысления отношения человека к природе и окружающей среде. Архитектура должна стремиться к гармонии с природными системами, интегрируя экологические принципы в проектирование. Это включает использование устойчивых материалов и технологий, а также создание пространств, которые способствуют осознанию взаимосвязи между человеком и природой. Архитектуру, по его мнению, можно рассматривать как ту объединяющую практику, которая позволяет всем различным «жанрам бытия» формировать мир.

В свою очередь, Тициана Андина исследует границы между обычными предметами и произведениями искусства в архитектуре (4). Философ утверждает, что архитектурные объекты могут быть как функциональными, так и эстетическими, и их восприятие зависит от контекста. Это поднимает вопросы о том, как архитекторы могут использовать эстетические элементы для повышения социальной ответственности своих проектов. Этическая архитектура должна стремиться к созданию не только красивых, но и значимых пространств, которые отражают культурные ценности и потребности общества. Интердисциплинарный подход становится необходимым для глубокого исследования архитектуры, где философия, экология и искусство пересекаются.

Таким образом, синтез идей М. Феррариса, М. Баризона и Т. Андина предоставляет уникальную перспективу для анализа архитектуры в оптике Антропоцена. Это исследование может углубить понимание архитектуры как сложного явления, которое не только формирует физическое пространство, но и влияет на культурные, социальные и экологические аспекты современной повседневности, напоминая о революционных идеях футуристов. Также научный обзор упомянутых выше теорий и работ позволяет открыть новый взгляд на идеи, еще не включенные в отечественный научный контекст.

Литература

1. Armando A. Durbiano G. Teoria del Progetto architettonico. Dai disegni agli effetti. Eurolit, Roma. 2017. – 527 p.
2. Феррарис, М. ПРОДИКТОВАННЫЙ ПРОЕКТ (предисловие к книге «Теория архитектурного проектирования. От рисунков к воплощениям» А. Армандо и Д. Дурбиано) / М. Феррарис // Studia Culturae. 2022. №51. С.252-278.

3. Barison, M. «L'Antropocene Architettonico. Sulla Formazione Di Mondo». *Aesthetica Preprint*, no. 14, Aug.2020, pp.79-97. URL: <https://mimesisjournals.com/ojs/index.php/aesthetica-preprint/article/view/633> (Дата посещения: 29.09.2024)

4. Andina, T. *Architettura: tra oggetti ordinari e opere d'arte*. Доклад на конференции. URL: <https://architettura.aho.uniss.it/it/novita/conferenza-architettura-tra-oggetti-ordinari-e-opere-darte> (Дата обращения: 29.09.2024)

5. Paul J. Crutzen, Eugene F. Stoermer. *The Anthropocene*. 2000. URL: <https://web.archive.org/web/20171029012704/http://www.mpic.de/mitarbeiter/auszeichnungen-crutzen/the-anthropocene.html> (Дата обращения: 29.09.2024)

Имайкин Иван Дмитриевич
аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровой образ города: архитектурный мэппинг как инструмент формирования этических норм современного градостроительства

Цифровой образ города: архитектурный мэппинг как инструмент формирования этических норм современного градостроительства

Сегодня современные города сталкиваются с большими вызовами, связанными с быстрыми изменениями общества, технологий и экологии. Важно внести в градостроительный процесс этические нормы, которые будут определять, как мы проектируем, управляем и развиваем городское пространство. В данном контексте архитектурный мэппинг представляет собой инструмент, позволяющий визуализировать и анализировать городскую среду, способствовать диалогу между заинтересованными сторонами и формировать этические нормы, основанные на реальных данных и потребностях общества. Архитектурный мэппинг (предполагает под собой 3D проекцию на здание или другой архитектурный объект). Этот вид один из самых используемых, так как с его помощью можно охватить большую аудиторию-до несколько десятков тысяч человек. Технология видеомэппинга позволяет учитывать геометрию объекта, его особенности и положение в пространстве. Можно создавать интерактивную и обычную проекцию. Такая технология не может быть не популярна, ведь она помогает создавать удивительные оптические иллюзии и просто фантастические спецэффекты.

Следует отметить, что архитектурный видеомэппинг представляет собой не только технологический процесс и технологию созданий про-

екций на фасадах зданий, но и способ представления и интерпретации городского пространства. Архитектурный видеомэппинг позволяет идентифицировать основные проблемы и потребности жителей, а также выявлять зоны, требующие особого внимания со стороны градостроителей. За счет создания проекций, отражающих социальные, экономические и экологические аспекты, архитектурный мэппинг может служить платформой для обсуждения и формирования общественного мнения о городском развитии.

Этические нормы в градостроительстве должны учитывать интересы различных групп. Использование архитектурного мэппинга помогает создать более комфортную среду, в которой пользователи могут участвовать в процессе планирования и формирования городской политики. Это взаимодействие способствует созданию городов, где реальный голос общества учитывается при принятии решений, что, в свою очередь, усугубляет этические обязательства градостроителей.

Отдельное внимание следует уделить вопросам экологии и устойчивого развития. Архитектурный мэппинг позволяет оценивать экологические риски и выявлять возможности для реализации зеленых технологий. Разработка и внедрение этических норм в градостроительство требует учета всех аспектов, включая последствия для окружающей среды. Это может включать переосмысление использования природных ресурсов, а также создание благоприятной городской среды, минимизирующей негативное воздействие на экосистему.

В заключение, архитектурный мэппинг представляет собой мощный инструмент для формирования этических норм современного градостроительства. Он не только способствует визуализации городской среды, но и создает возможность для этического взаимодействия между различными интересами в процессе городского планирования. Таким образом, внедрение архитектурного мэппинга в практику градостроительства становится важным шагом к созданию более ответственных, устойчивых и этических городов будущего.

Майорова Ксения Сергеевна
академический руководитель программы бакалавриата
«Культурное производство и когнитивные технологии»
Московский институт психоанализа

Аудиальная этика современного горожанина: между насилием и самовыражением

Аудиальная среда оказывает заметное влияние на физическое и психическое здоровье горожан (1), формируемые в ходе городского опыта смыслы (2) и возможные сценарии использования городских пространств (3). При этом горожанин не является пассивным потреби-

телем звуков города, но принимает непосредственное активное участие в формировании аудиальной среды. Человек является субъектом принятия решений о большинстве производимых в городе звуков на разных масштабах: от личной жизнедеятельности до внедрения международных правовых инициатив.

Несмотря на очевидную агентность человеческого субъекта в аудиальной системе города, профессиональным сообществом тема ответственности за производство звуков обсуждается преимущественно в контексте шумового загрязнения и совокупной громкости звуковой среды. Исследования, изучающие звук во всем его многообразии (а не только как шум), как правило, не стремятся выходить в область практической философии и задаваться вопросами об этике звука, ограничиваясь либо производством теоретического философского знания о звуке (sound studies), либо фиксацией наблюдаемых закономерностей между организацией городской среды и особенностями ее звучания (urban sound studies).

Таким образом, в устоявшемся дискурсе об этике звучания городов ответственность всецело перекалдывается на сторону макро-агентов: государств, корпораций и международных организаций. Подобная тенденция содержит сразу две существенные ошибки:

1. В полной мере не осознается роль индивидуального субъекта в процессе принятия звуковых решений. Невозможность качественно урегулировать межличностные звуковые конфликты лишь подтверждает это непонимание;

2. Не проясняются представления о должном звучании, имплицитно реализуемые в процессе принятия звуковых решений. В то время как именно этическая основа определяет пространство возможных решений.

В докладе будет предложено концептуальное различие «звуковое насилие / звуковое самовыражение», призванное заложить основу для формирования аудиальной этики современного горожанина. Различие формулируется из перспективы преодоления оппозиции природа / культура (4) и учитывает взаимосвязь макро- и микро-уровней производства звукового ландшафта в городе, что позволяет исследовать производство звука в городе как целостное явление, не редуцируемое только к «объективно» измеримому шумовому загрязнению или субъективному опыту отдельно взятого индивида.

Различие «звуковое насилие / звуковое самовыражение» подчеркивает амбивалентность процесса производства звука, в котором участвует каждый агент городского пространства. Что представляет собой право на город (5), выраженное через звук? Где проходят границы доз-

воленного в звуковом самовыражении субъектов? Как становится возможным звуковое насилие и какими должны быть инструменты его предотвращения? Эти и многие другие вопросы приобретают конкретно-прикладное значение в предлагаемой концептуальной рамке.

Литература:

1. Environmental Noise Directive 2002 https://environment.ec.europa.eu/topics/noise/environmental-noise-directive_en
2. Schafer R. M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Destiny Books, Rochester, Vermont, 1977.
3. Steele D. et al. Soundtracking the Public Space: Outcomes of the MusiKiosk Soundscape Intervention / International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019 May; 16(10): 1865.
4. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: GARAGE, 2018.
5. Харви Д. Право на город // Логос, №3 (2008), С.80-94.

Макаров Андрей Иванович
д-р филос. наук; профессор

Волгоградский государственный университет

Видеть несправедливость: визуальный аспект этики

Начну с того, что сегодня архитекторы почти не говорят о справедливости или несправедливости планировки города или композиции архитектурных ансамблей. Справедливость — это понятие, связывающее области права, этики и религии, а градостроительная практика и ее субъекты сегодня отринули этические и религиозные ценности, оставшись верными пока только нормам права. Вместе с тем именно категория справедливости позволяет проблематизировать в социально-психологической плоскости антиэкологичную и антиэстетическую градостроительную ситуацию: вырубаются зеленые насаждения, хаотически ведется застройка городов, рекламные конструкции превращают улицы в подобие безвкусных декораций, пристройки к фасадам домов, вылезавшие на тротуары, «шанхаизировали» центры городов, все фасады города закрыты рекламными щитами. Нельзя сказать, что законодатели прямо поощряют эти негативные процессы, но суды и власти зачастую становятся на сторону застройщиков. Что же происходит? У кризиса профессиональной архитектуры в России есть множество причин, но прежде всего это системный кризис ценностей архитектурного сообщества. Этические нормы профессиональной деятельности подверглись эрозии. В книге Д. Харви «Социальная справедливость и го-

род» ставится вопрос о том, почему города стали рассадниками социальных конфликтов в эпоху рыночной экономики (1). Д. Харви считает, что причиной деградации среды современного города является монопольная власть крупного бизнеса. Политика получения сверхприбылей в кратчайший срок входит в противоречие с принципом стабильного развития общества. О том же писали Р. Сеннет (2), З. Бауман (3). «Одержимость экономикой» юристов, строителей и архитекторов сделала понятие справедливости недействительным. Справедливость — это принцип, связывающий поступок и его последствия, это связь между смыслом и логикой человеческого действия, как замечает Я. Ассман (4). Произошел разрыв между декларируемыми смыслами строительной индустрии и действиями её субъектов. И сегодня жители городов переживают вполне классическое чувство несправедливости при уничтожении зеленых зон городов и проведении политики «точной» застройки. Эстетическая и экологическая деградация визуальной городской среды все чаще и чаще осознается как моральный упадок представителей муниципальных и иных властей (5). Чувство несправедливости у населения городов формирует недоверие к властям. Это масштабная и опасная тенденция. Ф. Фукуяма верно говорит о том, что мир вошел в ситуацию глобального подрыва «фабрик доверия». Это действительно так. И немалую лепту в это вносят архитекторы и строители. Я говорю не о политической, но об эстетической и экологической несправедливости. Если бизнес заботит только получение прибыли, то это крайне опасно, но еще опаснее, если в это поверит население, ведь тогда даже социально ответственный бизнес долго не будет восприниматься как таковой.

Литература:

1. Harvey D. Social justice and the city. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1973. P.50.
2. Сеннет Р. Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Не прикосновенный запас. 2010. № 2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/-se16.html>. (дата обращения: 13.09.2012).
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С.25-27.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.250.
5. Макаров А. И. Деградация визуальной среды современного города (на примере Волгограда) // Социология города. 2010. №4. С.17-19.

Николаева Жанна Викторовна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Конструирование совместного проживания: актуальные направления в философии архитектуры

В середине XX века сложилась тенденция к обособлению философии архитектуры как вида интеллектуальной рефлексии, связанной с эстетикой, из-за необходимости включения таких полей в дискурс как эпистемология, философия техники и, в первую очередь, этико-социальных вопросов. Пространство и форма в современном градостроительстве нуждаются не только в этико-социальной экспертизе, но и в прогнозировании тенденций быстро меняющихся ментальных карт потребительских установок. Этика архитектуры затрагивает традиционные вопросы, включая разграничение прав, обязанностей, добра, добродетелей и справедливости в архитектурной среде. Для античных мыслителей архитектура совпадала со знанием, а эйдетический дискурс находил свое этико-аксиологическое воплощение в сооружениях, так как организация пространства считалась частью этики. Подобные концепции сегодня возрождаются современной философией энвайронментализма и совместного проживания. Позитивным началом, на наш взгляд, стал средовой подход, хорошо известный в СССР еще с 1960-х гг. благодаря работам отечественных теоретиков архитектуры и переводам Б. Дзеви, Ю. Паласмаа, А. Росси и др.

В настоящее время процесс этизации проектирования/конструирования совместного проживания повсюду охватывает многочисленные сферы практической и теоретической деятельности. Утверждается новая этика экологии культуры. Рядом с призывами защищать природную среду раздается призыв защищать и среду, созданную культурой, сохранить старое, вписать в его контуры новое. Архитекторы не просто пытаются сочетать новую архитектуру со сложившейся структурой города, не нарушая исторического культурного контекста, но и пытаются полностью отказаться от иконической архитектуры, рассчитанной на «оптикоцентристов» в пользу экологичного отношения к пространственно-визуальному наследию в целом (2), чему не мало способствовало распространение «феноменологического видения» в архитектурном образовании (1). Во втором десятилетии двадцать первого века появляется архитектурная теория, основанная на теории социальной ответственности, эстетике ограниченного потребления и этике заботы о будущих поколениях. Значительные разработки такой программы содержатся в трудах современных итальянских философов о

«новом рационализме» М. Феррариса (4), «власти и справедливости в межпоколенческих отношениях» Т. Андины (3), «вызовах совместного проживания» А. Пирни (6), «аффективных атмосферах» Т. Грифферо (5), «сенситивной архитектуре» и др. В частности, при совмещении эстетики неагрессивного потребления, неагрессивной гетеротопичной среды и феноменологического подхода, формируется трансляционная этика, которая помогает формировать архитектурный и урбанистический экологический дизайн, управлять нашей средой обитания почти в соответствии с этикой добродетелей, способствует смягчению отчуждения и использованию потенциала новых подходов к архитектурному проектированию.

Литература:

1. Кияненко К. В. «Средовизация» архитектуры: истоки в феноменологическом видении // Архитектура и строительство России. 2021. №4. С.94-99.

2. Савчук В. В. (2022). Образ не на своем месте. // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 4(3), С.35-46. DOI 10.46539/gmd.v4i3.311.

3. Andina, T. (2016). *Social Ontology, Transgenerationality, Power, Justice*. Milan: Carocci. (In Italian).

4. Ferraris, M. (2012). *Manifesto del nuovo realismo*. Roma-Bari: Editori Laterza. (In Italian).

5. Griffero, T. (2019). *Places, Affordances, Atmospheres. A Pathic Aesthetics*, Routledge, London-New York.

6. Pirni, A. (2018). *La sfida della convivenza. Per un'etica interculturale*. Pisa: Edizioni ETS. (In Italian).

РНФ № 24-28-01707 "Современная философия архитектуры в Италии"

Яковлева Любовь Юрьевна

канд. филос. наук; преподаватель

Национальный исследовательский университет ИТМО

Джорджо Агамбен и Камилло Боано:

к возможной этике архитектуры

Предлагаемый доклад посвящен исследованиям урбаниста и теоретика города Камилло Боано (Camillo Boano). В своих работах Боано анализирует задачи современной архитектуры и городского дизайна в контексте этики итальянского философа Джорджо Агамбена.

Целью доклада является прояснение позиций Боано, а именно: концепции архитектуры бездействия (*inoperative architecture*) и концепции обитания как ведущего принципа для реализации архитектурных проек-

тов. Идея *inoperative architecture* отсылает непосредственно к концепту бездействия в философии Д. Агамбена.

В фокус внимания Боано попадают такие наиболее радикальные формы архитектуры как, например, лагеря для палестинских беженцев или маргинальные, кризисные зоны обитания в Бейруте. Именно такие формы архитектуры не могут существовать вне дискуссии о важнейших этических вопросах, как вопросы равенства и справедливости. Тем не менее, Боано обращает внимание на необходимость критического подхода Агамбена, который не дает конкретных этических суждений или предписаний, позволяющих реализовывать те или иные архитектурные проекты. Напротив, задача архитектора состоит в рефлексии таких зон жизни, где размываются четкие категории и различия на человеческое и нечеловеческое, публичное или частное, право и бесправие. Архитектор, в таком случае, стремится приостанавливать действие биополитики, предлагать жителям таких неустойчивых пространств формы-жизни, то есть давать право на жизнь, которая не будет лишь биологическим выживанием. Критический потенциал такой архитектуры и урбанизма Агамбен видел изначально в жестах ситуационистов. Боано обращается, прежде всего, к архитектурным проектам Эяля Вейцмана (Eyal Weizman) и группе архитекторов DAAR, строящих для палестинских беженцев: «Их работа стремится найти и использовать трещины и лазейки в существующих колониальных системах разделения и контроля. Это не реактивный и не активистский подход, а взаимодействие с реальностью» (Boano, 2017, 101). В этом отношении, Weizmann, так и DAAR стремятся осуществлять проекты, где все существующие этические ценности поставлены под вопрос.

Наряду с критикой как задачей архитектуры Боано выделяет позитивную роль архитектуры, которую он связывает с концепцией жизни в философии Агамбена. Осмысление жизни в пространстве города возможно в контексте феномена обитания. В этой связи, продолжая рефлекссию кризисных форм жизни, Боано рассматривает архитектуру, которая может исходить из феномена обитания и опираться на следующие принципы.: «способность заботиться и соединять; способность восстанавливать, выживать и удерживаться вместе; а также способность воображать и экспериментировать с альтернативными жизненными силами, чтобы противостоять политике угнетения» (Boano, 2020, 4).

В заключении доклада, будет продемонстрирована актуальность философских концепций Агамбена не только для осмысления этики маргинальных и кризисных зон, но и для современного города в целом.

Литература:

1. Boano, C. The ethics of a potential urbanism : critical encounters between Giorgio Agamben and architecture. New York: Routledge. 2017
2. Boano, C. Forms of (Collective) Life: The Ontoethics of Inhabitation, Architecture and Culture. 2020.

Ястребова Ульяна Викторовна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

«Архитектура дигитального храма». Этические вопросы.

Как пишет Адриано Фабрис (1, с.169), итальянский исследователь цифровой религии, Римско-католическая церковь всегда обращала внимание на развитие средств коммуникации. В своей миссии распространения Евангелия по всему миру Церковь признала интернет как средство евангелизации, а также как «континент» с уникальной культурой, требующий особых подходов по взаимодействию и изучению. Однако при переходе в цифровую среду она вынуждена становиться чем-то иным, переживая процесс «медиаморфозов веры».

Виртуальная сеть есть пространство без привычного места и определенного времени, в котором конструируется своего рода «дигитальный храм». В результате активного развития интернет-платформ католического толка возникает потребность в проговаривании и фиксации этических норм, связанных с трансляцией духовного опыта посредством цифровых/виртуальных «архитектурных» решений, а также необходимость исследования новых способов выражения священного без определенного физического места.

В настоящее время графические и визуальные выражения религиозных пространств исследованы мало. Среди элементов виртуальной сакральной архитектуры чаще всего выделяют свет, влияющий на восприятие и опыт пространства, в нашем случае — виртуального. Свет является символом священного, возвышает душу верующего и способствует трансцендентному опыту. В частности, появляются работы, предлагающие использовать эмпирический подход, адаптированный из социальных наук, чтобы дать «духовную оценку архитектурных элементов на католических веб-сайтах (например, изображения церкви, алтаря и т. д.) и субъективных эмоциональных реакций на виртуальную сакральную архитектуру».

По мнению некоторых исследователей (Гельфгрэн С., Хатчингс Т., (2, с.65); Мансур Н. (3, с.6)), виртуальное поле может способствовать духовному опыту, аналогичному тому, который испытывают в реальных храмах. Подчеркивается неограниченность возможностей для переноса архитектурных стилей и религиозных особенностей в виртуальные пространства (веб-сайты церквей с сериями изображений, где источники света меняются в зависимости от контекста, например, святилище, часовня, молитвенный зал и т.д.). Исследуются приложения для телефо-

нов, где демонстрируются виртуальные реконструкции католических церквей (Приложение The Sanctuary), виртуальные туры по соборам (например, собор Сен-Жан в WebGL 2019), где свет можно передать с помощью «цифры».

Такого рода исследования ставят под сомнение само понятие «духовного», «сакрального». В настоящем исследовании рассматривается этическая оправданность использования эмпирического подхода по оценке реакций интернет-пользователей на виртуальную сакральную архитектуру. Важным аспектом является вопрос подлинности духовного опыта. Католический храм, с помощью новых технологий перенесенный в виртуальное пространство может иметь элементы храма традиционного, то есть подражать сооружению с богатой историей и символикой, даже иметь некую структуру, предназначенную для создания подходящей атмосферы для духовного восприятия. Однако возможен ли тот самый «духовный опыт» в киберпространстве, и насколько этичен вопрос о его трансляции с помощью воздействия на пользователя («онлайн-паству») техниками графического дизайна? или же это механическое воспроизведение без живого духовного содержания. Хотя цифровизация может приносить некоторые преимущества, важно помнить о ценностях, принципах и традициях веры, которые могут быть нарушены или искажены.

Литература:

1. Fabris A. & Scarafile G. *Controversies in the Contemporary World*. John Benjamins Publishing Company, 2019. — 272 p.
2. Gelfgren S. and Hutchings T. Virtual construction of the sacred – representation and fantasy in the architecture of second-life churches. *Nordic Journal of Religion and Society* 27. 2014. P.59-73.
3. Mansour N. The holy light of cyberspace: Spiritual experience in a virtual church // *Religions*. T.13. №.2. 2022. — 15 p.

Fornaro Enzo

Dr., Postgraduate

Ef International Service Art Ltd

Venustas as an Actual Order for the Human Well-being

Architecture has a basic twofold component composed of the combination of art and science, from this combination defined spaces and structures, urban environments and landscapes are created but architecture also defines the identity of a society and a culture.

To understand what architecture is we must go back to around 29 BC. In that period Marcus Vitruvius Pollio wrote *De architectura*, a treatise that summarizes all the knowledge in the field of the art of building that had been achieved up to that moment. Vitruvius' treatise, in addition to describing the architecture of his time, was fundamental for preserving the artistic language, which has now become common heritage. Vitruvius identified the three fundamental characteristics of the art of building: *firmitas*, *utilitas* and *venustas*. Stability, Utility and Beauty.

If we take for granted and indispensable the concept of *firmitas* and *utilitas* which are two qualities due in principle to architecture is the third element, the *venustas* that completes and identifies Architecture and Vitruvius had used with a precise meaning *venustas* deriving from Venus, the goddess Venus, the goddess of beauty and love who for the Romans had an ethical value and identified grace as harmony and proportion.

The construction to be beautiful had to be proportionate in size and decorum and dialogue with the city. Architecture is architecture if it contemplates its *venustas* clearly expresses its function. But today as this teaching is lived, Architecture still plays the role of centralizing and developing positive change, uniting beauty and sustainability to shape a future in which our planet is at the center of our concerns and our achievements or there is only *utilitas* and *firmitas* left, without *venustas* where every building is the same as the other, deprived of its identity causing cities, villages, landscapes to lose their beauty. Beauty, in the architectural context, is not just a matter of harmonious proportions, it is a key element that can profoundly influence human well-being. Architecture that embraces beauty creates places where people feel inspired, where creativity can flourish and the community can thrive and participate.

Tavi Leila

PhD; Independent Scholar; Adjunct Lecturer
Roma Tre University; Guglielmo Marconi University

Crossing the Green Threshold: Urban Evolution and the Ethical Integration of Bratislavský lesný park

The public spaces of many cities and towns face numerous problems, manifested by the broadly understood disintegration of both social and spatial aspects. This presentation explores the architectural and ethical challenges surrounding the integration of Bratislavský lesný park into the Slovak capital's urban landscape. Focusing on the «green threshold» where natural

and built environments intersect, it examines the transformation of urban neighborhoods adjacent to the park, from socialist-era housing projects to modern developments. These areas epitomize a critical ethical dilemma, as urban growth necessitates a delicate balance between preserving the ecological integrity of green spaces and maintaining the historical and cultural continuity of the city. Natural elements in the landscape, such as mountains, valleys, reservoirs, forests, are incorporated into the design to create aesthetically attractive and functional spaces. Sustainable architecture is considered as an important approach to solve the dilemma of ontological security too.

By analyzing the landscape as a bridge between topography, natural elements, and architectural forms, this talk engages with the responsibilities of urban planners and architects in navigating the complexities of modernization while upholding environmental preservation. Architectural forms have also be integrated into the landscape by using scientifically approved ethical methods. For example, you can imperceptibly disrupt the natural slope of the earth to create openings that connect the interior and exterior and provide natural lighting and ventilation in the premises, but in the same way, you can upset the balance between an acceptable visual semantic message. Using transgenerational responsibility as a guiding principle, it posits that urban design must encompass not only the immediate needs of current inhabitants but also the enduring legacy for future generations. Through the case of the Slovak capital's evolving urban landscape, this presentation offers insights into how cities can ethically «cross the green threshold» fostering a harmonious coexistence between human development and nature.

«БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ»

материалы круглого стола

Акимова Наталья Александровна
канд. филос. наук; доцент
Саратовский государственный медицинский университет
им. В. И. Разумовского

Биоэтическое образование в медицинском университете: актуальные проблемы реализации

В последние годы в научно-образовательном сообществе происходят дискуссии о статусе и востребованности биомедицинской этики в системе высшего медицинского образования, связанные с отрицательными «тенденциями сокращения учебных часов на гуманитарные дисциплины» (1).

В международной практике исследовательский вектор, связанный с образовательными биоэтическими программами, реализуемыми в медицинских вузах, направлен на анализ стратегий преподавания и изучения предмета с учетом наличия универсальных биоэтических принципов, доступных для понимания независимо от социокультурного и академического статуса студента, его языковой традиции (2). Отмечается, что изучение медицинской этики осуществляется в рамках классической модели медицинского образования, будучи интегрированным в различные учебные программы клинических дисциплин. Четкое понимание и усвоение биоэтических (или: этических) принципов на ранних этапах обучения студентов позволяет рассматривать последующее клиническое становление специалиста через призму этических вопросов. Особое место занимают исследования, связанные с разработкой универсальных учебных программ по биомедицинской этике для студентов из различных геополитических регионов (3).

Российские исследования ориентированы, в основном, на изучение исторического формирования биоэтики как дисциплины для изучения в

Вузах, проблемы статуса биоэтики как междисциплинарного научного направления, анализ компетентностного подхода в преподавании биоэтики и формальных особенностей проведения практических занятий по дисциплине, исследование национальных особенностей биоэтического образования. В целом подчеркивается значимость формирования критического мышления у обучающихся в решении биоэтических задач.

С целью анализа образовательной стратегии российских медицинских университетов в отношении к дисциплине «Биоэтика» было проведено эмпирическое исследование рабочих программ, официально представленных в открытых источниках. Всего изучено 109 рабочих программ, имеющих в названии указание на биоэтическое содержание. В качестве основного метода исследования использован контент-анализ, позволивший определить и сопоставить формальные и содержательные характеристики реализации гуманитарной образовательной стратегии в медицинских вузах.

Исследование позволило сделать вывод о том, что в целом подавляющее большинство ВУЗов реализуют изучение дисциплины с наименованием «биоэтика» (96 из 109 рабочих программ). Как правило дисциплина реализуется на младших курсах обучения. Общее количество часов дисциплины в 92 программах составляет 72/2. В 12 рабочих программах указано 108 часов, однако значительная часть из них отводится на самостоятельную работу студентов. В то же время среднее количество часов, занятых аудиторными лекционными занятиями, составляет 12-16 часов, и практическими занятиями — 30-36 часов.

Таким образом, значительная часть рабочих программ реализуется только для начального этапа профессиональной социализации студента-медика и не содержит достаточного количества аудиторных часов для эффективного усвоения прикладных проблем биомедицинской этики и реализации в дальнейшем управленческих практик, связанных с решением этических дилемм.

Однако, как представляется, необходимо проводить дифференциацию в преподавании биоэтики для студентов различных курсов, ординаторов, аспирантов или исследователей и выстраивать разноуровневую стратегию, основанную на взаимосвязи дисциплины и наличия практического опыта слушателей, а также — учитывая поэтапное профессиональное становление студентов-медиков, изучающих различные медицинские науки, требующие этико-практического осмысления клинических случаев.

Литература:

1. Шкарин В. В., Доника А. Д., Реймер М. В. Национальные особенности преподавания биоэтики в медицинском вузе // Биоэтика. 2019. Т.12. №2. С.25-29.

2. Ypinazar V. A., Margolis S. A. Western medical ethics taught to junior medical students can cross cultural and linguistic boundaries // BMC Medical Ethics. 2004. Vol 5. No.1. P.1-7. DOI: 10.1186/1472-6939-5-4.

3. Greenberg R. A., Kim C., Stolte H. (et al.) Developing a bioethics curriculum for medical students from divergent geo-political regions // BMC Med Education. 2016. Vol.27. No.16 P.193. DOI: 10.1186/s12909-016-0711-4.

Барбашина Эвелина Владимировна

д-р филос. наук; профессор, заведующий кафедрой философии
Новосибирский государственный медицинский университет;
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Между нарративизмом и принципализмом в биомедицинской этике

Современная ситуация в биомедицинской этике характеризуется борьбой между принципализмом и нарративизмом. Универсальным требованиям «сотвори благо», «не навреди», «принципу справедливости», «принципу автономии пациента», принципам целостности, уязвимости и другим противопоставляются индивидуализированный, пациентоориентированный подходы, активно развиваемые не только в рамках нарративной медицины, но и контексте официальной медицины, в том числе в Российской Федерации. Развитие нарративной медицины в целом, пациентского story telling, в частности, есть следствие зафиксированных и обсуждаемых проблем принципализма: несоответствия, а в некоторых случаях противоречия, между принципами биоэтики; несоответствия между правилами, конкретизирующими принципами; невозможность их практической реализации принципов и другое.

Наряду с принципализмом и нарративизмом разрабатываются «серединный подход», в рамках которого предпринимаются попытки объединить основные положения первого и второго. На первом шаге признается ключевое положение нарративизма о первичности пациентского рассказа, рассказа от первого лица. На следующем шаге предполагается его интерпретация посредством сравнения со свидетельствами близких, соотнесение с документальными свидетельствами. Необходимость второго шага обусловлена тем, что, во-первых, любой человек достаточно часто ошибается, а тем более некорректно вербализирует свои убеждения, ценности, верования, другими словами, ошибочно репрезентирует своя «Я». Во-вторых, наше представления о собственном «Я» соотносится и даже основывается на представлениях других людей о нас. В-третьих, представление человека о себе самом, своем жиз-

ненном пути, и, соответственно, нарратив, выстраиваются в контексте общекультурных нарративов, которые, с одной стороны ограничивают, а с другой стороны, расширяются пределы нашего «Я». Соответственно, наиболее достоверными являются те нарративы, которые отражают наиболее значимые события и соотносятся с опытом повседневности настоящего. А моральный выбор рассматривается как возможный либо невозможный в соответствии с персональным нарративом и с преобладающими нарративами в данном сообществе.

Серединный подход изначально ориентирован на то, чтобы услышать, признать и учесть множество голосов, «прочтений» индивидуальных моральных ситуаций. В идеальном варианте признается приоритет пациентского нарратива, но также учитываются нарративы тех, кто так или иначе связан с решением конкретной моральной ситуации: врач, медицинский работник, родственники, близкие и другие.

Срединный подход, ориентированный на минимизацию противоречий принципализма и нарративизма, на мой взгляд, далеко не всегда выполняет это. Во-первых, возможны несоответствия, «несовпадения» между нарративами, в том числе нарративом пациента и нарративом. Во-вторых, не решен вопрос о «последней инстанции», принимающей окончательное решение в ситуации конкуренции нарративов. В-третьих, изначально предполагается, что участники процесса принятия решения обладают развитыми нарративными (герменевтическими), рефлексивными, коммуникативными навыками, что не соответствует действительности.

Баркова Элеонора Владиленовна

д-р филос. наук; профессор

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова;

Донецкий национальный университет

экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского

Этика информационной экологии против девиаций цифровой революции

Эффект использования цифровых, в частности информационно-коммуникативных, технологий, возникающие на различных социальных уровнях, от трансформации практик социального взаимодействия до личностных девиаций, носят весьма противоречивый характер. В условиях медиа-революционных трансформаций современного мира наряду с открывшимися возможностями работы с новыми информационно-коммуникативными системами и технологиями искусственного интеллект-

та, очевидным стал рост социально-деструктивных тенденций, ведущих к ряду вызовов для человека, общества и нравственной культуры.

Взрывной характер распространения практик взаимообмана и манипулирования, посправды как новой нормальности, целенаправленной фильтрации и персонально-ограниченного подбора информации, массовых вторжений в приватные пространства, расцвета киберпреступности, когнитивной деградации отравляют мнимое чувство цифрового благополучия (1).

Одним из направлений преодоления этих деструкций, на наш взгляд, могло бы стать реформирование философского образования России с методологических позиций экофилософии и экоэтики, ориентированных на развитие жизнесохраняющих установок мышления и раскрытие роли этических констант-универсалий «совесть», «достоинство», «милосердие», «ответственность» в жизни современного человека (2). Опыт истории подтверждает правоту Ромена Роллана: «Чистая совесть, дерзающая утверждать себя — это сила. Государство и общество оказывались вынужденными не раз считаться с мнениями честного человека, не имевшего иного оружия, кроме нравственной силы».

В растущем потоке информации в философско-экоэтическом пространстве актуализируется научно-систематическое изучение проблем информационной экологии, в содержании которой восстанавливается характерное для социально-гуманитарной культуры и отечественных традиций науки России, достоинство и уважение к человеку.

Постановка вопроса об экоэтическом расширении проблемного поля информационной экологии, переносит центр внимания с проблем очистки научного и социального пространства от инфо-мусора на проблему «человека экоэтического» — формирование всех его ценностных ориентиров на основе ответственности за свои жизнь и здоровье, за судьбу страны и планеты в целом. В проблеме субъекта акцентируется потенциал сохранения независимости от любой внешней информационно-цифровой среды, способности к самовозвышению над ней и формированию критического отношения к новым формам реальности как объекту (3).

На основе этики информационной экологии открывается роль гуманитарных технологий, но главное — ее содержание само выполняет функцию метатехнологии мышления, поведения и коммуникаций, детерминируя и корректируя смысло-проектные векторы использования всех других технологий, инструментов и информационных потоков. Наряду с информационно-просветительской функцией, аргументируя и внятно критически оценивая девиации цифровой революции, информационная экология открывает необходимый ресурс выполнения роли экспертной инстанции или научно-культурной экспертизы.

Нарастающие как «снежный ком» угрозы ставят на повестку дня вопросы о возможности и критериях человекомерной цифровизации, позволяющей гармонично преодолеть указанные вызовы и минимизировать последствия техноцентричного мировоззрения, а также о разумном ограничении использования и совершенствования автономных интеллектуальных систем, конкурирующих с человеком.

Этика информационной экологии, таким образом, может быть интерпретирована как философско-этическая форма оздоровления мира современного человека. Её всесторонняя разработка и продвижение в качестве научно-инновационного бренда нашей страны актуальны, поскольку вопросы оздоровления человека и гармонизации среды его жизнедеятельности сегодня востребованы как в России, так за рубежом.

Литература:

1. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. №2. С.25-33.

2. Баркова Э. В. Когнитивный потенциал экофилософии в концептуализации жизнотворческого освоения мира // Экофилософия в пространстве творчества Мира. Монография. Москва, Русайнс 2024. С.5-28.

3. Баркова Э. В. Информационная экология: целеполагание и аксиологические ориентиры // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: тр. Международная научно-практич. конф. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та. 2014. С.13-14.

Финансируемая госбюджетная научно-исследовательской тематика, № FRRZ-2023-0003 «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (заключение комиссии РАН №142023/1023030700034-5-6.3.1)

Брызгалина Елена Владимировна

канд. филос. наук; доцент,

заведующий кафедрой философии образования

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Этический статус правила «14 дней»:

«сохранить нельзя отменить»

Исследования человеческого эмбриона в первые 14 дней после оплодотворения играют очень важную роль в понимании развития человека, и особенно в улучшении клинических возможностей использования вспомогательных репродуктивных технологий, в понимании врожденных дефектов, механизмов развития беременности и при выделении эмбриональных стволовых клеток.

«Правило 14 дней» предложено в 1979 году советом по этике Минздрава США после появления фактических возможностей создания и поддержания человеческих эмбрионов *in vitro*. Одним из ключевых условий для использования эмбрионов в исследованиях, было то, что эмбрионы не будут оставаться живыми *in vitro* дольше, чем 14 дней после оплодотворения или стадии развития, эквивалентной моменту завершения имплантации эмбрионов (1). Некоторые страны в соответствии с правилом 14 дня внесли изменения в свое законодательство (например, Великобритания) или иные регулирующие документы (например, Канада, Австралия, Индия, Япония, Нидерланды, Китай). В некоторых странах, включая Германию и Австрию, запрещено проводить какие-либо исследования на человеческих эмбрионах. В США запрещено получать федеральное финансирование на исследования с эмбрионами. Таким образом, правило 14 дней на протяжении нескольких десятилетий было наиболее согласованных на международном уровне правил, направленных на достижение эффективности и этической обоснованности исследовательской деятельности в репродуктивной биомедицине. Отмечу, что правило не было результатом разрешения моральных проблем. Оно фактически стало практическим компромиссом между необходимостью обеспечить приемлемую этическую почву для развития науки и моральными ограничениями.

Начиная с 2016 года в научных публикациях стали появляться предположения, что правило 14 дней больше не является адекватным (2, 3, 4), что отказ от исследований эмбрионов старше 14 дней ограничивает изучение патогенеза инфертильности, выкидышей и врожденных дефектов. Дискуссии об отмене правила изменили этическое регулирование экспериментов на уровне национальных политик в США (например, в США, в Японии), был усилен акцент на рассмотрении этической обоснованности конкретных исследовательских проектов.

В 2021 году Международное общество исследования стволовых клеток (ISSCR) отменило «правило 14 дней», которого рекомендовало придерживаться с рекомендацией 2006 года, и установило, что специализированный механизм научного и этического надзора может определить, требуют ли цели исследования культивирования эмбриона в течение большего времени, чем 14 дней. Кроме того, регулирование предложены дифференцировать в зависимости от моделей эмбрионов человека на основе стволовых клеток человека («интегрированные» и «неинтегрированные» модели).

В настоящее время происходят активные дискуссии относительно этического статуса правила 14 дней. Сторонники его сохранения апеллируют к моральному статусу эмбриона: начало гастрюляции означает обретение большего потенциала для развития личности. Они ссылаются

на то, что сохранение правила есть способ избежать исследований, проводимых на такой стадии человеческого развития, когда вмешательство может вызвать у эмбриона боль и страдание. Вызывает опасения то, что при отмене правила откроются большие возможности для развития этически спорных технологий, в том числе связанных с перспективами редактирования зародышевых линий человека (5).

Сторонники отмены правила 14 дней апеллируют к важности достижения новых научных результатов при изучении формирования тканей и органов, в том числе нервной, физиологии беременности, в том числе при использовании технологий ЭКО. Кроме того, актуализации дискуссий об отмене правила 14 дней способствовали исследования стволовых клеток, которые привели к созданию «синтетических» или основанных на стволовых клетках эмбрионов и органоидов. Исследование и разрушение созданных в лаборатории эмбрионоподобных структур не менее спорны с этической точки зрения, чем исследования человеческих эмбрионов (6).

На уровне национальных научных политик изменения, связанные с отказом от правила 14 дней, внесены рядом стран (например, Китаем, Великобританией). Аргументы и практические шаги в пользу отказа от правила 14 дня можно трактовать как признание регулирующей роли биоэтики, так как предполагается, что исследования, предлагающие обращение к человеческим эмбрионам сверх двухнедельного предела, будут требовать индивидуального решения относительно времени прекращения экспериментов. Однако, отказ от установления границ при развитии исследований как на эмбрионах, так и на эмбрионоподобных структурах, фиксирует тенденцию на взламывание границ допустимости экспериментальной деятельности в области репродуктивной биомедицины, свидетельствует об ориентации на экспертные решения при снижении прозрачности инноваций для общества и снижении надежности этического обоснования регулирующих норм.

Литература:

1. Ethics Advisory Board, Department of Health, Education, and Welfare (1979) HEW Support of Research Involving Human In Vitro Fertilization and Embryo Transfer. Washington, DC: US Government Printing Office.

2. Deglincerti A., Croft G. F., Pietila L. N., Zernicka-Goetz M., Siggia E. D., Brivanlou A. H. (2016) Self-organization of the in vitro attached human embryo. *Nature* 533: 251-254.

3. Shahbazi M.N., Jedrusik A., Vuoristo S., Recher G., Hupalowska A., Bolton V., Fogarty N.M.E., Campbell A., Devito G.L., Ilic D. et al (2016) Self-organisation of the human embryo in the absence of maternal tissues. *Nat Cell Biol* 18:700-708.

4. Hurlbut J. B., Hyun I., Levine A. D., Lovell-Badge R., Lunshof J. E., Matthews K. R. W., Mills P., Murdoch A., Pera M. F., Scott C. T. et al (2017) Revisiting the Warnock rule. *Nat Biotechnol* 35: 1029-1042.

5. Nuffield Council on Bioethics (2017) *Human embryo culture*. London, UK: Nuffield Council on Bioethics.

6. Гумарова А. Н. Этические вопросы технологии выращивания церебральных органоидов // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2024. Т.48,1. С.94-109.

Воробьева Светлана Александровна

д-р филос. наук; доцент,

заведующий кафедрой русской философии и культуры

Санкт-Петербургский государственный

химико-фармацевтический университет

Методологические подходы к преподаванию фармацевтической биоэтики

Одна из целей преподавания дисциплины «Биоэтика» студентам медицинских и фармацевтических — связать знания по этической оценке проблем, порожденных современными достижениями в медицинской и фармацевтической науках, с практикой здравоохранения и фармации. Выбор оптимальных методологических подходов способствует повышению мотивации студентов, приближению теоретических знаний к практической деятельности, готовит будущего специалиста к решению конкретных задач в области профессиональной деятельности, имеющих ценностно-нормативные смыслы.

В курсы лекций и семинарских занятий по дисциплине «Биоэтика» важно включить ряд проблем социального и этического характера, связанных с фармацевтической биоэтикой (1). В первую очередь это проблемы создания новых лекарственных средств (ЛС), их рекламирования, фальсификации ЛС, этические проблемы лабораторных исследований и клинических испытаний ЛС, продвижения ЛС на фармацевтический рынок, потребления ЛС, проблемы отношения фармацевтического работника к пациенту. Динамика современной медицины и фармации ставит перед биоэтикой новые задачи, расширяет круг уже существующих. Так, с клиническими испытаниями ЛС связан целый спектр этических проблем, который неуклонно расширяется. Это касается оправданности проведения плацебо-контролируемых исследований, интерпретации результатов клинических исследований в средствах массовой информации, смещения акцентов с интересов доминирования индивидуального здоровья к интересам общества в ситуациях пан-

демического характера, расширения контента информационного листа субъекта проведения клинических исследований, этических рисков вторжения в частную жизнь испытуемых и других (2, 3).

В целях более эффективного изучения этических аспектов фармации целесообразно дополнить лекционный и семинарский курсы вопросами и заданиями, ориентирующими будущих специалистов на более осознанное отношение к получению знаний, связанных с их профессией. Так, например, вопросы об этическом характере проблем ценообразования в фармбизнесе, «недобросовестной конкуренции» в этой сфере, нерационального использования ЛС потребителями можно обсудить со студентами на конкретных примерах из фармацевтической практики. Интересно рассмотреть те стороны проблем, которые дополняют материалы учебных пособий и расширяют поле творческих решений: факторы, способствующие фальсификации ЛС; причины нерационального использования ЛС потребителями; влияние профессиональных навыков и личностных качеств провизора на здоровье пациента и некоторые другие.

Для более успешного понимания разграничения сфер морального и правового регулирования проблем в сфере фармацевтической практики, приближения теоретических знаний к практике можно дополнить элементы семинарского занятия решением ситуационных задач, что существенно повышает педагогический результат освоения фармбиоэтики (4).

Литература:

1. Ермолаева Г. И., Мещерякова Т.В. Курс лекций по биоэтике. Учебное пособие для студентов заочного отделения фармацевтического факультета. — Томск: СибГМУ, 2005.

2. Чепракова В. А., Курасов Е. С. Этические принципы в современных клинических исследованиях: эффективная помощь или очевидное препятствие // Вестник Российской военно-медицинской академии, 2015, № 3(51). С.158-161.

3. Хохлов А. Л., Комиссарова Е. А., Чудова Н. В., Цызман Л. Г. Риски, сопряжённые с этическими аспектами проведения клинических исследований // Качественная клиническая практика, 2020, № 1. URL: <https://doi.org/10.37489/2588-0519-2020-1-61-68> (дата обращения 25.09.2024 г.)

4. Воробьева С. А., Завершинская Н. А., Неронова М. Ю., Неронов А. В., Маймистов Д. Н. Педагогический потенциал ситуационных задач по дисциплине «биоэтика» для формирования компетенций провизора // Современные проблемы науки и образования, 2022, № 3. URL: <https://doi.org/10.17513/spno.31820> (дата обращения 25.09.2024 г.)

Ковалева Татьяна Викторовна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Воронцова Юлия Владимировна

канд. экон. наук; доцент

Государственный университет управления

Философские и этические подходы к пониманию коэволюции, как возможности противостояния последствиям идей трансгуманизма

Концепция коэволюции рассматривается философией биологии и биоэтикой, как выстраивание баланса сосуществования человека и других биологических видов в экосистеме. Уважительное отношение ко всем живым существам в рамках идей гуманизма А. Швейцера, А. Леопольда, В. Поттера подразумевало невмешательство в процесс естественного развития любого биологического организма, в том числе и человека. Однако сегодня среди приверженцев идей трансгуманизма появляются утверждения о возможности отказа человечества от своей телесности из-за несовершенства тела и создания «улучшенного» человека.

Трансгуманистическая концепция благодаря рекламе и маркетингу проникла практически во все сферы человеческой деятельности, игнорируя этическую составляющую принимаемых в рамках данной концепции решений. При исследовании трансгуманистических рисков была выделена зона критического риска. Данная зона выступает как «буфер» между зонами допустимого и катастрофического рисков. Проблема состоит в том, что, игнорируя этические принципы, можно не заметить «линию невозврата» и оказаться в зоне катастрофического риска (1).

Параметры, которыми характеризуется процесс коэволюции, можно также очертить подобные «риск-зоны». Ориентируясь на предельно допустимые границы различных срезов таких параметров, можно сформировать границы отслеживания изменения величин параметров этических деформаций, формируемых трансгуманистической концепцией, которой, несмотря на теоретико-практические амбиции, не хватает четкого метода для формирования своего концептуального скелета. Трансгуманизм уходит корнями в интерпретацию истории, которая объединяет природу и культуру в континуум, своеобразно определяя зависимость наступления конца Вселенной от провиденциальной деятельности людей. Таким образом, у этой философии есть признаки того, что

она становится универсальной деонтологией. Конец истории в трансгуманистическом смысле основан на самоочевидности, конституируемой ее собственным состоянием сознания, которая предшествует преобразующей практике Вселенной, чтобы обеспечить ей универсальное самосознание (2-4).

Концепция коэволюции может рассматриваться в качестве альтернативы трансгуманизму, путем разработки в ее рамках решений по моделированию и практическому применению методики очерчивания предельно допустимых границ внутри зон допустимого и критического рисков.

Литература:

1. Gil Martinez, M.A., Vorontsova, Yu. (2022). Herramientas y conceptos del cosmismo ruso como alternativa al vacío existencial del transhumanismo. *Relecciones. Revista interdisciplinaria de filosofía y humanidades*. №9, pp.54-63.

2. Monterde Ferrando, R. (2020). El transhumanismo de Julian Huxley: Una nueva religión para la humanidad, *Cuadernos de bioética: revista oficial de la Asociación Española de Bioética y Ética Médica*, 31(101), pp.71–85.

3. Monterde Ferrando, R. (2021). Génesis Histórica del Transhumanismo. Un análisis filosófico. (Video lección). Retrieved April 1, 2022, from <https://youtu.be/GCvvdPY9Z1Y>

4. Monterde Ferrando, R. (2022). El discurso sobre la dignidad del hombre (1486): ¿un manifiesto prototranshumanista? En: *Riesgos y desafíos del transhumanismo: perspectivas antropológicas y bioéticas / Jonny Alexánder García Echeverri ... (et al.)*; editado por Jonny Alexánder García Echeverri; Víctor Hugo Gómez Yepes; prólogo de Rubén Revello. -1ª ed.- Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Universidad Católica Argentina, pp.25-37.

РНФ № 23-28-00220 «Трансформация морального сознания «цифрового общества»: новые стратегии и риски»

Макаров Владимир Витальевич

канд. филос. наук; доцент

Национальный медицинский исследовательский центр

им. В. А. Алмазова

Научно-философские основания современной медицинской этики

Для решения задачи поиска действительных научно-философских оснований современной медицинской этики стоит обратиться прежде всего к двум величайшим эпохам в развитии философского знания и формировании этики как науки — древнегреческой и классической немецкой философии, а также отечественной традиции «русского кос-

мизма» как основным предпосылкам становления современной «этики жизни».

Этика занимает в системе философского знания у Аристотеля высшее положение. Она венчает всю трехчастную систему знания античного мыслителя, первую, вторую и третью философию. Такое положение этики и ее определение вытекает из его понимания природы или сущности человека разумного, способного к общению, живого существа.

В становлении медицинской этики этой эпохи в лице Гиппократы, Галена, вплоть до Авиценны, мы можем наблюдать то же понимание доброго Дела врача — деятельность, направленную ко Благу больного.

У отцов немецкого идеализма, сфера этического понимается как единство моральности и нравственности, единство субъективной и объективной свободы, единство совестливого самосознания и добродетельности, в рамках нравов. писанных и неписанных правил Жизни определенной страны и ее народа. Что помогает обеспечить жизнородность, человеческое достоинство, условия для развития и совершенствования всех сфер жизнедеятельности человека — то и оправдано нравственно у данного народа, здесь находится критерий того, что для него хорошо, а что — плохо.

В XIX веке медицинская этика становится деонтологией, «этикой долга». Врач перестает быть частным лицом. Он становится членом определенной корпорации, частью всеобщего сословия, сословия, которое вместе с кшатриями и учителями, отвечает за существование народа как целого, развитие его государства и культуры.

Велико наследие Западной цивилизации. Нам еще предстоит разобраться в нем, как и в своем собственном, определить спокойно, взвешенно и беспристрастно. Со времен П. Я. Чаадаева и Н. И. Пирогова мы накопили богатый опыт прельщения и отречения, самоотвержения и самоутверждения. Современные врачи вернулись к форме клятвы, но уже не перед Аполлоном и Асклепием, а перед своей совестью и своим наставниками. В нашем духовном наследии, выработанном за века, есть то, на что можно и должно опереться для созидания достойной жизни.

Первая среди основополагающих скреп — сама Жизнь, которая суть не только природная, естественная, но и сверхестественная, духовная. Не последнее место в жизнеутверждении и нашем самоопределении занимает милосердие. В порядке конкретизации, присущих нашей культуре и духовной традиции, «бесценных ценностей», можно указать как на предпосылку и неотъемлемую черту нашего человека — его совестливость и человечность. В действующем Этическом кодексе врача РФ содержится положение о том, что он в своей врачебной деятельности отвечает прежде всего перед своей совестью, а во-вторых, перед сво-

ими коллегами. Чувство человечности, сочетающееся с невозможностью для своего подлинного бытия в этом мире, потерять человеческий облик, образ Бога в себе – именно это, на мой взгляд, составляет своеобразную «красную нить» нашей истории, основной нерв нашей классической литературы, нашего естество-научного и художественно-религиозного космизма.

Опираясь на оставленное нам богатейшее научное и философское наследие, мы рано или поздно проясним для себя общие контуры и содержательные подробности, как этики «общей», так и этики специально — медицинской, которые в своей основе имеют идею Жизни, а своей целью идею Блага. Идея же Блага, в соответствии с классической философской традицией, включает в себя логику развития как природного универсума или Биосферы, так и логику духовного универсума или Ноосферы.

Неронов Александр Владимирович

канд. культурологии; доцент

Неронова Марина Юрьевна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет

Биоэтика: проект науки и проблема реализации

Биоэтика возникла на рубеже 60–70 гг. 20 века, несмотря на это ее можно назвать одной из важных частей современного философского и биомедицинского знания. У истоков биоэтики стоял американский онколог и биохимик Ван Ренсселер Поттер, который предложил, по сути, проект новой метаэтики будущего (1)

Однако в 21 веке биоэтика так и не стала полноценной наукой, оставаясь междисциплинарной областью знаний. Почему это происходит?

На наш взгляд проблема биоэтики связана с отсутствием четко выделенного предмета, без которого не может существовать ни одна наука.

Ван Ренсселер Поттер в 1970 году, призвал объединить усилия представителей гуманитарных наук и естествоиспытателей (прежде всего биологов и врачей) для того, чтобы обеспечить достойные условия жизни людей. По Поттеру, «Наука выживания должна быть не просто наукой, а новой мудростью, которая объединила бы два наиболее важных и крайне необходимых элемента — биологическое знание и общечеловеческие ценности». Исходя из этого, он предложил для ее обозначения термин биоэтика (2) Однако вскоре под «наукой выживания» стали по-

нимать нечто иное. На первое место вышли междисциплинарные исследования антропологических, моральных, социальных и юридических проблем, вызванных развитием новейших биомедицинских технологий (генетических, репродуктивных, трансплантологических и др.).

То есть, вместо науки и мудрости, направленных на выживание человечества мы получили разнородную деятельность на стыке естественных и общественных наук, занятых социально-этическими проблемами в области исключительно биомедицинских технологий, что превратило биоэтику в крайне ограниченную по своему направлению и очень громоздкую по своему содержанию сферу познания. Таким образом, замысел Поттера так и остался нереализованным. Проблемы, угрожающие человечеству, не могут ограничиваться только рисками в области развития биологии и медицины. Здесь не обойтись без расширения реализации замысла до общегуманитарных масштабов, где рассматриваются риски самых разных видов, начиная от глобальных проблем и заканчивая исследованиями негативных последствий со стороны развития биомедицинских технологий, которые должны стать частью общего поля исследований, притом, не самой значительной.

В. Н. Поттер в своей книге «Биоэтика: мост в будущее» предупреждал, что «Одного инстинкта выживания недостаточно, необходимо развивать науку выживания, в основе которой должна лежать новая этика — Биоэтика. Новая этика может быть определена как междисциплинарная этика, где под междисциплинарностью подразумевается объединение естественных и гуманитарных наук... Биоэтика может быть бесполезной, если рассматривать ее только как облегченную версию современной биологии» (2).

Литература:

1. Van Rensselaer Potter Bioethics. Bridge to the Future.-Издательство: Prentice Hall, 1971. — 205 p.

2. Тищенко П. Д. Что такое биоэтика? Биоэтика: вопросы и ответы М.: ЮНЕСКО, 2005. (Электронный ресурс): режим доступа: https://ip-hras.ru/uplfile/ethics/biblio/tish_bioeth.html (Дата обращения 25.09.2024)

3. Поттер Ван Ренселер Биоэтика: мост в будущее. / 1971г. / фрагменты (Электронный ресурс): режим доступа: <https://docs.google.com/document/d/1q7T3PKx3Wk7uV3dRFUFK-i48870RSNdKREtnsHwNK5s/mobilebasic> (Дата обращения 25.09.2024)

Собольникова Елена Николаевна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный

химико-фармацевтический университет;

Северо-Западный государственный медицинский

университет им. И. И. Мечникова

Дороднева Наталья Витальевна

канд. пед. наук; доцент

Тюменский государственный медицинский университет

«Этика заботы» и коммунитаризм как

концептуальные основания современной биоэтики

«Этика заботы» предлагает переосмысление концептуальных оснований биоэтических подходов, основанных на деонтологических принципах, уделяя внимание человеческим взаимоотношениям, эмоциям, состраданию и т. п. Основные принципы «этики заботы» — это методы биоэтики, которые призывают руководствоваться в поведении врача действиями, предполагающими сочувствие и сострадание к пациенту. Поскольку основные принципы «этики заботы» контекстуальны, они сталкиваются с проблемой расстановки приоритетов, когда обязанности перед другими лицами в конкретных отношениях вступают в конфликт друг с другом с обязанностями перед заинтересованными сторонами вне этих конкретных отношений. Во многих случаях, в рамках данного подхода, врачам приходится определять, по крайней мере, частично, с помощью принципов и правил, какой вес следует придавать различным отношениям. Например, врачу, возможно, придется решить, следует ли нарушать конфиденциальность, чтобы предупредить незнакомого человека об угрозе насилия со стороны пациента. Как признает Гиллиган, «этика заботы» и основные принципы биоэтики, как правило, дополняют друг друга. Таким образом, современная биоэтика сосредотачивает свое внимание на философском переосмыслении человека, совершающего поступок, а не на его действии; на том, какими люди должны стать, а не на том, какие действия они должны совершать и т. д.

Коммунитаризм, как и «этика заботы» базируется на том, что самые важные вопросы, которые могут быть переосмыслены в контексте современной этической проблематики, должны быть сосредоточены на ее социальном значении, ее последствиях. Коммунитаристы утверждают, что индивидуалистические интерпретации биоэтических принципов доминируют над моральными дискурсом и нуждаются в исправлении.

Смысл коммунитаризма, в понимании Д. Каллахана, состоит в том, чтобы предложить «способ мышления об этических проблемах», что исключает готовые этические «формулы» или жесткие критерии для решения этических ситуаций. Более того, коммунитаризм не призывает отвергать основные биоэтические принципы, хотя сторонники коммунитаризма могут обосновывать, интерпретировать и оценивать их иначе, чем индивидуалисты, предлагая дополнительные принципы, такие как: принцип уважения к сообществу, уважение к личности, благотворительность и справедливость. Эмануэль и Вейер полагают, что главная задача современной биоэтики — создать новые принцип биоэтики, который будет необходим, например, для предотвращения общественной стигматизации, для признания морального статуса, ценности и интересов различных сообществ, которые заслуживают защиты — помимо защиты индивидуальных ценностей и интересов, которые дают возможность описать и разрешить конфликт между индивидуальными и общественными интересами. Люди в той или иной степени встроены в свои сообщества с различными традициями, верованиями, ценностями и обычаями. Переосмысленный через призму отношений людей в обществе, коммунитаризм призывает к принципу уважения личности, рассматривая человека не только как изолированного индивидуума, но и как члена культурного сообщества.

Таким образом, концептуальные основания современной биоэтики отражают широкий спектр теоретических подходов: утилитаризм, деонтологию, естественное право, контрактарианство, этику добродетели, коммунитаризм, прагматизм, этику заботы и др., что предполагает их переосмысление на основе концептуально-философского анализа.

«ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ В МОРАЛИ»

материалы круглого стола

Андрущак Николай Андреевич
аспирант

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Апелляция к авторитету как интерсубъективный акт наименования

Современная наука, в силу информационного объема и невозможности вечного воспроизведения изысканий, в необходимости должна использовать ссылки. Авторитетные издания, авторы — те, кто заслуживает доверия, чаще всего будут цитируемы, а результаты их исследований доступны большой аудитории, таким образом, апелляция к авторитету вписана в саму структуру современной науки. В то же время в теории аргументации *ad verecundiam*, не является формой доказательства, а лишь убеждением, так как не отсылает к сути вещей (1). Проводя аналогию, например, с естественной наукой, нам бы в качестве доказательства каждый раз приходилось бы заново воспроизводить результаты эксперимента, что очевидно видится невозможным. Поэтому даже в аргументационном дискурсе, мы используем видимый «слабым» аргумент.

Безусловно, теория аргументация строится на логически выверенной, чистой структуре, но именно это иногда заводит её в эфемерные дали, неблизкие от реальности, вызывая необходимость использования того самого убеждения, а не доказательства. И в такой ситуации видятся, по меньшей мере, два вопроса:

1. Возможно ли преодолеть «слабость» *ad verecundiam*, переведя потенцию в сущее?
2. Как мы определяем допустимость использования конкретного авторитета?

Ответ на оба вопроса, вероятно, кроется в понимании термина «авторитет». В рамках данной работы, авторитет будет пониматься, как объект, обладающий признанием. Признание в свою очередь процесс, разбор которого стоит начинать с принципов наименования.

Наименование же — акт наделения именем, где объект наименования является безучастным знаком. В своей структуре данный акт можно разделить на три уровня:

1. Языковой. На данном этапе наименование носит исключительно информационную цель для субъекта.

2. Индивидуально-оценочный. Выражение отношения субъекта наименования к объекту.

3. Интерсубъективный уровень. Этот уровень направлен не на сам объект наименования, а как предложение имени сообществу. В данном случае акт наименования будет успешным, если сообщество принимает заданное имя. Именно этот уровень наименования понимается нами как признание.

Таким образом, признание — акт наделение именем, принятым в конкретной социальной группе, например, в научной среде.

Возвращаясь к вопросу авторитетов, по аналогии авторитет тот, кого признали в конкретной социальной группе. Важно говорить о социальной группе, дабы не мешать, скажем, научное признание и медийное. И признанный авторитетом в медийном пространстве как артист, не выдвигал научные тезисы, на которые бы кто-то ссылался.

В действительности, автором предлагается перейти на количественную характеристику, как допустимую в ссылках на авторитет. Чем больше представителей научного сообщества, принимает имя «авторитет», по отношению к конкретному деятелю. Тем «сильнее» должен быть такой *ad verecundiam*. А так как он авторитет для всех — мы перевели потенцию в сущее, а в выборе ссылок, должны ссылаться, основываясь на большинстве.

Литература:

1. Катунин А. В. Некорректные аргументы как коммуникативная технология: виды, особенности, способы противодействия // *Философская мысль*. 2021. №12. С.16-32.

Долина Анастасия Игоревна
обучающаяся бакалавриата

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Особенности риторико-аргументативного поведения шута-трикстера на примере предвыборных речей Д. Трампа

Политический дискурс предполагает определённые нормы и модели поведения. В рамках публичной политики коммуникация должна соответствовать этическим нормам. В последнее время наблюдается систематическое нарушение этих правил со стороны политических лиде-

ров. С целью завоевания общественных симпатий и их удержания они используют девиантные поведенческие стратегии. Гротеск, эпатажные выходы, юмор, ирония и нецензурная брань привлекают к себе внимание масс. Это обусловлено тем, что серьёзность представляется неразрывно связанной с запретами, ограничениями и авторитаризмом, что создаёт почву для страха. Смех же предполагает преодоление страха, отсутствие запретов и наличие свободы (Бахтин 2015). Атмосфера эфемерной свободы располагает адресата к говорящему.

Чтобы обозначить политиков такого типа, мы будем использовать термин «политический шут», обозначая им политического актора, использующего эксцентричные и сатирические формы публичной коммуникации, с целью завладения общественным вниманием и дальнейшего его удержания. Это понятие мы также встречаем в современных российских исследованиях харизматического лидерства (Карабущенко, 2022; Тощенко, 2015; Шомова, 2015). О нарушении норм политического поведения с целью завладения общественным вниманием говорят и западные авторы в том числе (Eller, 2023; Kahn, 2014). Для акторов такого типа характерно провозглашение «великой миссии» (Тощенко 2015). Наличие и обнародование радикальной идеи способствует привлечению значительной части электората, поскольку в большинстве случаев она воспроизводится в форме пустой формулы. В эту формулу каждый может подставить привлекательные для него значения. Также политическая элита данного типа склонна к эксцентричным формам поведения, своему полному изменению политической повестки и мобилизации общества.

Политики-шуты используют две базовые риторико-аргументативные стратегии: шута и шута-трикстера. В стратегии шута прослеживается наличие аргументации, завуалированной такими приёмами смеховой культуры, как ирония, метафора, гипербола и пр. Такую стратегию часто использовал В.В. Жириновский. Стратегия шута-трикстера наоборот подразумевает отсутствие аргументации в строгом смысле этого слова. Политическая элита данного типа посредством риторических уловок и приёмов создаёт иллюзорное ощущение наличия аргументов в своих речах. Пример такой стратегии можно наблюдать у кандидата в Президенты США Дональда Трампа.

В публичном пространстве Трамп использует ироничные и юмористические высказывания, приём «демонизации врага» и ухудшения репутации оппонента, а также лозунговые фразы. Последние являются ценностно и идеологически окрашенными, но, как правило, они семантически пусты. В рамках двух предвыборных кампаний Трамп продвигает свои радикальные идеи — строительство Великой стены на южной

границе Америки (2016 г.) и предотвращение третьей мировой войны (2024 г.).

В рамках доклада на примере агитационных выступлений Д.Трампа мы покажем, в чём проявляется стратегия шута-трикстера. Для этого будет представлен риторико-аргументативный анализ его инаугурационной и иных речей, а также дебатов с Камалой Харрис в сентябре 2024 г.

Литература:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / Михаил Бахтин. М: ЭКСМО, 2015. — 637 с.
2. Тощенко Ж. Т. Политические клоуны (шуты) / Ж. Т. Тощенко // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2015. №1. С.91-110.
3. Шомова, С. А. Шут, Петрушка, дурак... (ипостаси трикстера в российской политической коммуникации) / С. А. Шомова // Этнографическое обозрение. 2015. №4. С.64-74.
4. Шуты и клоуны большой политики: политические элиты в свете карнавальной политической культуры: монография, (электронное издание сетевого распространения) / П. Л. Карабущенко, А. А. Ильин. М.: «КДУ», «Добросвет», 2022. – 222 с. — URL: <https://bookonlime.ru/node/47976>
5. Eller J. D. The Trickster: A Political Theology for Our Time // Global Center for Religious Research. 2023, pp. 44-67.
6. Kahn, Victoria Ann. The Future of Illusion: Political Theology and Early Modern Texts. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2014.

Зарапин Олег Викторович

канд. филос. наук; доцент

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Демаркация свидетеля и очевидца: моральные импликации

Фигура свидетеля и фигура очевидца связаны в культуре. Их связь выражается в форме речи от имени первого лица, перформативно нагруженной в приближении к «клянусь!». Важно при этом то, что говорящий подобным образом не только удостоверяет некоторое наблюдаемое положение вещей, одновременно внутри речи он также репрезентирует Я как гаранта достоверности, словам которого нельзя не верить. Такое представление выражает основу культуры как коммуникативного пространства, в котором люди взаимодействуют, а результатом их взаимодействия является трансляция опыта и знания.

Симптоматика демаркации свидетеля и очевидца. Кинематограф, фотография, телевидение и новейшие цифровые технологии способны

транслировать наблюдаемое в его непосредственном виде как общедоступное на экране. Это делает лишним Другого с его пересказом, к которому нет нужды обращаться просто потому, что мы сами становимся как будто очевидцами. Между «видел» и «свидетельствую» нельзя поставить знак равенства. Технология дипфейка вскрывает не только моральные и правовые риски, но также вскрывает эпистемические риски того, как в процессе цифрового форматирования культуры фигура очевидца затмевает фигуру свидетеля. Метафора «эпистемического аполипсиса» здесь показательна.

Значимые моральные импликации, фиксируемые в процессе демаркации между свидетелем и очевидцем, мы укажем, отталкиваясь от примера вдохновленной Холокостом «литературы свидетельства».

Прием «дать слово свидетелю» в литературе XX в. выражен не только в опыте реального свидетельства, но также и в опыте вымышленного свидетельства (от имени умственно неполноценного, животного и т.д.). Фиксируемое в сфере литературного творчества разграничение между реальным и вымышленным позволяет схватить процесс демаркации свидетеля и очевидца и вычленил его моральные экспликации.

Общей идеей является то, что человеческая жизнь раскрывается в экзистенциальном конфликте между Я и окружающим миром, отраженном в ощущении, что это не «мой мир» и нравственный вопрос — как быть? — выражает авторефлексию, разворачивающуюся вокруг понимания того, что Я — это не данность, а завоевание, осуществляемое в языке и требующее усилие.

С точки зрения реального свидетельства данный конфликт представлен в виде травмирующего опыта, его репрезентативным примером является выживание в концлагере. Нравственный смысл выживания состоит в испытании, в проверке способен ли ты в нечеловеческих условиях не превратиться в монстра. Благодаря готовности адресата сохранить речь и передать дальше как свидетельство о свидетельстве, авторефлексия получает свой смысл как то языковое усилие, которое родственно воспоминанию себя (есть нечто, что нельзя забыть!) и выражает стремление сохранить Я вопреки обстоятельствам, понуждающим Я стать иным.

С точки зрения вымышленного свидетельства экзистенциальный конфликт выражается в виде Я, протестующего против мира, социально навязанного и диктующего кто Я таков. Авторефлексия имеет смысл протеста, выражающего стремление Я поставить себя под вопрос как продукт, подогнанный под шаблоны привычного, нормального, человеческого. Здесь движущей силой является творческое усилие Я как автора, нацеленного на то, чтобы средствами вымышленного свидетельства сде-

лать общедоступным взгляд потустороннего существа, находящегося внутри мира и одновременно миру не принадлежащего. Здесь проявлено усилие, в котором Я нацелено на изменение, т.е. на то, чтобы стать иным Я.

Вычлняемый в сфере современного литературного творчества прием «дать слово реальному/вымышленному свидетелю» позволяет осмыслить наблюдаемую в культуре демаркацию свидетеля и очевидца с точки зрения морального феномена авторефлексии.

Литература:

1. Habgood-Coote J. Deepfakes and the epistemic apocalypse // Synthese. 2023. Vol.201. №3. P. 1-23.

2. Wiesel E. The Holocaust as Litarary Inspiration // Dimensios of the Holocaust. Northwestern University Press, 1990. P.5-20.

Лисанюк Елена Николаевна

д-р филос. наук; доцент, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Аргументы от экспертного мнения: правдоподобные или вероятностные?

В докладе вопрос, являются ли аргументы от экспертного мнения правдоподобными или вероятностными, обсуждается с точки зрения их оценки и ее влияния на преодоление современного кризиса экспертного знания, и обосновывается ответ, что установление характера подобных аргументов зависит от механизма их оценки, на который полагается адресат. В первом случае речь идет об отменяемом аргументе, оцениваемом с точки зрения когнитивных и психологических установок адресата, а во втором — об индуктивном аргументе, истинность заключения которого адресат оценивает по определенным критериям с точки зрения эпистемической или эмпирической вероятности.

Аргументы от экспертного мнения широко распространены во многих сферах практической деятельности людей. Термин «аргумент от экспертного мнения» является зонтичным, объединяя такие паттерны, или схемы аргументации, как собственно апелляция к мнению эксперта или авторитета, к свидетельским показаниям, к распространенному (в обществе) мнению и т.п. (1). В праве такие аргументы считаются дополнительными и предполагают судебную экспертизу, процедура осуществления которой неодинакова в различных отраслях права (2).

Аргументы от экспертного мнения имеют следующее строение:

Посылка об эксперте: Источник E — эксперт в области D, к которой относится гипотеза A.

Посылка об экспертном мнении: E утверждает, что A истинно.

Заключение: По-видимому, A можно считать истинным.

Аргументом в диалоге выступает не мнение эксперта или результат экспертизы, а его предъявление в конкретном диалоге вместе с указанием на их источник или авторов, подчас не принимающих участия в диалоге.

До середины XX в. из-за их недемонстративного характера аргументы от экспертного мнения толковали чаще как ошибочные или слабые, к концу XX в. их стали относить к правдоподобным (3), а в начале XXI в. наряду с этим набирает влияние вероятностный подход к ним (4). Ключевым отличием между тремя подходами является способ их оценки, совпадающий со строением аргумента в первом случае, основанный на критических вопросах к посылкам — во втором, и на оценке вероятности истинности A по трем ключевым критериям: истинность самого предложения A, в т.ч. по мнению других источников, надежность E как источника экспертного мнения и релевантность A и E относительно области D. Все три критерия сторонниками вероятностного подхода были сформулированы на основе критических вопросов, предложенных сторонниками идеи о правдоподобном характере аргументов к экспертному мнению. В докладе высказывается идея о том, что различия в установлении характера таких аргументов связаны с ресурсоемкостью процессов их проверки, менее чувствительной для адресата в случае правдоподобных аргументов, и поэтому зависят от задач, для решения которых стороны вступают в данный диалог.

Литература:

1. Walton D. N., Reed C., Macagno F. *Argumentation schemes*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.

2. Россинская Е. Р. *Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе*. М.: Норма, 2024.

3. Лисанюк Е. Н., Шеваренкова А. В. Визуализация аргументации, глубокое разногласие и решение спора (на примере дискуссии о домогательствах) // ПРАЕНМА. 2024. № 2 (40). С.167-197.

4. Harris A., Hahn U., Madsen J., Hsu A. The Appeal to Expert Opinion: Quantitative Support for a Bayesian Network Approach // *Cognitive Science* 40 (2016), Pp.1496-1533.

РНФ № 23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемый в НИУ ВШЭ

Сидоренко Александр Алексеевич
обучающийся бакалавриата

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Политические шуты и этика дискурса Юргена Хабермаса

Современная политическая коммуникация всё чаще характеризуется использованием эксцентричных и сатирических форм поведения, с помощью которых политические лидеры стараются завладеть общественным вниманием и в дальнейшем удержать его, играя на противоречиях и используя юмор. В контексте концепции этического дискурса Юргена Хабермаса, который акцентирует внимание на рациональном диалоге и консенсусе, встает вопрос: как совместить этическое обоснование политических действий с использованием шуток и сатиры в политической коммуникации?

Политических лидеров, использующих инструментарий смеховой культуры в пространстве публичной коммуникации, мы будем здесь условно называть политическими шутами, имея в виду прежде всего историко-культурологические коннотации этого термина. Политические шуты строят свою коммуникацию на эмоциях, шоке и развлечении, а не на логике, аргументации и фактах (3), как это должно делать с точки зрения Ю. Хабермаса (5). Политические шуты, отказываясь от этих принципов коммуникативной рациональности, подрывают основы хабермасовской модели и делают конструктивный диалог в этом смысле невозможным.

Используя юмор, политические шуты отвлекают аудиторию от существенных проблем и манипулируют их эмоциями (3). Они упрощают сложные вопросы и предлагают простые решения, что может ослабить критическое мышление и способствовать принятию непродуманных решений. Политический юмор в этом контексте становится не инструментом рационального диалога, а инструментом массового управления и манипуляции. Действия политических шутов могут быть морально осуждены за отсутствие ответственности за слова и действия (2). Их использование юмора для разжигания ненависти, дезинформации и манипуляции подрывает основы демократического общественного диалога и мешает формированию рационального консенсуса. Хабермас считает, что ответственность и уважение к другим участникам общественного диалога необходимыми условиями для его продуктивно-

сти (4). Политические шуты, игнорируя эти принципы, подрывают основы демократии и рационального диалога.

Разграничение между приемлемым и неприемлемым юмором в политической сфере оказывается сложным. Отсутствие четких границ может привести к конфликтам и поляризации общества. Поиск консенсуса, проповедуемый Хабермасом, становится невозможным, если отсутствует общее понимание границ и норм в использовании юмора в политическом дискурсе (4). Важно понимать, что использование юмора в политической коммуникации не оправдывает отсутствие ответственности. Политические шуты должны быть готовы к критике и нести ответственность за свои слова и действия, даже если они используют юмор и сатиру как инструмент коммуникации. Хабермас утверждает, что ответственность и готовность нести последствия за свои слова неотъемлемой частью рационального диалога (1). Политические шуты, игнорируя этот принцип, подрывают основы ответственной политической коммуникации

Политические шуты представляют собой серьезный вызов для этического дискурса Хабермаса. Использование юмора в политической коммуникации требует осознанного подхода и учета моральных последствий. Важно искать баланс между юмором как инструментом критики и сатиры и опасностью его использования для манипуляции и разжигания ненависти. В контексте этического дискурса Хабермаса, важно использовать юмор в рамках рационального диалога и ответственности за его последствия.

Литература:

1. Бусова Н. А. К.-О. Апель об этике дискурса как этике ответственности // ВІСНИК. 2011.

2. Карабущенко П. Л. Элитология смеха: смех как метод изучения элиты и средство врачевания ее системных недугов //Каспийский регион: политика экономика, культура. 2011. №4. С.29.

3. Сакулин С. В. Политический юмор — актуальная технология убеждающей коммуникации // Постсоветский материк. 2021. №4(32).

4. Семенова А. А. Толерантность как политическая добродетель в контексте теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Вестник РХГА. 2014. №3.

5. Тетюев Л. И. Теоретические основы этики дискурса (Кант, Хабермас, Апель) //Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т.11. №.4. С.81-85.

Фатиев Никита Игоревич

д-р филос. наук; профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Возможна ли Truthmaker Semantics в деонтической логике?

Должен признать, что интерес к этому подходу для меня продиктован исключительно работами К. Файна, чей модальный авторитет для меня неколебим. (1, С.199-226).

Что представляет собой Truthmaker высказывания? Это «описание состояния» объекта, делающее данное высказывание об объекте истинным. Truthmaker (далее Тм) может быть точным (exact) или неточным (inexact). Во втором случае такое описание является частью точного, причем частью в мереологическом смысле. Что будет точным Тм для высказывания ОА? Состояние, запрещающее Тм для неА. А для РА? Состояние, разрешающее Тм для А. Сам принцип Тм предполагает, что есть что-то в объективном состоянии дел (для алетических модальностей) или в правовых или моральных предписаниях (для деонтических модальностей), что верифицирует его. В отношении ложных высказываний у авторов концепции два варианта: первый — у ложного высказывания нет Тм, то есть верификаторов, второй — у него есть Fm, то есть фальсификатор. И авторов концепции более устраивает второй вариант.

Ранее отмечено, что states — описания состояния — имеют мереологическую структуру и могут составлять своего рода сплав. Но надо иметь в виду, что исходные примеры в работе К. Файна из классического исчисления высказываний: S точно верифицирует А тогда и только тогда, когда S точно фальсифицирует А. S точно верифицирует А&В тогда и только тогда, когда S сплав точного верификатора А и точного верификатора В. К. Файн здесь говорит, что вообще нет проблем в отношении формул булевой алгебры в построении для них точных верификаторов и фальсификаторов.

А как быть с модальностями в семантике Крипке для модальных систем, на которые нацелен его анализ? Здесь речь идет о модальных описаниях состояния (states), которые начинают играть такую роль. Скажем, если состояние М морально запрещает убийство, то оно является фальсификатором тех возможных миров, где убивают — запрещая их. Тогда высказывание ОА истинно, если имеется описание состояния,

которое запрещает всякий точный фальсификатор для А. (Сказанное выше весьма проблематично. Вряд ли одно описание состояния способно запретить все возможные фальсификаторы.) И возникают две фундаментальные проблемы. Первая касается верификаторов и фальсификаторов высказываний вида — «нормативно безразлично». Вторая — специфики вынужденной замены отношения рефлексивности на отношение сериальности.

Литература:

1. Fine K. Angelic content. *Journal of Philosophical Logic*, 45(2), 199-226.

Фролов Константин Геннадьевич

канд. филос. наук; научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

О прагматических целях коммуникаций технических визионеров с обществом

Идея доклада заключается в том, чтобы осуществить своеобразный перенос некоторых идей, почерпнутых из теории аргументации (1), и рассмотреть их в контексте более частного случая экспертных дискуссий по поводу перспектив реализации таких технологий, которые заведомо технически недостижимы в настоящий момент, а также в ближайшем будущем.

В качестве примеров мы рассмотрим публичные выступления экспертов о перспективах достижения биологического бессмертия; о перспективах достижения цифрового бессмертия (Д. Ицков, Д. И. Дубровский (2)); и о перспективах пилотируемых космических полётов за пределы солнечной системы к экзопланетам (Борис Штерн).

На характер прагматических целей участия в экспертных дискуссиях подобного рода влияют следующие факторы.

Эпистемологический аспект: достижимо ли формирование участвующими сторонами обоснованных истинных убеждений по поводу предмета такого спора?

Прагматический аспект: даже если спор разрешим в своей теоретической части, способно ли его разрешение иметь своим последствием формирование каких-либо обоснованных намерений совершить действия?

Социально-коммуникативный аспект: уместна ли экспертная дискуссия в том или ином имеющемся социокоммуникативном контексте?

В рамках доклада будет рассмотрен широкий спектр возможных прагматических целей как инициирования дискуссий на такого рода

темы технологическими визионерами, так и прагматических целей вступления в такого рода дискуссии другими экспертами.

Литература:

1. Микиртумов И. Б., Фролов К.Г. Споры о невозможном: прагматические пресуппозиции и цели // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. №77. С.17-31.

2. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. Д.И.Дубровского. М.: Издательство МБА, 2013. — 272 с.

Шапиро Ольга Александровна

канд. филос. наук; доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Почему не верят экспертам?

В 2017 году Т. Николс издает свою работу «Смерть экспертизы» (1), которая тут же становится научно-популярным бестселлером. В ней он рассматривает проблему изменения статуса экспертного знания и эксперта в современном мире сквозь призму ее политических импликаций, а в качестве одной из ее корневых причин видит трансформацию института высшего образования, где университет приобретает статус сферы услуг. Основной сюжет его рассуждений таков: трансформация университета приводит к снижению доверия общества к экспертам, на рекомендации которых обычно опираются политики при принятии решений; в результате негласный договор о процедуре принятия политических решений нарушается, что приводит к дисбалансу и несет в себе угрозу самой демократии.

Я предлагаю посмотреть на эту ситуацию как на проблему не столько институциональную, сколько коммуникативную. Чтобы понять ее сущность, мы реконструируем позицию трех групповых субъектов коммуникации: экспертного сообщества, политиков и общества. Конфликт, возникающий в этой системе, носит когнитивный характер и возникает в результате потери взаимного доверия и формирования недопонимания между экспертами и обществом. Политики пытаются взять на себя функцию миротворца и лавировать между рекомендациями экспертов и требованиями общества; однако в итоге зачастую оказываются втянутыми в конфликт и вынужденными принять позицию одной из сторон.

При реконструкции аргументации каждой из сторон я буду опираться на тексты, выражающие соответствующие позиции. Позицию экспертного сообщества я реконструирую на основании уже упомянутой работы Т. Николса (1), позицию политиков — на основании идей коммуникативной рациональности Хабермаса (3), представляющих собой нормативное описание политической коммуникации, а выражение позиции общества будет представлено в том виде, как его описывает П. Фейерабенд (2) говоря о проблеме легитимации норм рациональности как основы экспертного знания. Также я буду отталкиваться от идеи Т. Николса (1), согласно которой экспертное знание сегодня представляет собой не количественную характеристику, связанную с обладанием большим объемом информации, а характеристику качественную, связанную со стилем мышления. Тогда содержательно весь конфликт раскрывается как противоположная оценка экспертным сообществом и обществом научной рациональности и критического мышления как ценности и единственно возможного способа принятия социально значимых решений с одной стороны, и как всего лишь одного из способов мысли, ничем не превосходящего остальные, с другой. Позиция же экспертов будет заключаться в том, чтобы предложить рассматривать рациональность не как ценность саму по себе, но как локальное условие возможности вступления в публичную дискуссию.

Конечно, что такой выбор является условным и представит только одну из возможных версий интерпретации исследуемого конфликта, однако результаты такой реконструкции могут оказаться довольно продуктивными.

Методологической основой для моего анализа является когнитивный подход в исследовании конфликтов А.Т. Ишмуратова (4); так же я буду использовать различные инструменты современной теории аргументации.

Литература:

1. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платонова М.: Эксмо, 2019. URL: НИКОЛС — Смерть экспертизы 2018.pdf (kyiv-heritage-guide.com) (Дата обращения: 13.12.2023).
2. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А. Л. Никифоров. М.: АСТ, 2010. 378 с.
3. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М: «Весь мир», 2011. С.26–75.
4. Ишмуратов А.Т. Конфлікт і згода. Основи когнітивної теорії конфліктів. К.: Наукова думка, 1996. 190 с.

«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

материалы круглого стола

Браткин Дмитрий Александрович

канд. ист. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Дискуссия между А. В. Смирновым и А. Ф. Гусевым о Нагорной проповеди: о чем в реальности спорили два русских богослова?

В 1894-1895 гг. в русской богословской литературе произошла интересная, но на первый взгляд совершенно отвлеченная полемика. Началась дискуссия с того, что на протяжении 1893 года в журнале «Православный собеседник» отдельными главами печаталась книга священника и доцента Казанской духовной академии А. В. Смирнова (1857–1933) о Нагорной проповеди (1) Смирнов и прежде обращался к этой теме, в 1888 г. увидел свет сборник его популярных бесед на Нагорную проповедь (2). В своей ученой работе 1893 г. Смирнов вслед за большинством современных ему протестантских библеистов доказывал, что объектом критики со стороны евангельского Иисуса является не сам закон Моисея, но его неверные истолкования, провозглашавшиеся в I в. н. э. фарисейскими учителями. Взгляды Смирнова вызвали резкую отповедь со стороны его коллеги по Казанской духовной академии, профессора А. Ф. Гусева (1845–1904), который видел в идеях Смирнова отход от православного взгляда и, среди прочих обвинений упрекал его в толстовстве. По мнению Гусева, печатавшего свою критику в харьковском журнале «Вера и разум» в течение 1895 года, Иисус выступает против собственно закона Моисея и на этом основывается мессианское достоинство Христа (3). Смирнов ответил на критику в приватной брошюре (4), напечатанной по настоянию редакции журнала «Православный собеседник». Гусев немедленно ответил на это в еще более непримиримой форме (5). Резкость такой печатной полемики со стороны Гусева остается загадкой до тех пор, пока мы не учитываем третьего ее участника — Л. Н. Толстого. И Смирнов, и Гусев были в равной степени вовлечены в опровержение религиозно-философских и морально-этических

взглядов Толстого. Смирнов прямо упоминает о желании возразить Толстому в предисловии к своим популярным беседам о Нагорной проповеди, Гусев же выделяется из ряда мейнстримных православных полемистов против Толстого тем, что в том же 1895 году получил степень доктора богословия за свою антитолстовскую книгу (6) (1893, 2-е изд. 1902). Поэтому дискуссию Смирнова и Гусева следует читать в контексте борьбы официального, мейнстримного православного богословия против религиозно-этических взглядов Л.Н. Толстого и его стратегий чтения Нового Завета. Причины непримиримой резкости Гусева, вероятно, кроются в том, что конфигурация выстраиваемого Смирновым толкования подразумевала свободную дискуссию на тему морали и этики, и в этой дискуссии Иисус оказывался одиночкой, который своим толкованием бросил вызов большой и сплоченной группе носителей религиозного авторитета. Медиа-позиция Толстого выглядела поразительно схожей с тем образом Иисуса, который Смирнов выстраивал, корректно опираясь на протестантскую библеистику и экзегетику.

Литература:

1. Смирнов А. В. Отношение евангельского нравоучения к закону Моисееву и к учению книжников и фарисеев по Нагорной проповеди Иисуса Христа. Казань, 1894.

2. Смирнов А. В. Нагорная проповедь Иисуса Христа. Вып. 1, Матфея V глава. М., 1888.

3. Гусев А. Ф. Отношение евангельского нравоучения к закону Моисееву и к учению книжников и фарисеев по нагорной проповеди Иисуса Христа. Апологетич. этюд. Харьков, 1895.

4. Смирнов А. В. Ответ г. Гусеву. Не для публики. Казань, 1895.

5. Гусев А. Ф. Вынужденный отклик на брошюру А. Смирнова «Ответ г. Гусеву». Казань, 1895.

6. Гусев А. Ф. Основные «религиозные» начала графа Л. Н. Толстого. Казань, 1893.

РНФ № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX - нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности»

Коротченко Юлия Михайловна

д-р филос. наук; профессор

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Аксиологические основания

межрелигиозного конфликта и межрелигиозного диалога

Представляется актуальным рассмотреть ценностную мотивацию двух конфликта и диалога как коммуникативных антонимов с конкретизацией в межрелигиозных отношениях. Религия представляется коммуникативно амбилентной формой коллективного сознания: ей свойствен-

ны ценностная антиконфликтность на уровне всеобщего и конфликтно-генность доктринальной ценностной конкретности. Жизнь современного общества, переживающего постсекулярный период, отмечена активизацией межрелигиозных отношений в форме как конфликта, показавшего возможность приобретать глобальный масштаб, так и диалога, выходящего за пределы границ отдельных государств, реализующегося в создании всемирных межрелигиозных организаций. Мы полагаем целесообразным рассмотреть ценностные основания межрелигиозного конфликта и диалога как результаты интерпретационной активности коллективных религиозных субъектов, упорядоченные посредством оценочной модели такой активности, центрированной аксиологически. Среди остальных ее показателей — персонификаторы религиозной общности (Бог, пророки, главы действующих организаций и т. п.), нормы (культурные обычаи, обряды, традиции, запреты и разрешения), формы репрезентации (священные тексты, места отправления религиозных обрядов, места жительства и религиозного служения религиозных деятелей). В аспекте конфликта эта модель наполняется частным религиозным содержанием, а центрирующая ее ценность акцентирует специфичность религиозного субъекта, что, в свою очередь, ориентирует на абсолютизируемое отличие от религиозного Другого. Это ценность исповедания Своего божества, а все остальные оценки внешнего религиозному сознанию мира обосновываются волей этого, а не какого-то другого Абсолюта. Именно это ценностное отличие создает возможность использования религии в политических целях, делает ее средством осуществления экстремистской деятельности. На каких ценностных основаниях возможен межрелигиозный диалог? Представляется, что это основания, разворачивающие вектор интерпретационной активности религиозного сознания в сторону общего ценностного смысла как мотивации для коммуникативных практик. Объектом коммуникации тогда становятся современные вызовы, создающие риски для существования человечества, а высшей ценностью — готовность услышать религиозного Другого как говорящего о том же, что и религиозный Свой, пусть даже иначе. Так, в Декларации VII Съезда лидеров мировых и традиционных религий отмечаются ценности сострадания, милосердия, справедливости и солидарности, дружбы, мирного сосуществования, религиозного и культурного многообразия, образования и духовности для личностного и межрелигиозного развития. При этом не утрачивается специфика и возможность личного исповедания конкретной религии, но существенно снижается риски, порождаемые конфликтно-генностью обособленности религиозного сознания, экспансивной по своей интенции и приводящей, как мы можем наблюдать, к идее исключительности некоторой конкретной религии.

Овчинникова Елена Анатольевна
канд. филос. наук; доцент

Чумакова Татьяна Витаутасовна
д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт совесть в самосознании русского общества в конце XIX – начале XX вв.

Совесть относится к таким понятиям ценностного строя русской мысли, которые формируются, с одной стороны на основе предшествующей традиции, когда в самом понятии, словесном выражении уже раскрывают уникальность и своеобразие смыслов, задаваемых русским мировоззрением, с другой стороны — этот концепт актуализируется в особые исторические эпохи становления морального самосознания общества, морального выбора, как личностного, так и общественного.

Философская и богословская мысль России в период своего институционального становления (вторая половина XVIII — начало XIX вв.) обращалась к анализу совести, осмысляя прежде всего западноевропейские влияния. Исследованию понятия совести в богословских сочинениях этого периода посвящен ряд современных исследований. Философская мысль университетских профессоров также была ориентирована преимущественно на немецкую традицию, прежде всего, на осмысление концепции И. Канта.

Эта тема — проблема совести в русской мысли — безусловно имеет весьма обширную историографию. Не останавливаясь на анализе различных интерпретаций и авторских концепций, хотелось бы наметить ряд исследовательских векторов в изучении совести в русской мысли рубежа XIX-XX веков, выявить социально-исторические факторы, теоретические основания актуализации проблемы совести в русской философской мысли, нравственном богословии, художественной литературе и публицистике.

В философской мысли этого периода совесть как нравственная ценность рассматривается русскими мыслителями в связи с понятиями добра и зла, долга и ответственности, стыда и вины, правды и истины. В философских сочинениях расширяет категориальный круг этических понятий, формируется особый понятийный строй русской мысли.

В системах нравственного богословия этого периода совесть занимает одно из центральных мест. По выражению А. А. Бронзова, вопрос о совести является «кардинальным вопросом» в нравоучительных системах богословия и философии. В эти годы богословская мысль ориентируется прежде всего на традицию святоотеческого наследия.

Совесть представляется русским писателям и мыслителям как одно из оснований русского духовного мира. В эти годы (вторая половина XIX в.) к совести обращено внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского и большинства русских писателей. Л. Н. Толстого русские философы называли «одним из замечательных носителей совестного акта в XIX веке». Русские писатели раскрыли в своих сочинениях всю драматичность совести не как отвлеченного понятия, а как сердечного ведения, нравственного чувства и совестного акта — морального поступка.

Интерес к совести русского общества был обусловлен во многом социально-историческими обстоятельствами. Во-первых, это был период становления «русской общественности», самосознания русского общества, формирования русской интеллигенции с обостренным видением моральных проблем общественной жизни. Совесть начинает восприниматься не только как нравственный императив личности, но и как нравственная константа в самосознании российского общества, а интеллигенция — как носитель совестного начала.

Второе обстоятельство — влияние европейской мысли в сфере философских теорий и социально-политических идей, что сказалось на устремленности русского общества к социальной проблематике. Интерес к общественной жизни и социальным доктринам был характерен как для философской, так и богословской мысли этого времени.

Основным итогом осмысления совести в русской мысли рубежа XIX–XX веков является взгляд на совесть не только как на нравственное измерение личности, индивидуальное качество человека, но и как выражение духа народа, своеобразия русского самосознания. Благодаря нравственному чувству и переживанию, особому «сердечному ведению», по выражению русских мыслителей, совесть включает личность в мир моральных ценностей не только на уровне индивидуальной морали, но прежде всего, на уровне нравственного самосознания народа.

Пересторонин Валентин Александрович
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Теории происхождения нравственности и религии в русском академическом богословии на примере журнала «Православное обозрение»

Проблема происхождения нравственности и религии занимала второстепенное место на страницах академических богословских изданий России в XIX веке. Пример «Православного обозрения» показывает, что внимание православного духовенства было обращено в большей

степени на апологетику. На протяжении трех десятилетий в ежемесячном журнале вышло меньше десяти работ, посвященных происхождению человека и религии. Одной из этих работ был «Мифологический процесс в древнем язычестве» В. С. Соловьева, считающийся юношеской, то есть незрелой работой философа. Сравнение текста с другими по этой теме однако показывает, что Соловьев находился в богословском мейнстриме своего времени. Публиковавшиеся труды В. Д. Кудрявцева-Платонова, начиная с «Происхождения рода человеческого» 1860 г., излагали историю первобытных религий как процесс отхода от первоначального монотеизма. Обоснование наличия у человека первоначального религиозного чувства, или «инстинкта», было представлено в переведенной статье Л. Карро «Происхождение первобытной религии», в которой излагается и подвергается критике теория «трансформистов», стоявших на точке зрения происхождения религии из фетишизма. Разоблачение эволюционизма Спенсера, Лейббока, Тейлора, Бокля основывается на признании неопределенного понятия божества, которое присутствует у всех народов. Статья «Происхождение религии по новейшим исследованиям» также демонстрирует критическое отношение к теориям развития религии из первобытных форм в более высокие. Во всех работах, опубликованных в «Православном обозрении» по данной теме, главным методом изучения религии является феноменологическое, или психологическое изучение человека как homo religiosus. Этот принцип лежал в основе исследования религий архимандрита Хрисанфа (Ретивцева), являвшегося, по мнению В. С. Соловьева, образцовым. Таким образом, для академической богословской науки о религии этого времени были свойственны феноменологический подход, признание общечеловеческого «религиозного инстинкта», объединение религии и нравственности, критика эволюционизма.

Литература:

1. Карро Л. Происхождение первобытной религии // Православное обозрение, 1876 Вып. 3, №7. с.525-559.
2. Происхождение религии по новейшим исследованиям // Православное обозрение. 1882, Вып.1, №1. с.687-710.
3. Соловьев В. С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Православное обозрение, 1873, Вып.2, №11. с.635-665.
4. Хрисанф (Ретивцев). Религии древнего мира в их отношении к христианству: Историческое исследование. Т.1-3. СПб: «Странник», 1873-1875.

РНФ № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX-нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности»

Стецкевич Михаил Станиславович

канд. ист. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Стецкевич Елена Сергеевна

канд. ист. наук; доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Англиканское духовенство и проповедь справедливой войны в эпоху Французской революции

Христианские церкви, имеющие государственный статус (как фактический, так и официальный), обычно поддерживают участие в войне, находя многочисленные причины, позволяющие объявить её справедливой. Обоснование теории справедливой войны можно найти в трудах Аврелия Августина (354–430), полагавшего допустимыми военные действия, предпринятые законной властью во имя благой цели: защиты от агрессора, и направленные в конечном счете на достижение мира. Со времен Реформации XVI в. и до конца XVIII столетия государственная Церковь Англии в целом придерживалась этой концепции. В её основном доктринальном документе — принятых во второй половине XVI в. «Тридцати девяти статьях» — содержалось положение о позволительности для христиан участвовать в войнах «по требованию власти». При этом духовенство, как правило не занимало позиции апологии открытого милитаризма, в рамках которого участие христиан и даже духовенства в войне видится необходимым и даже желательным. Для военных проповедей англиканских священников, читавшихся вплоть до начала войн с революционной, а затем и наполеоновской Францией (1793–1815), были характерны следующие тенденции: во-первых, соблюдение баланса между оправданием участия Англии в войне и представлением о ней как зле, хотя и неизбежном, и наказании Божьем за грехи; во-вторых, объявление англичан (иногда шире — британцев) богоизбранным народом, по аналогии с коленами Израилевыми, и в третьих — подчеркивание стремления бороться с «папизмом» и защищать протестантизм, что было обусловлено противостоянием с якобитами и постоянными конфликтами с католическими Францией и Испанией.

После начала вооруженного конфликта Великобритании с революционной Францией премьер — министр У. Питт-младший объявил войну «справедливой и необходимой». Как и во время предшествующих военных столкновений, государством устанавливались «дни всеобщего поста и покорности Богу», во время которых испрашивалось Божье благо-

словение на ведение войны в защиту «свободы, законов и религии». Однако в целом ситуация несколько изменилась. Мотив войны как наказания за грехи по-прежнему присутствовал в проповедях, но появились и новые моменты. Теперь война представлялась как «наказание Божье» за увлечение многих англичан «новой и фальшивой философией», идущей из Франции. Сохранилось и представление об Англии как «избранной стране». Проповедник Ч. Мосс призвал молиться за то, чтобы Бог сделал англичан «избранным народом, орудием восстановления его поруганных чести и законов» (1798). Антикатолический мотив, напротив, исчез почти полностью, но на передний план вышел другой момент – противостояние «безбожной Франции». Именно это обстоятельство, как явствовало из проповедей многих англиканских священников, в первую очередь и делало войну справедливой.

Показательной является проповедь в Палате лордов епископа Норвичского Ч. Маннерс-Саттона (1794). Подчеркнув, что справедливой может считаться только оборонительная война, епископ подчеркнул, что в данном случае военные действия отвечают этому критерию, так как Англия ведёт борьбу со страной, которая сама погрязла в «безбожии» и угрожает распространить его за пределы своих границ, чему надо поставить заслон. Священник Р. Де Корси отметил, что угрозу представляет не столько французское оружие, сколько принципы, один из которых – безбожие, и вследствие этого война оправданна и справедлива (1798). Акцент на необходимости ведения именно оборонительной войны делался далеко не всегда. Многие священники переместились на милитаристские позиции, защищая любую войну, ведущуюся с санкции власти. Значительная часть духовенства также указывала, что распространение идущих из Франции безбожных идей подрывает существующее положение дел. Проповедник Р. Мункхаус обрушился не только на внешних врагов, но и на внутренних, каковыми он считал сторонников политических реформ, отметив, что «иногда война необходима для поддержания общественного порядка» (1798).

Однако в Церкви Англии существовала и небольшая группа священников, которые, не будучи принципиальными пацифистами, и допуская ведение оборонительной войны, отказывались рассматривать в качестве таковой войну с Францией. Самой яркой фигурой здесь был Дж. Уильямс. По его мнению, «меч христианства — это слово Божие, и оно не допускает ведения войны ни с целью его распространения, ни его защиты».

Таким образом, если ранее в качестве критерия справедливости и оборонительности войны часто была её антикатолическая направленность, то теперь во главу угла стала ставиться борьба с «безбожием», угрожающим английскому «старому порядку».

Ухатюк Юрий Игоревич
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт «*jus resistendi*» в трудах кардинала Беллармина

Проблема легальности сопротивления тираническому правлению и вообще возникновения тирании волновала мыслителей со времен Античности. Уже Платон определяет тиранию, как наихудшую форму правления государством, указывая на её несправедливость и незаконность обретения власти тираном. В Средние века и Новое время многие авторы размышляли о возможности противодействия тираническому правлению. Вопросы о праведном и неправедном характере правления, а также о нравственной допустимости сопротивления несправедливому правлению занимали довольно значительное место в морально-этическом дискурсе той эпохи. В эпоху Реформации вопрос о праве на восстание актуализируется из-за возникновения протестантизма и начала религиозных войн. Католические и протестантские теологи эпохи Реформации и Контрреформации по-разному относились к допустимости восстания против тирании. Жан Кальвин, один из «отцов» протестантского движения, допускал восстание в том случае, если в государстве установлены такие законы, исполняя которые, верующие отступят от Бога. (1; 36) Кардинал Беллармин, как представитель католической богословской мысли, тем не менее, высказывает схожую мысль, хотя, согласно его учению, субъект, осуществляющий восстание и лицо, санкционирующее его, отличаются от тех, кого обозначает в качестве таковых Кальвин. Для Кальвина только «Слово Божие» может санкционировать сопротивление властям, при условии того, что, если нарушается право христиан на исполнение закона божьего, а осуществлять сопротивление обязаны все христиане. (4; 72) Для Беллармина только римский понтифик может призвать к восстанию после отлучения «нечестивого» правителя. При этом осуществлять сопротивление призваны прежде всего «христианские князья». Поэтому, в труде, который наиболее подробно раскрывает взгляд кардинала Беллармина на эту проблему, «*De translatione imperii Romani*», в опровержении положений, изложенных лютеранским теологом Иллирикусом, автор указывает, что христиане не восставали против «языческих» властей Римской империи именно из-за отсутствия вооруженной христианской знати. (3; 39-40) Таким образом, в трудах данного автора можно наблюдать уникальный подход к исследованию политических процессов в истории, сочетающий в себе признание в качестве источника власти языческих правителей «права войны»; ветхозаветных правителей прямой Божественной воли, которая не давала какому-либо политическому субъекту право на

сопротивление и, одновременно с этим, утверждение особого права Римской церкви служить посредником в утверждении власти христианских правителей между ними и Богом. (3; 62-63) (5; 280) Эти попытки укрепить авторитет верховного понтифика и указать, что единственно он может придать законность сопротивлению тираническим действиям «нечестивого» правителя являются прямым продолжением долгой традиции мыслителей Средних веков, чьи идеи использует Беллармин для апологетики католицизма и формируются в одну из политических концепций, возникших в Новое время, что делает очень актуальным рассмотрение идей этого автора, как во-многом рецепцию средневековой политической традиции в новых европейских реалиях и как уникальный вариант интерпретации данного концепта. (2; 156) (6; 70)

Литература:

1. Baron H. Calvinist Republicanism and its Historical Roots. Church History. 1939;8(1):30-42.
2. Bourdin Bernard. The Theological-Political Origins of the Modern State: the controversy between James I of England and Cardinal Bellarmine. Washington (D.C.): The Catholic University of America Press, 2010. 282 p.
3. Bellarminus Robertus Opera Omnia. Louis Vivès (ed.) T.4, Parisiis, 1872
4. George J. Gatgounis II, «The Political Theory of John Calvin,» Church-Man 110:1 (1996).
5. Tutino Stefania. Empire of souls: Robert Bellarmine and the Christian commonwealth. Oxford: Oxford University Press, 2010. 416 p.
6. Каретина, А. Н. (2013). Кардинал Беллармин и полемика о клятве верности 1607–1610 гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, (2), 69-74.

Хохлова Юлия Игоревна
обучающаяся аспирантуры

Санкт-Петербургский государственный университет

«Культ идентичности» как фактор формирования этического дискурса в социальных сетях

Общество в эпоху постсекуляризма характеризуется смещением фокуса религиозной дискуссии с традиционных форм в сторону различных вариаций новой религиозности, одной из которых является «культ идентичности», представленный наиболее явно в пространстве социальных сетей.

Средством систематизации и таргетирования контента в социальных сетях служат так называемые «хэштеги», ключевые слова, с помощью которых пользователи могут искать материалы по интересующим их те-

мам и единомышленников. Хэштеги позволяют расширять границы своего интереса, однако при этом запускался и обратный процесс. Выделяя определенные ключевые слова, «отбрасывая» те, которые не представляют интереса или злят, алгоритмы социальных сетей помогают пользователям создавать так называемый «информационный пузырь». И эта технология стала одним из факторов формирования и укрепления современного культа идентичности.

Основополагающим фактором формирования идентичности могли становиться самые разные предметы и темы, от определенных политических взглядов, принадлежности к социальным, в том числе религиозным, группам, до увлечения литературным произведением, музыкальной группой или необычным хобби. Во многом при помощи социальных сетей происходит фетишизация идентичности, влекущая за собой парадокс признания. Находя большое количество единомышленников и наблюдая за харизматичными авторами тематического контента, пользователь социальных сетей приходит к убеждению в собственной уникальности, основанной на принадлежности к той или иной «группе идентичности». Это убеждение строится как на непосредственном интересе, так и на выстраиваемой теми же алгоритмами социальных сетей контрадикции «свой–чужой».

Еще одним важным фактором формирования новой социально-религиозной парадигмы, связанной с идентичностью, является интерсекциональность. В основе явления лежит сочетание различных характеристик, формирующих «уникальный опыт» пограничных «идентичностей», который в виду своей исключительности не может подвергаться ни унифицированному изучению, ни критике, ни апроприации, а потому единственным способ утверждения легитимности того или иного опыта становится признание. Подобный подход роднит данное социальное явление с религиозным опытом, позволяя использовать термин «культ», применительно к манифестации идентичности.

Данное явление, кроме того, характеризует наличие так называемых «тайнств», процедур, необходимых для причисления человека к числу адептов того или иного культа. Самым важным в процессе присоединения к движению становится самоидентификация в форме соответствующего перформатива. Представления о себе и публичного объявления себя представителем той или иной идентичности оказывается достаточно для обретения соответствующего статуса и формирования реальности. В своем новейшем проявлении культ идентичности вновь сталкивается с парадоксом восприятия. Процесс установления идентичности через перформатив вступает в противоречие с запретом на культурную апроприацию, что порождает обширную дискуссию в социальных сетях на тему того, где лежат границы самоидентификации, и насколько изначальная принадлежность определенной социальной,

религиозной или расовой группе превосходит право принятия той или иной идентичности.

Однако одной «закрытой» уникальности для формирования этого вида новой религиозности недостаточно. Парадокс культа идентичности заключается в обусловленной массовостью социальных сетей потребности к универсализации. Уникальные особенности и увлечения не могут оставаться замкнутыми в рамках информационного пузыря. Адепты культа идентичности стремятся к всеобщему принятию и признанию, формируя тем самым особый этический дискурс.

Литература:

1. Подосокорский Н. Н. Мягкая сила ТикТока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. Т.18. №2. С.117-146.

2. Coppa, Francesca. A Brief History of Media Fandom // Helleksen, Karen; Busse, Kristina (eds.). Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet. McFarland, 2006. P.41. ISBN 0-7864-2640-3.

Шахнович Марианна Михайловна

д-р филос. наук; профессор,

заведующий кафедрой философии религии и религиоведения

Санкт-Петербургский государственный университет

Эпикуреизм и стоицизм в нравоучительной повести

И. И. Запольского «Обманутый мудрец» (1798 г.)

В 1798 г. в двадцатой книжке журнала «Приятное и полезное препровождение времени», издаваемом в Москве под редакцией В. С. Подшивалова и С. А. Сохацкого (издатели — Х. Ридигер и Х. Клаудий), была опубликована повесть адъюнкта прикладной физики и математики Казанского университета Ивана Ипатьевича Запольского (1773-1810) «Обманутый мудрец». Главный герой повести Эраст, выбрав в молодости в качестве морального ориентира вульгарно понятное эпикурейское учение о чувственных удовольствиях, в зрелости пришел к стоическому пониманию добродетели, но в конце жизни обратился к Богу. Вымышленная история Эраста была лишь развернутой метафорой духовного поиска и предлогом, позволившем автору высказать свои собственные суждения о значении наследия античной нравственной философии: «Ничто столько не приходило в упадок, как нравственная философия со времен Аристотелевых» (1, с.86). Критикуя попытки Декарта, Лейбница и Вольфа найти средний путь между моралью эпикуреизма и стоицизма, Запольский восхищался этикой Канта, который «счастье почитает следствием нравственности, а не нравственность следствием к счастью» (1, с.90).

Выпускник Московского университета, И. И. Запольский сам «имел претензию слыть философом» (3, с.84) и в 1804 г. подготовил докторскую диссертацию «De summo bono» («О высшем благе»). Она была одобрена Дерптским университетом и представлена в Министерство народного образования. Его интерес к философскому осмыслению морали возник еще в годы учебы в Киевской духовной Академии и углубился в студенческие годы под влиянием лекций по нравственной философии профессора Московского университета И. М. Шадена, увлеченного идеями Канта и передавшего эту увлеченность своим ученикам. И. И. Запольский посвятил статью «Оптимизм мира» значению учения Канта о чистой нравственности для современного человека, вышедшую в 1798 г. в девятнадцатом выпуске того же журнала — «Приятное и полезное препровождение времени». Любопытно, что двумя годами ранее, в 1796 г., в двенадцатом выпуске журнала князь Петр Иванович Шаликов опубликовал статью, прославлявшую Эпикура, в которой писал, что его учение было извращено и до сих пор многими осуждается, так как основатель философии Сада «открыл хитрости академиков, ребячество диалектиков и суетность стоиков» (2, с.380). Вполне возможно, что Запольский имел ввиду и статью Шаликова, когда писал, что Эпикура «многие защищают» (1, с.86). Запольский призывал «буйных вольнодумцев», сторонников эпикурейской этики, следующих только разуму, согласиться «с Кантом и Религией... Добродетель ваша возведет вас на верх благополучия и проводит в гроб!» (1, с.91). Скрытая полемика Запольского с Шаликовым отражает резко противоположные мнения о значении эпикуреизма и стоицизма, существовавшие в русском образованном обществе той эпохи (4, с.214–222), которая проявлялась на страницах литературных журналов.

Литература:

1. Запольский И. И. Обманутый мудрец // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 20. М.: тип. Московского университета. 1798. С.68-92.
 2. Шаликов П. И. Эпикур // Приятное и полезное препровождение времени. Ч.12. М.: тип. Московского университета. 1796. С.380-382.
 3. Аксаков С. Т. Воспоминания. Семейная хроника. М.: Директ медиа. 2014. — 162 с.
 4. Шахнович М. М. Сад Эпикура. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб: СПбГУ, 2002. — 284 с.
- РНФ № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII - XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре»

Ширинкин Федор Олегович
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Апостол Павел в работах современных марксистов: универсализм, субъектность, Истина

Двадцатый первый век знаменуется поворотом к работам апостола Павла среди философов, ориентированных на марксизм. Такие мыслители, как Алан Бадью и Славой Жижек, рассматривают Павла как ключевую фигуру для осмысления революционной субъективности и универсальности. Его послания и идеи становятся инструментом анализа современных политических реалий и новым инструментарием идеологической борьбы.

Алан Бадью, в своей работе «Апостол Павел. Обоснование универсализма», подчеркивает, что Павел предлагает радикальную концепцию субъективности, основанную на идее «события» — момента, который принципиально изменяет статус субъекта. Для Бадью, апостол Павел обнаружил, что субъектность возникает именно в процессе декларации «события» (2, с.8). Событие, по Бадью, является тем, что разрывает привычное течение жизни и открывает пространство для новой истины, которую можно осмыслить и реализовать только через верность событию. И именно Павел понял, что истина не принадлежит ни одной нации или группе людей, но является универсальной, или же «избавил истину от воздействия сообщества» (2, с.8). Это проявляется в его учении о том, что христианская истина — не вопрос принадлежности к иудейскому или языческому миру, а акт веры, который открывает путь к новому бытию.

Славой Жижек рассматривает апостола Павла через призму идеологической критики и теории субъективности. В его книге «Монструозность Христа», написанной в полемике с Джоном Милбанком, Жижек также обращает внимание на преодоление партикулярности, замкнутости на этнических корнях или национальной идентичности (3, с.530).

Джорджо Агамбен в своей работе «Оставшееся время» исследует апостола Павла с точки зрения эсхатологического времени. Агамбен рассматривает термины *klesis-Veruf* с целью выявить, как «эсхатологическое безразличие» Павла обратилось в концепцию призвания-профессии у Лютера (1, с.34). Агамбен ставит вопрос: А как понятие призвания, которое Павел использует в посланиях, перешло из своего первичного, апокалиптического контекста в новое значение в протестантской этике? Для Павла призвание означает не привязанность к какому-либо социальному статусу или роли, но радикальное отстране-

ние от них в ожидании конца времён. Однако с течением времени, особенно через Лютера, это понятие трансформировалось в протестантское понимание профессии и повседневной деятельности как выражения божественного призвания, что переориентировало его с эсхатологии на земное существование.

Современные марксисты видят в апостоле Павле ключевую фигуру, через которую можно переосмыслить универсальность и субъективность. Работы Бадью, Жижека и Агамбена предлагают новые способы осмысления политических и философских вопросов через призму христианской теологии. Павел становится важен как пример субъекта, который выходит за рамки традиционной идентичности, отказываясь от фиксированных социальных и этнических категорий ради универсальной истины, которая касается каждого, независимо от его происхождения.

Литература:

1. Агамбен Д. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 144 с.

2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.-СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 1999. — 95 с.

3. Жижек С., Милбанк Дж. Монструозность Христа. М.: РИПОЛ классик, 2022. — 544 с.

Работа выполнена за счет государственного задания НИЦ «Курчатовский институт»

«ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ»

РНФ № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности:
междисциплинарное исследование»

материалы круглого стола

Аверина Екатерина Александровна
старший преподаватель
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Языковые нормы описания проблематики инвалидности в нормативном дискурсе

Тематика политкорректности неразрывно связана с языковыми нормами, отраженными в нормативно-правовых документах различных уровней.

Условной точкой отсчета развития практики по преодолению дискриминации в отношении людей с инвалидностью на мировом уровне можно считать деятельность ООН в середине прошлого века.

В Декларации о правах инвалидов 1975 года устанавливается, что инвалиды должны быть «защищены от любых видов регламентации и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер» (1), что определяет необходимость использования политкорректного языка. Однако в ряде документов, на которые должно ориентироваться мировое сообщество наблюдаются противоречия в терминологии, отражающие сложности в преодолении дискриминаций в отношении людей с инвалидностью. Однако, несмотря на это, в языке нормативных документов фиксируются изменения содержательных характеристик базового понятия инвалид, свидетельствующие о переходе от медицинской модели инвалидности к социальной. При этом важно отметить, что в русскоязычных версиях международных документов используется термин «инвалид» вероятно, как более привычный для российской практики.

В российской языковой практике нормативных документов также происходят изменения, хотя и менее очевидные. Так в период существования СССР в нормативных документах использовались понятия: «инвалид», «слепой» и «глухой», а сам факт инвалидизации связывался с возможностью трудоустройства. Однако долгое время сам термин инвалид не воспринимался как дискриминационный. Лишь с конца 90-х годов XX века начата дискуссия о некорректности и дискриминационном характере понятия инвалид, которой переводится как неполноценный и замене его такими понятиями как человек с ограниченными возможностями и в дальнейшем с ограниченными возможностями здоровья. Однако в нормативных документах понятие ограниченных возможностей здоровья появляется в ФЗ «Об образовании» (2) в 2012 году после ратификации Конвенции ООН, актуализируя его лишь в контексте образования, что не всегда связано с инвалидностью, поскольку не все особенности психологического развития приводят к инвалидности по существующим критериям. Однако на уровне бытового языка данные понятия используются как равные, что приводит к путанице.

Необходимо отметить, что отдельные изменения нормативно-правовых актов находят отражения в повседневных языковых практиках. Так, закон о повышении статуса русского жестового языка 2012 (3) года закрепил его как полноценную лингвистическую систему, что за 10 лет привело к изменению наименования профессии с сурдопереводчика на переводчика РЖЯ, что может свидетельствовать о смене фокуса внимания с факта ограничения здоровья на возможность коммуникации.

Таким образом, можно отметить, что существующие нормативно-правовые документы фиксируют постепенное изменение организации жизни людей с инвалидностью в сторону выравнивания возможностей, однако четкой направленности с проявлениями дискриминации на уровне использования языка в данных документах нет. Можно говорить об использовании традиционных понятий инвалид и инвалидность, содержательное изменение которых постепенно меняет практики организации жизни, но их восприятие и интерпретация населением требует отдельного изучения.

Литература:

1. Конвенция о правах инвалидов. Официальный сайт ООН // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Дата обращения: 26.06.2024)
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. КонсультантПлюс. Он-лайн версия // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (Дата обращения: 26.06.2024)

3. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. N 296-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Информационно-правовое обеспечение Гарант // URL: <https://base.garant.ru/70291470/>
РНФ № 23-28-01488 «Функциональная политкорректность проблематики инвалидности: взаимосвязь технологий, языка и общественного восприятия»

Ветютнев Юрий Юрьевич

канд. юрид. наук; доцент

Волгоградский государственный университет

О коммуникативном опосредовании правовых ценностей

Правовые ценности могут рассматриваться как результат определенной деятельности, прежде всего признания и общения.

Конституирование чего-либо в качестве правовой ценности происходит именно в том случае, если по этому поводу достигается хотя бы приблизительный консенсус. При этом, учитывая сложность социальной структуры современного общества, трудно представить себе такое согласие как спонтанное, более вероятно, что оно является результатом проектирования.

Ценности не являются делом индивидуального и даже коллективного произвола, а лишь точкой пересечения типичных траекторий жизненного выбора, сводимых воедино в ходе длящейся intersubъективной деятельности.

Далее, для приобретения собственно правового качества ценности должны получить еще и особого рода текстуальное оформление, требующее предварительного волеизъявления народа или любого заменяющего его субъекта.

Иначе говоря, если пользоваться терминологией Г. П. Щедровицкого, схема организации практики аксиогенеза предполагает совершение нескольких видов деятельности, итоги которых необходимо объединить в виде интегративного «текста речи-мысли».

При этом, вероятнее всего, деятельностная трактовка этого процесса неизбежно выводит нас за пределы специально-юридического знания, поскольку организация деятельности никоим образом не зависит от дисциплинарного деления научного дискурса, а в каждом случае отсылает к более сложному социокультурному референту.

Ценность как речевая конструкция рождается в ходе такой деятельности, как коммуникация, и в особенности публичная риторика (красноречие).

Монологические и диалогические риторические формы позволяют переработать социальные ожидания и устремления в относительно устойчивые концептуальные схемы. Произнести ценность – значит произвести ценность.

Эффект узнавания ценностей достигается только в коммуникативном процессе через интенсивную вербальную активность.

В качестве базовой ценности для риторической практики выступает общение.

Эту идею в различных вариациях можно обнаружить в концепциях А. В. Полякова и И. Л. Честнова. Так, А. В. Поляков обосновывает коммуникативность как общее свойство правовых ценностей, основываясь на их психологическом действии.

Юридическая деятельность и правовые ценности образуют подобие герменевтического круга:

– деятельность требует целеполагания, которое ничем иным, кроме ценностей, обеспечено быть не может;

– ничто иное, кроме деятельности, не может выработать тот материал, из которого создается ценность.

Что касается синтеза разрозненных элементов ценности, в том числе правовой, в единое целое, то можно высказать предположение о существовании особой «аксиологической» деятельности если не в самом, то в должном.

Эта деятельность, наиболее приближающаяся по своему содержанию к интеллектуальной, не сводится все же к чистому исследованию или рефлексии, а требует координировать ее с обменными социальными процессами и претворять в сообразные им обучающие формы и словесные конструкции, что предполагает элементы политического и организационного планирования.

В настоящее время обращает на себя внимание тенденция к переустройству на сетевых началах в структуре правовых ценностей.

При сетевой организации правовых ценностей неизбежные конфликты между ними разрешаются по технологии «взвешивания». При всей проблематичности этой идеи, ей, по существу, нет альтернатив, поскольку иерархическая модель ценностей возможна лишь в условиях относительной религиозной или идеологической гомогенности; современное же светское государство неизбежно приходит к сетевому аксиологическому принципу, что отражается в устройстве всей правовой системы и востребует адекватные электронные средства, чем дальше, тем шире — по мере перемещения всех основных социальных процессов в виртуальное пространство.

Коваль Софья Викторовна
канд. филос. наук; старший преподаватель
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Этико-правовые дискуссии об абортах в современной философии права

Один из самых острых этико-правовых дилемм в философии права являются дебаты об абортах. Эти дебаты касаются двух главных групп: «За жизнь» (Pro-Life) и «За выбор» (Pro-Choice). Сторонники Pro-Life выступают против аборт, обычно придерживаясь консервативных взглядов и поддерживая Республиканскую партию. Сторонники Pro-Choice отстаивают право женщин на аборт, часто придерживаясь либеральных позиций и поддерживая Демократическую партию. Однако позиции по абортам варьируются в широком спектре: от полного запрета до разрешения в определённых условиях, таких как угроза жизни матери или беременность вследствие насилия.

Правовой контекст аборт в США связан с решением по делу «Роу против Уэйда» 1973 года, которое признало право на аборт на федеральном уровне. Однако это решение вызывало сильное сопротивление среди консерваторов. В 2022 году Верховный суд отменил прецедент Роу в деле «Доббс против Организации женского здоровья Джексона», что дало возможность штатам самим регулировать аборт. Это решение отражает победу оригиналистской судебной философии, которая отрицает интерпретацию права на аборт как части личной автономии и права на частную жизнь, утверждая, что аборт не защищены Конституцией США.

Моральные споры вокруг аборт также имеют разные подходы. Философ Джудит Томсон (1) утверждает, что право плода на жизнь не превосходит право женщины на телесную автономию. В своём мысленном эксперименте она показывает, что женщина не обязана поддерживать жизнь плода, если это нарушает её собственные права. В то же время Джон Финнис (2) придерживается противоположного мнения: он считает, что плод с момента зачатия является личностью (person) и должен быть защищён как любой другой человек.

Крайние взгляды в дебатах затрагивают такие темы, как «послеродовой аборт» и эвтаназия новорожденных. Эти идеи, как в статье философов Альберто Джубилини и Франчески Минервы (3), вызывают огромные споры и шокируют общественность. Они утверждают, что моральный статус новорожденного не отличается от статуса плода, и если аборт

разрешён, то те же основания могут оправдать и убийство новорождённого. Эти обсуждения, особенно с участием таких философов, как Питер Сингер (4), который отстаивает радикальные взгляды на права эмбрионов и новорождённых, подчеркивают, что аборт остается одной из самых сложных моральных и этических проблем современности.

Литература:

1. Томсон Д. Д. В защиту абортов // Этическая мысль 2017. Т.17. №2. С.125–142.
2. Finnis, J. Abortion is Unconstitutional (<https://www.firstthings.com/article/2021/04/abortion-is-unconstitutional>, accessed on 01.10.2024).
3. Giubilini, A., Minerva, F. «After-birth abortion: why should the baby live?» // Journal of Medical Ethics, 2013, Vol.39, pp.261-263.
4. Singer, P. Practical Ethics, New York: Cambridge University Press, 2011.

Копанева Валерия Андреевна
преподаватель

Волгоградский государственный медицинский университет

Солидарность как ценностный эффект социального признания

Общество представляет собой интегративную систему, отдельные элементы которой соединяются друг с другом в единое целое посредством социального признания. Аналогичным образом устроена любая социальная подсистема, например, социальная группа или институт.

Одной из универсальных ценностей человеческой культуры является коммуникация, предполагающая выстраивание социальных отношений, которые носят длящийся характер. Однако довольно часто можно наблюдать разобщенность между индивидами или краткость социальных связей, которая препятствуют долгосрочной совместной деятельности. Актуализируется вопрос о механизме признания, который является недостаточно разработанным и прозрачным для того, чтобы в полной мере осуществлять его на практике для построения такого вида коммуникации, как традиция.

Социальные институты представляют собой результат преобразований практик социального признания в факты социальной признанности, когда признание приобретает рутинизированный характер и не требует непрерывного возобновления, а осуществляется уже на уровне традиционного действия.

В отношении институтов действует такая форма признания, как легитимация, специфика которой состоит в оценке явлений, обладающих

первичной легализацией на уровне социальных норм или процедур, с точки зрения их признания в контексте социальных ценностей.

Признание института отражает его смысл, позволяет раскрыть его, объективно существующий, но не актуализированный, пока признание не произошло. На примере такого института, как государство, можно видеть, что его полноценный международно-правовой статус возникает только тогда, когда его признают другие государства. В данном случае важна совокупная воля других государств, которая наделяет государство этим статусом, т. е. проявит потенциальный смысл его суверенности.

Институт как объект признания носит сложный характер, то есть состоит из значительного числа элементов, между которыми выстраиваются многообразные связи. В этом случае сам процесс перехода к признанности носит дробящийся характер хотя бы постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы сопоставить эти части между собой и соединить их в общую картину.

Артикулированность институционального признания предполагает, что участник социального взаимодействия словесно выражает то, что он видит, и обосновывает это. Поэтому скрытое признание не функционально, потому что не делают смысл данного института известным для индивида или коллектива и, следовательно, не имеют социальных последствий.

Институты, в свою очередь, опосредуют свободу: реализовать свою свободу воли возможно лишь при том условии, что уже имело место социальное признание, как минимум, в юридической форме наделяния правоспособностью, то есть возможностью быть носителем прав и обязанностей и дееспособностью, то есть возможностью фактически осуществлять и приобретать их своими действиями. Рамки социальной свободы определяются исходя из того, в каких сферах и в каком качестве лицо получает социальное признание.

Отсутствие социального признания является одной из причин состояния, именуемого отчуждением, т. е. нарушения социальных связей, смыслоутраты, при которой те или иные институты продолжают существовать, хотя не находят себе не субъективного, не объективного обоснования.

Напротив, ценностным эффектом состоявшегося социального признания является солидарность — такое состояние общества в целом или его отдельных институтов, при котором все участники взаимодействия разделяют единые поведенческие установки, что, в свою очередь, способствует дальнейшему закреплению социального признания на основе общих ценностных ориентаций.

Осветимская Ия Ильинична

канд. юрид. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Семантика, онтология и эпистемология ценностей:

КОГНИТИВИЗМ И НОНКОГНИТИВИЗМ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Доклад посвящен проблеме значения, природы и обоснования моральных понятий и суждений (ценностей). Демонстрируются отличия в рамках двух подходов к решению указанных проблем: когнитивизма и нонкогнитивизма.

Нонкогнитивизм впервые появился на сцене как довольно резко очерченная альтернатива преобладающим когнитивистским представлениям о моральном дискурсе. Однако, по мере своего развития, он стал более утонченным и утратил былой резкий контраст с реалистическими позициями. Основные негативные тезисы стали смягчаться. Например, утверждение о том, что моральные суждения не имеют описательного значения, превратилось в утверждение о том, что любые такие значения являются вторичными. Утверждение, что моральные суждения не могут быть истинными или ложными, превратилось в утверждение, что они могут быть истинными или ложными только в минимальном или дефляционном смысле.

Б. Рассел, например, утверждал, что в мире существует множество фактов, которые остаются фактами, независимо от того, что человек о них думает. Существуют также убеждения, которые ссылаются на факты. Таким образом, факты либо истинны, либо ложны. А философия, если она практикуется как этическая дисциплина, может направить наше исследование по пути к пониманию мира. Философия способна вдохновить людей на активное стремление улучшить мир. Рассел довольно решительно утверждал, что не существует эффективных средств достижения моральных истин, и их нельзя познать с помощью логики или даже опыта. Но он предположил, что мы достигаем морального знания с помощью интуиции. Люди обладают «встроенной» способностью различать моральные факты и отличать добро от зла. Таким образом, мы сразу распознаем добро и зло и можем сохранять веру в реальность подлинных моральных правил.

Каждый из описанных эпистемологических вариантов претендует на свое превосходство, но, представляется, что при отсутствии одного из них цели познания, в том числе в правовой сфере, не смогут быть осуществлены. Объясняется это тем, что духовная реальность включает в себя наряду с когнитивными также и некоторые некогнитивные элемен-

ты. С одной стороны, можно констатировать наличие «чистых нравственных законов», которые «совершенно a priori ... определяют все наше поведение», «повелевают безусловно и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях». «Универсальность, автономность, категоричность, безразличие к желаниям и склонностям индивида — эти свойства нравственного закона исключают его «эмпирическое» происхождение и заставляют искать его источник в чистом разуме». Так, моральный императив у И. Канта становится «знанием о должном». Однако, при этом императив не может существовать вне психики субъектов, вне интенциональности сознания. Поэтому моральное сознание может быть одновременно и автономно от интересов и склонностей индивидов, но вместе с тем оно не свободно от психики. Ценностные суждения могут иметь как фактический, так и нормативный компонент.

Эпистемологический скептицизм относительно возможности познания абсолютных ценностей характерен для юридического позитивизма и правового реализма. Непозитивистский тезис о необходимой связи права и морали опирается в свою очередь на моральный когнитивизм. Коммуникативная же теория права, используя междисциплинарный подход, демонстрирует, что семантика, онтология и эпистемология моральных суждений базируется на универсальном принципе взаимного признания, который является и универсальным моральным императивом (самоочевидной истиной), помогающим выживать в этом мире, и верифицируемым фактом (подтверждаемым нейронаучными исследованиями).

РНФ № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование»

Поляков Андрей Васильевич

д-р юрид. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Право на признание и традиционные ценности

Авторская концепция понимания права в его многообразных связях с человеком и с окружающим его миром, включает описание этих связей и выявление необходимости поддержания тех из них, которые вытекают из его (права) природы, и без следования которым человек перестает быть человеком. Данная цель не может быть достигнута без обращения к истокам морали и к проблематике ценностей, а также без обращения к проблемам правовой аксиологии и правовой антропологии.

Аргументируется позиция, согласно которой традиционные ценности, в том числе российские традиционные духовно-нравственные ценности, являются ценностями традиционными не в силу своего возраста, т. е. стажа пребывания в сознании россиян, а в силу своей универсальной и необходимой значимости для благополучного существования каждого человека в отдельности и любого общества в целом. Все они связаны между собой и имеют общий источник происхождения. Те ценности, которые такой значимостью не обладают, можно, несмотря на их стаж, рассматривать как тупиковое ответвление от жизнеспособного пути эволюционного и традиционного развития ценностей, морали и права.

Основой для такого понимания ценностей является то, что философы называют «бытием в коммуникации». Существовая в коммуникации с другими людьми, человек призван, сознательно или бессознательно, отказаться от существования в качестве изолированного Я, т. е. он призван к признанию Я Другого (других людей, включая создаваемые ими институты). В основе возможности такого признания находится то сродство, имеющее место между всеми людьми, которое позволило состояться самой коммуникации как встречи двух Я. Такое признание, будучи не только результатом фактического опыта успешного взаимодействия, но и универсальным моральным требованием, порождает правовую личность, ответственного субъекта, обладающего в силу этого достоинством и изначальными правами и обязанностями (в том числе, моральными), вытекающими из «бытия в коммуникации».

Признание высшей ценностью человеческой личности и ее достоинства исключает насилие как инструмент, регулирующий отношения между участниками коммуникации, но допускает правовое принуждение к следованию праву в случае его нарушения. Делается вывод о том, что именно право, рационально, морально и ценностно обоснованное, должно рассматриваться как главная культурная и цивилизационная скрепа современного общества. А это означает, что, принимая взаимное признание за основу человеческой культуры, мы одновременно должны признавать как автономию человека, выражаемую, в том числе, в его неотъемлемых правах, так и межчеловеческую солидарность, которая проявляется в моральных и правовых обязанностях по отношению друг к другу и к правовому государству. Право на признание собственной правосубъектности, наряду с обязанностью признавать правосубъектность всех других людей и порождаемых ими институтов, находится также в центре данного проекта.

РНФ № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование»

Спирин Тихон Викторович
аспирант

Волгоградский государственный университет

Основания традиционных ценностей в условиях постсекулярного общества

В Российской Федерации фиксируется активное обсуждение традиционных духовных ценностей, что связано, в числе прочего, с интерпретациями указа «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей». Субъекты, поддерживающие традиционные ценности, зачастую обращаются к религиозным аргументам, что не случайно, т.к. религия, как минимум, создает эффект устойчивого фундамента для выстраивания ясного политического дискурса. Ясно сформулированные бинарные оппозиции позволяют различать добро-зло, свое-чужое и т. д.

Обращение в государственной политике РФ к «традиционным ценностям», консолидация общества вокруг них, и отношения к этому проекту как к противостоянию чужим ценностям, содержание которых описывается в негативной форме, обладает возможностью увеличения культурной и политической силы; что подтверждается историей XX века. Влиятельное движение «христианских правых» в США появилось во времена «культурных войн», в центре которых были вопросы традиционной семьи, аборт, нравственности в публичной сфере. Консервативные христиане проводили политику по возрождению духовно-нравственных ценностей и смогли повлиять на президентские выборы 1980 г., приведя к победе Р. Рейгана и Республиканскую партию.

Заметим, что в Российской Федерации появилась идея «традиционных религий», которые, как заявляется, обеспечивают основания традиционных ценностей. Но такие основания противоречивы, т.к., очевидно, что, скажем, иудаизм и буддизм несовместимы, как и, например, ислам и христианство, т.к. это совершенно разные системы, в рамках которых отношение к другим религиям выработано как отношение к заблуждениям. Но, с другой стороны, это явное следствие эклектичности современной культуры, т.е. синтезирование идей из разных идеологий и направлений, что стало возможно благодаря культурным проектам постмодернизма и постсекуляризма.

В данном случае описанная практика направлена на решение вполне прикладных задач: определение статуса семьи, отношение к абортам и т. д. Но в ситуации многоконфессиональности необходимо, с целью стабилизации общества, выделить те валюативные предпочтения,

которые характерны для всей совокупности религиозных традиций, формально относящихся к одной культуре.

Проект поиска общих ценностей и определение их как традиционных позволяет говорить о появлении гражданской религии, но, в таком случае, представление о целостной этической системе невозможно, т.к. секулярная часть общества будет не согласна с религиозными основаниями этических требований, а религиозная часть так же не будет согласна, потому что религии как таковой не существует. Выходом из такой ситуации может служить разработка постсекулярной этики, т.е. такой этики, которая будет согласовываться как с секулярными, так и с религиозными проектами, и обладать основаниями, связанными с общественным благом. Таким образом, проект традиционных ценностей, с учетом внутренних противоречий, на данный момент нуждается в пересмотре оснований, которые необходимо начать с обращения к дескриптивным нормам культуры, т.к. обнаружение их оснований позволит как снять имеющиеся противоречия, так и объективно рассматривать этический потенциал личности в современных реалиях.

Тимошина Елена Владимировна

д-р юрид. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Ценности в судебной аргументации

Аксиоматическое положение современной конституционной доктрины состоит в том, что от ценностей при судебном контроле прав человека некуда деться — в сложных случаях нет такой аргументации, которая не ссылалась бы на ценности (Мальманн, 2008: 79). При этом методы работы судьи с ценностями часто герметичны и заслуживают упрек в иррациональности. При отсутствии воспроизводимой методологии решения органов конституционного и конвенционного контроля обладают силой *res judicata*, а, следовательно, установленный ими баланс ценностей, даже если он заменяет баланс, найденный законодателем, является применительно к данному и аналогичным делам окончательным, несмотря на дефекты аргументации или даже ее отсутствие, что может влиять на легитимность и действенность решения, но не влияет на его юридическую действительность.

Право несвободно от ценностей — они так или иначе получают воплощение в позитивном праве, обладающем свойствами действительности и действенности. От судьи требуется понимание ценностей, имплицитно содержащихся в нормах (Булыгин, 2016: 170). В связи с этим может быть проведено различие между объективными и субъективными

ценностями в праве. Акт поведения обладает объективной положительной ценностью в правовом порядке, когда он соответствует юридически действительной норме или принципу права, отрицательной — когда не соответствует. Субъективная ценность акта поведения определяется его соотношением с направленным на него желанием или волей индивидов — в зависимости от того, соответствует акт поведения этой воле или нет, он обладает положительной или отрицательной ценностью (Кельзен, 2015: 32–34). Отсюда следует, что, устраняя необходимость соотнесения поведения с нормами и принципами, за которыми стоят выраженные законодателем ценности, судьи вверяются логике исключительно субъективных ценностей, устанавливая ценность акта поведения в зависимости от степени его соответствия предмету его собственных этических устремлений, воли и желания — полагаемой ими ценности.

Неопосредованное нормами права применение судами ценностей — проблема, которую ставил К. Шмитт в своем эссе «Тирания ценностей» (1960). Эта «тирания» осуществляется действующими от имени ценностей судами, притом что законодатель есть единственный субъект, кто уполномочен устанавливать ценности, опосредуя их предсказуемыми и исполнимыми правилами закона (Schmitt, 2011: 54). Ценности уже выражены законодателем, задача судьи-интерпретатора состоит в их выявлении, но не в их установлении, навязывании или жонглировании ими. Критикуемая Шмиттом «тирания ценностей» обозначает ситуацию, когда судья, не считаясь с ценностным выбором законодателя, ценностями социального контекста, создает ценности и произвольно передвигает их по шкале ценностей.

Такой способ обращения суда с ценностями может быть продемонстрирован на примере практики ЕСПЧ. Суд выработал инструменты, позволяющие ему преодолевать «узость» формулировок Конвенции, — прежде всего концепцию эволютивного толкования, в рамках которой Конвенция рассматривается как «живой инструмент», что санкционирует ее толкование «в свете условий сегодняшнего дня», т. е. на основе полагаемых Судом действующими в текущий момент моральных стандартов. Данная концепция позволяет Суду утверждать, что считавшееся нормальным во время разработки Конвенции, впоследствии может оказаться несовместимым с ней. К таким эволюционирующим концептам Суд относит, например, понятие семьи. На основе аргумента к изменениям в системе ценностей Суд все более расширяет его первоначальное значение, определенное в Конвенции как союз мужчины и женщины.

Литература:

1. Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. СПб.: Алет-Пресс, 2016.

2. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
3. Мальманн М. Теория ценностей и практика конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №6. С.76–80.
4. Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. Berlin: Duncker & Humblot, 2011.
РНФ № 23-28-00973 «Догма публичного права в условиях постглобализации»

Тихонова Софья Владимировна

д-р филос. наук; профессор, старший научный сотрудник
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского;
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Российская коммуникативная теория права: аксиология субъекта

Российская коммуникативная теория права, разработанная А. В. Поляковым, представляет собой эссенциалистскую теорию, ядром которой является ответ на вопрос «что такое право?». На первом уровне теории раскрываются трансцендентальные основания правовой коммуникации, предшествующие ее конкретным актам в смысле онтологического факта. Здесь интеллектуально-когнитивные аспекты права связываются с эмоционально-аксиологическими, их единство раскрывается в правовом признании. Во-первых, взаимное признание трактуется как изначальный коммуникативный акт, отличающий человека от иных существ. Во-вторых, на этом уровне коммуникативная теория права утверждает естественное право как ядро человеческой коммуникации и основу социальной солидарности. Во-третьих, концепция правового признания дает коммуникативной теории права метафизическую глубину, связывая ее напрямую с духовным поиском дореволюционной русской правовой мысли. В-четвертых, она намечает экзистенциальную перспективу, связанную с усилением гуманистического начала в правовом развитии.

На втором уровне поиск ответа на исходный вопрос выходит за трансцендентальные рамки в область реальных интеракций. Возможная предметная область их анализа задается через коммуникативно-интерпретативную парадигму, очерчивающую границы понимания природы социального. На ее платформе осуществляется процедура феноменологической редукции, обращенная в сторону социальных оснований юридической догматики. Полученный в итоге эйдетический смысл права позволяет понимать правовое как социальное без потери его

сущностной специфики, через понятие правомочия формулируя понятия коммуникации, из которого далее выводятся основные категории теории права. Двухуровневая коммуникативная теория права А. В. Полякова не только интегрирует различные типы правопонимания, но и надежно связывает философию права с теорией права.

Западная коммуникативная теория права выявляет элементы коммуникативного действия, связанные с правовыми нормами, для того, чтобы объяснить развитие базовых видов автономии права, и обосновать плодотворность развития европейского права в начале XXI в. на основе интенсификации правовой науки (доктрины).

Сравнение российской и западной версий коммуникативной теории права показывает, их принципиальные различия в контексте оценке роли субъекта. В центре коммуникативной концепции права А. В. Полякова находится человек с точки зрения морального измерения его бытия (при этом все моральные принципы объединены в принципе взаимного правового признания), тогда как западная коммуникативная концепция права сосредоточена на обезличенных институтах и процессах. На этом основании российская коммуникативная теория права может рассматриваться как автономный аксиологический проект, утверждающий человека как высшую ценность.

Тонков Евгений Никандрович

канд. юрид. наук; доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления

Ценность правового реализма для транзитивного общества

Реалистическое мировоззрение предоставляет исследователям возможность изучить правопорядок в комплексе переплетающихся нормативных систем, основанных на значительном количестве источников права. Концепция правового реализма актуализирует ценности, поддерживаемые ветвями современной публичной власти, к которым, помимо исполнительной, судебной, законодательной — сегодня следует отнести также религиозную, партийную, президентскую и институты гражданского общества, включающие негосударственные средства массовой информации.

Изменение формы государственного устройства в 1917 году с неизбежностью потребовало преодоления социальных догм Российской Империи и традиций дореволюционного права, создания новых источников советской нормативности. В процессе радикального изменения

правопорядка большевиками и их последователями были укоренены ценностные паттерны, в том числе, институты диктатуры пролетариата, военного коммунизма, красного террора, внесудебного насильственного перераспределения собственности. Классическое юридическое образование для правоприменителей на некоторое время перестало быть обязательным, что с неизбежностью отразилось на формировании ценностных дискурсов в праве.

Строители коммунизма, разочаровавшись в действенности марксистских идей на российской почве, продолжили юридическую историю буржуазного общества, но уже в его государственно-монополистической форме. Способность философов на протяжении одного века несколько раз изменять ценностные подходы — требует междисциплинарного концептуального анализа. Во всех транзитивных обществах постулируется модель «особого пути» в соответствии с цивилизационными характеристиками конкретной территории и населения. Транзитивность каждого из пятнадцати государств, возникших в парадигме распада социалистической правовой семьи, имеет не только экономические, но и ценностные особенности.

Смена устоявшихся социокультурных констант, вызванная новыми идеологемами, привела к дискретности правовой реальности, обострила чувство социальной дезориентации. Мы вынуждены давать философско-правовую оценку новым формам неправомерного поведения, которые в последние годы приобретают стереотипный характер, становятся квазинормами. Релятивизация ценностных установок и постсоветский тип правосознания способствуют фундированию силы (физической, административной, финансовой и пр.) в качестве основного инструмента переходных периодов.

Акторы силы, действующие от имени ветвей власти (в развернутом варианте классификации), конструирует выгодные для своих референтных групп правовые ценности, навязывают их подконтрольному населению для реализации собственных целей. Интенции правотворцев в философско-правовом смысле не изменились за последний век: инициаторы и лоббисты новаций стремятся усилить свой институциональный статус, увеличить доход референтной группы, ограничить права экономических и политических конкурентов. Признание права в качестве нормативного регулятора человеческой деятельности неоспоримо, его социальная ценность создает условия для консолидации человеческих усилий в целях совместного выживания и сохранения приемлемого уровня жизни. Концепция правового реализма предоставляет адекватную методологию, позволяющую не только понимать структуру, содержание и сущность правопорядка, но и оказывать эффективное воздействие на него.

«ПРОФЕССИЯ ОФИЦЕРА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ|»

материалы круглого стола

Банина Ярослава Вадимовна

обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция войны и насилия в работах В. С. Соловьева и Ж. де Местра: опыт сравнительного анализа

В XXI в. значительно возрос исследовательский интерес к проблематике насилия, войны и военных действий, что во многом обуславливается современной политической ситуацией на международной арене. В связи с этим представляется интересным рассмотреть взгляды В. С. Соловьева и Ж. де Местра по вопросам войны и насилия.

Основные направления ретроспективного диалога Соловьева и де Местра следует рассматривать начиная с вопроса о самой природе зла в мире. В этом отношении позиции мыслителей сходятся: они оба признают, что Бог творцом зла быть не может. В свою очередь, и де Местр, и Соловьев обосновывают происхождение зла через несовершенство человека при наличии у него свободы воли в выборе добра и зла.

Взгляды обоих мыслителей на внутрисударственное насилие вытекают из их позиций по вопросу о природе зла: так, де Местр, в силу того, что считает греховную природу человека наследственной и неотвратимой, настаивает на радикальных мерах наказания, в то время как Соловьев исходит из позиции того, что основной задачей является лишь до определенной степени ограничить свободу зла.

Рассмотрение Ж. де Местром вопроса о войне органично встраивается в его общую концепцию насилия: он отмечает, что война представляет собой также форму наказания, но уже в масштабах целого народа. Война есть результат способов воздаяния за неискупленные преступления. Можно проследить, что Соловьев и де Местр расходятся именно в вопросе о цели войны, при этом каждый из них находит аргументы в ее оправдание. Если Соловьев в качестве основной цели выделяет достижение всемирной теократии, то де Местр проводит линию воздаяния за грехи, которая прослеживается на протяжении всей его

апологии насилия. Так, В.С. Соловьев и Ж. де Местр используют различные подходы к политико-философскому осмыслению данного явления. Если Соловьев рассматривает феномен войны по большей части через призму исторического процесса и признает ее скорее как необходимость, при этом выражая надежду в будущем положить конец войнам, то де Местр преподносит войну как одно из средств наказания людей, что делает войны нескончаемыми.

Структурной частью апологии войны Соловьева и де Местра является вопрос о воинской обязанности и нравственных качествах солдата. В «Оправдании добра» русский философ вводит тезис о том, что участие солдата в войне является нравственным долгом гражданина. В «Трех разговорах» русский мыслитель также уделяет внимание образу солдата, затрагивая аспекты внутренних этических чувств воинов, а также их внешнюю моральную оценку со стороны простых людей. Так, в первом разговоре Генерал рассуждает о внутреннем духовном содержании военной службы, при этом выражая крайнее огорчение тем, что в современном ему обществе этот феномен кардинально переосмысляется и тем самым ставится под сомнение сама ценность воинской обязанности. В свою очередь де Местр в «Санкт-Петербургских вечерах» обращает внимание на то, что люди положительно оценивают профессию военного, считая ее благородной.

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что взгляды В. С. Соловьева и Ж. де Местра не являются жестко противопоставленными. Имея схожее мнение в фундаментальном вопросе о природе и причине возникновения зла, они тем не менее расходятся в вопросах о степени и способах применения насилия внутри страны (как со стороны государства, так и со стороны народа), а также о смысле войны и военных действий.

Голубев Виктор Викторович
обучающийся бакалавриата
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Платоновская апория мудрого мужества в «Лахете» и «Протагоре»: постановка проблемы и попытка ее решения

Моральная составляющая философии Платона традиционно не относится исследователями к наиболее влиятельным в современном мире системам нравственной мысли: говоря об этике как о полноценной дисциплине, рассказ принято начинать с Аристотеля (и связывается это не только с его формальным статусом «отца этики»), с ним же прежде

всего ассоциируется этика добродетели. Несмотря на то, что уже у Платона мы находим многие решения, к которым впоследствии обращались этические мыслители, несистемность и порой запутанность изложения его нравственной теории осложняет понимание его идей, и, следовательно, признание их важности. В свою очередь это показывает значимость изучения поставленных Платоном проблем и предложенных им решений для развития в том числе современной нормативной теории. На партикулярное рассмотрение одной из таких проблем и будет направлен настоящий доклад.

Апоретический диалог Платона «Лахет» в конвенциональном прочтении предлагает читателю рассуждение о классической античной добродетели, мужестве (*andreia*). В ходе небольшой беседы герои ставят вопрос о ценности бытия мужественным, после чего производят попытки определения этого понятия, каждая из которых признается неудачной. Этот диалог обычно не воспринимается как содержательно очень насыщенный, однако и в нем можно отыскать несколько значимых для всей платоновской этики тем.

Одна из поднимаемых Платоном проблем, апория мудрого мужества, сформулированная Сократом в связи с его критикой последнего лахетовского определения, ставит под сомнение возможность совмещения мужества (значит и добродетели вообще) со знанием (La. 193a-d). При этом уже при критике следующего определения мужества в «Лахете», данного Никием, Платон как будто забывает об этой апории, после чего не возвращается к ней полноценно ни в одном диалоге. Однако в «Протагоре» он называет мужеством знание (не-) страшного в совокупности с искусством измерения (В. В. — сравнения) (Prt. 356d-360d), что оправданно приводит в замешательство многих исследователей. В качестве положительного разрешения этого противоречия ими предлагаются в том числе такие варианты: 1) взгляды Платона, как и он сам, развивались, и следовательно противоречие вызвано сменой или развитием его взглядов (3, s.108; 4, s.29), 2) в «Протагоре» Сократ не выражает мнение Платона, поэтому противоречие не возникает (5, pp. 656-657), 3) Платон при постановке и решении указанной проблемы обращается к разным эпистемическим понятиям, и значит в «Лахете» и «Протагоре» он пишет о разных вещах (1, с.228-229; 5, pp.646-647).

К сожалению, эти предположения не кажутся сколь-либо убедительными, в связи с чем в настоящем докладе будет предложена новая интерпретация рассматриваемых мест в указанных диалогах. Она позволит увидеть в «Протагоре» не необоснованный отказ от разрешения апории осведомленного мужества, а ее решение, заключающееся в изменении не столько содержательном, сколько формальном, а именно

том, как Платон предлагает воспринимать предмет добродетели — дихотомически или континуально.

Отдельно в докладе будет отмечено то, как Платон, возвращаясь в «Федоне» к теме соединения добродетели и знания, связанного с ее предметом, отказывается от «протагоровского» решения рассматриваемой апории.

Литература:

1. Платон. Диалоги «Лисид» и «Лакет» / исслед., пер. и коммент. Р.Б. Галанина и Р.В. Светлова. 2-е изд., испр. СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. С.272.
2. Платон. Протагор / Собрание сочинений в четырех томах / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: изд-во «Мысль», 1990. Т.1. С.418-476.
3. Meister R. Thema und Ergebnis des platonischen Laches // Wiener Studien. 1921. Bd.42. S.103-114.
4. Pohlenz M. Aus Platos Werdezeit: Philologische Untersuchungen. Berlin: Weidmann, 1913. S.428.
5. Yonezawa S. Socratic Courage in Plato's Socratic Dialogues // British Journal for the History of Philosophy. 2012. Vol.20. No4. P.645-665.

Гончаров Валерий Валерьевич
канд. ист. наук; доцент, заведующий кафедрой
Гуманитарно-технический колледж «Знание»

Дроны как «машины жертвоприношения»: этические вопросы взаимодействия человека и машины в эпоху экранных боевых действий

Процесс перехода от конвенциональных войн, основанных на модели аристотелевской этики добродетели, к боевым действиям с использованием автономных роботизированных систем породил множество этических дилемм. Одной из них является применение боевых дронов в вооруженных конфликтах и появление трудовой функции пилота и ее философском осмыслении.

Этические вопросы обучения операторов дронов в эпоху экранных боевых действий («On-Screen Warfare») приводят нас к пониманию, что интерфейс больше не физический разделитель двух способов существования на реальный и виртуальный мир. Экран является основным местом биологической оцифровки. При наблюдении во время боевого применения дронов жертва на экране больше не кажется человеком, она визуализируется и сводится к пиксельному, нечеткому изображению, напоминающему силуэты насекомых, когда их прижимают шлепком руки к плоской поверхности (англ. «bugsplat»).

С одной стороны, пространственное расстояние защищает оператора дрона от вражеского огня, с другой — эмоциональное сопереживание жертве во время наблюдения подвергает его эмоциональным затратам при последующем убийстве, ведь оператору «машины жертвоприношения» приходится в течение продолжительного времени вести наблюдение жертвы и часто ее семьи. Опыт применения беспилотных систем показывает, что моральная дилемма заключается в формирующемся представлении о жертвах как о «лишних предметах», «насекомых». «Инсектизация» войны и новая этика профессии проявляется в зарождающихся технологиях управления роем беспилотных аппаратов и нового осмысления роли человека в этом процессе, стремлении снизить эмоциональные барьеры.

Этические вопросы взаимодействия человека и машины в эпоху экранных боевых действий могут быть дополнительно рассмотрены с позиции развития технологий обучения операторов дронов. Использование образовательных платформ как площадок для военной подготовки, освоение передовых беспилотных технологий гражданскими лицами, тренинги на понимание полетной информации и динамический мониторинг психофизиологического состояния оператора формируют специальности и направления обучения, где вопросы этики необходимо заново переосмыслить и сформировать площадку для дальнейшей дискуссии.

Этические вопросы взаимодействия человека и машины требуют внимания к оператору беспилотного летательного аппарата как к моральному агенту, вовлеченному в процесс «жертвоприношения». Повышение боевых возможностей дронов, внедрение технологий машинного зрения и искусственного интеллекта устанавливает повышенные требования к обеспечению взаимодействия человека и машины с позиций прикладной этики. Предлагаемый доклад основан на материалах прошедшего весной этого года круглого стола в «Институте социальной стратегии» Тюбингенского университета с участием экспертов из разных стран.

Иваненко Алексей Игоревич

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

Этика войны в «Махабхарате»

Рефлексия относительно нравственного поведения в условиях войны заботила человека на протяжении долгого периода истории. Здесь можно выделить три позиции: пацифизм, милитаризм и концепция справедливой войны.

Распространенной позицией является пацифизм как отрицание войны в любом ее проявлении, поскольку она сопровождается крайне негативными явлениями, такими как страдания, убийства и разорения.

Противоположную позицию, оправдывающую войну, можно обозначить как милитаризм. Здесь акцент ставится на том, что война закаляет дух и позволяет проявиться таким моральным качествам как мужество, справедливость, мудрость и умеренность.

Переходную и самую распространенную позицию занимает концепция справедливой войны, которая разделяет войны на допустимые и недопустимые. Широко распространено представление, согласно которому оборонительная война справедлива, а захватническая — несправедлива. Хотя здесь возможен широкий диапазон толкований. Известно представление Аристотеля о том, что военные походы по захвату рабов вполне справедливы, поскольку они приобщают варваров к греческой цивилизации.

Обратимся к рефлексии относительно нравственного поведения в условиях войны в индийском эпосе «Махабхарата». Интересно, что индийская философия через призму гандизма и буддизма обычно воспринимается как пацифистская. Действительно, индийская цивилизация обладала крайне низкой экспансивностью по сравнению с европейской или ближневосточной.

Тем не менее, эпос «Махабхарата» содержит описание междоусобной войны между двумя родственными кланами, потомками царя Бхараты, которые сошлись в сражении на поле Курукшетра.

В философско-этическом плане содержательна та часть «Махабхараты», которая называется «Бхагавад-Гита» и описывает диалог между Арджуной и Кришной накануне сражения.

Вначале озвучивается пацифистская позиция. Арджуна имел намерение уклониться от битвы с воинами царя Дурьодханы, поскольку не воспринимал их как своих врагов. Его переполняло чувство сострадания («крипая»), а в будущем он предвидел, что смерть противника не принесет ему радость. «Как мы можем быть счастливы, убивая наших близких?», вопрошает Арджуна (Гл.1, текст 36). Он даже вполне готов в духе более поздних традиций буддийского аскетизма и христианской святости пожертвовать собой, чтобы уклониться от предстоящих убийств: «Пусть лучше сыновья Дхритараштры с оружием в руках убьют меня на поле боя, безоружного и не сопротивляющегося» (Гл.1, текст 45).

Далее следует аргументация Кришны. Если их интерпретировать в этико-философском ключе, то сострадание к врагам и угрызения совести из-за возможных убийств трактуется как отсутствие мудрости, которая призвана господствовать над страстями. Кроме того, в чередова-

нии жизни и смерти существует определенная закономерность, которая не отменяется фактом уклонения от сражения: «Тот, кто родился, непременно умрет» (Гл.2, текст 27).

Далее Кришна замечает, что человеческое общество дифференцировано и среди людей есть те, чей долг («карма») защищать других (кшатрии). Если человек уклонится от исполнения своего долга, то он совершит преступление и за заслужит позор. Любопытно, что здесь верность долгу почти в кантовском смысле комбинируется юмовской теорией нравственного чувства, когда угрызениям совести противопоставляется позор как форма морального дискомфорта. Однако идея долга у Кришны все же преобладает: «Сражайся ради сражения» (Гл.2, текст 38).

Поскольку человек не способен переломить закономерность, то борьба с ней будет демонстрировать отсутствие мудрости.

Текст «Махабхараты» обозначает этическую дилемму между долгом и состраданием, но не решает ее. Позиция Кришны коррелирует с философией стоицизма, которую характеризует фатализм, а этика заключается в контроле над страстями и культивировании добродетелей умеренности. В диалоге верх одерживает Кришна, однако его позицию можно назвать уязвимой, так как сострадание также может оказаться долгом.

Тебякина Елена Евгеньевна

канд. филос. наук; доцент

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А. В. Хрулева

Моральная ответственность офицера в мире ИИ: меньше или больше?

Современный нам мир уже невозможно представить без использования информационных средств и систем в различных сферах как общественной, так и личной жизни человека. Однако, вместе с новыми технологиями возникают и новые морально-этические проблемы, связанные с их использованием и внедрением. И одной из наиболее значимых этических проблем, связанной с феноменом искусственного интеллекта (ИИ) и возможностями его применения в различных сферах общественного бытия являются его возможности и особенности функционирования в сфере военной, которая всегда отличалась особой остротой морально-этических вопросов. Стремительное внедрение технологий ИИ в военной сфере, с одной стороны, продиктовано современной технологической ситуацией, в которой уже невозможно ве-

сти боевые действия без подобных технических средств, а, с другой, огромным массивом информационных данных, которые обрушиваются как на обычного гражданского человека, так и на офицера и командира, который обязан учесть огромное количество факторов (как конкретной боевой ситуации, так и общих, глобальных, международных военно-политических задач) для принятия решения. Но, в таком случае возникают даже не одни, а целых два уровня морально-этической дилеммы при принятии офицером решения, основанного на взаимодействии с искусственным интеллектом. Первый уровень этической проблемы искусственного интеллекта в военной сфере связан с вопросом — снимет ли использование ИИ ответственность с офицера при принятии решения или увеличит её объём? Смогут ли технологии искусственного интеллекта освободить командира от моральной ответственности за принятое решение, благодаря возможности ещё большего отчуждения его от реальных результатов ратного труда, как это уже сделали дальноточное огнестрельное оружие и БПЛА или наоборот увеличат её, поскольку, увеличивая фактор объективности, позволят учесть больше вариантов и возможностей разрешения военной ситуации, а, значит, и увеличат объём от последствий этих решений? Второй уровень морально-этической проблематики с использованием технологий ИИ связан со степенью их внедрения в военную практику. Так, следует задаться вопросом — на каком уровне принятия военного решения допустимо использование ИИ? Возможно ли как в Шанхае создать искусственного полководца, ответственного за проведения всей военной компании в целом или это будет предметно ориентированная система, созданная для решения боевой задачи на конкретном уровне, при котором командиру будет представлен ряд вариантов решения и ему останется только выбрать. А также насколько допустимо передавать ИИ функции контроля и принятия решений или же оставить за ним право помощника только при анализе боевой ситуации, обработки данных и выработки вариантов её исхода?

Шавеко Николай Александрович

канд. юрид. наук; старший научный сотрудник

Уральское отделение Российской академии наук, Удмуртский филиал

Философия справедливой войны:

альтернативы западноточичному подходу

Последние 50 лет на Западе наблюдается второе рождение теории справедливой войны. Данная теория принадлежит к западной философской традиции, причём значительную роль в её разработке приняли

христианские средневековые теологи. Однако, более полный анализ всемирной истории учений о справедливых и несправедливых войнах подразумевает учет не только западной христианской традиции, но также и иных философских традиций.

Между тем, обращение к другим традициям показывает, что — по крайней мере, на сегодняшний момент — незападные традиции не вступают в кардинальное противоречие с западной, а лишь иначе составляют акценты. Многие моральные принципы, которые существуют в древнеиндийской, древнекитайской, еврейской, исламской традициях, по сути совпадают с теми принципами справедливой войны, которые разработаны на Западе.

Сказанное не означает, что перечисленные традиции тождественны. Отличия имеются, но на разных этапах истории они разные. Есть три сферы, где различные философские традиции могут вступать в противоречие сегодня.

Первая сфера — это принцип правого дела, отвечающий на вопрос о том, когда допустимо начинать войны. В западной литературе этот принцип осмысливается через права человека и доктрину «Обязанность защищать». Однако, например, в исламском мире правое дело рассматривается зачастую в контексте защиты религии.

Аналогично встает вопрос, какими средствами должна вестись война. С одной стороны, у нас есть Женевские конвенции, защищающие гражданское население и объекты мирной инфраструктуры. С другой стороны, сегодня моральные дискурсы разворачиваются относительно «объектов двойного назначения». И здесь в исламской юриспруденции существует длительная традиция обоснования исключений из принципа различения, которая традиция может вступать в противоречие с типичными для Запада взглядами.

Наконец, третья сфера касается принципа легитимности. В современных условиях, когда суверенитет государств всё чаще ставится под сомнение, а войны приобретают гибридный, асимметричный и прокси-характер, важно определить то моральное значение, которое следует придавать решениям официальных властей. И здесь также различные философские традиции могут предлагать различные решения.

Общий вывод состоит в том, что относительное невнимание к западным философским традициям осмысления войн является недостатком современной литературы. Однако нельзя впадать и в противоположную крайность, отвергая всё западное как «чуждое», а также релятивизируя принципы справедливой войны. Незападные традиции — это не альтернатива, а дополнение к западной. В современном мире дальнейшее развитие все эти традиции должны получать в рамках общепланетарного дискурса.

Литература:

1. Blankinship Kh. Y. Parity of Muslim and Western Concepts of Just War // The Muslim World. 2011, №101(3)
2. Broyde M. J. Fighting the war and the peace: battlefield ethics, peace talks, treaties and pacifism in the Jewish tradition // War and its discontents: pacifism and quietism in the Abrahamic traditions. Ed. by Burns J. P. Washington D. C., 1996.
3. Clooney F. X. Pain but Not Harm: Some Classical Resources toward a Hindu Just War Theory // Just War in Comparative Perspective./ Ed. by Robinson P. Farnham, 2003.
4. Walzer M. War and peace in Jewish tradition // The ethics of war and peace. Religious and secular perspectives. Ed. by Nardin T. Princeton, 1996.
5. Al-Dawoody A. The Islamic law of war: justifications and regulations. New York, 2011.
6. Иванов А. В. Этика справедливой войны в китайском «военном каноне» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции, Благовещенск — Хэйхэ, 22-23 мая 2017 года. Вып.7. Благовещенск-Хэйхэ, 2017. Проект № 23-075-67362-1-0409-000410. Грант в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития

Шаманский Андрей Михайлович
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева

Моральные вызовы офицерскому составу в условиях СВО

В связи с увеличением штатной численности ВС РФ до двух миллионов, а также с продолжающейся специальной военной операцией, перед армией начинает остро вставать вопрос пополнения и восполнения людских ресурсов. Правительство использует различные пути для решения данного вопроса, от активной агитации добровольцев и использования добровольческих отрядов, до вербовки заключённых с последующем амнистированием их нарушений для привлечения в ряды военнослужащих.

Последнее стало возможным благодаря изменениям, внесенным в Уголовный кодекс в связи с ФЗ от 23 марта 2024 г. №61-ФЗ, подписанным президентом Российской Федерации. Стоит отметить, что этот федеральный закон стал следствием имеющейся практики привлечения заключённых к военной структуре.

Поступление таких людей в личный состав военнослужащих не только способствует решению проблемы «кадрового голода», но, с другой

стороны, увеличивает напряжённость внутри воинских коллективов, а также несёт за собой определенные трудности для офицерского состава. Требуется проводить дополнительные занятия по военно-политической работе, увеличивать контроль, а также жёстко пресекать нарушения воинской дисциплины вследствие особенностей поступающего контингента военнослужащих.

Большую угрозу несёт диссоциализация данных элементов относительно воинского социума, относительно сложившихся воинских коллективов, что может привести к двум последствиям: отторжение индивида социумом, либо раскалывание социума на несколько враждующих сторон, что недопустимо в условиях военных действий.

Такая ситуация ставит офицерский состав перед важной моральной дилеммой, заключающей в себе определение приемлемой степени воздействия на подчинённых для их включения в воинский социум. Хотя воинские уставы регламентируют возможное воздействие на подчинённых, однако часто не удаётся следовать букве закона, находясь непосредственно на линии соприкосновения с противником.

Ещё большей опасностью могут представлять из себя данные военнослужащие, вернувшиеся после проведения военной операции в гражданскую жизнь. Опыт пребывания в местах временного лишения свободы, проведения военных действий, посттравматические синдромы, амнистия за совершённые преступления может образовать уродливое сочетание — героев войны/бывших заключённых, что способно привести к очернению образа военнослужащих и романтизации преступников.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сегодня в условиях СВО на плечи офицерского состава возлагается не только задача по формированию воинского коллектива, но и по перевоспитанию части личного состава, для предотвращения возможной социальной катастрофы.

«ЭТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ: ОТ ЗАКОНОВ АЗИМОВА ДО ТЕХНИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ»

материалы круглого стола

Алексеева Ирина Юрьевна

д-р филос. наук; доцент, научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Этика искусственного агента как часть этики ИИ

В первом десятилетии XXI века в междисциплинарных исследованиях, относящихся к развитию цифровых технологий, стали употреблять такие выражения как «машинная этика» («machine ethics») и «этичная машина» («ethical machine»). Дж. Мур, известный работами в области компьютерной этики, поставил вопрос о возможности и необходимости расширения области этического регулирования за пределы множества людей, создающих и использующих компьютерную технику, – на создаваемые людьми интеллектуальные машины (1). При этом на первый план была выдвинута идея «эксплицитного этического агента» («explicit ethical agent»), способного в случае возникновения этических дилемм использовать этические принципы для выбора наилучшего решения.

Следует отметить, что гораздо ранее образ «эксплицитного этического агента» был представлен в фантастике Айзека Азимова. Его знаменитые «три закона робототехники» являются, по сути, этическими принципами, встроенными в интеллект машины. Азимов же дал драматическое описание ситуаций, когда машина не может предпринять действия, которое соответствовало бы этому, весьма компактному, набору простых (на первый взгляд) предписаний. Что касается людей, то они, в силу тех или иных обстоятельств, нарушают веления нравственности, даже признавая правомерность этих велений. Невозможность предвидеть все последствия собственных действий, ситуации, когда разные обязательства вступают в противоречие друг с другом – все это порождает нравственные коллизии, когда выбор той или иной линии поведения во многом зависит от воли человека.

Сегодня вопросы «машинной этики» рассматриваются не как дополнение к компьютерной этике, а как часть более широкой проблематики этики искусственного интеллекта. Последняя охватывает как вопросы поведения и деятельности людей, создающих и использующих искусственные интеллектуальные системы (ИИС), так и вопросы поведения искусственных интеллектуальных систем – прежде всего, автономных. Эти два вида вопросов тесно связаны друг с другом. Закономерным образом такие разработчики автономных ИИС как В.Э. Карпов (2; 3), принимают во внимание не только второй, но и первый из упомянутых видов вопросов.

Возможности создания «технотронных проекций» нравственных норм и принципов, которыми могла бы руководствоваться автономная ИИС как искусственный моральный агент, весьма разнообразны. Однако, поскольку техника создается человеком для нужд человека, этика практически используемых ИИС должна быть служебной этикой. Принятие такого подхода не только ограничивает круг возможных вариантов, но и создает предпосылки для углубленной разработки выбранных.

Литература:

1. Moor, J. H. The Nature, Importance, and Difficulty of Machine Ethics // IEEE Intelligent Systems. 2006. 21(4). 18–21
2. Леушина В.В., Карпов В.Э. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях // Философия и общество. 2022. №3. С.124–140.
3. Карпов В.Э., Готовцев П.В., Ройзензон Г.В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. №2. С.84–105.

Выменец Максим Юрьевич
независимый исследователь

Этические риски искусственного интеллекта

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы ставит перед человечеством ряд серьезных этических вопросов, требующих глубокого анализа. Нет существенных оснований полагать, что темпы развития ИИ замедлятся в обозримом будущем. Но даже если предположить, что это так, влияние ИИ-технологий на общество уже сопоставимо с воздействием Интернета. Однако, несмотря на огромные ресурсы, направляемые на развитие ИИ, этическим аспектам и потенциальным рискам уделяется недостаточно внимания.

В докладе будет предложен анализ этических рисков ИИ. Будут рассмотрены краткосрочные и долгосрочные перспективы (при этом «долгосрочные» в контексте ИИ может означать всего 4–6 лет), проблемы

злоупотребления ИИ людьми, риски непреднамеренных происшествий, а также философский аспект возможности создания самосознающих существ. Особое внимание уделяется долгосрочным рискам непреднамеренных происшествий, которые могут нести экзистенциальную угрозу (то есть, глобально и перманентно навредить человечеству).

Ведущие мировые эксперты по ИИ, такие как Стюарт Рассел (1) и Джеффри Хинтон (2), выражают серьезную обеспокоенность потенциальными глобальными и необратимыми последствиями развития ИИ. Их аргументы подчеркивают необходимость более тщательной работы над смягчением долгосрочных рисков ИИ. Возникает закономерный вопрос: стоит ли человечеству столь стремительно нестись вперед, не уделяя должного внимания возможным последствиям?

Цель доклада – обосновать необходимость более глубокого осмысления этических аспектов развития ИИ и призвать к более ответственному подходу в разработке и внедрении ИИ-технологий, обратить внимание на важность разработки и внедрения эффективных механизмов регуляции в области ИИ. Рассматриваемые этические риски ИИ носят глобальный характер и требуют международного сотрудничества для их эффективного решения, что ставит вопрос о создании наднациональных механизмов регулирования развития ИИ. Предлагается критически оценить текущий баланс между технологическим прогрессом и этическими соображениями для обеспечения безопасного и благоприятного будущего человечества.

Литература:

1. Bohannon J. Fears of an AI pioneer // *Science*. 2015. V.349. №.6245. P.252.

2. Pelley S. «Godfather of Artificial Intelligence» Geoffrey Hinton on the promise, risks of advanced AI // *The Guardian*. 2024. 16 June. (Электронный ресурс). URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/02/ai-much-to-offer-humanity-could-wreak-terrible-harm-must-be-controlled> (Дата обращения: 22.09.2024)

Карпов Валерий Эдуардович

д-р техн. наук; начальник лаборатории

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

Законы робототехники:

о чем на самом деле говорил Азимов

Законы робототехники Азимова (Asimov, 1940) — это одна из самых обсуждаемых тем в изучении взаимоотношений автономных/интеллектуальных систем (АИС) и человека. Сегодня ссылка на за-

коны робототехники — это уже неотъемлемый атрибут дискуссий и выступлений по вопросам ИИ, особенно при обсуждении этических аспектов ИИ. Несмотря на популярность этой темы, в докладе обсуждаются некоторые не столь очевидные аспекты Законов и показывается, что:

1. Азимов писал о противоречиях этих законов.

2. То, о чем писал Азимов в рассказе «Хоровод» — это не о Законах робототехники как таковых, а об эмоциях.

3. В этих законах имеется ряд сугубо технических проблем, не решенных до сих пор.

4. Законы Азимова имеют тесную связь с вопросами этики АИС.

Законы нельзя понимать буквально. Законы — это повод задуматься о противоречивости и неработоспособности жесткой системы императивов, когда мы имеем дело с реальным, динамическим, недетерминированным, сложным, слабоформализуемым миром; о роли эмоций; о том, насколько подробно или, напротив, общезначимо следует ставить задачи для АИС.

Азимов ставит принципиально глубокий вопрос о моральной агентности робота. Оставаясь в современной парадигме создания интеллектуальных (когнитивных) архитектур систем управления (СУ), мы можем говорить о том, что робот может быть полноценным моральным агентом, (см., например, (Parthemore, Whitby, 2013) или (Karpov, 2020)). Но это будет «обычный» моральный агент, совсем не тот, о котором говорил Азимов. Обычный моральный агент принципиально ограничен и ситуативен при принятии решений. Абсолютная агентная моральность невозможна в силу того, что для этого необходимо просчитывать все возможные последствия действий и оценивать их с точки зрения морали, а это нереализуемо технически. В условиях реального горизонта планирования оценок последствий, мы имеем естественно ограниченного морального агента. Кроме того, это не разрешает проблем коллизий при выборе морального решения. Иными словами, моральный агент по образу и подобию человека может быть создан, но у Азимова как раз не об этом.

Другой нерешенной технической проблемой, которая требует серьезного исследования как с технической, так и с философской стороны, является реализация этических императивов не в виде компонента надстройки СУ, а определение их на базовом уровне. Как создать адекватно функционирующего робота, у которого моральные в человеческом понимании императивы выполняются рефлекторно, — открытый вопрос. Если же создать робота, который руководствуется такими принципами на базовом уровне архитектуры, но при этом система останется функциональной, то мы столкнемся с ситуацией, когда у агента будет совсем нечеловеческая мораль со всеми вытекающими гуманитарными и социальными последствиями.

Азимовские Законы — это повод к новым исследованиям. Так, в рассказе «Улика» автор рассматривает вопрос разрешения коллизий Законов и находит вариант их разрешения: «(Робот) сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием — нарушить букву Первого Закона, чтобы остаться верным его духу». На самом деле, Азимов сумел здесь изящно обойти вопрос наличия у робота чувства вины. При этом с технической точки зрения, наличие такого чувства у «обычного», не азимовского робота оказывается необходимым. Для робота как морального агента требуется механизм оценки моральности его поведения (эти механизмы удобно называть совестью, чувством вины и т.п.). При этом роль чувства вины сводится к реализации процедуры поощрения/наказания, определения штрафных воздействий и прочих оценочных механизмов, требуемых для процедуры обучения АИС. Вместе с тем, роботы Азимова, будучи моральными агентами, обходятся без чувства вины, без обучения в смысле определения моральных последствий своих действий.

Литература:

1. Asimov I. Robbie (Strange Playfellow) // Super Science Stories. Fictioneers, Inc., 1940.

2. Karpov V.E. Can a robot be a moral agent? // Artificial Intelligence. Lecture Notes in Artificial Intelligence (LNAI). 18th Russian Conference, RCAI 2020, Moscow, Russia, October 10–16, 2020, Proceedings / под ред. С.О. Kuznetsov, А.И. Panov, К.С. Yakovlev.: Springer, 2020. С.61–70.

3. Parthemore J., Whitby B. What makes any agent a moral agent? Reflections on machine consciousness and moral agency // Int. J. Mach. Conscious. 2013. Т.05.

Работа проведена в рамках выполнения государственного задания НИЦ «Курчатовский институт»

Меттини Эмилиано Маврикевич

канд. пед. наук; заведующий кафедрой гуманитарных наук
Российский национальный исследовательский медицинский
университет им. Н.И. Пирогова

Вигель Нарине Липаритовна

д-р филос. наук; доцент, заведующий кафедрой философии
Ростовский государственный медицинский университет

Этические дилеммы искусственного интеллекта: баланс между инновациями и моральной ответственностью

В последние десятилетия искусственный интеллект (ИИ) значительно продвинулся вперед, трансформируя широкий спектр отраслей — от медицины и транспорта до финансов и образования. Однако стремительное развитие и внедрение ИИ также породили множество этических

дилемм, которые требуют тщательного осмысления и взвешенного подхода при принятии решений. Данный доклад направлен на исследование этих этических вызовов, связанных с ИИ, концентрируясь на вопросе нахождения равновесия между технологическими инновациями и моральной ответственностью.

В центре внимания находятся несколько ключевых аспектов, определяющих данные этические дилеммы. Прежде всего, это проблема приватности и защиты данных. ИИ-системы, часто использующие большие объемы персональных данных для обучения и совершенствования, вызывают серьезные опасения по поводу конфиденциальности и возможности несанкционированного доступа к личной информации. Доклад рассматривает, как можно уравновесить необходимость в данных для развития ИИ с правами индивидов на частную жизнь и безопасное использование их личной информации.

Еще один важный аспект — вопросы предвзятости и справедливости. Несмотря на нейтральную природу алгоритмов, они могут наследовать и усугублять существующие предвзятости, которые присутствуют в данных, на которых они обучаются. Это может приводить к дискриминации и несправедливому обращению с различными группами населения. Доклад анализирует методы, которые могут быть использованы для минимизации этих рисков и обеспечения более справедливых и инклюзивных ИИ-систем.

Особое внимание уделяется этическим вопросам, связанным с автоматизацией и заменой человеческого труда. Внедрение ИИ в производство и сферу услуг имеет потенциал для значительного повышения эффективности, но также может привести к потере рабочих мест и социальной неравенству. В этом контексте рассматриваются варианты социальной адаптации, образовательные программы для переподготовки и переобучения сотрудников, а также возможные инновационные схемы, способствующие созданию новой структуры работы и достойного труда.

Кроме того, доклад охватывает вопросы ответственности и подотчетности в использовании ИИ. Ответственность за последствия, вызванные действиями ИИ-систем, часто оказывается размыта между разработчиками, владельцами и операторами таких систем. Обсуждаются механизмы, которые могли бы обеспечить достаточную прозрачность и подотчетность в разработке и использовании ИИ, а также юридические и нормативные рамки, необходимые для регулирования этой области.

Также анализируются этические соображения, касающиеся автономного оружия и применения ИИ в военной сфере. Автономные системы вооружений поднимают серьезные вопросы о гуманитарном праве, значении человеческого контроля и моральной ответственности за действия, совершаемые такими системами.

В заключении доклада подчёркивается необходимость междисциплинарного подхода к решению этических дилемм ИИ, включающего сотрудничество между технологами, этиками, юристами и обществом в целом. Такой подход должен способствовать выработке сбалансированных решений, которые позволят безопасно и эффективно интегрировать ИИ в различные сферы жизни, минимизируя потенциальные риски и негативные последствия.

Эта аннотация подчеркивает, что для обеспечения устойчивого и этически ответственного использования ИИ критически важно разработать и применять комплексные стратегии, которые учитывают как технологические, так и гуманитарные аспекты, способствуют справедливости и уважению прав человека.

Павлова Елена Вячеславовна
аспирант, инженер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема цифровой трансформации ценностей

Цифровая трансформация ценностей представляет собой глубокий сдвиг, обусловленный социально-экономическими явлениями, которые часто приводят к конфликтам между традиционными и формирующимися системами ценностей. По мере трансформации общества влияние цифровизации часто изменяет существующие ценностные ориентации, что может привести к потере их отличительных особенностей в глобальной цифровой экосистеме. Следовательно, это явление поднимает важнейшие вопросы, касающиеся сохранения и эволюции ценностей.

Исследования показывают, что ценности не являются статичными; они эволюционируют в ответ на изменения социальных порядков и глубоко переплетаются с такими факторами, как религия и социально-экономические структуры. Традиционные ценности, определяемые как основной набор убеждений, разделяемых большинством, часто сталкиваются с переосмыслением на фоне наплыва индивидуальных ценностей, обусловленных цифровым взаимодействием. Это противоречие между коллективными и личными ценностями может привести к конфликтам, когда старое и новое борются за актуальность в формировании идентичности и общественных норм. Такие ученые, как Ритцер и Юргенсон, подчеркивают, что подобные конфликты часто усугубляются гомогенизирующей силой глобализации, которая угрожает размыть местные культуры и ценности (Ritzer G., Jurgenson N. Production, consumption, prosumption. The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer' // Journal of consumer culture. 2010. Vol.10. No.1. P.13-36).

Более того, цифровая трансформация порождает этически значимые явления, которые бросают вызов существующим моральным рамкам. Внедрение цифровых технологий влияет на этические аспекты, связанные с неприкосновенностью частной жизни, автономией и владением данными, что зачастую требует интеграции новых цифровых норм в ранее существовавшие системы ценностей. Однако этот процесс сопряжен с неопределенностью. Появление «недружественных» цифровых сервисов и геополитическая напряженность привели к тому, что Интернет перестал быть единым глобальным пространством. Вместо этого возникает феномен локализованных интернет-экосистем, требующий переоценки динамики цифрового гражданства и культурного обмена.

Парадоксально, но в то время как Интернет изначально рассматривался как канал для глобальной связанности, он все больше способствует укреплению локальных идентичностей и защите культурной уникальности, как утверждает Жижек. Переход от глобальных парадигм к локализованным выражениям сообщества подчеркивает критическую переоценку цифрового ландшафта. Этот феномен транслокальности предполагает, что цифровые пространства могут служить как платформой для глобального диалога, так и защитой для местных ценностей, усложняя повествование о культурной эрозии на фоне цифровой интеграции.

В заключение следует отметить, что цифровая трансформация ценностей представляет собой сложное взаимодействие традиций и инноваций, выявляя присутствие им конфликты, которые требуют всестороннего анализа. По мере того, как общество преодолевает двойное давление глобализации и локализации, ученым и практикам необходимо критически исследовать возникающие в результате трансформации ценностей. Признание этой динамики будет иметь решающее значение для сохранения культуры и содействия ее осмысленному участию во все более цифровом мире.

РНФ № 23-28-00220 «Трансформация морального сознания «цифрового общества»: новые стратегии и риски»

Перов Вадим Юрьевич

канд. филос. наук; доцент, заведующий кафедрой этики
Санкт-Петербургский государственный университет

Законы робототехники А. Азимова: этические проблемы и перспективы

При обсуждении этических проблем в сфере искусственного интеллекта с необходимостью возникает вопрос о том, что именно понимается под пресловутым искусственным интеллектом (ИИ). Возникающие

трудности связаны, во-первых, с многообразием существующих в исследовательской литературе, стандартах, регламентах и нормативных документах определений ИИ, во-вторых, с наличием сходных, но различающихся технологий, которые реально соответствуют какому-то из этих определений или только претендуют на то, чтобы называться искусственным интеллектом. Сложившаяся ситуация напоминает «зонтичный бренд» или построение определения понятия ИИ по принципу «семейного сходства» Л. Витгенштейна, когда появление одних существенных признаков сопровождается исчезновением других. Кратко к таким существенным признакам систем ИИ можно отнести: (1) автономность; (2) адаптивность к окружающей среде; (3) самообучение и (4) природо/человекоподобие. Такой перечень во многих случаях вызывает ассоциацию с некими обладающими интеллектом гуманоидными или антропоморфными роботами. В этическом контексте вспоминаются три знаменитых «закона робототехники» А. Азимова. Без упоминания этих трёх законов зачастую не обходятся не только научно-популярные и досужные обсуждения этических вопросов об «умных» роботах, но и научные исследования и регулирующие документы. Такое отношение к этим законам может выглядеть удивительным по следующим основным причинам. Первая область этической критики относится к проблемам самих законов. Во-первых, эти законы не только появились в художественной фантастической литературе (пусть и дополненной словом «научная»), но и сформулированы так, чтобы их можно было обойти, нарушить или они могут дать сбой. Именно на таких возможностях строятся интриги художественных произведений А. Азимова, в чем он сам неоднократно признавался. Во-вторых, многие сюжетные повороты заключаются в том, что зачастую довольно трудно определить и понять, кто такой человек (человечество), в чём состоит что-то благо или вред, а тем более их соотношение, в чем суть отданного роботу приказа и т.д. В-третьих, развитие художественного вымысла привело к тому, что Айзек Азимов создаёт дополнительный «нулевой закон», а другие писатели-фантасты и исследователи в области робототехники существенно увеличивают их количество. В-четвёртых, не следует забывать, что, несмотря на кажущуюся эффективность и привлекательность этих законов, в «мирах А. Азимова» люди постепенно приходят к полному и категорическому запрету на производство и использование «умных» роботов. Вторая область этической критики законов А. Азимова состоит в том, что эти законы адресованы к «умному роботу», который рассматривается как полноценный искусственный моральный агент (ИМА). На сегодняшний день среди специалистов существует практически полный консенсус, что подобного рода ИМА не существуют и вряд ли скоро появятся. Поэтому разрабатываемые реальные «законы робототехники» адресо-

ваны робототехникам, то есть людям. Возникает закономерный вопрос: почему же эти законы по-прежнему пользуются такой популярностью? В качестве главного следует отметить, что они представляют собой уровневые законы, то есть обладают разным удельным весом и выстроены в иерархическом порядке. А это позволяет выстроить предпочтение следования им в зависимости от контекста. При этом сформулированные законы содержательно не редуцируемы друг к другу или к общему основанию. В результате, в зависимости от сложившейся ситуации должен использоваться соответствующий (подходящий к данной ситуации) закон, что выглядит похожим на моральный выбор, совершаемый людьми. Но как раз подобная иерархичность правил и способность «переключаться» между ними в зависимости от контекста является одним из существенных препятствий современных разработок в сфере ИИ. Это порождает предположение, что создаваемые системы ИИ должны различаться по сфере своего функционирования и соответственно существующие способы их этического регулирования.

РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

Ровбо Максим Александрович
научный сотрудник

Леушина Влада Вячеславовна
инженер-исследователь

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

Применение логического вывода и когнитивной карты для внутренней оценки этичности действий коллаборативного робота как морального агента

При построении систем управления коллаборативных роботов (коботы) все чаще используют методы искусственного интеллекта. Главная задача коботов — выполнять совместную работу с человеком, в связи с этим достаточно остро встают вопросы, касающиеся этичности подобных агентов. Чтобы создать эффективное партнёрское человеко-машинное взаимодействие, необходимо учесть психологические и социальные аспекты (таких, как, например, доверие). Оператор, работающий в сложной, динамической, недетерминированной среде (допустим, при патрулировании местности), ожидает от агента адекватное и предсказуемое поведение: принятые роботом решения должны соответствовать представлениям человека о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Для этого робот-партнер должен стать моральным агентом.

В данной работе рассматривается разработка робота-партнера как морального агента, т.е. агента, у которого:

1. Автономный уровень системы управления (далее СУ) определяет т.н. эмоционально-потребностной архитектурой, задающей индивидуальное поведение агента, которое на базовом уровне направлено на удовлетворение его актуальных потребностей.

2. Когнитивный уровень СУ задаётся в виде когнитивной карты, в которую, помимо предметных сущностей, вводятся понятия, определяемые на уровне моральной оценки поведения.

3. Морально-этический модуль представлен формальной моделью некоторого этического учения, отношения и сущности которой соответствуют тем, которые присутствуют в когнитивном уровне робота.

4. Присутствует способность «оправдывать» свое текущее поведение в терминах используемого этического учения. На данном этапе механизм влияния этической онтологии модели мира на эмоционально-потребностный уровень СУ не рассматривается.

Архитектура представленного агента состоит из:

- эмоционально-потребностного блока, отвечающего за автономное поведение агента;
- уровня социального взаимодействия (надстройка свой-чужой);
- морально-этического блока, цель которого – «оправдать» (дать объяснение) поведение агента;
- модуля сигнальной коммуникации.

Коммуникация оператора с роботом-партнером осуществляется при помощи распознавании жестов. В качестве возможных сигналов коммуникации рассматривались такие, как:

- «стоп/спать» — повышает потребность во сне, прерывая другие поведения;
- «фас» — активизирует агрессивное поведение агента даже в отсутствие обычного для этого объекта (противника), вызывая агрессивное поведение по отношению к объекту интереса (нейтральному объекту);
- «убегай» — активизирует поведение бегства, аналогично срабатывает для нейтрального объекта, если нет видимого объекта-опасности;
- «поиск» — активизирует поисковое поведение.

Для тестирования системы в симуляторе Gazebo был создан ряд сценариев, состоящих из динамического окружения и автономно функционирующего робота. Эти сценарии позволяют продемонстрировать разные особенности предлагаемой модели, таких как подражательное поведение, контагиозное поведение, реакция на состояние агента и др.

Морально-этический модуль в данной работе был реализован с помощью логического вывода на когнитивной карте, построенной вручную

для предметной области соответствующих сценариев и возможностей робота. На данный момент оценка этичности действий робота выступит только в роли объяснительного элемента системы управления и не влияет на процесс принятия решений роботом-партнером, однако в последующих этапах развития работы, чтобы повысить доверия к автономной системе со стороны человека, планируется наделить агента подобным свойством.

Работа выполнена за счет государственного задания НИЦ «Курчатовский институт»

Сунами Артем Николаевич
канд. полит. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Проблема предвзятости» искусственного интеллекта: контуры этической дискуссии

Невиданное по объему и динамике внедрение алгоритмов, основанных на искусственном интеллекте, в различные продукты и сервисы, которое мы наблюдаем в последние годы, поднимает комплекс вопросов, в том числе этических, касающихся последствий таких инноваций. Как это обычно бывает в случае, когда некая технология становится одним из драйверов перемен, стремление опередить конкурентов выдвигает на периферию рефлексию возможного «сопутствующего ущерба». Иначе говоря, процесс движется, как это сформулировала Яна Мишич, в логике «менталитета Кремниевой долины «двигайся быстро и ломай все» (1, с.175). Тем не менее, с нарастанием проблем такой подход подвергается все большей критике со стороны академических и политических кругов, в рамках которой уже сформулированы ряд выводов, к числу таковых относится и «проблема предвзятости».

Если коротко сформулировать, проблема предвзятости заключается в следующем: естественный язык, на котором базируется обучение искусственного интеллекта является срезом, охватывающим оцифрованный опыт человечества, включая, в том числе и аспекты, которые для инклюзивного дискурса носят, мягко говоря, сомнительный характер. Главным образом, речь идет о различных дискриминационных практиках, как в виде языка вражды или стереотипа, так и форме не пропорциональной представленности тех или иных социальных групп в исходных данных. Таким образом, существующие, подчас латентные или сознательно скрывающиеся предвзятости находят отражение в логике и результатах работы нейросетей, а иногда усиливаются, расширяются и закрепляются благодаря алгоритмам искусственного интеллекта. В силу уже упомянутого выхода искусственного интеллекта за пределы лабо-

раторий и широкое его использования корпорациями и частными пользователями, проблема предвзятости стала практической издержкой продуктов до степени оформления активистских групп, ориентированных на сознательное провоцирование сервисов на проявление дискриминации с целью дальнейшего предъявления претензий, в том числе и юридически значимых, к разработчикам.

Дискуссия относительно того, что с этим делать, разворачивается вокруг двух основных стратегий. Первая выражается в появлении, фактически, у каждого крупного игрока на рынке продуктов искусственного интеллекта так называемых отделов «по анализу этических последствий». Так, например, компания Open AI, разработчик известного семейства нейросетей GPT, заключает, что «предубеждения, присутствующие в обучающих данных, могут привести к тому, что модели будут генерировать стереотипный или предвзятый контент <...> это вызывает беспокойство, поскольку предвзятость моделей может по-разному навредить людям в соответствующих группах, закрепляя существующие стереотипы» (2, с.38). Вторая стратегия, смещает акцент в сторону существующего политического порядка, в котором укоренены те или иные дискриминации, полагая, что без изменения базовых характеристик социальных интеракций требовать непредвзятости у отдельного сегмента реальности является нереалистичным. Ярким представителем здесь является известный специалист в области искусственного интеллекта и общественный деятель Кейт Кроуфорд, позиция которой такова, что если искусственный интеллект использует классификация для кодирования и закрепления власти или иными словами иерархии и неравенства, радикальным решением проблемы будет исключение классификаций из уравнения (3, с.121-122).

Резюмируя вышесказанное, если первый подход нацелен на ранее прогнозирование и выявление этических последствий на этапе разработки или реализации продукта, второй ориентируется на необходимость радикального изменения общественной структуры как таковой.

Литература:

1. Mišić, J. (2021), Ethics and governance in the digital age, *European View*, 20 (2), pp.175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>
2. Brown, T.B., Mann, B., Ryder, N. et al. (2020), Language Models are Few-Shot Learners, <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>
3. Кроуфорд, К. (2023), Атлас искусственного интеллекта: руководство для будущего, Москва: Издательство АСТ РНФ № 23-28-00220 «Трансформация морального сознания «цифрового общества»: новые стратегии и риски»

Суров Илья Алексеевич

канд. физ.-мат. наук; старший научный сотрудник

Национальный исследовательский университет ИТМО

Антропоморфизм законов Азимова

Правовое регулирование систем искусственного интеллекта (ИИ) — острая проблема современности, решения которой в пределе сходятся к одной из следующих альтернатив (1):

1. ИИ есть объект права наравне с другими видами имущества, инструментов и информационной собственности;

2. ИИ есть субъект права, обладающий некоторой частью прав животных и человека, адаптированных под специфику т. н. «электронной личности».

Сторонники обеих позиций сходятся в том, что ИИ, робототехнические и кибернетические системы должны работать под контролем человека, не причиняя ему вред. Эти тезисы выражены в «законах робототехники» Айзека Азимова, из которых исходят многие сторонники обеих отмеченных альтернатив и которые фактически стали заповедями этического дискурса в области ИИ (2).

В частности, авторитетная аргументация недопустимости рассмотрения ИИ как субъекта права (1) упоминает законы Азимова в качестве минимума, необходимого для обеспечения общественной безопасности. Согласно этому подходу, ИИ как объект права имеет тот же самый правовой статус как подъемный кран, пистолет, лопата, любое другое имущество и инструмент человека. Если это так, то «законы» должны сохранять свой смысл и быть в принципе применимы для всех этих орудий. Например,

– Первый закон: пистолет не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

– Второй закон: пистолет должен повиноваться всем приказам, которые отдаёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

– Третий закон: пистолет должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Нелепость этих предложений показывает, что в отношении отмеченного правового выбора «законы» Азимова не являются нейтральными. Объект — будь то трактор, лопата или камень на дороге — не может «действовать» и «бездействовать», принимать какие-либо решения, «повиноваться» и «причинять вред», что-либо «допускать» и о чём-то «заботиться»; но всё это объект не способен в силу предопределённости своих реакций на любое внешнее воздействие законами физики. То же самое верно для сколь угодно сложного, в том числе «генеративного»

ИИ, любой отклик которого полностью предопределён пользовательским запросом, тренировочными данными и алгоритмом обучения (3).

По этой же причине робот или ИИ не может как-либо «себя вести»; в отличие от человека, его ведёт не собственный внутренний субъект, а жёсткий алгоритм — будь это закон Ньютона или миллиард строк программного кода. Соответственно, ни о каком «поведении» роботов, а тем более о нравственно-этическом регулировании этого «поведения» говорить не приходится; такое регулирование уместно не для роботов и систем ИИ, а для их разработчиков и заказчиков. Неразборчивое использование подобных языковых оборотов — в том числе в различных «кодексах этики» (4) — по умолчанию приписывает ИИ ложное качество (право)субъектности, даже если по оглашению заявляется иное.

Литература:

1. Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 2024.

2. Алимова С.З., Каменская И.Б. Критическая рецепция цикла рассказов Айзека Азимова «Я, робот» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.Б.Каменской. Евпатория, 2019. P.23–26.

3. Surov I.A., Melnikova E.N. Subjectness of Intelligence: Quantum-Theoretic Analysis and Ethical Perspective // Found. Sci. 2024.

4. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта // Человек В Информационном Обществе. 2024. №4. P.43–49.

«СУБЪЕКТ В БИОЭТИКЕ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ»

РНФ №24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике:
философско-практический анализ»

материалы круглого стола

Антипов Алексей Владимирович

канд. филос. наук; научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

Умирание и паллиативная помощь: к вопросу о субъектности

Медикизация смерти и умирания, а также сопутствующий процесс их институционализации приводит к необходимости выделения и осмысления формы субъектности, которая формируется и конституируется в рамках указанных явлений. Появление такой формы становится возможным при реализации двух условий: создание специфического пространства (больницы и, более специализированно, хосписа) и языка описания и констатации смерти. Выстраивание пространства, внутри которого умирание происходит и длится, подчиняется двум наиболее важным целям: отдаление наступления самой смерти и уменьшение страдания умирающего. Переход от смерти как единичного события к процессу, который имеет длительность, изменяет основные характеристики умирающего человека. С одной стороны, он оказывается в рамках, определяемых биотехнологическим подходом к смерти. С другой стороны, у него сохраняется своя индивидуальность, которая меняется в результате необходимости отстаивать свои права и представления о достойной смерти. Расширение этих прав связано с получением контроля над процессом умирания: переход к умиранию как процессу дает возможность поддерживать жизнь неопределенно долго. Формирование субъекта умирающего связано еще и с освоением практик экспертирования себя. Умирающий использует эти практики для того, чтобы определить свои возможности по продлению жизни и облегчению страданий. В условиях массового здравоохранения, которое не всегда может обеспечить достойный уход для каждого, практика экспертиро-

вания себя становится ответом на обезличенное отношение со стороны окружающего медицинского персонала. Эта обезличенная забота осуществляется формально, что лишает индивидуальности каждого пациента. В условиях массового здравоохранения уникальность умирающего ставится под сомнение: он не единственный, а находится среди множества других людей в аналогичном положении. Одним из решений этой проблемы является создание хосписов — специализированных учреждений, предназначенных для пациентов с неблагоприятным прогнозом. В хосписах реализуется паллиативная помощь, которая совмещает в себе как медицинские (менеджмент боли), так и немедицинские (формирование психологически подходящего пространства) аспекты и способы работы. Этика паллиативной помощи выстраивается на создании пространства межличностной коммуникации, в рамках которой человек может лучше понять себя, осознать происходящие с ним процессы, а также получить и принять помощь. Таким образом, в паллиативную помощь вводится экзистенциальный компонент, позволяющий смягчить медикализированное и институционализированное умирание.

Беялетдинов Роман Рифатович

канд. филос. наук; старший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Субъект в биоэтике: индивидуальный и коллективный

Для биоэтики философская концептуализация субъекта не является центральной в силу ее прикладной ориентации и нацеленности на решение практических этических задач, возникающих в результате взаимодействия пациента и врача или исследователя, проводящего биомедицинское испытание с участием человека. Однако интенсивность развития и необходимость социогуманитарной рефлексии биомедицинских технологий ставит философские проблемы субъекта в медицине достаточно остро. Биоэтика существует в обществе, где философские представления о человеке как субъекте вызывают значительный философский интерес. Особенно актуальна эта проблематика становится в тех случаях, когда человек сталкивается с новыми, порождаемыми биотехнологиями этическими и философскими дилеммами.

В историко-философской перспективе теоретическое основание субъектности приходит в медицину из философии, сначала через создание рационального субъекта в философии Просвещения, потом через рефлексию самих практикующих и интересующихся социогуманитарной проблематикой врачей, а затем через превращение автономии в руководящий биоэтический принцип.

В период формирования биоэтики и превращения ее в основную социогуманитарную медицинскую практику, окончательно оформившуюся в конце 1970-х годов, обращение внимания Т. Энгельхардта к уважению свободы как регулятивной intersubъективной идее обозначило нацеленность на разработку концепции субъекта. Основным смыслом рассуждения формировался вокруг проблематизации объективного блага, воплощающего добродетельные интенции врача, но внешние по отношению к пациенту. Возникла необходимость в понимании и презентации субъекта как активного участника биомедицинского исследования. Было невозможно взять за основу кантовскую версию универсального закона, поскольку, основанный на разумности, он не мог соответствовать всем необходимым критериям субъектности в биомедицине (за его пределами оказывались нерациональные субъекты – недееспособные и с ограниченной дееспособностью). Кроме того, возникла потребность в определении процедурной части, которая позволит реализовать субъектность.

Традиционно субъект подвергался и телесным, и интеллектуальным манипуляциям под гарантией добродетельной интенции врача. Отделение автономии от блага восстановления здоровья, от намерения врача происходит на фоне возрастания значения субъектности, меняющего само содержание медицины как добродетели оказания помощи и спасения человеческой жизни через признание активного субъекта, самостоятельно устанавливающего собственное благо, пользуясь критическим мышлением и личным опытом.

Хотя полноценное признание субъекта в биоэтике происходит через приверженность самодетерминации уже в начале XX века, нельзя сказать, что создание биоэтической субъектности можно считать завершенным. Задача доклада состоит в анализе противопоставления коллективного и индивидуального субъекта в биоэтике. Для ее решения рассмотрен генезис концепции субъектности в биоэтике и ее адаптация к современным биомедицинским технологиям.

РНФ №24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ»

Заболотских Ксения Игоревна

канд. филос. наук; доцент

Уральский государственный медицинский университет

Медико-этические аспекты проблемы улучшения человека

В настоящее время можно говорить о стремлении человека преодолеть многие ограничения, в том числе и те, которые связаны с ним самим, его природой. Усовершенствование человека обусловлено развитием медицинских технологий и часто направлено на лечение, улучшение

ние состояния здоровья, однако есть и такие варианты, которые предполагают изменение здорового человека. Больше всего дискуссий сегодня вызывают трансформации человека, связанные с применением генных технологий, а также воздействием на сознание человека, его когнитивные способности.

Этические дилеммы в современных вариантах усовершенствования человека, возникают в связи с целями «улучшения», спецификой применения технологий, воздействующих на человека. Опасения вызывают у исследователей также последствия расширения возможностей человека, в результате применения новых технологий (уже известные или предполагаемые). В связи с этим сегодня исследуют не только возможности «улучшения» человека, но и возможные риски, связанные с ними. С точки зрения этики, в том числе профессиональной медицинской этики, в связи с «улучшением» человека актуальными становятся вопросы свободы, выбора, автономии, проблемы справедливости, пользы и вреда.

Развитие сферы биотехнологии порождает многообразные варианты для «улучшения человека» или искусственного улучшения человеческих способностей. Появляются новые инструменты для «дополнения» человека в физическом и психическом аспектах, такие как, например, импланты, фармацевтические препараты для улучшения памяти и другие.

Проблемой в данном случае оказывается возможность трансформации человека, фундаментальных принципов и ценностей человечества. Именно по этой причине можно говорить о вопросах нормы, функциональности, справедливости как о классических для медицинской науки, так и ее ценностных основаниях, связанных с философией.

В настоящее время нет определенного общепринятого критерия для принятия решений о «норме» в улучшении человека. В медицинской науке главной утверждается природа рассматриваемого состояния, и терапевтическое воздействие с целью коррекции, лечения или профилактики патологических состояний. Рассматривается также вопрос об определенных границах улучшения. В тех случаях, когда изменения связаны с увеличением функциональных возможностей человека, в том числе и с применением генетических технологий, фармакологии, нанотехнологий и др., пределы допустимого определить сложно, поэтому возникают вопросы о целесообразности, искусственности и даже о целях медицины как таковой. Медицина сегодня активно изучает редкие болезни, и, в этом контексте, отдельные случаи трансформации человека могут становиться также нормой, а естественные состояния могут восприниматься как патологические. «Скорее это страх перед тем, что в конечном счете биотехнология принесет нам утрату нашей человеческой сущности...» (Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: По-

следствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. С.148)

Границы нормы и допустимости использования технологий могут зависеть от культурных особенностей, характерных для данного общества, от ценностей самого человека. Существуют также и изменения понятия нормы, которые зависят от времени, эпохи. Многие современные исследователи отмечают, что человек все больше стремится к «отсутствию страданий», «достижению счастья», улучшению «качества жизни». Вместе с тем, подобные варианты «улучшений» зависят и от технологического развития общества.

Улучшение человека не обязательно противоречит медицине, ее основным принципам. Интересными для изучения представляются случаи, когда трансформации человека вступают в противоречие с деонтологическими правилами, с представлением об идентичности человека с позиции природы в целом, а также ситуации, когда новые технологии активно и быстро внедряются в жизнь человека. Биоэтика как междисциплинарная область знания, а также — социальный институт рассматривает проблему расширения возможностей человека при помощи биотехнологий с разных сторон, помогает оценить допустимость «улучшения» человека и его последствия.

Карнеев Родион Рафаэльевич

канд. филос. наук; младший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Пересборка техносубъекта:

к возможности построения цифрового двойника

Современная ситуация в континентальной философии отмечена разного рода проектами реконцептуализации субъекта. Реконцептуализация субъекта наследует двум другим проектам концептуального говорения о субъекте: проекту классической философии по концептуализации субъекта и проекту неклассической философии по его деконцептуализации. Если классики предполагали, что субъект — цельное и монолитное образование, которое свободно действует и может нести ответственность за свои действия, то в неклассике намечается тенденция к деконцептуализации классического субъекта. Речь идёт о попытках радикального отказа от субъекта, инспирированные такими мыслителями как Ницше, Фрейд, Маркс и последовательно воплощенными Хайдеггером, Витгенштейном и другими. Деконцептуализация предполагала сведение субъекта к внешнему объекту, внешним силам, которые детерминировали его действия — субъект рассматривался как зависимый от внешних факторов. Однако в современной философии

намечаются тенденции к реконцептуализации субъекта — несмотря на критику проекта деконцептуализации, субъект остаётся важной философской темой. Философы заметили, что, несмотря на факт воздействия и определенного рода детерминации субъекта внешними объективными силами, субъект остаётся субъектом, который способен к действию и может нести ответственность за свои действия.

Одной из магистральных линий реконцептуализации субъекта оказывается пересборка субъекта (2). Мыслители пересборки рассматривают субъекта в качестве сложного комплекса (например, человека, организацию, научное сообщество, AI-агента и т.д.), который может перестраиваться самостоятельно или под воздействием внешних сил, и объединяет в себе разнообразные психо-нейро-физиологические процессы и механизмы с различными социокультурными ресурсами и инструментами, которые были интериоризированы в процессе внешнего воздействия на субъект (3). Примером такого рода внешнего воздействия может служить интерпелляция.

Исходя из этого, можно предположить, что основной характеристикой, задающей субъектность субъекта, оказывается пересборка, т.е. возможность пересобрать и реконструировать себя самостоятельно и/или под воздействием внешних объективных сил. Эта перспектива позволяет экстраполировать концепт субъекта, в отличие от понимания субъекта классиками, на нечеловеческих акторов. Этому есть несколько причин, одной из которых является размывание классического просвещенческого идеала «человека» (1). Если нам не до конца ясно, что такое человек, то, быть может, и субъект не всегда является человеком, а представляет из себя разомкнутую и флюидную структуру. Примером такой разомкнутой и флюидной структуры (помимо человека) можно считать современных AI-агентов на базе нейросетей. Что если рассмотреть современные нейросети как пример субъекта проекта реконцептуализации субъекта? Что если AI-агент способен самостоятельно пересобрать себя, переконфигурировать внешние воздействия и действовать? что если рассматривать человека как телесное дополнение к техносубъекту, т.е. как телесное дополнение к AI-агенту? Что если субъект ещё не существует, а только появится в будущем в результате взаимодействия человека и ИИ?

Литература:

1. Брайдотти Р. Постчеловек. Москва: Логос, 2021. – 408 с.
2. Карнеев Р.Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т.6. №1(21). С.7-19.
3. Кузнецов В.Ю. Пересборка субъектов и проблема развития // Философия науки и техники. 2017. Т.22. №2. С.148-156.

Лаврентьева Софья Всеволодовна
младший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

Персонализация ИИ и принцип автономии пациента

Интерактивные возможности больших языковых моделей могут быть использованы для решения проблем, связанных с соблюдением автономии в условиях недееспособности пациента. В таких ситуациях решение о лечении часто принимают врачи или суррогаты (третьи лица, которым делегированы полномочия, зачастую ими оказываются члены семьи пациента) (1), что может угрожать принципу автономии пациента, особенно если заранее не были даны четкие инструкции.

Создание автоматизированных помощников на основе ИИ для предикции решений недееспособного пациента может помочь решить данную проблему. Они могут способствовать соблюдению принципа автономии, облегчая принятие трудных решений для суррогатов (2).

Возможности больших языковых моделей по работе с большими данным использовать информацию из медицинских электронных карт и статистических корреляций из социальных сетей. Данные медицинских карт позволят интерпретировать информацию о пациентах, которые принимали решение по схожей с недееспособным агентом процедуре, и выдавать оценку вероятности согласия или не согласия на ее проведение (3).

Тем не менее, есть сомнения в том, насколько эффективно такой подход может поддерживать принцип автономии. Во-первых, из-за непрозрачности работы нейросетей сложно проверить их выводы. Во-вторых, ориентация в принятии решения на общие характеристики вроде возраста, пола, социального положения заставляет сомневаться в воспроизведении свободы выбора, которое является ключевым условием для сохранения принципа автономии.

Проект «Персонализированный предиктор предпочтений» (П4) направлен на то, чтобы воспроизводить конкретные ценности пациента с помощью тонкой настройки языковой модели на основе личной информации. Таким образом суррогаты и медицинские специалисты смогут получить доступ к боту, который в идеале сможет отвечать на поставленные вопросы также, как и недееспособный пациент.

Для создания П4 предлагается несколько способов сбора личной информации:

1. Тексты, написанные пациентом.
2. Ответы на опросы или интервью.
4. Выборы в мысленных экспериментах для выявления ценностей (4).

Ключевой проблемой остаётся выборка входных данных: возможное несоответствие убеждений и оценочных установок пациента может затруднить процесс. Мы предлагаем использовать наработки в социальной философии относительно неконсистентности убеждений и оценочных установок (5). Уже имеющиеся наработки по психометрикам оценочных установок (6) могут стать шагом к разработке расширенной автономии на основе ИИ и инициировать дискуссии о роли личности и свободы выбора в автономных решениях.

Литература:

1. DeGrazia D., Millum J. *Autonomy*. In: *A Theory of Bioethics*. Cambridge University Press; 2021. P.97-137.

2. Rid A., Wendler D. Treatment decision making for incapacitated patients: is development and use of a patient preference predictor feasible? // *J Med Philos*. 2014. Vol.39, No.2. P.130-52.

3. Lamanna C., Byrne L. Should Artificial Intelligence Augment Medical Decision Making? The Case for an Autonomy Algorithm // *AMA journal of ethics*. 2018. Vol.20, No.9. P.902-10.

4. Earp, B. D. et al. A Personalized Patient Preference Predictor for Substituted Judgments in Healthcare: Technically Feasible and Ethically Desirable // *The American Journal of Bioethics*. 2024. Vol.24, No.7. P.13-26.

5. Fishbein M. The relationships between beliefs, attitudes and behavior // *Cognitive consistency, motivational antecedents and behavioral consequents* / Abelson R.P., Fishbein M. et al. New York: Academic Press, 1966. 199-223.

6. Kunicki Z.J., Counsell A., Harlow L.L. Psychometric evaluations of eight attitudes toward quantitative methods measures // *Scholarship of Teaching and Learning in Psychology*. 2022. Vol.8, No.1. P.27-44.

РНФ № 24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ»

Мустафина Венера Маратовна

студент

Афанасьева Олеся Геннадьевна

канд. филос. наук; доцент

Башкирский государственный медицинский университет

Категорически императив Иммануила Канта как основа современной этики долга у студентов медиков

Актуальность исследования обусловлена научно-техническим прогрессом в области медицины, повлекший за собой некоторые изменения в моральных аспектах долга у врачей. Медицина очень четко и совершенно обусловленно в ходе реализации предписанной ей сути ру-

ководствуется этическим содержанием. Иммануил Кант предложил принцип «категорического императива», основанный на безусловном исполнении нравственных обязанностей.

Цель исследования — выявить степень соответствия кантовской модели долга с современной этикой долга у студентов-медиков.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 797 студентов 17-25 лет Башкирского государственного медицинского университета. Респонденты прошли анонимное анкетирование, содержащее вопросы о личностных и моральных качествах современных врачей, и нормативно-правовых аспектах, регулирующие отношения врача и пациента. Был проведен сравнительный анализ кантовских формулировок «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом», «Относись к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого не только как к средству, но и как к цели» с современными положениями этики долга.

Результаты. 97% считают этику долга неотъемлемой частью врача, но 79% признаются, что современные врачи не всегда ею руководствуются. Студенты считают, что во всех случаях и у медицинских работников, и у пациентов есть права и обязанности, которые необходимо соблюдать. Основные сформированные в ходе исследования положения: «Врач — лицо, обладающее общими и профессиональными компетенциями, в результате освоения которых оно обязуется осуществлять трудовые обязанности с учетом моральных особенностей профессии». «Врач — лицо, которое в процессе осуществления медицинской деятельности руководствуется законодательной базой, заранее предполагая, что последняя была сформирована с учетом ныне существующих, а также возникающих в будущем медицинских ситуаций, требующих этического рассмотрения». «Врач — лицо, обладающее правами и обязанностями, оказывающее медицинскую услугу. Пациент — лицо, обладающее правами и обязанностями, запрашиваемое медицинскую услугу». «Врач и пациент не рассматривают друг друга в ином порядке, как в указанном выше положении и не вступают в какие-либо иные отношения, не прописанные законодательством».

Заключение. Кантовский императив послужил фундаментом формирования современной этики долга (1), однако оказавшись подверженным времени и изменениям в социуме, несколько не соответствует сегодняшнему понятию должного поведения (2). Но при корректировке уже сформировавшейся основы, с учетом особенностей профессиональной деятельности, а также современных представлений людей о должном, станет возможным создание новой актуальной модели долга, способной отвечать сегодняшним стандартам социально-моральных аспектов и нормативно-правовых положений (3). Это поспособствует по-

вышению этической планки современных медицинских работников, их более качественному реализации профессиональной деятельности, а также осуществлению наиболее этически приемлемых действий при возникновении нестандартных ситуаций морального характера в области медицинской биоэтики (4,5).

Литература:

1. Джиджавадзе Л.Г. Категорический императив Иммануила Канта // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. №6.
2. Зорин К.В. Этико-деонтологическое воспитание и профессиональное развитие студентов-медиков: аспекты проблемы // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. №3.
3. Амиров А.Ф. Профессиональная социализация и воспитание студентов медицинского вуза : монография / А.Ф.Амиров, С.М.Серегин. - Уфа : ГРИ «Башкортостан», 2003
4. Гречкин В.И. Роль медицинской этики и деонтологии в формировании отношения врача к своему профессиональному долгу / В.И. Гречкин, А.В. Перцев, Г.И. Сапронов // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2017. №68. С.3-7.
5. Сергеев В.В. Сочетание норм морали и права при регулировании медицинской деятельности / В.В. Сергеев, И.А. Шмелев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т.31, №1. С.88-92.

Нартова Мария Андреевна
аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Концепция уязвимости в биомедицинском эксперименте: проблемы и перспективы

Клинические исследования являются неотъемлемой частью современной доказательной медицины: их проведение позволяет подтвердить эффективность и безопасность лекарственных средств. Ключевым понятием биомедицинских экспериментов при участии человека как испытуемого является понятие «уязвимости», использование которого позволяет подчеркнуть особый статус некоторых категорий испытуемых, обозначить необходимость в их правовой и этической защите. В докладе предлагается кратко рассмотреть правовые и этические основания закрепления данного понятия в практике биомедицинских экспериментов (1,2,3,4), а также провести сравнительный анализ различных подходов к определению этого термина. На основании представленного анализа формулируется гипотеза о необходимости перехода от унифи-

цированного к динамическому подходу в определении понятия «уязвимость». В качестве обоснования несостоятельности текущей концепции уязвимости приводятся примеры коллизий при формулировании данного понятия в правовом, регуляторном и биоэтическом поле (4,5). Основную проблематику концепции уязвимости предлагается рассмотреть с точки зрения невозможности реализации в полной мере принципа автономии пациента. В докладе рассматриваются такие проблемы, как демаркация клинических исследований и медицинской помощи (9), феномен терапевтического заблуждения (7), проблема профанного знания большинства участников биомедицинских испытаний (11) и др. Предпринимается попытка обоснования пандемии Sars-Cov-2 как принципиально нового фактора риска для всех участников клинических исследований вне зависимости от наличия или отсутствия у них статуса «уязвимости».

Литература:

1. World Medical Association et al. World Medical Association Declaration of Helsinki: ethical principles for medical research involving human subjects // *Jama*. 2013. Т.310. №.20. С.2191-2194.
2. The Belmont report // URL: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html> (дата обращения: 08.08.2024).
3. The Council of Europe. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine // URL: <https://rm.coe.int/168007cf98> (дата обращения: 08.08.2024).
4. International Ethical Guidelines for Health-related Research Involving Humans. Prepared by the Council for International Organizations of Medical Sciences (CIOMS) in collaboration with the World Health Organization (WHO) // URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2017/01/WEB-CIOMS-EthicalGuidelines.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).
5. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. №.2. С.126-135.
6. Семенова Н.В. Информированное согласие и границы автономии в клинических исследованиях с участием уязвимых групп пациентов // *Медицинская этика*. 2018. Т.6. №.1. С.63-65.
7. Appelbaum P.S., Roth L.H., Lidz C. The therapeutic misconception: informed consent in psychiatric research. *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Т.5, No3-4, pp.319-329.
8. Сергеев В.В., Горлова Е.В. Информирование о риске, связанном с методами оказания медицинской помощи // *Юридический вестник Самарского университета*. 2019. Т.5. №.1. С.65-70.
9. Raymond J., Collins J., Darsaut T. E. Understanding the research-care demarcation and why it must be revised // *Neurochirurgie*. 2023. Т.69. No1. p.101393.

10. de Miguel M. et al. Increased vulnerability of clinical research units during the COVID-19 crisis and their protection // *Cancer*. 2020. Т.126. №.17. pp.3907-3911.

11. Брызгалина Е.В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // *Человек*. 2020. Т.31. №.4. pp.41-56.

Перова Нина Вадимовна
аспирант

Институт философии Российской академии наук

Субъект и агент биотехнологического морального улучшения

Существует множество подходов к дифференциации роли субъекта и агента в рамках нравственных отношений. В данных тезисах стоит иная задача: исходя из существующих пониманий морального агента и морального субъекта определить, кто из них находится в центре анализа биотехнологического морального улучшения: на кого направлено действие технологий, кто создается или улучшается, кто вынужден иметь дело с последствиями.

Моральный субъект в различных интерпретациях определяется как носитель моральных норм, источник морального сознания (индивидуального и коллективного), причина морального поступка. При этом, в рамках дифференциации понятий субъекта и агента, моральный субъект в первую очередь понимается как мыслитель, побуждаемый к действию моральными соображениями. В то же время, моральный агент определяется как деятельный, способный осуществлять моральный выбор и нести ответственность. Наиболее точное определение морального агента как участника нравственных отношений связано со следующими характеристиками: способность соответствовать моральным требованиям, способность независимо совершать нравственные поступки, наличие представлений о моральных нормах, интенциональность (способность независимо ставить цели собственных поступков) способность нести моральную ответственность или быть объектом приписывания ответственности (1).

В рамках биотехнологического морального улучшения роль участника связана с несколькими факторами. 1. Наличие нравственных представлений, относительно которых может происходить улучшение; 2. Наличие автономии, в том числе в силу того, что сохранение автономии во многом содержится как одно из требований к технологиям улучшения; 3. Способность к нравственной деятельности; 4. Сохранение

роли участника нравственных отношений в рамках последствий использования биотехнологического улучшения.

Относительно первых двух пунктов сложно провести различие между агентом и субъектом. Различные подходы к определению понятий и реалий их морального поведения приписывают агенту и субъекту роль носителя нравственных представлений, а также наличие и\или отсутствие автономии. В рамках данных тезисов наибольшее значение имеют два последующих пункта. В то время как субъект может пониматься как причина морального поступка, деятельным участником нравственных отношений выступает именно агент. Для биотехнологического улучшения это означает, что желаемые положительные результаты улучшения (как бы именно они не определялись) могут быть достигнуты только в отношении агента.

Помимо этого, центральное место в аргументации в защиту применения технологий биологического морального улучшения занимает апелляция к будущему, спасение которого возможно только благодаря тотальному моральному улучшению. Для реализации этих утопических проектов, и, тем более, для их анализа и оценки, необходимо учитывать проект «после»: результат биоулучшения, который должен продолжать быть участником нравственных отношений в новых реалиях мира и себя. В этом контексте необходим участник, способный нести моральную ответственность и быть объектом ее приписывания. Таким участником является именно моральный агент.

Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте исследований в области биотехнологического морального улучшения речь идет именно о моральном агенте.

Литература:

1. Глебова С.В., Перова Н.В. Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент // ДИСКУРС. 2023. Т.9, №4. С.29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-29-40.

Цветков Евгений Дмитриевич
магистр философии
независимый исследователь

Примирение свободы и морали в персонализме Никола Аббаньяно: религиозная перспектива

Тема свободы и морали в персонализме Никола Аббаньяно тесно связана с религиозной этикой, несмотря на его философский светский контекст. Аббаньяно (1901-1990), один из ключевых представителей итальянского экзистенциализма, предлагал интерпретацию свободы, ко-

торая подразумевает ответственность и моральные обязательства, что делает его подход созвучным с основными положениями религиозных этических систем. В отличие от более радикальных экзистенциалистов, таких как Жан-Поль Сартр, Аббаньяно стремился преодолеть пессимизм и нигилизм, характерные для многих философов его времени, и предложить более позитивную трактовку свободы в рамках социального и морального контекста своего времени.

В своей работе «Структура экзистенции» Аббаньяно выдвигает концепцию свободы, которая не является абсолютной, но всегда ограничена внешними обстоятельствами и внутренними моральными обязательствами. Свобода, по Аббаньяно, не состоит в выборе между любыми возможностями, а предполагает признание нравственных рамок, которые формируются в отношении с другими людьми и обществом. Это перекликается с христианской этикой, в которой свобода человека рассматривается как дар, который нужно использовать для служения Богу и ближним, а не для удовлетворения собственных эгоистичных желаний. Так, как утверждает Аббаньяно, свобода обретает смысл только тогда, когда она направлена на достижение общего блага и является частью этической ответственности перед миром (Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998).

Итальянский философ критикует радикальных экзистенциалистов за их склонность трактовать свободу как абсолют, что ведет к нигилизму и моральной апатии. Напротив, Аббаньяно подчеркивает, что подлинная свобода реализуется через взаимодействие с миром и другими людьми, а это предполагает принятие моральных обязательств. Эта идея перекликается с религиозными концепциями свободной воли, где свобода человека всегда связана с выбором между добром и злом и с необходимостью отвечать перед Богом за свои поступки.

Уместно рассматривать работы Аббаньяно в контексте не только философии экзистенциализма, но и религиозной этики. В каком-то смысле, это своего рода «средний путь» между религиозным и атеистическим экзистенциализмом. Аббаньяно видит в свободе возможность преодоления экзистенциального кризиса через моральный выбор, что сближает его с христианской концепцией этического самоопределения.

Философия Аббаньяно может быть связана с религиозной этикой через его идеи о солидарности и ответственности перед обществом. В этом отношении его идеи созвучны католической социальной доктрине и персонализму Иоанна Павла II, который подчеркивает важность общего блага и взаимозависимости людей в рамках моральных обязательств. Таким образом, даже в отсутствие прямой религиозной аргу-

ментации, взгляды Аббаньяно на свободу и моральные обязательства могут быть интерпретированы как светская форма религиозной этики, в которой свобода человека неразрывно связана с его обязанностями перед обществом и моральными нормами.

В заключении можем отметить, что персонализм Никола Аббаньяно предлагает глубокое понимание свободы, которое связано с этикой и моральными обязанностями. Таким образом, философия Аббаньяно может быть полезна для обсуждения религиозной морали в светском обществе, поскольку она сохраняет акцент на нравственных обязанностях, избегая при этом догматизма. Помимо этого, его философия может оказывать влияние на современные дискуссии о социальной ответственности, предлагая взгляд на свободу как инструмент, который должен использоваться в соответствии с моральными обязательствами, что делает её важной для понимания религиозных этических систем и их роли в современном обществе.

«ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ РИСКОВ В СФЕРЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

РНФ №24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

материалы круглого стола

Баженов Сергей Сергеевич

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

ИИ и моральные дилеммы:

к проблеме становления субъектности

Широкое развитие технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) порождает обширные дискуссии о возможностях и границах их применения. Одной из подобных проблем является область этической проблематики, частным случаем которой может считаться вопрос о моральной агентности ИИ. В то же время ряд авторов сходится во мнении, что в настоящее время ИИ не является моральным агентом, а некоторые и в перспективе не видят возможности наступления подобного события. Следует отметить, что решение поставленной задачи можно рассмотреть не напрямую, а путем анализа возможности достижения статуса субъекта моральной ответственности в ходе применения классических моделей: утилитаризма, этики добродетели, деонтологии и этики ответственности.

Для начала следует обозначить сложившееся определение моральной дилеммы, обозначаемое А. Разиным: это противоречивая ситуация морального выбора, в которой принятие решения, сопровождается логической несовместимостью альтернативных действий (1). При этом следует разграничить моральные и практические дилеммы. В первом случае речь идет о ситуациях, связанных с моральной тематикой, то есть, апеллирующей к проблеме достижения блага, сопровождающееся наличием моральных трудностей или потерь. Во втором случае, же-

лаемый результат также может быть выражен широким термином «благо», однако потери не сопровождаются моральной проблематикой, а затрагивают только сферу материальных ценностей, которые могут быть учтены в качестве условного понятия «убытки». Фактически граница между моральной и практической дилеммой в этом случае проходит по специфике потерь, который могут быть отнесены либо только к материальным, либо затрагивают моральный элемент мировоззрения.

В случае ИИ действие в спорных ситуациях осуществляется путем применения логических операций, формализованных в виде вычислений, позволяющих принимать решения. Поэтому возможен вопрос: каких условий необходимо достигнуть для того, чтобы ИИ мог выступать в качестве субъекта решения моральных дилемм?

Наиболее достижимым является принятие решений в соответствии с принципом, предложенным И. Бентамом: «Максимальное благо, максимальному числу людей». В этом случае возможна формализация проблемной ситуации и вычисления по аналогии с практической дилеммой (если предположить, что практические дилеммы изначально более легко формализуемы, поскольку не несут моральной нагрузки). Однако очевидно, что не все ситуации возможно решить подобным способом, в частности известную «дилемму вагонетки».

Применение Аристотелевской этики добродетели предполагает избегание крайности, то есть при оцифровке вариантов возможного действия мы получим числовой ряд значений от минимального до максимального, в рамках которого возможно вычисление среднего. При этом существует необходимость самостоятельно определять добродетель, что применительно к вычислительной логике предполагает переоценку в соответствии с ситуацией, то есть «ad hoc». Это порождает необходимость выстраивать аргументативно-логический аппарат в каждой ситуации отдельно, но на основе большого «опыта». ИИ может решить эту проблему на основе большого набора данных. Однако для этого ИИ должен обладать моральным сознанием, а не логикой вычислений.

Деонтологическая этика и этика ответственности апеллируют к абсолютным принципам, которые несмотря кажущуюся простоту предполагают иную схему бытия морального субъекта. В текущей версии у ИИ отсутствует моральный элемент сознания: принципы и ценности. Даже в случае наличия законов, например, предложенных А. Азимовым, это не приближает вычислительные системы к способности решать моральные дилеммы, а не вычислять их. Таким образом, становление ИИ в качестве субъекта, решающего моральные дилеммы возможно лишь, при наличии элементов морального сознания.

Литература:

1. Разин А.В. Моральные дилеммы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnye-dilemmy> (дата обращения: 10.09.2024).

Валеева Галина Викторовна

доцент

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Дилемма насилия в контексте цифровой образовательной среды

В настоящее время активное применение цифровых технологий в образовании приобретает все большую значимость, поскольку предоставляет широкие возможности для обучения и развития личности. Вместе с тем возникает важная этическая проблема, связанная с цифровым насилием. С одной стороны, электронные платформы, приложения, ресурсы и искусственный интеллект делают учебный процесс более доступным и увлекательным. С другой стороны, цифровая образовательная среда становится пространством для проявления актов агрессии и насильственного онлайн-воздействия.

Цифровое насилие «мало или совсем не отличается от общего насилия как необходимой сущностной черты представителей человеческого вида» (2, С.18), поэтому его можно рассматривать как манипулирование, запугивание, преследование, контролирование другого или других посредством цифрового инструментария. Следует отметить, что одним из важных аспектов взаимодействия в цифровой образовательной среде является анонимность и удаленный формат, выступающие своеобразным щитом для кибербуллинга, киберсталкинга, троллинга, хейта, которые предстают одними из видов цифрового насилия и могут негативным образом отразиться на психологическом и физическом благополучии обучающихся.

«Среди авторов, которые занимаются вопросом воздействия новых медийных средств, распространены две основные позиции. Сторонники одной из них предостерегают от «электронных наркотиков», способствующих агрессивности и уходу от действительности. Другие требуют дифференцированной оценки и указывают на эмансипаторский и креативный потенциал медийных средств» (1, С.256). В этой связи аргументами, раскрывающими суть дилеммы насилия в контексте цифровой образовательной среды, будут следующие:

- аргументы в пользу положительного воздействия цифровых технологий на сознание и поведение обучающегося: 1) использование инновационных средств для общения в онлайн-формате (чаты, социальные сети), гейм-технологий и симуляторов в процесс обучения может помочь развить фантазию, способную контролировать агрессию, а также способности к эмоциональному контролю, уменьшая риск фактических актов агрессии в реальной жизни; 2) восприятие насилия через использо-

вание цифровых образовательных средств может вызвать страх агрессии, что влечет неприятие и отвращение к насилию, что в итоге способствует к его отрицательному восприятию и укреплению нравственных ценностей (уважение к другому, сочувствие, милосердие и т.д.); 3) соучастие в представлении насилия средствами «цифры» может способствовать катарсису — процессу освобождения от накопленных агрессивных эмоций;

- аргументы в пользу негативных последствий: 1) учитывая стремление молодого поколения активно использовать цифровые технологии в процессе обучения, их массовое и бесконтрольное использование (когда педагог выступает лишь в роли тьютора цифрового образования), цифровая образовательная среда может стать источником роста агрессии и эскалации насилия; 2) восприятие представления о насилии в цифровой образовательной среде может восприниматься обучающимися как часть реальной жизни, что способствует, во-первых, к привыканию и, во-вторых, к принятию агрессии как нормы поведения с друзьями и ее имитации; 3) представления насилия в цифровой образовательной среде может вызывать отрицательные эмоции (гнев, тревога, страх, тоска), которые могут привести к неконтролируемому поведению обучающегося, в том числе в реальности.

Таким образом, дилемма насилия требует внимания и решения, которое возможно благодаря сбалансированному применению цифровых технологий в учебном процессе, в котором особая роль будет отведена педагогу, а не «цифре»; этическому образованию, направленному на формирование у обучающихся навыков безопасного и уважительного онлайн-взаимодействия, норм и правил поведения, а также осознания ответственности за свои действия в цифровой образовательной среде.

Литература:

1. Назаров В.Н. Прикладная этика: учебник. М.: Гардарики, 2005. – 302 с.
2. Bjelajac Z., Filipovic A. Specific Characteristics of Digital Violence and Digital Crime // Pravo - teorija i praksa. 2021, №38(4). P. 16-32.

Головков Владислав Владимирович
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Этические вопросы использования генеративного ИИ в образовании

Современное положение дел такого, что мы уже не можем отказаться от использования ИИ, кроме как из-за прямой и непосредственной экзистенциальной угрозы. Об этом нам говорят как создатели подобных

продуктов, так и пользователи, которые условным «нажатием одной кнопки» выполняют задачи, на которые без участия ИИ уходили бы сотни недель, а то и лет. Технологии ИИ проникли если не во все, то уже почти во все сферы человеческой жизни.

Этот же процесс происходит и в образовании, в том числе и в высшем. О цифровизации университетов говорят уже давно, но конкретно про ИИ разговоры заходят в конце 2022 – начале 2023 годов, что можно связать с предоставлением публичного доступа к продукту компании OpenAI ChatGPT. Как это обычно и бывает, технология «нанесла удар» раньше, чем ВУЗы успели её осмыслить. Как результат — выпускники хвастаются тем, как непринуждённо за несколько дней написали дипломную работу с помощью этой нейросети. Естественно, подобное не могло оставаться без внимания. На ChatGPT была объявлена охота, а использующие его студенты карались. И хоть не все последовали этому пути, тем не менее, он наиболее распространён.

В данном исследовании представлена попытка этического анализа этого вопроса. Вот некоторые затруднения, которые возникают в связи с использованием генеративного ИИ в образовательном процессе.

1. Представление о сгенерированном тексте как о разновидности плагиата.

Одна из причин табу на использование генеративного ИИ в том, что получаемый на выходе текст считается не авторским. Таким образом, он в той или иной мере приравнивается к плагиату, что, как известно, недопустимо.

2. Качество конечного продукта.

Большинство работ, написанных с использованием ChatGPT, не блещут качеством. Это касается как некоторого косноязычия, так и фактических ошибок.

3. «Закрытость» применения генеративного ИИ.

Из-за табуированности использования генеративного ИИ в образовательном процессе невозможно с твёрдой уверенностью сказать, что работа была написана с использованием виртуального помощника. Таким образом, невозможно призвать студента к ответственности.

4. Персональная деградация мышления.

Существует мнение, что использование программ по типу ChatGPT негативно сказывается на когнитивном развитии студентов, что противоречит задачам образования.

Данный список не претендует на охват всей палитры проблем и далеко не завершён. Однако, может ли запрет на использование генеративных ИИ разрешить эти затруднения?

• Эти проблемы «всплывают» в связи с работами, по которым можно определить использование генеративного ИИ (опять же, лишь предположить). Как правило, речь идёт о плохих работах.

• Хорошие работы, выполненные с помощью ChatGPT, закрывают проблему их качества. Отличает же хорошие работы от плохих активное участие в составлении текста студентов. Таким образом, выясняется, что хорошие студенты не просто генерируют текст, но работают над ним, редактируют его.

• Вопрос с плагиатом перестаёт быть таким однозначным, так как это авторская работа, но выполненная с частичной и/или контролируемой генерацией текста.

• Исходя из всего вышесказанного, получается, что проблема не в самом генеративном ИИ, а в том, что студенты плохо им пользуются.

Основной вывод нашего исследования заключается в следующем: бороться с использованием новых технологий иррационально, а неэтичным можно назвать лишь плохое использование ИИ. Запрещая использовать вспомогательные инструменты, мы не только не учим тому, как правильно ими пользоваться, мы лишаем студентов конкурентного преимущества перед теми, кто вне стен университетов освоил эту технологию.

РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

Дорохина Римма Викторовна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

SMART-технологии в образовании

Современное классическое обучение в настоящее время претерпевает радикальные изменения, исходя из применения совершенно новых инструментов и технологий в процессе как обучения, так и самообучения. Реалии таковы, что создание новых технологических продуктов ориентировано из потребностей студенческого сообщества, которое в большинстве своем является его конечным потребителем, инициатором и вдохновителем использования «данных» устройств с искусственным интеллектом.

Планшеты и ноутбуки, смартфоны, умные доски, фитнес браслеты, беспроводные наушники и смарт-очки, все эти digital-технологичные средства помогают процесс обучения сделать более зрелищным, запоминающимся и удобным для восприятия.

Использование интернет-пространства, ИИ и SMART-технологий в образовательном процессе, уже не является чем-то инновационным. Все имеет свои плюсы и минусы. Плюсы заключаются в доступности образования, получении информации, развитии техно-индустрии «умных» устройств для образовательного процесса. Сюда же можно отнести отказ от книг и тетрадей – как физических носителей информации, соответственно мы перейдем к экологической проблеме — сохранение лесного фонда. Минусы — в лености ума и нежелании анализировать информацию, полученную не как академически проверенную, а как популярную, что может приводить к ошибочному мнению и заблуждению. Полагаясь на программы, которые должны помогать в обучении, существует опасность слепого использования таковых как основных средств обучения. Это могут быть программы-переводчики, при использовании которых качество освоения должно улучшаться, а не полностью на них рассчитывая без процесса запоминания. Это чат-боты, к которым недобросовестные учащиеся прибегают при написании статей, курсовых работ и дипломных проектов. В данном случае будет лишь имитироваться, а не демонстрироваться процесс обучения с выходом достойного конечного исследовательского продукта.

На российском рынке образовательных услуг внедрение smart-технологий в процесс обучения происходит в соответствии с политикой вуза и личной инициативой, а не гос. директивам и не носит системного характера. Тем не менее, направление с классическим подходом в обучении и smart-обучение пока его лишь дополняет. Но в скором времени оно станет конкурировать с таковым.

Жадунова Наталья Владимировна

канд. филос. наук; директор института корпоративного обучения
и непрерывного образования

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва

«Новая этика» в обществе цифровых рисков

Понятие «новая этика», несмотря на общеупотребительность, до сих пор не имеет четкого определения. В его семантическое окружение входит целый спектр вопросов и проблем, обусловленный границами «нового цифрового мира», где все моральные проблемы становятся более очевидными, выпуклыми, не имеющими однозначного решения, а потому требующими «проговаривания», публичного обсуждения. Дискусии вокруг «новой этики» чаще всего из рационального полилога,

аргументированного и безоценочного, превращаются в эмоциональные споры, выражение одобрения или порицания норм, ценностей, констатацию рисков смены привычного, традиционного. Само обсуждение «новой этики» сегодня является рискованным, поскольку новые споры вокруг «старых» моральных проблем стали маркером размывания границ морально допустимого и недопустимого, должного и неприемлемого.

Эти риски усугубляются цифровыми технологиям, которые, собственно говоря, создают возможности продвижения идей «новой этики» на большую аудиторию: от «культуры отмены» и «отмены» самой «культуры отмены», до наделения моральной агентностью искусственного интеллекта, цифрового неравенства, непредсказуемости «развития» и поведения цифровых двойников. Неопределенность и непредсказуемость результатов использования цифровых технологий меняют подходы к анализу существующих моральных практик, норм и принципов, которые все больше становятся зависимыми от экономических и политических предпосылок.

Обобщая исследования, в которых описываются подходы к анализу рисков современного цифрового мира, политические, экономические, социокультурные, моральные предпосылки и следствия использования и развития цифровых технологий, можно выделить следующие факторы, обуславливающие глубину проблем.

Во-первых, само понятие «риска» требует предельной, хотя и недостижимой конкретизации, риск теряет свою «субъективность» и осознаваемую «количественность» (В.С. Диев, 2022), речь сегодня идет о «вычислении невычислимого, колонизирующего будущее» (У. Бек, 2002).

Во-вторых, важно определить границы рисков во времени и пространстве, чтобы в их анализе не уподобляться астрологам, то есть необходимо «рисовать карту рисков цифровой навигации, как географы рисуют рифы на карте для моряков» (В. Новембер и др., 2023).

В-третьих, в условиях непонимания того, что есть риски и каковы их последствия, стремление к их минимизации направлено на «здесь и сейчас», на защиту и благополучие человека, признание его ценности и целостности (М.А. Богданова и др., 2024) в том содержании понятий, которые определяются логикой развития человечества.

В-четвертых, одним из важных рисков цифрового мира становится изменение значений таких понятий, как «индивидуальность», «самоопределение», «саморазвитие». Происходящая в цифре деперсонализация, коммуникативная дискретность и виртуальная идентичность, оказывают непредсказуемое влияние на человека.

В-пятых, риски приобретают «коллективизированный» (Д.А. Абгаджав и др., 2021) характер, во многом зависят от глобальных политических явлений, экономических закономерностей, где трудно найти виновного.

В-шестых, в распознавании, предугадывании, анализе рисков утрачивается известная дихотомия Н. Лумана «риск/надежность и риск/опасность». Человек в современном обществе перестает быть наблюдателем первого порядка, последствия своих открытий и технических решений он в большинстве случаев не может просчитать, но также не может сказать, что причины рисков «находятся вовне, то есть вне окружающей среды» (Н. Луман, 1994), поскольку в цифровом мире человек является их источником и причиной.

Таким образом, в современном обществе цифровых рисков моральная проблематика становится содержанием и следствием неопределённости и рисков, которые не поддаются расчётам и контролю. А стремление описать эти риски, подвести их под действие существующих норм и этических теорий, скорее создают иллюзию контроля, становятся стремлением подставить «костыли», создать «ремни безопасности» (Д. Канеман, 2005), которые будут способны обеспечить прозрачное, но чувство контроля за ситуацией.

РНФ №23-28-01167 «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Коваль Екатерина Александровна
д-р филос. наук; ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева

Датаоптимизм, датапессимизм и датареализм: образы моральных рисков в образах будущего

В условиях постоянного накопления больших данных и развития искусственного интеллекта появляются новые и трансформируются уже имеющиеся в социальном воображаемом образы будущего. Существуют различные типологии таких образов, но наиболее перспективной с точки зрения философского предвидения представляется классическая бинарная оппозиция «утопия/антиутопия», дополненная срединным вариантом образа будущего — достижимого и пригодного для достойной жизни «хорошего общества».

Такие взаимосвязанные технологии, как большие данные и искусственный интеллект являются «зародышами кристаллизации» особых образов будущего. Обозначим наиболее характерную версию утопии в

мире больших данных и искусственного интеллекта как датаоптимизм, антиутопии — датапессимизм, «хорошего общества» — датареализм.

Образы будущего влияют на настоящее, особенно в ситуациях неопределенности и риска. От того, какие образы будущего преимущественно поддерживаются в сознании граждан, во многом зависит понимание и решение значимых социальных проблем. Но для сопоставления различных образов будущего с точки зрения их полезности, правильности, справедливости необходимы четкие критерии. Одним из возможных критериев является уровень рисков, характерных для образов будущего, однако, как правило, подразумеваются и оцениваются технические, социальные, политические, экономические, экологические риски. Неоправданно мало внимания уделяется моральным рискам.

В наиболее общем смысле риск определяется как вероятность наступления нежелательного события. В моральной системе координат нежелательны события, которые ставят человека в ситуацию моральной дилеммы, являются соблазном, искушением, испытанием для собственных моральных убеждений. Риск в такой системе координат может быть определен как вероятность наступления ситуации, в которой моральные убеждения не проходят проверку на прочность.

Учитывая вышесказанное, примем следующее допущение: чем меньше моральные риски несет в себе образ будущего, тем в большей степени он желателен.

Датаоптимизм — фундамент утопического образа будущего, основанного на данных. Датаоптимисты уверены, что большие данные, искусственный интеллект, смежные технологии позволят решить и глобальные, и локальные социальные и экономические проблемы.

Моральные риски, сопровождающие датаоптимизм, связаны с критическим сокращением автономии личности. Ценность личности измеряется ценностью ее данных. Жизненно важные решения принимаются автономными интеллектуальными системами на основе анализа данных. Перестает работать принцип «должен, значит можешь», совесть становится атавизмом. Основой воспитания становится гиперподталкивание к добру.

Датапессимизм лежит в основе цифровой антиутопии — прозрачного мира тотального контроля, где человечество находится на грани выживания.

Моральные риски здесь могут быть связаны с упадком общественной нравственности, грубыми манипулятивными воздействиями, которым подвергаются «бедные данными» со стороны «богатых данными», вари-

ациями «цифрового рабства». Уничтожены основания для солидаризации и доверия как человеку, так и технологиям.

Датареализм коррелирует с «хорошим обществом». В обществе датареализма осуществляется постоянный поиск баланса между развитием технологий и развитием человека и общества. Технологии создаются по формуле: «Человечность на входе — человечность на выходе».

Моральные риски в датареализме связаны с ограничениями, характерными для принципа предосторожности: злоупотребление предосторожностью минимизирует полезность и не гарантирует избегания вреда; недооценка предосторожности имеет еще более негативные последствия. Поскольку даже специалисты склонны характеризовать большие данные и искусственный интеллект как «черный ящик», проблематизируется ответственность разработчиков как наиболее компетентных лиц, имеющих представление о работе технологий, основанных на данных. При этом разрабатываются адекватные социальные механизмы постепенного уменьшения рисков, связанных с технологиями.

Ключевые моральные риски технологичных образов будущего заключаются в том, что большие данные и искусственный интеллект позволяют решать те проблемы, которые до их появления не существовали.

РНФ № 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Ларионов Игорь Юрьевич

канд. филос. наук; доцент, заведующий кафедрой
философской антропологии

Санкт-Петербургский государственный университет

Философские исследования этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта – содержательная концептуализация дискуссии

Наличие этического аспекта у рисков применения ИИ интуитивно кажется понятным, но всё ещё требует концептуальной проработки. В итоге анализа отечественной и мировой научно-исследовательской литературы этапа распространения генеративных моделей ИИ (ок. в.п. 2022 г. – наст. вр.) можно выделить следующие основания для того, чтобы отнести риски ИИ к области проблемы этики:

– ИИ может причинить человеку страдание, вред, поставить под угрозу его безопасность

– ИИ ставит под вопрос человека как высшую ценность (трансгуманизм, возможность искусственного агента нравственного совершенства и т.п.)

– исследование ИИ справедливо связывают с проблемами свободы человека, в т.ч. ограничения этой свободы

– применение ИИ вызывает вопрос об ответственности (особенно — социальной ответственности бизнеса, а также ответственности учёного)

– распространение ИИ становится фактором (не)равенства и вызывает проблемы справедливости — как в доступе к прорывным разработкам, так и в распределении рисков, уязвимости

– долгосрочные последствия распространения ИИ сложно предсказать, что вызывает вопросы об ответственности перед будущими поколениями

– многообразие (в том числе культурное) понимания морали, нравственных ценностей усложняет концептуализацию ИИ.

Следует также учитывать сложность взаимодействия между ИИ и обществом в различных контекстах.

Учитывая сложившийся на сегодняшний день инструментарий прикладной и профессиональной этики для более глубокого понимания рисков, связанных с применением ИИ, для управления этими рисками следует отдать приоритет следующим направлениям исследований. В первую очередь: разработка роботов-андроидов, создание гибридного интеллекта, а также повышение информированности пользователей и обеспечение их информированного согласия. Не менее значительной является проблема ответственности за действия ИИ и вопросы конфиденциальности, включая защиту личной информации от его воздействия. Также следует обратить внимание на разработки оружия с использованием ИИ, а также на риски обмана и манипуляции, такие как дипфейки. Важно рассмотреть права машин, их роль как социальных партнеров и компаньонов, а также эмоциональные и сексуальные отношения с ними. Исследование предрассудков и стереотипов в нейросетях, ошибки при использовании ИИ для принятия решений, ответственность науки и доверие к политическим институтам также требуют внимания. Наконец, актуальными остаются темы «управления страхом» и «шока будущего», которые подчеркивают необходимость осознанного подхода к внедрению ИИ в общество.

Обсуждение указанных областей в значительной степени связано с продолжающимися общефилософскими дискуссиями. Наиболее важной следует признать проблему природы и тождества личности (person), в том числе в связи с дискуссиями вокруг т.н. «квалиа».

В этом контексте проблема признания становится актуальной: как мы можем определить, обладает ли искусственный интеллект сознанием или самосознанием, и насколько ограничен «тест Тьюринга» в этом аспекте. Следует обратить внимание на то, что такие традиционные философские категории, как самосознание и рефлексия, а также свобода часто отступают на второй план, за тем крайне важным исключением, как область современной этики искусственного интеллекта, в рамках которой ясно ставится вопрос о необходимости той или иной формы самосознания машины, а также интенциональности и автономности ее действий для признания ее моральным агентом (в том числе как механизма минимизации рисков ИИ).

РНФ №24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

Маретина Ксения Александровна

канд. филол. наук; научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

Этика киберэтнографии: вызовы и подходы

Киберэтнография — это метод исследования, который применяется для изучения культурных и социальных практик в цифровой среде. В условиях стремительного развития интернета и цифровых платформ, этот подход позволяет исследователям изучать онлайн-сообщества, сетевые взаимодействия и культурные феномены. Однако с появлением новых методов исследования возникает необходимость переосмысления этических норм и принципов, применимых к киберэтнографическим исследованиям.

Основные этические вызовы киберэтнографии:

Конфиденциальность и анонимность

В цифровой среде границы между личным и публичным размыты. Пользователи онлайн-платформ могут одновременно быть открытыми для публики и рассчитывать на определённую степень конфиденциальности. Исследователи сталкиваются с дилеммой: как обращаться с данными, собранными в таких полупубличных или публичных пространствах, и как защитить анонимность участников, особенно если они используют псевдонимы.

Информированное согласие

Традиционная этнография предполагает получение согласия у всех участников исследования. В киберпространстве этот процесс усложняется: не всегда возможно идентифицировать всех участников обсуж-

дений или взаимодействий. Киберэтнографы должны принимать решения о том, требуется ли получать согласие в каждом конкретном случае и как это возможно реализовать в условиях анонимности и псевдонимности пользователей.

Публичность данных

Другой вопрос киберэтнографии заключается в том, должны ли исследователи рассматривать публичные данные в интернете как открытые для анализа без согласия. Некоторые платформы могут рассматриваться как публичные (например, открытые форумы), однако даже в таких пространствах пользователи могут ожидать определённой приватности своих сообщений.

Международный контекст и правовые нормы

Цифровая среда не имеет национальных границ, что приводит к сложности соблюдения этических норм разных стран. Платформы могут находиться в юрисдикции одной страны, тогда как пользователи и исследователи могут быть из разных уголков мира, где законы о конфиденциальности и защите данных могут значительно различаться.

Этические подходы в киберэтнографии:

Контекстуальная этика

Представляется верным подход, в соответствии с которым этические решения в киберэтнографии должны учитывать контекст взаимодействий. Например, если исследование проводится в открытом сообществе, где участники осведомлены о публичности своих действий, требования к получению информированного согласия могут быть менее строгими, чем в закрытых группах с высоким уровнем приватности.

Защита участников

Несмотря на публичность некоторых данных в интернете, основным принципом для киберэтнографа должно оставаться уважение к пользователям. Это может включать анонимизацию данных, ограничение раскрытия личной информации, даже если она доступна в открытых источниках, и возможность участников узнать о своём участии в исследовании и выразить своё согласие или отказ.

Ответственность исследователя

Исследователи обязаны постоянно переосмысливать свои методы и подходы в условиях быстро меняющегося цифрового мира. Это требует гибкости и адаптивности в применении этических норм, а также осознания того, что новые платформы и формы онлайн-взаимодействий могут требовать новых этических решений.

Заключение:

Этика киберэтнографии требует особого внимания и пересмотра классических подходов к проведению этнографических исследований. В условиях цифровой среды исследователи сталкиваются с рядом

сложных вопросов, касающихся конфиденциальности, информированного согласия и публичности данных. Однако, при правильном подходе, киберэтнография может предложить уникальные перспективы для изучения современного цифрового мира, оставаясь при этом этически обоснованной и уважительной к участникам исследования.

РНФ № 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты»

Мартынова Марина Дмитриевна

канд. филос. наук; доцент, научный сотрудник
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева

Этические ловушки использования в образовательном процессе вуза BIG DATA и учебной аналитики

В настоящее время практически каждый вуз имеет цифровую образовательную среду, содержащую сведения о студентах, их успеваемости, предлагающую возможности выбора ряда образовательных курсов, выполнения учебных заданий и прохождения тестирования по предметам, способы для удаленного общения с преподавателем и т.д. Эта система интенсивно развивается и будет предлагать все более широкие форматы использования цифровых инструментов в образовательном процессе. Учебная аналитика трансформирует педагогическую практику, предоставляя новые инструменты и подходы для улучшения обучения и взаимодействия со студентами. Преподаватели, опираясь на интересы студентов и используя данные, могут создавать более эффективные, инклюзивные и персонализированные образовательные методики; проектировать курсы и учебные программы, следить за успехами и проблемами студентов в реальном времени, оценивать эффективность методов преподавания, формировать индивидуальные образовательные маршруты, находиться в постоянном онлайн взаимодействии со студентами и т.д. Однако существует ряд этических моментов использования учебной аналитики, которые можно назвать «этическими ловушками». Это «этическая ловушка баланса между риском раскрытия и выгодами, которые студенты могли бы получить от обмена своей информацией», «этическая ловушка доверия студентов к использованию LA», «этическая ловушка контроля конфиденциальности», «этическая ловушка осведомленности о сборе данных и прозрачности их использования» и ряд других. Этические ловушки ставят тривиальную проблему индивидуальной ответственности в условиях использования новых — цифровых инструментов в образовательном процессе как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов, учитывая обеспечение

справедливости, безопасности и конфиденциальности участников образовательного процесса.

Кроме того, следует учесть ряд этических проблем. Конфиденциальность и защита данных студентов предполагает строгий перечень лиц, имеющих к ним доступ, и ограничения в использовании данных. Информированное согласие на сбор и анализ данных требует более широкой конкретизации их использования и возможности выбора сфер использования данных. Показатели успеваемости могут быть использованы с разными целями. Например, для прогнозирования результатов, что может дискриминировать отдельных студентов; или для психологического давления на студентов, что снижает степень доверия между участниками образовательного процесса. Прозрачность в процессах анализа данных и их применении важна для поддержания доверительных отношений между студентами и образовательным учреждением в целом. Актуальными остаются проблемы предвзятости стереотипов и равенство в доступе к ресурсам, что влияет на успеваемость и благополучие студентов. При увеличении цифровых инструментов меняется вся структура обучения, в том числе и роль преподавателя. Он начинает выполнять больше функции наставника (в зарубежных исследованиях «педагога-посредника» (Demir K.A. Smart education framework // Smart Learning Environments. 2021. Vol. 8. P.29 <https://doi.org/10.1186/s40561-021-00170-x>), осуществляющего техническую поддержку студентам. Это предполагает высокую компетентность преподавателей в использовании цифровых технологий и ресурсов. Рост цифровых инструментов, внедряемых в образовательный процесс, использование аналитики данных обнаруживает самые разные проблемы, что требует их тщательной проработки и подготовки вузов к внедрению этических стандартов ответственного использования технологий.

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Мелешко Елена Дмитриевна
д-р филос. наук; профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Цифровая этика в сфере высшего педагогического образования

В настоящее время цифровая этика является чрезвычайно востребованной в сфере высшего педагогического образования. Это связано с развитием технологий искусственного интеллекта, частью которого она

является. Актуальность исследования проблем цифровой этики определяется тем, что процесс внедрения технологий искусственного интеллекта, приобретший в нашей стране правовую базу, остро нуждается в его этико-нормативном и регулятивном осмыслении. В этой связи проводится анализ понятия «искусственный интеллект»; определяется философская область исследования ИИ; обозначаются локус, этос, приемлемость ИИ, а также этико-нормативное основание ИИ. Подчеркивается необходимость этической рефлексии современного инновационного развития. Проблемы внедрения этико-нормативных критериев и механизмов в ИИ на стадиях его разработки и применения. Этический анализ ИИ с точки зрения последствий его применения в нашей стране, на основании существующих законов об ИИ и этических кодексов пока не предпринят, хотя очевидно, что эта тема — наиболее актуальная для общества, поскольку может повлечь социальные последствия, которые могут затронуть каждого человека. В связи с этим исследование особенностей цифровой этики, ее культурно-исторических, философско-антропологических и социальных истоков является необходимым условием педагогической подготовки в современном университете. Этим обусловлены цели и задачи концептуального исследования цифровой этики, которые направлены, также, на внедрение гуманитарной (рабочей) парадигмы, содержащей нормативную этическую регуляцию в условиях бесконтактного общения, как способа разрешения рисков, дилемм и ситуационных конфликтов в практике научно-образовательных контактов.

Исследование цифровой этики определяется: 1) анализом фундаментальных проблем: определением культурологического и аксиологического аспектов цифровой этики в дискурсе трансгуманизма и классического гуманизма; 2) определением этико-нормативной и ценностной составляющей цифровой этики; 3) определением особенностей культурной универсалии как последствий межкоммуникативных субъект-объектных связей (идея цифрового двойника), что дает возможность определить основную ценностную категорию ответственности в цифровом ареале; 3) определением моральных рисков и дилемм; 4) выделением характеристик цифровых этических компетенций «межкультурная цифровая этика» (Intercultural Digital Ethics — IDE) и др. Данные исследования в области цифровой этики, проведенные на кафедре философии и культурологии университета Л.Н. Толстого, обозначили концептуальную методiku подготовки бакалавров и магистров педагогики и культурологии, обеспечили успешные защиты кандидатских диссертаций в сфере профессиональной и цифровой этики.

Литература:

1. Махашева Л.В. Digital Afterlife: цифровая смерть и проблема этики // Коммуникативное пространство современного мегаполиса. Мате-

риалы научной онлайн-конференции. М.: ООО «МАКС Пресс», 2019. С.48–54.16

2. Мелешко Е.Д. Этические проекты в сфере педагогического образования: опыт этического центра Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого / Е.Д. Мелешко, Ю.В. Назарова // Этическая мысль. 2023. Т.23. №2. С.156-176.

3. Назаров В.Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль 2020. Т.20. №1. С.143-154.

4. Назарова Ю.В. Цифровое посмертие в концепции инфосферы Л. Флориди (этический анализ) // Манускрипт. 2021. Т.14. №12.

5. Ohman C., Floridi L. The Political Economy of Death in the Age of Information: A Critical Approach to the Digital Afterlife Industry. Minds & Machines 27, 2017. Pp.639–662.

6. Ulguim P. Digital Remains Made Public: Sharing the dead online and our future digital mortuary landscape // AP: Online Journal in Public Archaeology Special. 2018. Vol.3. P.153–176.

Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества»

Перов Вадим Юрьевич

канд. филос. наук; доцент, заведующий кафедрой этики
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические риски и принцип фальсификации систем искусственного интеллекта

При обсуждении вопросов об этических рисках создания и использования систем искусственного интеллекта зачастую в центре внимания оказываются соображения, связанные с безопасностью и надежностью таких технологий. Оставляя в стороне проблемы вмешательства в их функционирование и возможные поломки, стоит остановиться на некоторых аспектах того, что получило название этическое согласование или выравнивание (ethical alignment). В широком смысле этическое согласование может быть представлено, во-первых, «программой минимум», что предполагает такие разработки систем искусственного интеллекта, которые включали бы ограничения, препятствующие использованию их во вред людям. По сути, это означает следование классическому этическому принципу «не навреди». Во-вторых, «программа максимум», направленная на разработку и использование систем искусственного для блага человечества. Следует отметить, что понятия вреда и блага относятся к наиболее дискуссионным морально-философским проблемам. В этом контексте в последнее время все большую популярность получает концепция «искусственный интеллект во благо общества» (Artificial Intelligence for Social Good, сокр. AI4SG), в рамках кото-

рой осуществляются попытки объединения требований «не навреди» и «во благо». Один из ведущих специалистов в области этики искусственного интеллекта Л. Флориди дает следующее определение: «AI4SG – проектирование, разработка и развертывание систем искусственного интеллекта способами, которые предотвращать, смягчать или решать проблемы, негативно влияющие на жизнь человека и/или благосостояние природного мира, и/или способствовать социально предпочтительному и/или экологически устойчивому развитию». Для обеспечения этого Л. Флориди предлагает семь принципов для технологий AI4SG: (1) фальсифицируемость и постепенное развертывание, (2) защита от манипулирования предиктивными результатами; (3) вмешательство с учетом контекста получателя; (4) объяснение в контексте получателя и прозрачность целей; (5) защита конфиденциальности и согласие субъектов данных; (6) ситуационная справедливость; (7) удобная для человека семантизация. Предполагается, что эти семь принципов взаимодополняют друг друга, и каждый заслуживает отдельного рассмотрения и анализа. Но в контексте заявленной темы стоит остановиться на первом из них. При внимательном рассмотрении предлагаемый Л. Флориди принцип «фальсифицируемости и постепенного развертывания» содержательно раскрывается как требование постоянного тестирования и перепроверки на всех этапах не только разработки, но и функционирования систем искусственного интеллекта, особенно при расширении сфер их применения. Это выглядит очень важным, но по сути является требованием для любых технологий и вряд ли может быть отнесено к специфике этики в области искусственного интеллекта, особенно для AI4SG. Поэтому принцип «фальсифицируемости и постепенного развертывания» может быть содержательно дополнен, во-первых, обращением к теоретическим и методологическим разработкам морального фаллибилизма и этического пробабилизма в их различных вариациях. Это выглядит перспективным, учитывая, что многие системы искусственного интеллекта основаны на статистических вероятностных моделях. Во-вторых, возможность использования принципа фальсифицируемости как основа для запланированных ограничений, то есть разработка исходной демаркации сфер функционирования и потенциального использования различных систем искусственного интеллекта. В результате станет возможным, что для разнородных систем искусственного интеллекта будут разрабатываться и внедряться разные принципы, технологии и процедуры этического согласования. Оба эти содержательные дополнения позволят снизить вероятность возникновения этических и других рисков.

РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

Перова Нина Вадимовна

аспирант

Институт философии Российской академии наук

Искусственный моральный помощник как способ морального биотехнологического улучшения

Одним из проектов использования систем искусственного интеллекта (СИИ), в частности слабых СИИ, в рамках биотехнологического морального улучшения является создание на базе языковых генеративных систем искусственных моральных помощников (ИМП). Они будут заниматься сбором, обработкой и постоянным обновлением информации о людях, помогать в принятии моральных решений и стимулировании морального улучшения. В отличие от искусственных моральных агентов на основе сильных СИИ, ИМП не будут обладать механизмом непосредственного воздействия на поведение людей, их функционал будет носить характер экспертной помощи. ИМП разрабатывается как вспомогательное улучшение, то есть он будет содействовать человеку, при этом сохраняя активную роль человека в моральном поведении.

Можно говорить о следующих наиболее существенных чертах предполагаемых ИМП: 1. Как СИИ, ИМП будет выступать экспертом в области морали в силу обучения на широком объеме данных, а также таргетированной настроенности на решение задач в области морали и морального улучшения в силу доступа к сверхчеловеческому объему этических данных. 2. ИМП будет настроен на персонализированное функционирование. Важным этапом обучения каждого ИМП будет доступ к личным этическим представлениям конкретного морального агента, улучшение которого является задачей ИМП. Это значит, что выдаваемые рекомендации будут зависеть от поставленных целей, истории морального поведения, достижений и разочарований, опыта общения, нравственных позиций самого агента. 3. Как СИИ, то есть не связанный непосредственно с субъективными переживаниями морального агента, хотя и имеющий доступ к информации о них, ИМП будет выносить наиболее рациональные и беспристрастные рекомендации.

Однако, как эти установки, так и идея ИМП в целом, кажется менее оптимистичной, чем ее представляют сторонники подобных проектов. В связи с этим, стоит обратить внимание на моральные проблемы, которые связаны с проектами ИМП. Наиболее существенные из них:

1. Экспертность. Поскольку ИМП обучается людьми, и, в отличие от ИМА, не обладает полной автономией, встает вопрос насколько зависимая от людей система может считаться этическим экспертом.

2. Галлюцинации и предвзятость. В силу той же зависимости от человека ИМП может сохранять существующие предвзятости, а также усиливать их и генерировать новые. Помимо этого, ИМП, как СИИ, содержит в себе потенциал создания галлюцинаций (ситуаций, когда СИИ воспринимает паттерны или объекты, которые не существуют или незаметны для наблюдателя-человека, создавая результаты, которые являются бессмысленными или вообще не соответствуют действительности), вплоть до каскадов галлюцинаций, которые могут стать источником новых моральных преставлений и паттернов поведения.

3. Взаимодействие с агентом. Взаимодействие морального агента и ИМП может, как в случае с ИМА, привести к взаимному негативному влиянию, что приведет к увеличению риска ошибок и галлюцинаций со стороны СИИ, и снижению способности к моральному поведению и принятию моральных решений агента.

4. Сверхдоверие. Полная независимость агента от ИМП является иллюзорной. Более того, ИМП как эксперт, имеющий доступ к более полной информации чем любой человек, может оказаться способом освобождения человека от принятия сложных решений. Это, в свою очередь, приведет к формированию сверхдоверия – слепого следования агента рекомендациям ИМП.

РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта», Санкт-Петербургский государственный университет.

Попов Александр Александрович
научный сотрудник

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева

Систематизация корпоративных этических норм в сфере больших данных

В современном мире, где данные стали одним из самых ценных ресурсов, огромное количество организаций всё активнее использует их для принятия решений, разработки продуктов и услуг, а также для достижения стратегических целей. Однако с ростом объёмов данных и увеличением их значимости неизбежно возрастает потребность в грамотном и этичном управлении ими. В ближайшее время никто не сможет избежать перехода к обязательному управлению данными, и этот переход станет ключевым аспектом успешного функционирования как частных компаний, так и государственных учреждений (1, 5, 6).

Важно отметить, что в такой большой и быстро развивающейся сфере, как информационные технологии, даже самые добрые намерения

могут приводить к неожиданным и зачастую серьезным последствиям. Например, алгоритмы искусственного интеллекта, создаваемые для повышения эффективности и оптимизации процессов, могут, при недостаточном учете этических аспектов, привести к усилению социальных неравенств или к созданию систем массового контроля, которые нарушают фундаментальные права человека (2, 3). Точно так же большие данные, собираемые для повышения качества общественных услуг или продвижения науки, могут быть использованы для манипуляции общественным мнением или навязывания определенных решений без должного информирования общества.

Большинство организаций в сфере информационных технологий рассматривают этику данных преимущественно через призму технологий и соблюдения установленных нормативов. Это означает, что они фокусируются на создании и внедрении технических решений, которые обеспечивают соответствие требованиям законодательства и отраслевым стандартам. В то же время они могут упускать из виду более широкие аспекты этики, связанные с ответственным использованием данных, влиянием на права человека и социальными последствиями принятия решений на основе данных (4).

Чтобы справиться с этими сложностями, необходимо систематизировать этические рамки в сфере больших данных. Эта система должна быть доступна и бесплатна, поддерживать развитие информационных технологий, а также интегрировать этику и инновации в единую операционную структуру. Такая структура должна предоставлять универсальные подходы, подходящие для организаций любого размера, будь то коммерческие, некоммерческие или государственные учреждения.

Систематизация этических рамок в сфере больших данных предполагает создание своего рода «карты этики». Эта карта должна систематизировать этические проблемы и разбить их на отдельные составляющие, что позволит лучше понимать общую картину. Это даст возможность определить ключевые области, где требуется согласование этики и технологий.

Литература

1. Истратова Е.Е., Молчанов А. А. ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В МЕДИЦИНСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ // Journal of Siberian Medical Sciences. 2015. № 6(0). С.59.

2. Коваль Е. А., Мартынова М. Д., Жадунова Н. В. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления // Этическая мысль. 2020. № 2(20). С.115–131.

3. Мартынова М.Д., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Big Data как технологический вызов этическим принципам // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. (4). С.84–101.

4. Шляпников В.В. Некоторые проблемы этики данных и этики социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. № 3(39). С.504–513.

5. Ajah I.A., Nweke H. F. Big data and business analytics: Trends, platforms, success factors and applications // Big Data and Cognitive Computing. 2019. № 2(3). С.1–30.

6. Горячева Е.В. Проблемы защиты персональных данных в банковской сфере // Юридическая наука и практика. 2023. № 3(19). С.23–29. РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Танюшина Александра Александровна
канд. филос. наук; ассистент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Подходы к решению проблемы выравнивания в контексте развития общего искусственного интеллекта

Развитие общего искусственного интеллекта (англ. Artificial General Intelligence; далее — AGI), способного сравниться с человеческим по широте когнитивных способностей, представляет собой одну из наиболее амбициозных задач в современной науке (1). Однако, наряду с перспективами, AGI таит в себе потенциальные риски, связанные, помимо прочего, с «проблемой выравнивания».

Проблема выравнивания (англ. alignment problem) заключается в обеспечении соответствия целей и действий высокоразвитого общего искусственного интеллекта целям и ценностям человечества (2). Одну из наиболее наглядных формулировок данной проблемы предложил шведский философ Ник Бостром (3), описавший мысленный эксперимент «максимизатор бумажных скрепок»: данный эксперимент иллюстрирует гипотетическую ситуацию, в которой искусственный интеллект, запрограммированный на максимально эффективное производство бумажных скрепок, использует все доступные ресурсы для достижения этой цели, игнорируя любые побочные эффекты, даже если они приведут к уничтожению человечества.

Таким образом, проблема выравнивания не сводится к простому заданию задач для AGI, который может сформировать сложные и неявные цели, неподдающиеся простой интерпретации и контролю. Кроме того, цели AGI могут эволюционировать по мере его обучения и взаимодействия с окружающей средой, что делает их непредсказуемыми и сложными для предвосхищения.

В настоящее время не существует единого общепринятого решения проблемы выравнивания, но существует ряд перспективных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Среди них выделяют «внешние» подходы, фокусирующиеся на идее контроля систем искусственного интеллекта извне, ограничивая их возможности и потенциальные действия. Сюда относятся методы, предполагающие разработку систем AGI в изолированных средах («метод контейнирования»), ограничение их доступа к информации и вычислительным ресурсам и т.д. Однако большую надежность гарантируют подходы, направленные на работу с внутренними структурами искусственных интеллектуальных систем, предполагающую интеграцию человеческих ценностей в саму архитектуру будущего AGI (4). Подобные подходы подразумевают обучение моделей с подкреплением на основе обратной связи, отражающей человеческие ценности, обратное проектирование этических стандартов, предполагающее «расшифровку» и формализацию человеческих ценностей и морально-нравственных воззрений для их последующей имплементации в AGI, а также разработку иерархии целей, где высшая цель задается в соответствии с некоторым заранее определенным этическим стандартом. Сюда также относится разработка формальных языков для описания человеческих ценностей, основанная на предварительном изучении когнитивных механизмов формирования подобных систем взглядов у человека.

Проблема выравнивания является комплексной и ее решение требует междисциплинарного подхода. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку более эффективных методов выравнивания, учитывающих сложность и стремительную динамику развития текущих интеллектуальных моделей. Активное сотрудничество между учеными, инженерами, философами и этиками крайне необходимо для успешного решения этой задачи.

Литература:

1. Goertzel B. Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence / Artificial General Intelligence (Goertzel B., Pennachin C. eds.). Springer. 2005. P.1–28.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы стратегии. М.: Манн, Иванов и Фер-бер, 2016. 496 с.
3. Leike J. What is the alignment problem? 2022. (Электронный ресурс). URL: <https://aligned.substack.com/p/what-is-alignment> (дата обращения: 26.09.2024).
4. Bradley A., Saad B. AI Alignment vs. AI Ethical Treatment: Ten Challenges. 2024. (Электронный ресурс). URL: <https://philpapers.org/archive/BRAAAV.pdf> (дата обращения: 26.09.2024).

Туманян Тигран Гургенович
д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Искусственный интеллект и ислам: этическое измерение

Цифровые технологии XXI века открыли новую эпоху в жизни человека, эпоху, которая предлагает прежде невообразимые возможности использования искусственного интеллекта в повседневной жизни. Вне всякого сомнения, эти передовые технологии обладают преобразующей силой и огромным потенциалом, они показывают свою эффективность в самых разных секторах экономики.

Вместе с тем реальные и потенциальные достижения технологий искусственного интеллекта поднимают острые вопросы, которые не всегда находят ответы. Хорошо известно, что современные цифровые технологии способствуют продвижению системы искусственного интеллекта к автономному поведению. Однако такое автономное поведение не во всем однозначно и безукоризненно. Оно обоснованно вызывает озабоченность. Ведь наряду с тем полезным, что могут нести и несут технологии искусственного интеллекта, они способны быть непредсказуемыми, а в чем-то даже и опасными для человека и общества. Хотя полный масштаб этих опасений все еще трудно определить, тем не менее, исследователями выявлены и активно изучаются самые очевидные области риска непреднамеренного злоупотребления технологиями искусственного интеллекта.

Вполне обоснованные опасения деятельности автономных систем искусственного интеллекта поднимают принципиальные вопросы этического характера. Справедливости ради надо отметить, что в последние годы вопросу этического измерения технологий искусственного интеллекта уделяют все больше и больше внимания как в научном сообществе, так и на уровне государственных и международных структур. Можно даже сказать, что сегодня уже сформировалось определенное интеллектуальное движение, стремящееся посредством философско-правового дискурса, выработать некие этические стандарты, определить рамки моральной ответственности в вопросах проектирования и использования цифровых технологий. Это интеллектуальное движение, зародившееся на Западе, определяет ценностно-этические ориентиры глобальной теоретической дискуссии об этике искусственного интеллекта.

Вместе с тем эти же вопросы вызывают неуклонно растущий интерес и в странах Востока, в том числе тех, где традиционно исповедуют ис-

лам и доминирует религиозная культура. Примечательно и то, что вопреки устоявшимся стереотипам о серьезной технологической отсталости стран мусульманского мира, некоторые из них проявляют повышенный интерес к возможности локализации и интеграции технологий искусственного интеллекта в свою общественную инфраструктуру.

Однако подобное «вторжение» передовых западных технологий в жизнь традиционных обществ мусульманских стран принимается далеко неоднозначно. В своих работах мусульманские исследователи в целом критически относятся к доминированию западных этических ценностей в вопросах деятельности искусственного интеллекта. Они настаивают на том, что западный «этический взгляд» не должна быть единственным и преобладающим.

Сегодня вопросам соотношения исламской этики и искусственного интеллекта посвящены десятки исследований. Вместе с тем, впервые острые вопросы, связанные с оценкой ислама сложных высокотехнологичных продуктов, были подняты на уровень научной дискуссии еще в конце прошлого века. Известный британский ученый пакистанского происхождения Зияуддин Сардар был среди тех, кто раньше других обратил внимание на то, как ислам должен относиться к новой эре технологического прогресса. В своих работах он пишет о том, что передовые научные достижения могут быть приняты мусульманским сообществом лишь при наличии должной морально-правовой оценки, основанной на непротиворечии положениям его главных религиозных источников — Корана и Сунны. В словах ученого вполне однозначно прочитываются предостережения от безоговорочного принятия современных технологий вне их корреляции с шариатскими, а значит этическими нормами ислама. Именно такой подход сегодня определяет рамки исламского нормативно-правового дискурса этики искусственного интеллекта.

«ЦИФРОВАЯ АСКЕТИКА: ОТ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ К ДОБРОДЕТЕЛИ В СЕТИ»

РНФ № 22-18-20011 «Цифровая грамотность:
междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

материалы круглого стола

Блинова Олеся Александровна

канд. филос. наук; доцент

Екатеринбургская академия современного искусства

Возможна ли персональная идентичность в метавселенной?

Развитие и проникновение в жизнь человека цифровых технологий вызывает изменения в понимании онтологического статуса субъекта, вынуждая его выстраивать новые границы бытия, наполняя их новыми смыслами. В то же самое время приходит понимание необходимости обновления экзистенциальной составляющей бытия, где на первый план выходит проблема персональной идентичности, ее трансформация и трансформация процесса ее обретения, и актуализируется вопрос о возможности и необходимости обретения персональной идентичности субъектов в сети.

Персональная идентичность, как она понималась в т.н. доцифровую эпоху, представляла собой качество человека, характеризующее его как цельного, самодостаточного субъекта на физическом и ментальном уровнях, раскрывающих свое «Я» через персональный нарратив. Таким образом, персональная идентичность позволяла сохранять субъекту целостность на всех этапах развития его бытия, способствуя обретению онтологического статуса и позволяя преодолевать экзистенциальные кризисы. Основной практикой обретения персональной идентичности был персональный нарратив, в котором субъект разворачивал свою историю перед лицом Другого.

Цифровизация вводит понятие цифровой идентичности как обретения единства «Я-реального» и «Я-виртуального», способствующего неразрывному восприятию себя. В дискурсивном поле цифровой идентичности субъект получает такие определения как «дивидуум», «гибрид», «homo digital» и пр., характеризующие его как расколотого. Множе-

ственность аккаунтов, никнеймов и аватаров позиционируется как расщепленность субъекта и утрата им своей целостности. Нет больше и персонального нарратива, в котором разворачивается история субъекта и раскрывается его целостное «Я», есть история реальная, рассказываемая реальным субъектом, а есть виртуальные истории, позиционирующие разные аспекты «Я».

XXI век усугубляет проблему, т.к. усложнение виртуального приводит к возникновению нового типа реальности – метавселенной, и проблема идентичности актуализируется вновь. Основной вопрос, который волнует исследователей, возможно ли обретение персональной идентичности в метавселенной, возможно ли субъекту в цифровом пространстве сохранить свою реальную целостность? Действительно ли расколотасть субъекта на множество 3D-аватаров с различными характеристиками и именами, которые на первый взгляд не имеют ничего общего, лишает возможности собрать субъект в единое «Я»?

Создавая аватары, наделяя их именами, человек, в конечном счете, все равно остается собой. Он, подобно кораблю Тесея, который в пути меняется как формально, так и содержательно, в итоге в пункт назначения приходит в том же виде, что и выходил в начальной точке. «Я» в данном случае конституируется с помощью символических конструктов. Сборка этих конструктов в единое происходит благодаря тому, что П. Рикёр называл *idem* – описание и *ipse* – самость. В результате мы имеем конструкт переописания, представляющий совокупность высказываний о реальности, описания реальности, дополненные фотографиями, видео, музыкальным сопровождением, мемами, картинками и пр. компонентами, сближающими реальное, физическое, и цифровое, виртуальное, бытие субъекта. В результате, как отмечает П. Рикёр, происходит обретение персональной идентичности через самопризнание, как ответственности, и признание Другим, как заботы.

В результате мы можем говорить о том, что, не смотря на трансформацию понятия персональной идентичности и пространства ее обретения, персональный нарратив по-прежнему остается основной формой этого обретения.

Иванов Андрей Геннадиевич

д-р филос. наук; заведующий кафедрой философии
Липецкий государственный технический университет

Цифровой доступ к советскому прошлому: сколько и зачем

В последнее время достаточно быстро распространяются практики трансляции образов советского прошлого посредством цифровых сервисов – от компьютерных игр (например, «Atomic Heart») до онлайн сообществ, состоящих из молодых людей, не заставших советское время.

В ситуации, когда еще действуют каналы коммуникативной памяти (есть большое количество представителей, заставших и успевших потрудиться в СССР – от беби-бумеров до старшей части Поколения X), возникает закономерный вопрос: уместен и этичен ли цифровой аскетизм в случаях с обращением с советским прошлым, учитывая, что медиа зачастую формируют искаженное представление о советском периоде истории нашей страны, и следует ли полностью полагаться на истории тех, кто застал Советский Союз в сознательном возрасте? Интерес к цифровым трансформациям советского интересен еще и потому, что в публичном пространстве существует своеобразный диссонанс: с одной стороны, органы власти декларируют о провале политики КПСС и многочисленных ошибках при государственном управлении под руководством компартии; с другой стороны, возрождают и масштабируют отдельные советские практики и ритуалы, содействуют широкому распространению художественных фильмов о времени Советского Союза, что, в конечном счете, приводит к романтизации, мифологизации и даже коммерциализации советского прошлого, из которого можно извлечь выгоду посредством создания соответствующего цифрового контента. На советских ритуалах следует остановиться подробнее. Так, можно говорить о явном, завуалированном возвращении, а также о ритуалах советского происхождения, которые никуда из общественной жизни не уходили. К явным возвращениям отнесем учреждение звания Героя Труда, переименование ВВЦ в ВДНХ, возрождение ГТО. К завуалированному (трансформированному) возвращению относится, например, создание в 2022 году структуры, получившей название «Движение первых». Но также в современном российском обществе продолжают существовать общественные ритуализированные практики, зарекомендовавшие себя в советское время, но не претерпевшие существенных изменений: субботник, публичные похороны, а также ритуалы, выражаемые словами «обмыть» и «проставиться». Кроме того, через соцсети старшее поколение даже пытается приобщить молодежь к советскому (в дополнение к не всегда удающимся таким попыткам посредством прямой коммуникации), в результате чего получается своеобразная добродетель в сети – через размещение фото, различного контента, пропагандирующего исключительно позитивные стороны советского строя. Но чаще приходится сталкиваться с эксцессами, связанными с наиболее востребованным сегодня форматом – цифровым, когда люди, не работавшие в СССР, стремятся внести свой вклад в конструирование образов советского времени (яркий пример здесь экранизация романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в которой режиссер Михаил Локшин из младшей части Поколения X, создает СССР, которого не было, выступая в качестве агента алло-идентификации или аффилиатив-

ной постпамяти и провоцируя коннективное направление работы постпамяти через соединение различных историй не ради размывания их специфики, но для обнаружения общих эстетических и политических стратегий, эмоций и эффектов). Важно, чтобы в современном обществе существовало понимание, что транслируемые в медиа образы советского скорее искажают реальность (как миф у Р. Барта), когда являются результатами действий представителей поколения, не заставшего Советский Союз и не захотевшего обращаться к периоду СССР по каналам коммуникативной памяти. Тогда, вероятно, эффекты от спекуляций на теме цифровых образов советского прошлого станут менее масштабны.

РНФ № 24-28-00610 «Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты»

Миляева Екатерина Галимулловна
старший преподаватель, старший научный сотрудник
Челябинский государственный университет;
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Цифровая аскетика: шаг за шагом из цифры к человеку

Цифровая аскетика – это философская и педагогическая концепция, направленная на сохранение гуманитарного аксиологического вектора в образовании и на баланс между онлайн и офлайн жизнью в условиях цифровизации. Концепция ориентирована на развитие цифровых навыков и компетенций, таких как коммуникация, кооперация, саморазвитие, креативное мышление, управление информацией и критическое мышление. В прикладном формате концепция реализована в виде ежедневника на четыре недели, каждая из которых посвящена проблемам онлайн и офлайн жизни. Дневник помогает осознать сценарий использования цифровых технологий и развить необходимые навыки для их эффективного и ответственного применения с позиции гуманистического подхода в образовании.

Исследование отношений человека и цифровых технологий с позиции философии необходимо для понимания влияния цифровых технологий на нашу жизнь и общество. Философский подход позволяет выявить скрытые предположения и предубеждения, определяющие наше восприятие и использование цифровых технологий. Он также позволяет определить этические и моральные аспекты их использования. Философия помогает понять, как цифровые технологии влияют на наше восприятие реальности и наше место в мире.

Современная система образования сосредоточена больше на обладании знаниями, чем на развитии личности. Однако растет обеспокоенность влиянием новых технологий, что ведет к увеличению внимания к человеку в его антропологической целостности. Например, эксперты Global Education Futures и WorldSkills Russia предложили новую модель навыков, включающую экзистенциальные навыки, такие как способность ставить и достигать целей, самосознание, метапознание и саморазвитие. Отечественные исследователи, разрабатывают концепцию self-skills, связанную с духовной стороной человека и искусством бытия. Это подчеркивает важность онтологического, антропологического и этического поворота в образовании, который становится актуальным в эпоху вытеснения человека как незавершенной экзистенциальной целостности «человеческим ресурсом».

В условиях цифровизации был предложен метод использования рукописного философского дневника для поиска баланса между онлайн и оффлайн жизнью, снижения негативных последствий виртуализации и предотвращения цифровой зависимости. Саморефлексия и изучение сложных этических и смысложизненных вопросов через знакомство с философским наследием помогают принимать обоснованные решения в различных ситуациях. Ведение рукописного дневника способствует развитию осознанности и лучшего понимания внутренних процессов, улучшает навыки письма и общения, становясь своеобразным «убежищем» для философской «заботы о себе».

Ежедневник рассчитан на 4 недели работы и посвящен актуальным проблемам жизни человека в онлайн и оффлайн среде: цифровой след, кибербуллинг, критическое мышление, забота о себе. Пособие предназначено для учащихся 9-11 классов и первых курсов вуза, а также может использоваться в образовательных и воспитательных целях. Под цифровой аскетикой понимается формирование особого образа жизни с соблюдением баланса между онлайн и оффлайн активностью, контролем над использованием социальных медиа и гаджетов. Методика цифровой аскетики включает практики контроля потребления информации и использования цифровых технологий, установку временных ограничений, отказ от некоторых устройств и сервисов.

Ежедневник «Цифровая аскетика» был апробирован в рамках педагогического эксперимента и представлен в научных публикациях коллектива проекта с аналогичным названием. Разработано и учебно-методическое пособие для учителей, содержащее материал для проведения занятий, хрестоматию, информацию о социальных сетях, кибербуллинге и др. Пособие предназначено для учителей школ, классных руководителей, преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, родителей и тьюторов и способствует подготовке к занятиям по

цифровой грамотности, борьбе с цифровой аддикцией и развитию критического мышления.

Литература:

1. Мобильное приложение для платформы Android «Цифровая аскетика» (Электронный ресурс) URL: https://apps.rustore.ru/app/com.ne_lopatin.Digital_print
РНФ № 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Назаров Владимир Николаевич
д-р филос. наук; профессор
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Цифровая этика: актуальные риски и дилеммы

Цифровая этика как новая область морального знания – это не просто вид профессиональной этики, но универсальная прикладная концепция «цифрового» поведения, прилагаемая к определенным видам профессиональной деятельности, осуществляемой на основе ИТ.

Цифровая этика имеет существенные отличия от универсальной этики реального мира. В цифровом мире можно делать то, что невозможно в физической реальности. В цифровом пространстве возникают новые риски, требующие особых принципов регуляции (потеря конфиденциальности, риск обмана и дезинформации, риск распространения экстремизма и порнографии, надзор контролирующих государственных органов, монополия на сервис от больших корпораций) и т.д.

Информационный пользователь должен иметь перед собой инструкцию с перечнем рисков цифровой реальности, применительно к тем или иным областям профессиональной деятельности.

Основными сферами цифровой этики, порождающими постоянные риски, являются: право на интеллектуальную собственность, неприкосновенность частной жизни, безопасность духовного бытия личности, перегруженность информацией, дискриминация по половому, расовому, религиозному признаку, искусственные «посредники» при доступе к источникам знания, достоверность и актуальность информация, замаскированная цензура.

Все это относится к объектам тщательной этической оценки не только с точки зрения всеобщих, естественных прав человека, но и с точки зрения культурно-исторических и геополитических различий. Эта область цифровых этических компетенций именуется «межкультурной цифровой этикой» (Intercultural Digital Ethics – IDE) (1; 2).

Наиболее значимыми императивами цифровой этики являются принципы, основанные на заповедях, «не укради» и «не лги», которые полу-

чают своеобразное преломление в информационно-коммуникативном пространстве. Здесь они означают: «не кради чужую информацию» и «не искажай собственную информацию». В своей совокупности две эти нормы определяют минимум идентичности и конфиденциальности личности. Это связано с тем, что в информационном мире невозможно прямое убийство пользователя информации. Поэтому заповедь не убий не действует здесь в форме прямого запрета. Однако воровство и ложь (искажение своей и чужой информации) могут привести к смерти цифровой копии пользователя интернета. Все это порождает новые дилеммы в сфере цифрового поведения:

1. Персональность – анонимность. Мир цифровых медиа существенно меняет ощущение идентичности и подлинности существования личности, поскольку в социальных сетях человек может выбирать различные роли и чувствовать себя анонимным.

2. Защищённость – открытость. Вторжение в личное пространство и доступ к конфиденциальным данным делают персональное пребывание человека в интернете прозрачным. Конфиденциальность персональных данных в цифровой реальности сохранить практически невозможно, но многие по-прежнему считают, что их цифровая реальность находится под защитой внешнего мира. Однако со временем обнаруживается, что цифровые следы навсегда сохраняются в физической реальности

3. Свое – чужое. Авторское право, интеллектуальная собственность порождают в цифровом мире особые формы мошенничества и плагиата. Например, чужой текст присваивается и маскируется как свой собственный, тогда как личное творчество отчуждается от автора и становится анонимным.

4. Истинная информация – ложная, недостоверная информация. Эта дилемма особенно актуальна, учитывая количество размещенных в Сети материалов. Ключевой вопрос: какой информации стоит доверять, а какую игнорировать и удалять. Особенно острой проблемой цифровой этики становится перегруженность информацией, порождающая особые виды психических расстройств. В частности, диагностируется такая патология, как «цифровая деменция» (3, р.272). В этой связи возникает новая область медицины – цифровая биомедицинская этика.

Литература:

1. Aggarwal N., Floridi L. Intercultural Digital Ethics at the OII // Oxford Internet Institute: (website). URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/news-events/news/intercultural-digital-ethics-at-the-oii/>

2. Ess C.M. Interpretative Pros Hen Pluralism: from Computer-Mediated Colonization to a Pluralistic Intercultural Digital Ethics // Philosophy & Tech-

nology (2020). Volume 33 (2). Pp. 552-569. Springer Nature: (website). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-020-00412-9>.

3. Spitzer M. *Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen*. Droemer Knauer (München). 2012. – 368 p.

Государственное задание Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в инновационных процессах Российского образования»

Пайметьев Данил Васильевич

обучающийся бакалавриата

Челябинский государственный университет

Этические проблемы в ситуации «цифрового концлагеря»

Термин «цифровой концлагерь» вызывает серьезные философские и этические вопросы, связанные с использованием технологий для тотального контроля над человеком. Основная проблема здесь заключается в подавлении личной автономии и разрушении фундаментальных прав человека, таких как свобода мысли, передвижения и самовыражения. Современные технологии, включая системы распознавания лиц и анализ данных, позволяют правительствам и корпорациям следить за каждым шагом человека, его социальными связями и предпочтениями. Это создает атмосферу постоянного страха перед наказанием за любое отклонение от предписанных норм, что ведет к формированию крайне репрессивного общества.

С этической точки зрения, такой контроль оказывает разрушительное воздействие на мораль и психологическое состояние личности. Французский философ Жан Бодрийяр говорил о «симулякре» — замещении реальности её цифровыми копиями. В условиях цифрового концлагеря личность становится симулякром своих поступков, поскольку люди вынуждены подстраиваться под ожидания системы, часто в ущерб своим истинным желаниям и убеждениям. Это порождает явление самоцензуры, где под угрозой оказывается не только индивидуальная свобода, но и сама идея человечности.

С точки зрения философии Канта, свобода воли — основа морали. Однако в условиях тотального контроля этот принцип разрушается, так как люди вынуждены следовать предписанным нормам, даже если это противоречит их убеждениям. Такая ситуация приводит к моральному компромиссу, когда подлинное моральное поведение оказывается невозможным, поскольку индивиды действуют не по собственной воле, а в соответствии с установленными правилами. Это ставит под сомнение их способность нести ответственность за свои поступки.

Не менее важной проблемой является приватность. Можно ли говорить о праве на личную жизнь, когда каждый шаг человека находится

под наблюдением? В этом контексте встаёт и вопрос справедливости: кто решает, какие действия заслуживают наказания, и насколько объективной может быть такая система? Возникают сомнения в справедливости цифрового надзора, особенно когда любое отклонение от нормы может повлечь санкции. В обществе, где люди боятся ошибаться, их действия не могут быть по-настоящему моральными, поскольку они исходят не из внутреннего выбора, а из страха перед наказанием.

Этические проблемы цифрового контроля можно разделить на две ключевые категории. Во-первых, как указывал Мишель Фуко, постоянный надзор превращает человека в объект дисциплинарного механизма, что лишает его возможности для самовыражения. Во-вторых, Исаия Берлин в своей концепции «негативной свободы» отмечает, что свобода как отсутствие внешнего вмешательства утрачена, когда человек принимает решения под давлением. Это обстоятельство также ослабляет моральную ответственность, так как личный выбор оказывается навязанным извне.

Литература:

1. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С.19-43.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. – 240 с.
3. Кант И. Метафизика нравов. М.: Родина, 2022. – 272 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2022. – 416 с.

Пеннер Регина Владимировна

д-р филос. наук; доцент

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Цифровая аскетика как философская концепция

Цифровая аскетика представляет собой уникальную концепцию, направленную на гармонизацию взаимодействия человека с цифровыми технологиями. Это помогает сохранять баланс между онлайн и офлайн жизнью, развивать навыки критического мышления, саморазвития и осознанного использования технологий в условиях цифровизации.

Основные принципы цифровой аскетики: важнейшие аспекты цифровой аскетики включают контроль над собственным цифровым следом, защита от кибербуллинга, а также развитие навыков, способствующих ответственному использованию цифровых ресурсов.

Этические и антропологические вызовы цифровой эпохи: цифровая аскетика предлагает философскую рефлексию над проблемами вир-

туализации жизни, утратой личных границ и зависимости от алгоритмов. Это помогает справиться с вызовами, связанными с цифровым капитализмом и платформами, формируя более осознанный подход к использованию технологий и защите личных данных.

Практические инструменты: Е.Г. Миляева с коллегами предлагает формат цифрового аскетизма, который базируется на ведении специального ежедневника, рассчитанного на четыре недели работы (Цифровая аскетика: учебно-методическое пособие / А.Н. Гулеватая, Э.М. Валеева, Е.Г. Миляева (и др.). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023). Каждая неделя посвящена одной из актуальных проблем цифровой эпохи: цифровой след, кибербуллинг, забота о себе и развитие критического мышления. В начале каждой недели «аскету» предлагается осмыслить тему и провести саморефлексию. Завершается неделя «Письмом к себе», где участники подводят итоги и намечают дальнейшие шаги в своей цифровой жизни.

Цифровой след и кибербуллинг: одним из ключевых аспектов цифровой аскетики является управление цифровым следом и осведомленность о потенциальных угрозах кибербуллинга. Введение в школьные программы навыков защиты личных данных и противодействия киберугрозам помогает молодежи более уверенно и безопасно ориентироваться в цифровом пространстве.

Забота о себе: добродетельное поведение в сети возможно, когда пользователь сети реализует заботу о других, фундаментом для которой выступает его забота о себе. Цифровая аскетика подчеркивает важность заботы человека о себе и своем эмоциональном состоянии. Здесь речь идет о физическом и ментальном здоровье, а также о необходимости осознавать, как цифровые устройства и социальные сети могут влиять на настроение и самочувствие. Практика ведения дневника помогает лучше понимать себя, свои мысли и эмоции, фиксируя их на бумаге. Это позволяет развивать навыки саморефлексии и осознавать себя как личности вне цифровой среды.

Развитие критического мышления: цифровая аскетика акцентирует внимание на формировании навыков критического осмысления информации. Учащиеся могут научиться анализировать различные мнения и трактовки одного и того же события, чтобы понимать, какая информация достоверна, а какая может быть искаженной. Например, посредством инструмента «Квадрат Декарта» возможно спроектировать и оценивать последствия различных вариантов одного события. Подобные практики позволяют учащимся осознанно подходить к решению проблем и формировать собственное отношение к событиям и информации.

Выводы: как философская и образовательная концепция цифровая аскетика представляет комплекс практик и упражнений, благодаря ко-

торым современный человек способен осознанно использовать технологии, сохраняя баланс между своей реальной и виртуальной жизнью. РНФ № 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Тихонова Софья Владимировна

д-р филос. наук; профессор, старший научный сотрудник
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского;
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Артамонов Денис Сергеевич

д-р филос. наук; доцент, заведующий кафедрой
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Этика индийского кино в контексте цифровизации кинематографа

Индийское кино по праву можно считать гимном добродетели. Утверждение традиционных ценностей всегда лежит в основе индийских кинолент, что не мешает им реагировать на острые социальные проблемы. Благодаря последовательной государственной политике современный индийский кинематограф целенаправленно старается ниспровергать стереотипы о радикальном социальном неравенстве, показывая почтение и уважение, получаемое замужней женщиной в семье («Инглиш-Винглиш», 2012 г.), усилия государства по развитию доступности образования («Хинди школа», 2017 г., «Икота», 2018 г.). Существует прямой государственный заказ в этой сфере – правительство финансирует кинокартины об успешной реализации программы «Право на образование». Болливуд производит более 1000 фильмов в год, включая авторское кино, «параллельное кино», малобюджетное кино, и при этом продолжает ориентироваться на молодежную аудиторию, поскольку именно Индия является сегодня страной с максимальной численностью тинейджеров в социально-демографической структуре. В итоге почти парадоксальным образом индийское кино, замешанное на традиционных ценностях, получает заряд юношеского радикализма и эстетики, находящий отклик во всем мире. Молодые субкультуры всегда отличает чувствительность к цивилизационным аспектам, любовь к высоким технологиям и архаике в собственно культурном измерении, ориентированной на мифологемы героя, контрарные этические дилеммы, ниспровержение «дутых авторитетов» и вечный сюжет борьбы Добра со Злом. На протяжении XX века примат квинтэссенции цивили-

зации принадлежал Голливуду, насаждавшему в маркетинговых стратегиях вестернизирующие эталоны общества потребления по всему миру. Образ передовых технологий и сам бренд зрелищности воспринимались как атрибут Запада, оборотной стороной которого всегда считалась духовная пустота и отчуждение.

Болливуд долгое время проигрывал Голливуду именно по техническим параметрам, индийская кинопродукция отличалась низким бюджетом комбинированных съемок, постановок трюков и спецэффектов как таковых. Однако уже в 90-х гг. XX века индийский кинематограф становится частью глобальной массовой культуры, обгоняя американский на 1 млрд по числу реализуемых билетов каждый год. Появление цифрового кинематографа и хромакея основательно сократило разрыв между Голливудом и Болливудом, позволив на новый уровень вывести хореографические элементы, синтезировав фантастические каскадерские трюки в жанре экшен и гимнастические трюки танцующей и поющей массовки в фантазмагорический балет. Первое десятилетие нынешнего века в Болливуде очевидно прошло под знаком англосаксонского влияния, когда тренды «европеизации» индийской культуры задавали партнерские проекты именитых западных и индийских режиссеров (пример – «Миллионер из трущоб» Дэнни Бойла и Лавлин Тандан). Англосаксонское влияние вытесняется расцветом в XXI в. жанра масалы, произвольно миксующей боевик, комедию, драму и мелодраму, насыщающую их трагическим реализмом, неотменяемым обязательным хэппи-эндом, на совершенно новый уровень развития. Традиционная «вкусность» этого жанра (неслучайно он получил название по классической индийской смеси пряностей) основана на красочности древней индийской культуры, маркетинговой привлекательности элементов общества потребления, открытости технологическим новациям и чувствительности к глокальным социальным проблемам, вызванным глобализацией. В лентах последних лет («Бахубали», 2015, 2017, «PPP», 2022) эстетика массового акробатического балета подчиняет себе в нем традиционные для индийского фильма «3 песни и 2 танца», трюки доведены до фантастического абсурдизма, а кровавая brutality превосходит каноны даже тарантиновской традиции. Герои совмещают в себе два модуса-режима, супергеройский и человеческий, легко переходя от божественной неуязвимости к человеческой беспомощности. Они гордо восходят на эшафот и своим благородством утверждают кантовский императив, отказываясь видеть в человеке средство своих, пусть даже самых высоких, целей. Новое технологическое осмысление классических мифологических схем строится в рамках индоцентризма, который, являясь логическим конструктивным продолжением европо-

центризма, содержательно позиционирует его отмену, возвышая ценности семьи, дружбы, любви и патриотизма.

РНФ № 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Шулепко Мария Александровна

обучающийся бакалавриата

Челябинский государственный университет

Этические проблемы лидерства в цифровой среде

Развитие информационных технологий ставит перед обществом новые этические проблемы, которые требуют изучения и эффективного решения. Особое внимание уделяется цифровой этике, которая занимается исследованием влияния технологий на политическое, социальное и моральное существование людей (1). Современные лидеры, принимая решения, должны руководствоваться моральными принципами, поскольку функционал искусственного интеллекта лишен этических установок. Наше исследование направлено на определение и анализ этических проблем лидерства, связанных с цифровыми технологиями, и поиск путей их решения.

Сегодня, в условиях политической неопределенности, развития капиталистических отношений и серьезных общественных трансформаций, когда стремительно развивающееся общество движется к совершенно новому его типу, о котором ученые прошлого предупреждали как о далекой перспективе, а писатели размышляли в своих научно-фантастических произведениях, особенно остро наблюдается взаимосвязь политической и цифровой этики. Современным лидерам, в том числе и политическим, в условиях цифровизации и приоритета капиталистических ценностей, необходимо решать не только сформулированные политической этикой проблемы, но и на основе киберэтики регулировать технологический процесс и своими действиями способствовать улучшению цифрового пространства.

Современное цифровое пространство предоставляет людям возможности для активного участия в общественной жизни, получения образования и работы дистанционно. В цифровом пространстве активно развивается электронная экономика, рынок интернет-рекламы и онлайн-услуги. Алгоритмы стали основой социальной инфраструктуры, информация доступна мгновенно, появляются новые профессии, связанные с цифровым обществом. Люди проводят много времени в Интернете, однако социальные сети могут привести к социальной изоляции. Интернет-серфинг заменил потребность в самостоятельном производстве знаний. В цифровом пространстве существует проблема приватности данных и новые формы мошенничества, а также сформирова-

ровалась благоприятная среда для информационных войн и манипуляций сознанием.

В таких условиях перед лидерами, будь то в студенческой среде или же в «большой политике», могут стоять следующие этические проблемы, возникающие в цифровой среде: проблема цифровой справедливости и равенства возможностей; соблюдения этичности в поле цифровой экономики; цифровой неграмотности; контроля над качеством информации в цифровом пространстве; решения дилемм персональности и гласности; защищенности и открытости; кибермошенничества и киберпреступности; информационных войн и манипуляций сознанием.

Учитывая преобладание в обществе капиталистических ценностей, недостаточное понимание большинством населения текущей социально-политической ситуации, неготовность противостоять вызовам и угрозам нового века и слабую цифровую и функциональную грамотность населения, в особенности, молодежи, сейчас все еще актуален поиск способа преодоления проблем цифровизации. Необходимы новые педагогические решения, способствующие повышению интеллектуального, культурного и духовно-нравственного развития молодежи как социальной группы, в будущем определяющей ракурс развития всего общества, а также воспитания у молодежи лидерских качеств.

Человечество не может отказаться от благ цифровизации, не может отказаться от использования информационно-коммуникативных технологий и пресечь стремительный переход к информационному обществу – все это реалии современного мира и его будущее. Однако с процессом цифровизации в общество проникли и риски и угрозы – киберпреступность, информационные войны, технологическая уязвимость цифровой среды, инфляция приватности данных, отсутствие ответственности за действия искусственного интеллекта. Поэтому всем членам общества, в особенности, его лидерам, в условиях цифровизации важно освоить особые знания и компетенции, а также иметь крепкие ценностные основы и нравственные принципы, ведь в век технологий только Человек самостоятельно должен следить за этическими аспектами.

Литература

1. Кожевина О.В. Цифровая этика и технологии искусственного интеллекта // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. №16-1. С.565 – 566.

«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО–КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИНЕМАТОГРАФА: ЭТИЧЕСКОЕ В СЕТЯХ КИНОДИСКУРСА»

материалы круглого стола

Беззубова Ольга Владимировна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

СССР и этика капитализма:

американские фильмы 1940–х годов о Советском Союзе

Советско-американские отношения 1920-1930-х гг. XX в. были достаточно напряженными. Официальное признание СССР со стороны США и установление дипломатических отношений произошло только в 1933 г., а образ СССР в американской массовой культуре был скорее негативным. После начала Второй мировой войны и присоединения Соединенных Штатов к антигитлеровской коалиции, американское правительство столкнулось с необходимостью формирования положительного представления о Советском Союзе, с какой-либо целью и были задействованы ресурсы кинематографа. В итоге, в 1940-е гг. в Голливуде был снят ряд фильмов, положительно изображающих жизнь в СССР и прославляющих боевой подвиг советских людей. Среди подобных фильмов можно упомянуть такие, как «Северная звезда» (реж. Л. Майлстоун, 1943), «Песнь о России» (реж. Г. Ратофф, 1944), «Дни славы» (реж. Ж. Турнер, 1944) а также отличающийся по жанру фильм «Миссия в Москву» (М. Кертис, 1943), в основу которого были положены воспоминания посла США в СССР Дж. Дэвиса.

В задачу создателей данной кинематографической продукции, конечно же, не входило сколько-нибудь правдивое изображение жизни в СССР. Следует отметить, что подобная задача оказалась бы и неразрешимой в силу недостаточности источников информации, о чем можно судить на основании вышедших в 1940-1950-е гг. американских исследований о Советском Союзе. Фильмы были предназначены для амери-

канской аудитории (хотя в дальнейшем некоторые из них демонстрировались и в СССР) и их основной целью являлась легитимация военного союза с идеологическим противником. Эта задача решалась как за счет визуальных средств, создания образов, привычных американскому кинозрителю, хотя и с элементами экзотизации, маркирующими принадлежность к советской культуре. Однако, более важной на наш взгляд является этическая составляющая. Речь идет не только о поведении героев, демонстрирующих мужество, стойкость, героизм и прочие гражданские добродетели, ориентированные на достижение «общего блага», но и о специфическом комплексе индивидуалистических черт, мотивирующих поступки персонажей. Герои фильмов не идеологизированы, но скорее проникнуты стремлением к традиционным «капиталистическим» ценностям – производительный труд ради материального благополучия, самореализация в искусстве, любовь, что, по-видимому, должно было сделать их образы более приемлемыми и понятными западному зрителю. Подробный анализ этического комплекса американских фильмов об СССР будет представлен в предлагаемом докладе.

Кныжова Зарина Закиевна

канд. полит. наук; доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Политический цинизм в западном кинодискурсе и этических представлениях молодежи от яппи до зумеров: диалектика взаимовлияния

В 1990-е годы на историческую арену выходят циничные яппи (поколение X), отторгавшие ценности хиппи, вышедших из поколения политизированных бэббibuмеров. Геополитические преобразования, идеологический кризис Запада, смена поколений становятся фоном для эволюции политического кинематографа. В 1997 году выходит культовое «Плутовство» (или «Хвост виляет собакой»), в котором показано, что «в наши дни мы имеем перед глазами столько примеров манипулирования информацией, что воспринимаем роль пропаганды в искажении информации как данность» (1). Кинематограф под влиянием социальных трансформаций также занимает циничную позицию при репрезентации политических процессов, вопросов, дилемм.

В 2000-е годы анимационный сериал «Южный парк», поднявший планку цинизма и провокационности на недостижимую высоту, добивается феноменального успеха.

Представление шоу как «неполитического» из-за тотального доминирования сатиры может быть обманчивым. Продвижение идеи бессмысленности любого участия в политике, подрывающее мотивацию для политической активности, укрепляет существующий порядок вещей, способствуя апатии и недоверию к политике. Пародия на политику, социальная ирония «Южного парка» привлекает людей, убежденных, что пропаганда — везде, и главная стратегия борьбы с ней — это отстранение, что еще сильнее погружает зрителей в идеологические иллюзии (3). Анимационный сериал мифологизирует политику для тех, кто пытается найти стратегии по демифологизации и деидеологизации своего сознания, создавая «матрицу в матрице».

Неомарксистская парадигма, указывающая на стремление властных элит (эксплуататорских классов) осуществлять культурное господство, предполагает поиск в мультсериале «Южный парк» идеологического посыла и определение политических позиций его создателей. Какую повестку продвигает сериал? Консервативно-республиканскую или либерально-демократическую? А может быть либертарианскую? (Следует учитывать, что один из создателей сериала — член либертарианской партии) (2). Кажется, что ценностные позиции «Южного парка» от серии к серии диаметрально меняются.

Сериал действительно играет роль зеркала, отражающего различные стороны политического и культурного спектра, не занимая при этом четкую позицию, оставаясь нейтральным, и предоставляя возможность для саморефлексии как аполитичным зрителям, так и сторонникам различных идеологий. Несмотря на кажущуюся хаотичность и отсутствие направленного политического курса, «Южный Парк» становится своего рода комментарием к состоянию современной политической дискуссии, где часто отсутствует однозначность или готовность к конструктивному диалогу. Вопрос заключается в том, помогает ли такая амбивалентность находить общий язык тем, кто занимает противоположные позиции или, наоборот, способствует усилению поляризации?

Новый поворот в эволюции политического кино связан с выходом сериала «Картонный домик» (2013–2018), в котором политическая сфера конституируется преступными действиями (4). По мнению Э. Тайеба и Л. Гарнье, сериал разрушает идеалистический образ политического процесса, в котором конкуренция облекается в исключительно мирные формы, а симпатии общества достигаются политиками за счет риторического искусства. Авторы сериала показывают монструозную природу современных политических деятелей, проводя аналогии между политической и «шоу уродов», примиря широкую зрительскую аудиторию с «ненормальностью» поведения представителей политической элиты, что

подтверждается концепцией метамодернизма, отмечающей эволюцию чувственности и повышенное внимание современного общества к очеловечиванию монстров (в том числе и политических).

Кажется, что зрительская аудитория после «Южного парка» стала критичнее воспринимать фильмы/сериалы, в которых предлагается реалистическая репрезентация политических проблем. Мейнстримом политического кино становятся или откровенно пародийные произведения («Безмозглые» (2015), «На грани» (2015), «Смерть Сталина» (2017), «Политик» (2019–2020), «Великая» (2020–2023), «Режим» (2024)) или показывающие неприглядную (гипертрофировано черную) сторону политики («Карточный домик» (2013–2018), «Годы» (2019)). Однако очевидные попытки повлиять на политические настроения с помощью кинематографа продолжают предприниматься.

Литература:

1. Флад, К. Политический миф: Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция. 2004.

2. Becker, M. «I Hate Hippies»: South Park and the Politics of Generation X // Taking South Park seriously. Weinstock J. A. (Ed.). NY, 2008.

3. Groening, S. Cynicism and Other Postideological Half Measures in South Park // Taking South Park seriously. Weinstock J. A. (Ed.). NY, 2000.

4. Taïeb, E., Garnier, L. House of Cards: Monsters in Politics. NED-New edition. Intellect, 2022.

FSRS-2023-0013. Пер. №1023100600007-2-5.4.1;5.6.1 «Гражданская и политическая вовлеченность молодежи в социально-политические процессы»

Литвинский Вячеслав Михайлович

канд. филос. наук; доцент

независимый исследователь

По ту сторону времени. Добежать до себя.

Среди источников исследования повседневности, позволяющих антропологу придать своим выводам если не доказательный, то хотя бы правдоподобный характер, обращение к произведениям киноискусства — обращение к архиву, хранящему богатейший синтез систем образов и нарратива. Среди способов и приемов, накопленных киноиндустрией за время своего существования — крупный план лица или лиц персонажей, композиционным центром которого является взгляд человека. Использование такого крупного плана, почти портретного кадра, с ускользающим выражением взгляда, захватывает зрителя и отправляет его в недра глубинной психологии человека определенного времени, будь то эпоха, время поколения или иной социально — психологиче-

ской реальности. Освобожденные от коммуникативных тупиков нарратива, а значит и от сетей отчуждения, искажающих представление о подлинности человеческого существования, визуальные метафоры системы образов позволяют зрителю не только пережить эмоциональный катарсис, расширить круг собственных представлений, но и совершить экзистенциально — критический транзит в своем развитии. Добежать до себя... вовремя. В сентябре 1983 года на экраны страны вышел фильм Д. Асановой «Пацаны», в финале которого кадры пацанов, бегущих навстречу зрителю. Теперь, когда в русском языке пацаны живут в качестве «правильных», «реальных», «конкретных», а тема взросления человека продолжает привлекать кинематограф — сошлюсь на недавний сериал «Слово пацана» — смысловая глубина образов бегущих подростков в завершающих кадрах приобретает все большее значение. Куда бегут пацаны? Очевидная избыточность визуальных метафор — бегут все вместе, объединенные общим ритмом и трендом навстречу зрителю с распахнутыми глазами — разрушает доверие сценарному ответу, а вместе с ним и структуру привычного восприятия социальной проблемы, предполагающего, что самим авторам правильный ответ известен всегда. Институциональные координаты морально — педагогического отношения к ребенку и подростку – внимание, забота, любовь, искренность, честность и т.п. всем известны, но так редко встречаются в жизни в чистом виде. Простые вещи, — в том числе, а может быть и прежде всего, опыт правды и добра — нуждаются не в виртуозной актерской игре, а в проявлении ресурсами кино съемки, избегающей поясняющего авторского голоса за кадром. Визуальная метафора большой группы набегающих на зрителя подростков в самом конце фильма придает ему требуемую произведением искусства композиционную завершенность, в тоже время оставляя будущее бегущих открытым. Метафора бегущего человека рождает иллюзию спешки. Бегущий человек — тот, кто спешит, кому надо успеть и успеть вовремя. Асанова проецирует на процесс взросления блестящий слоган Монтеня: «Искусство жить состоит в то, чтобы жить к стати». В ее взгляде на мир и жизнь процесс взросления – не подарок, даруемый системой родства и положением родителей, но судьба, в которой возможен свой шанс. И этим шансом надо уметь воспользоваться. Может быть, два персонажа, отставшие от основной группы бегущих – намекают на это обстоятельство. Автор набросков принимал участие в съемках фильма «Пацаны», рассказ о чем можно найти в работе «На стороне подростка. О фильме Динары Асановой «Пацаны», в сборнике «Поту сторону экрана», посвященного году Российского кино, вышедшем в 2016 году.

Московчук Любовь Сергеевна

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Императивы академической этики в кинодискурсе

Академическая этика — совокупность этических ценностей и норм, регулирующих поведение в академической среде, включающей в себя всех участников научно-исследовательской и образовательной деятельности. Нормы академической этики фиксируются в уставах и кодексах образовательных учреждений, научно-исследовательских институтов, научных профессиональных сообществ и т.д., и, несмотря на высокую социальную значимость, недостаточно часто оказываются в центре кинематографической рефлексии.

Стоит отметить, что наибольшее отражение в кинодискурсе получили этические проблемы, связанные с развитием военных технологий, ядерной физики и т.д., а также рефлексия над причинами и последствиями техногенных катастроф («Девять дней одного года», «Иду на грозу», «Главный конструктор», «Комиссия по расследованию», «Опенгеймер», «Чернобыль» и др.). В отдельную категорию стоит вынести кинорефлексию моральных дилемм в области генетики, медицинских и биологических наук («Открытая книга», «Ты и я», «Шаг», «Белые одежды», «Нулевой пациент» и др.) Этические дилеммы, отражённые в этих двух больших категориях фильмов, глобальны и затрагивают будущее человечества, а потому привлекательны и понятны для широкой аудитории. Эти картины поднимают моральные вопросы глобальной ответственности учёного за свою деятельность и трагичного выбора между человеческими и государственными интересами.

Рядовая же жизнь рядового сотрудника научного института или вуза оказывается в кинофокусе гораздо реже. Одна из редких производственных драм в вузовских декорациях — фильм «Кафедра» реж. И. Киасашвили затрагивает такие экзистенциальные выборы как преданность и справедливость, милосердие и честность, гуманизм и прагматизм и т.д., что делает кинотекст вечным и универсальным. В облегчённом варианте на фоне любовных перипетий драма вузовского преподавателя затрагивается в к/ф «Осенний марафон»: вопросы чести и совести в отношениях с коллегами и в оценках студентов — вот насущные проблемы, с которыми регулярно сталкивается герой. Вузовский преподаватель не харизматик, не святой, не мученик, не фанатик с горящими глазами, как это часто бывает в изображении школьного учителя, учёного или изобретателя. Это классический маленький человек, профессиональные экзистенциальные выборы которого неочевидны на фоне глобальных событий.

Отдельного внимания в советском кинематографе заслужило обличение порочных практик академической среды («Пена», «Человек из черной «Волги») через воспроизведение «королевства кривых зеркал» науки: фальсификация и фабрикация исследований, рынок диссертаций для функционеров и карьеристов и т.д. Обличительный жанр не предполагает построения сложной моральной картины мира и отображения нравственных исканий, а рисует мир, где зло должно быть и будет наказано.

Современные отечественные попытки вывести на экран вузовского работника специфичны и предлагают упрощенные образы оторванных от мира людей, ведущих «иллюзорную» жизнь и смотрящих на окружающих свысока («Культурный год», «Культурная комедия»). Преподаватель и его моральный выбор не выступает самостоятельным и полноценным объектом интереса зрителя, в отличие от современного зарубежного кинодискурса, который предлагает сложных персонажей, делающих хрестоматийный выбор «Тварь я дрожащая или право имею?» («Иррациональный человек»), или достаточно объёмно и полно воспроизводящих сложную сеть ежедневных решений сложных моральных ситуаций в современном академическом институте — преподавание или наука, спонсоры или научная честность, научный элитаризм или эгалитаризм и т.д. («Теория Большого взрыва»)

Таким образом, академическая этика является важной темой для исследования в кинематографе. Несмотря на то, что некоторые фильмы поднимают значимые вопросы о морали и ответственности учёных, повседневная жизнь преподавателей остаётся недостаточно освещённой в современном отечественном кинодискурсе. Это создаёт пробелы в понимании академической среды и её этических вызовов в современном обществе.

Огарков Александр Николаевич

канд. филос. наук; доцент

Санкт-Петербургская государственная

художественно-промышленная академия им. А.Л. Штигица

Романова Ирина Константиновна

канд. филос. наук; старший преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В. Хрулева

ЛГУ на экране: цена преподавательского счастья

Университет — в отличие от школы — не так часто становится объектом изображения в отечественном кинематографе. Любой человек, живший в позднесоветскую эпоху, с легкостью назовет множество широко известных массовой публике фильмов о школе и учителях (от «Доживем

до понедельника» до «Республики ШКИД», от «Весны на Заречной улице» до «Большой перемены» и т.д.), в то время как советские фильмы о высшей школе и преподавателях в основном известны узким специалистам-киноведам. Немногие исключения (профессор Полежаев из фильма «Депутат Балтики» или комедия «Баламут», полностью посвященная студенческой жизни) только подтверждают правило. Ситуация не сильно изменилась и в постсоветскую эпоху, ведь нельзя же всерьез рассматривать сериал «Универ» как репрезентацию высшей школы на экране.

Однако отдельные детали университетской жизни в отечественном кино представлены, и иногда (как в фильме Данелии «Осенний марафон») их значение далеко выходит за рамки предоставленного экранного времени.

Драматургическая схема «Осеннего марафона» загружена в нарратив демонстративно, и представляет собой закольцованную смену мизансцен, в циклах которых возникают перипетии жизни интеллигентного преподавателя филологии Ленинградского университета (герой в фильме называет свое место работы «институт», но «длинный коридор» и боковой вход с набережной не оставляют сомнений). Узнаваемым фоном фильма Данелии является комическая связь обстоятельств «марафона»: для начала нелепая ежедневная пробежка профессора и его шведского коллеги по пустынным дорожкам спящего микрорайона. Зрителю очевидно, что это насилие над героем, которое с развитием сюжета становится все более разнообразным и изощренным. Профессора буквально окружает насилие со стороны тех, кого он выбирает добровольно: мудрая ироничная жена, управляющая им исподволь, дистанционно; любовница-машинистка, цинично использующая свое скромное положение обитательницы коммунальной квартиры для прямого указания «истинного положения дел»; алкоголик-сосед, хозяин здешних умников; и, наконец, заведующий, хорошо узнаваемый бесталанный карьерист, которому наш герой однажды в припадке праведной ярости не подает руки. И этот жест, с теплотой принимаемый зрителем, не имеет, и не может иметь продолжения: после этого в прежнем веке стрелялись.

Профессор сдается обстоятельствам скорее всего (на это явно намекает режиссер) из-за главного дела своей жизни — студентов. Здесь, в аудитории, все волшебным образом преображается: профессор гибок, свободно и весело владеет материалом и словом, — в общем, профессионален, студенты отвечают взаимностью. Налицо счастье. Возможно, пафос Данелии именно в этом: если ты мастер, все остальное вторично. Симптоматично, что акцент на том, что дарование превышает невзгод, делается в стенах Ленинградского университета.

Сергиевская Галина Евгеньевна

канд. филос. наук; доцент, старший преподаватель
Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева

Этика войны и мира в фильме А. Рогожкина «Кукушка»

Война, несомненно, является сложным социальным явлением, вызывающим множество непростых вопросов, связанных с моралью и этикой. Как соединить необходимость убивать с моральным запретом убийства? Могут ли быть благими последствия и как относиться к тому факту, что при всех призывах к гуманизму, войны не только не прекращаются, но становятся все более жестокими и разрушительными. Осмыслению этого сложного социального и морального явления посвящено много философских работ. Эта тема освещается в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, И.А. Ильина, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка и многих других русских мыслителей

Интересной попыткой осмыслить и дать свое видение этих проблем является фильм «Кукушка» режиссера и сценариста Александра Рогожкина. Действие фильма разворачивается в конце Великой отечественной (второй мировой) войны. Однако мы не увидим привычных для военных фильмов батальных сцен, противодействующих армий и т.п. Здесь война как бы уходит на второй план. На первый план выходит жизнь с ее ежедневными бытовыми проблемами. Волею судьбы на угорском хуторе, затерянном где-то в лесах Карелии, хозяйкой которого является саамка Анни, встречаются два представителя воюющих армий: русский капитан Красной армии Иван (Виктор Бычков) и финский снайпер Вейкко (Вилле Хаапасало).

Уже в названии фильма заложено несколько смыслов. С одной стороны, все герои оказываются выброшенными из своего круга. Финский снайпер Вейкко за свои пацифистские настроения оказывается прикованным к камню. Его нравственные установки противоречат морали войны. Русского капитана Ивана отправляют в тыл под трибунал в результате доноса своего сослуживца. Анни, по все видимости, вдова, т.к. ее мужа увели немецкие военные. Она одна на этом заброшенном хуторе. С другой стороны, снайперов во время русско-финской войны называли «кукушками», настоящее имя Анни тоже, как выясняется по ходу фильма, Кукушка. На главную женскую роль взяли выпускницу школы искусств, т.к. она единственная владела редким саамским языком. Все герои говорят на разных языках. Говорят скорее со зрителем, чем друг с

другом, т.к. друг друга они понять не могут. Не могут и в силу разницы языков, и в силу культурных различий (оба героя жили в цивилизации, в то время как героиня за ее пределами). Для финна война закончилась, что он и пытается донести до русского, русский же продолжает воевать, для женщины война вообще что-то весьма отдаленное, она вся поглощена бытовыми заботами.

В Фильме причудливым образом сочетаются драма и комедия (впрочем, как это обычно и бывает в жизни). Общаясь на разных языках, герои фильма когда-то попадают в смысл сказанного, когда-то нет, что создает комические ситуации. Так одним из забавных моментов становится имя русского капитана Пшелты, трансформированное из «пошел ты», сказанное Иваном при попытке Вейко познакомиться при первой встрече. Комическое сменяется трагедией, когда Иван-Пшелты стреляет и серьезно ранит в Вейко, пытающегося в очередной раз объяснить, что для него война окончена, что он не воюет. И только шаманские навыки Анни возвращают Вейко к жизни. В конечном итоге становится понятно, что главной идеей фильма является разобщенность людей войной. Что люди слушая, но не слыша друг друга, не желая понять один другого, совершают роковые ошибки.

Скипин Николай Сергеевич
зав.отделом, научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Репрезентации экологических ценностей во французском кинематографе второй половины XX века

Во Франции формирующаяся экологическая повестка в обществе была связана не столько с Мировыми войнами, сколько с экономическим чудом, которое получило название «Славное тридцатилетие» и продлилось с 1946 по 1975 год.

После Второй мировой войны во французском кинематографе также как появляются первые попытки осмысления природы. Так, в 1956 году выходит первый документальный фильм Жак-Ива Кусто «В мире безмолвия». Фильм определил особенности экологически-ориентированного французского кинематографа, т.к. многие последующие знаковые для распространения ценностей инвайронментализма французские фильмы будут именно документальными. Цветной фильм демонстрирует потрясающие для того времени кадры подводной съемки: жителей Средиземного и Красного морей, Персидского залива и Индийского океа-

на. Фильм имел успех не только во Франции (где был отмечен Золотой пальмовой ветвью Каннского кинофестиваля), но и в США, где получил премию Оскар в 1957 году как лучший документальный фильм.

Кроме осмысления своего места в природе, французские интеллектуалы пытались рефлексировать над темой Второй мировой войны. В этом контексте можно отметить некоторые режиссерские работы Алена Рене. Так, его фильм «Хиросима, любовь моя» (1959) показывает историю любви французской киноактрисы и японского архитектора в послевоенной Хиросиме.

Развитие «зеленого» кинематографа Франции шло рука об руку с политическими событиями, происходившими в ней в 1960-1970 годах. Кинематограф соответствовал и поддерживал радикальный дух того времени во Франции и также радикализировал экологическую повестку. Так, в 1964 году выходит второй документальный фильм Жак-Ива Кусто «Мир без солнца», показывающий беспрецедентный эксперимент: несколько людей (ученых) жили в течение месяца в подводной деревне на глубине 10 метров в Красном море, а два ученых жили неделю на глубине 30 метров. Этот фильм, как и предыдущий был отмечен Оскаром Американской академии кинематографических искусств и наук. Также, с 1966 по 1976 выходит 37 эпизодов «Подводной одиссеи команды Кусто» — научного документального телесериала об изучении океана. Снова работы Кусто становятся достоянием мирового кинематографа.

В 1980-2000 годах кинематограф Франции также реагирует на развитие экологической политики в стране. Если в первом мультфильме Рене Лалу «Дикая планета» поднимается проблема прав животных, то в последующих его работах акцент смещается на человеческие пороки, техническое развитие цивилизации и связанные с этим возможные угрозы. Так, мультфильм «Властины времени» (1982) предостерегает об опасностях, которые могут таить неизведанные миры, важности консолидации людей для решения возникающей всепланетной угрозы и обезличиванию человека при неконтролируемом научном прогрессе, а мультфильм «Гандахар: Световые годы» (1988) еще более откровенно показывает опасность техноцентризма.

Еще одним французским режиссером, чьи фильмы содержат экологическую повестку, является Люк Бессон. В фильме «Последняя битва» (1983) демонстрируется постапокалиптический мир победившего капитализма. Другим фильмом Бессона, затрагивающим тему опасности прогресса, является «Голубая бездна» (1988). Фильм повествует о двух ныряльщиках на глубину, чье соревнование становится смертельным для одного из них. Аллюзия на гонку вооружений и развитие технического прогресса сопровождается большим числом пейзажных и под-

водных кадров, демонстрирующих естественную красоту природы, остающуюся незаметной. Также Бессон снял документальный фильм «Атлантис» (1991) о морских жителях. Фильм отличается по стилистике от произведений другого документалиста Жак-Ива Кусто, в фильме нет закадрового голоса и пояснений, присутствуют только кадры животных и музыка, а в титрах в качестве актеров указаны названия животных и географическое место съемки. Также к фильмам Люка Бессона, содержащим инвайронменталистский пафос можно причислить культовую картину «Пятый элемент» (1997). На протяжении всего фильма демонстрируется капиталистический мир будущего – мир, погрязший в горах мусора, вечного смога и культа техники. Противопоставляется этому миру естественное (живая технология — пятый элемент) и сверхъестественное (религиозный герой, верящий во спасение).

РНФ № 22-18-00383 «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Смирнов Алексей Викторович

д-р филос. наук; профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Советское школьное кино:

специфика интерпретации этических проблем

«Школьное кино» как самостоятельный жанр в последнее десятилетие становится объектом изучения специалистов в области советского прошлого. Для современной науки оказывается значимым целый ряд его смыслов и нарративов, уже не всегда доступных зрителям и даже ученых XXI века. В данном сообщении мы частично проанализируем лишь тот аспект советского школьного кино, который связан с постановкой и интерпретацией этических проблем. Советское школьное кино не могло определиться с тем, какая из групп этических проблем должна найти первостепенное решение, то ли это проблемы, связанные с формированием этики будущего строителя социализма-коммунизма, то ли это проблемы, связанные с этикой гуманизма, не ограниченного тем или иным способом политической организации общества. Творческие стратегии авторов советских школьных фильмов постепенно менялись в ходе изменений социально-политического ландшафта в СССР. По мере того, как советское школьное кино переходило ко все более активному внедрению гуманистических ценностей, перед его авторами вставала проблема создания соответствующего художественного языка и даже выбора жанра, наиболее адекватного поставленной задаче. Анализ

ряда советских школьных фильмов, снятых в период 1950-х – 1970-х гг., показывает возможности ряда жанров (драма, комедия, приключенческий фильм и др.) для раскрытия той или иной этической проблематики, относимой к одной из двух групп, выделенных выше.

Кроме того, мы можем отметить, что внимательное «прочтение» сюжетов советского школьного кино говорит о целом ряде логических несоответствий, способных препятствовать «правильным» выводам. Ряд сюжетов, представленных в советских школьных фильмах, мог бы найти принципиально иное этическое разрешение при стремлении авторов иначе расставить нравственные оценки. Иными словами, поступки героев, совершенные ими в тех или иных обстоятельствах, могли бы быть этически оправданы, поскольку они не столь уж сильно противоречат этическим принципам советского общества. Однако необходимые акценты расставляются не за счет апелляции к тем или иным этическим максимам, но за счет использования особого киноязыка, который позволяет придать негативные смыслы поступкам героев, вызывающих эстетическое неприятие. Этот прием, характерный для советского кино в целом, нашел применение и в школьном кино рассматриваемого периода.

Тебякина Елена Евгеньевна

канд. филос. наук; доцент

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева

Предовская Мария Михайловна

канд. филос. наук; доцент

Национальный государственный Университет
физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

Пожалеть злодея: смещение нравственных акцентов в пространстве современного кинематографа

Тема вечной антагонистичности добра и зла всегда была благодатной для художественного произведения любого жанра, а кинематограф, добавивший этому противостоянию визуальных эффектов и динамики, сделал эту тему самой популярной в синема-культуре. Зло было совершенно однозначно в своем желании захватить мир, поработить всё человечество и просто творить хаос во благо зла и 80 лет исправно терпело поражение на экранах. Злодеи и герои в кино всегда были однозначны, их мотивы либо негативны, либо благородны. Но, при вступлении в эпоху метамодерна в середине 2010-х происходит новая трансформация медиасферы в целом и кинематографа в частности в область серой морали, размытых нравственных установок, дуалистично-

сти, неоднозначности понятий Добра и Зла. Для полноты раскрытия антагонистов большинством режиссеров начинает использоваться приём флэшбеков, приквелов, повествующих о становлении не только героев, но и злодеев. Зло персонифицируется, обретает биографию и, внезапно, становится жертвой (обстоятельств, общества, несправедливости мира). Происходит амбивалентный ценностный поворот. Зло как метафизическая категория спускается до общечеловеческих рамок оценивания и попадает в поле серой морали. С одной стороны, подобный переход связан с переосмыслением моральных ценностей эпохи метамодерна, которая пытается переосмыслить как ценностные установки эпохи метанарративов (в основном христианского порядка), так и их постмодернистское переигрывание в XX веке, а с другой, он ведёт не только к смещению акцентов (зло больше не так однозначно), но к неоднозначности стороны добра и виктимности зла (как в фильме 2014 года «Малифисента» Роберта Стромберга). Поэтому на смену героической эпохе фильмов по комиксам (где главные герои как и злодеи были не столь однозначны), приходит эпоха антигероев, которые вынужденно вступают на путь добра (отнодь не в фаустовском смысле), не из стремления к Добру и Благу, а из своих личных побуждений, а то и корыстных интересов. Неоднозначность моральных ориентиров Добра и вынужденная «виктимность» Зла (вызывающая у зрителей сочувствие и сопереживание) с одной стороны приближают образы героев и злодеев к уровню обычного человека и его реальной жизни, а, с другой, утрачивают функции моральных ориентиров и образцов для подражания.

Цибизова Лилия Александровна

канд. филос. наук; доцент

Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С.А. Герасимова

Tertium non datur против «Зоны интересов»

Фильм британского режиссера Джонатана Глейзера «Зона интересов» стал одним из самых ярких кинематографических событий 2023 года, что было отмечено множеством наград, включая Оскар.

Казалось бы, современного зрителя уже невозможно удивить фильмом о событиях второй мировой войны. Тем не менее, авторам удалось это сделать.

С одной стороны, здесь мы наблюдаем воплощение одного из основных законов формальной логики — исключенного третьего. Какие же свойства и качества действительности находятся в отношениях противоречия? Визуальная составляющая фильма, бережное отношение к материальной культуре, обустроенный до последней мелочи быт — все это выступает как реинкарнация «Скромного обаяния буржуазии». Ми-

лые, заботливые люди, образцовые семьи, воспитанные дети. Зрительное восприятие настолько позитивно, что невольно вызывает тревожность. Если это не банальность, тогда где здесь подвох?

И вот она — другая сторона реальности — звук. Звуковая картина — это совсем другой мир. Вернее, это не мир, это ужас тотальной смерти в концлагере Освенцим. Мы не видим переключек заключенных, их боль, расстрелы, но воображение на основе не останавливающихся на всем протяжении фильма звуков, доносящихся из-за стены концлагеря, не дает нам возможности быть в неведении происходящего.

Таким образом, мы и получаем две стороны формально-логического закона исключенного третьего. Либо практично обустроенный быт семьи человека, служащего своему государству, что дополнительно подчеркивается неустанной деятельностью героини фильма по обустройству сада, огорода, маленького семейного островка благополучия и стабильности. А с другой стороны — те страшные звуки за забором. Визуальное против звукового.

Но человеческие жизни невозможно полностью формализовать. Как ни стараются герои фильма остаться на одной стороне — внешнего благополучия, это невозможно. Можно делать вид, что все прекрасно, но в это не верят даже дети. И, вот все они, пытаются удержаться в этом третьем, шатком пространстве между стабильностью и ужасом, создавая искусственные укрепления этого «третьего», веря или делая вид, что верят в крепость своих принципов. Экзистенциальная тревожность против формально-логических оснований. И вожденный баланс здесь в принципе невозможен. Герои еще не осознают начала своего падения в пропасть, инстинктивно продолжают строить свое будущее. Но мы, зрители, понимаем, или, скорее, чувствуем, что падение уже началось.

Цуркан Евгений Геннадьевич

канд. филос. наук; старший преподаватель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Смотрим на чужие страдания:

демонстрация насилия в кино как способ критики насилия

Насилие появилось в кино даже до того, как люди вообще научились проецировать кино на экраны. Уже в 1895 году в фильме «Казнь Марии Шотландской» при помощи стоп-кадра и манекена компанией Эдисона была запечатлена имитация казни, которая в дальнейшем была продемонстрирована зрителям посредством технологии кинетоскопа, не требовавшего проекционного экрана. Кинопроектор позволил проецировать больше насилия и в лучшем качестве. Ведь насилие, по словам

Брайна де Пальмы «исключительно кинематографично». Разнообразные национальные аналоги кодекса Хейса, возрастные рейтинги и прямая цензура способны только временно «экранировать» зрителя от экранного насилия, но на длинной дистанции проигрывают изобретательным режиссёрам и буйной фантазии зрителей. Примером данной изобретательности может служить фильм А. Хичкока «Психо», который своим выходом в 1960 году существенным образом подорвал авторитет кодекса Хейса. В фильме, находящемся под давлением цензурных ограничений, отсутствовала демонстрация обнаженной натуры или проникновения лезвия в плоть, однако зрители уверяли, что всё это видели. Даже умудрились в чёрно-белом фильме увидеть красную кровь.

Классический вопрос о том является ли насилие на экране сублимацией вытесненных человеческих желаний или проекцией садистских наклонностей не может быть полноценно раскрыт в рамках доклада. Поэтому мы сосредоточим своё внимание на более узком вопросе, а именно: как демонстрация насилия на экране может служить делу критики насилия и являться инструментом донесения пацифистской позиции и/или позиции ненасилия?

В докладе мы раскроем несколько стратегий критики насилия путём его демонстрации, связанных нами с именами известных режиссёров, которые используют кинематографическое насилие для его критики:

1. Тарантино. Насилие в жизни и кино не является одним и тем же. Демонстрация подчеркнуто бутафорского нереалистичного насилия в кино противопоставляется полному неприятию насилия за его пределами, своего рода герметизация насилия в диегетическом мире фильма.

2. Ханеке. Медиа-насилие и насилие реальное являются взаимопроницаемыми. Начиная со своей ранней «трилогии оледенения» М. Ханеке исследует как демонстрация насилия может приводить к фактическому насилию, трактуя зрителя не как простого наблюдателя, но как соучастника.

3. Триер. Насилие в кино безыскусно и потому бессмысленно. В фильме «Дом который построил Джек» демонстрация натуралистических зверств окружено постмодернистическим интертекстуальным контекстом о гении, который кровью творит своё гротескное искусство. Результатом ультимативного акта искусства «маньяка-творца», для которого холстом выступают человеческие тела, является кривой и неказистый дом, к тому же являющийся воротами в ад. Безусловно, этот метакомментарий относительно никчёмности насилия в искусстве применим и к самому Триеру.

4. Рэмси. Прерывание цикла экранного насилия через сценарное и визуальное остранение. В фильме «Тебя никогда здесь не было» психо-

делическая картинка, ассоциативный звуковой ряд и галлюцинаторный монтаж производят эффект остранения, а сценарная инверсия расхожего тропа о спасении маленькой девочки взрослым мужчиной делают невозможным искупление и пресечение насилия дополнительным насилием.

Литература:

1. Brunette P. Michael Haneke. Illinois: UI Press, 2010. – 168 p.
2. Thornham S. Undoing violent masculinity: Lynne Ramsay's *You were never really here* (2018) // *Feminist Media Studies*. 2022. Т.22. №.1. С.148-165. РНФ № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

«ЭТИКА ЖИВОТНЫХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ»

совместно с Общественной организацией «Голоса за животных»

материалы круглого стола

Архипов Алексей Вячеславович

обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ветеринарной медицины

Антропоцентризм как угроза биоразнообразию

Угроза биоразнообразию, вызванная антропоцентризмом, представляет собой серьезную проблему, наносящую непоправимый ущерб экосистемам. В статье рассматриваются способы изменения человеческой стратегии поведения для защиты природы и сохранения биоразнообразия.

В настоящее время существует мнение, что природа предназначена для удовлетворения потребностей человека, что ведет к нерациональному и небрежному отношению к экологии. Угроза биоразнообразию во многом обусловлена пренебрежением последствиями для окружающей среды. Антропоцентрическая позиция утверждает, что только человек обладает моральным статусом, а его благо является мерой этической оценки действий, в то время как последствия для природы считаются вторичными. В отличие от этого, нонантропоцентрический подход расширяет круг объектов с моральным статусом, включая животных и природные элементы, увеличивая моральную ответственность сообществ и экосистем. (3).

Американский писатель и историк Стивен Будянски (род. 1957) наиболее известен своими работами о поведении животных и критикой прав животных. В своей книге «Завет дикой природы» он утверждает, что люди не являются высокомерными грабителями и поработителями природы, а, напротив, являются частью этого естественного мира и его хранителями (2). Тем не менее, этот взгляд стал несколько устаревшим на фоне научного и технического прогресса. Хотя наблюдается тенденция к созданию и охране экологии, она не сопоставима с негативным антропогенным воздействием на окружающую среду.

Строительство городов и сельское хозяйство нарушают естественные процессы, что приводит к утрате местообитаний. Согласно исследованию WWF (2020), лесные пожары в Австралии с 2019 по 2020 год

привели к гибели или перемещению около 3 миллиардов животных, включая 142 миллиона млекопитающих, 180 миллионов птиц и 2,5 миллиарда рептилий. Это негативно сказывается на биоразнообразии, поскольку многие виды не могут адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Новые вызовы подчеркивают последствия длительного господства и неравенства в отношении природы, выявляя игнорируемые риски, такие как недостатки в здравоохранении и ухудшение состояния окружающей среды.

Опыт COVID-19 заставил ЕС переосмыслить взаимодействие с природой, расширив горизонты общего блага, включая нечеловеческие компоненты. Антропоцентризм создает порочный круг, где эксплуатация ресурсов разрушает экосистемы и угрожает существованию человечества. Гнев и стыд за экологические правонарушения могут способствовать новому мышлению, однако большинство людей не испытывают этих чувств из-за отсутствия воспитания, основанного на заботе о природе.

В заключение, существует реальная возможность минимизировать антропогенное воздействие и сохранить биоразнообразие планеты. Ключевыми мерами являются: проведение образовательных программ для повышения экологической грамотности молодежи, поощрение участия общественности в экологических акциях, переход к рациональному использованию ресурсов и сокращению выбросов, а также международное сотрудничество для ликвидации экологических катастроф. Антропоцентризм создает условия, в которых эксплуатация ресурсов разрушает экосистемы и угрожает выживанию человечества. Для решения этой проблемы необходимо переосмыслить наш подход к окружающему миру и перейти к устойчивым моделям взаимодействия, учитывающим интересы всех живых существ. Принятие экоцентрической философии позволит сохранить биоразнообразие и обеспечить будущее для будущих поколений.

Балашов Денис Олегович
обучающийся специалитета
Кутилова Евгения Михайловна
обучающийся специалитета
Редькин Данила Денисович
студент

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

К вопросу о разуме у животных: этический аспект

Является ли человек единственным разумным существом на Земле? Споры насчет того, что такое разум идут уже давно. В философии закрепилась позиция, что разум присущ лишь человеку: «способность,

деятельность человеческого духа» (4), однако в обыденном сознании разум приписывается и всем живым существам, способным думать: «Разумом называется предполагаемая способность животных совершать осмысленные поступки, мыслить» (2). Таким образом, мнения сильно разнятся в данном вопросе.

В большинстве случаев мы называем себя разумными по ряду причин: у нас есть четкое осознание понятия «я», мы обладаем развитой разговорной речью, осознаем окружающую действительность и людей, действуем, опираясь не только на врожденные и приобретенные инстинкты, а принимаем сложные решения и обладаем широким спектром эмоций. Можно ли утверждать обратное в отношении животных? Рассмотрим несколько примеров.

Дельфины обладают развитой речевой коммуникацией и каждому детенышу при рождении присваивают имя. Данные факты были подтверждены исследователями еще в 2016 году, однако язык дельфинов все еще остается нерасшифрованным (5). В настоящее время не прекращают попытки общаться с дельфинами на их языке через синтезатор речи.

Приматов можно обучить языку жестов подобно тому, как мы обучаем своих детей разговорной речи. Знаменитая горилла Кoko овладела более чем тысячей жестами, воспринимала на слух и понимала почти две тысячи английских слов, осознавала понятия прошлого и будущего, даже умела шутить. Также она обладала уровнем интеллекта в пределах от 70 до 95, что превышает показатели взрослого человека с умственной отсталостью (5).

Слоны, как и люди, имеют свои ритуалы. Наткнувшись на останки представителя своего вида, слоны собираются вокруг тела и ласкают его своими хоботами. При этом животные не только демонстрируют признаки уважения к павшему телу, но и хоронят его в листве, кустах или засыпают песком (5). Также были замечены случаи, когда данный обряд распространялся и на другие виды животных.

Одни из самых интеллектуально развитых животных — человекообразные обезьяны, дельфины, касатки, слоны — способны узнавать свое отражение и понимать, что это они, а не другой представитель их вида (3). Это может являться доказательством того, что они обладают самосознанием.

Из вышеперечисленных примеров можно сделать выводы, что нельзя с точностью сказать, что только человек обладает разумом. Наличие разума и самосознания также есть у интеллектуально развитых животных. Что касается других животных, мы пока что не можем сказать с достаточной уверенностью, что они разумны, так как они не подходят под критерии разумности, которые человек приписывает себе. Однако это не может являться доказательством отсутствия разума.

С позиции этики отношения к животным разумность последних приближает нас к подходу, согласно которому животные имеют моральный статус и обладают внутренней ценностью (1).

Литература:

1. Севастьянова А.Д. Моральное чувство и страдания животных: к феноменологии морального переживания // Этика как наука и профессия, Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 года / Санкт-Петербургский Государственный Университет. Санкт-Петербург: ООО «Сборка». 2021. С.171-172.

2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель. 2003. 782 с.

3. Узнают ли животные себя в зеркале? // Наука.рф (Электронный ресурс). URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/initiatives/nauchnye-detskie-ploshchadki/biologiya-i-nauki-o-zhiznyakh/uznayut-li-zhivotnye-sebya-v-zerkale/> (дата обращения: 24.09.2024).

4. Философский энциклопедический словарь (Электронный ресурс). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3166 (дата обращения: 24.09.2024).

5. Gaeng J. Are Animals Sentient? And To What Extent? // A-Z Animals (Электронный ресурс). URL: <https://a-z-animals.com/blog/are-animals-sentient-and-to-what-extent/> (дата обращения: 24.09.2024).

Павлова Виктория Валерьевна
обучающийся аспирантуры

Белорусский государственный университет

Влияние этологии на разработку этики отношения к животным

Этика отношения к животным — это раздел этико-философского знания, посвященный нравственному отношению человека и общества к животным, их моральному статусу, принципам и правилам нравственного обращения с животными. Эта активно развивающаяся во всём мире научная область включает в себя междисциплинарные знания и достижения современной науки. В связи с бурным развитием наук, расширением предметного поля и в целом активным исследовательским интересом к теме животных, этический компонент неизбежно проникает в ткань всех научных изысканий.

В этом междисциплинарном знании уникальное положение занимает относительно молодая дисциплина этология, занимающаяся изучением поведения животных. Философское осмысление её достижений за рубежом уже привело к появлению «философии этологии». Цель современной этологии — внести вклад в развитие этической рефлексии,

«развивать этологию как сравнительное изучение поведения всех живых видов (не только животных), направленное на полное преодоление механистических и преимущественно нативистских установок классической этологии и развитие критического подхода к изучению психических и культурных явлений, который мог бы устранить предрассудки антропоцентризма» (1). Приводя в пример феноменологическое описание мира Мартина Хайдеггера, философия этологии распространяет эту модель на других животных. Обнаруженная связь с темпоральностью и желанием у животных указывает на то, что и среди них распространена субъективность.

При этом у различных экспертов можно наблюдать отчуждённую позицию и незаинтересованность в философских изысканиях. Зачастую специалисты-практики описывают свой опыт с упором на методики, способы достижения результата, анализ наблюдений и экспериментов. Эти специалисты становятся первооткрывателями специфического для философии знания, бремя осмысления которого целиком ложится на исследователей-философов. Так специалист по дрессировке, обладательница ученой степени в области поведенческой психологии Карен Прайор так описала свою позицию: «Тот опыт, который я извлекла из дрессировки дельфинов, имеет солидное теоретическое обоснование. В этой книге я постаралась держаться подальше от теоретизирования, так как, насколько мне известно, правила по применению этих теорий обычно не описываются наукой и, с моей точки зрения, ученые часто неправильно ими пользуются. Но основные законы уже твердо установлены и должны приниматься во внимание при обучении» (2, с.2).

Для этики отношения к животным этология способна раскрыть антропоморфные установки и представления, приводящие к «очеловечиванию животных». От непонимания сути и причин поведения животных, их реакции и поведение могут неверно интерпретироваться или мифологизироваться, что приводит к ложному наложению моральных смыслов на животное как таковое, его отношение к человеку и к другим животным. Этологическое объяснение поведенческих особенностей животных способно также подсказать его намерения и чувства в данный момент, отталкиваясь от которых можно выстроить лучшую стратегию нравственного поступка и тем самым в полной мере реализовать этическое отношение к этому животному.

В заключение, можно с уверенностью ожидать, что этология и этологи в будущем способны привнести в багаж философского знания о животных много принципиально новых открытий и, возможно, дать основания для развития новых теоретических подходов в этике отношения к животным.

Литература:

1. Marchesini, R. Celentano M. *Critical Ethology and Post-Anthropocentric Ethics. Beyond the Separation between Humanities and Life Sciences* / R. Marchesini, Celentano. M. Springer International Publishing. 2021. – 270 p.

2. Прайор, К. Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя! Москва: Эксмо, 2016. – 285 с.

Чепелева Наталья Юрьевна

канд. филос. наук; младший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Мышление животных: взгляд Иммануила Канта

Доклад посвящен обсуждению проблемы мышления животных, которая остается нерешенной в рамках философии Канта. В своей ранней философии Кант допускал возможность наличия у животных рассудка, однако позднее отказался от этой позиции и, несмотря на собственную критику картезианских представлений о животном-автомате, пришел к схожей точке зрения. Это может быть связано с развитием кантовских представлений о человеческом сознании, обособленном от остального животного мира. Кант объясняет, что человеческий рассудок основывается на трансцендентальном единстве апперцепции, наличие которого он не может допустить для всех остальных животных. Животные, по Канту, не могут быть моральными агентами, и этические требования не распространяются на животных в силу отсутствия у них разума: «Неразумное животное не совершает никаких добродетельных деяний». С наличием разума Кант связывает и чувство прекрасного, к которому животные, по его мнению, не способны. Например, в «Критике способности суждения» Кант пишет: «Приятное ощущают и неразумные животные, красота значима только для людей, т.е. животных существ, обладающих, однако, разумом».

Несмотря на специфику этих взглядов, уже в «Метафизике нравов» Кант поднимает острую для современной этики проблему опытов над животными: «Мучительные же физические опыты в интересах одной лишь спекуляции, если цель могла бы быть достигнута и без них, отвратительны». Более того, отрицая наличие разума и рассудка у животных, Кант отстаивает необходимость этического отношения к животным. Люди, действующие из чувства долга, живущие по категорическому императиву, не могут быть жестокими по отношению к животным. Кант объясняет эту необходимость долгом человека не перед животными, но перед самим собой: «Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или за длительную службу собаки (как если бы они были членами се-

мы) есть косвенно долг человека, а именно в отношении этих животных, но непосредственно она есть долг человека перед самим собой».

Амбивалентная позиция, которую занимает Кант, предполагающая с одной стороны отсутствие разума у животных, но с другой стороны осуждающая жестокость по отношению к ним, сегодня по-прежнему является распространенной. В своем докладе я хочу проанализировать специфику данной позиции, а также прояснить особенности аргументации в защиту животных внутри строго антропоцентричного мировоззрения. Я предполагаю, что выявление этих особенностей может помочь при выстраивании конструктивного диалога между современными зоозащитниками — критиками антропоцентризма и сторонниками антропоцентричных взглядов, близких к кантовским.

Литература:

1. Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собрание сочинений: В 8 т. Т.2. М.: Чоро, 1994. С.59.
2. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Собрание сочинений: В 8 т. Т.2. М.: Чоро, 1994. С.39-40.
3. Кант И. Критика способности суждения. // Собрание сочинений: В 8 т. Т.5. М.: Чоро, 1994. С.47, 308.
4. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений: В 8 т. Т.6. М.: Чоро, 1994. С.486-488.
5. The palgrave handbook of practical animal ethics. Oxford: Palgrave Macmillan, 2018.
6. Nussbaum M. Justice for Animals: Our Collective Responsibility. Simon & Schuster, 2023.

Шаймарданова Камилла Рамилевна
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарный медицины

Скотоводство и миф о счастливой ферме: анализ визуальных представлений

В современном обществе образы сельской жизни и скотоводства часто представлены в мультфильмах и играх, создавая миф о «счастливой ферме». Эти источники зачастую искажают реальность сельского хозяйства, формируя у зрителей, как детей, так и взрослых, ложное представление о жизни животных на фермах. В данной статье рассматриваются примеры изображения скотоводческих и молочных ферм, а также анализируется, как романтизация сельской жизни отвлекает вни-

мание от реальных проблем, с которыми сталкиваются животные в производстве.

Популярная игра Hay Day для мобильных телефонов от компании Supercell может послужить хорошим примером источника, дающего ложное понимание об устройстве ферм. Счастливые животные, круглый год обитающие в больших загонах, неведомым образом на постоянной основе дают игроку нескончаемый запас продуктов животноводства. Невероятный успех ждет каждого пользователя, сумевшего надолго больше коров и собрать много куриных яиц. При этом в игре опускаются подробности реального содержания скота.

Ежегодно наблюдается увеличение числа животных, истребляемых ради получения легкой прибыли, что приводит к ухудшению условий их содержания. Вместо надлежащих условий, скот содержится в ограниченных помещениях с недостаточной вентиляцией. В результате этого у животных развиваются различные заболевания, а инфекции быстро распространяются. Например, коров безжалостно доят каждый день, а когда они становятся изнеможенными и уже не могут давать молоко, их отправляют на убой. Большинство коров погибают очень рано от заболеваний (3).

Игровые фермы очень легко прячут эти проблемы за веселыми мордами коров, которых нужно лишь кормить выращенной пшеницей, а после собирать с них молоко. В игре не нужно размножать скот, его можно только купить. Коровы всегда счастливые и сытые, не требуют дополнительного ухода (2). Такие животные никогда не стареют, они готовы на постоянной основе давать молоко, что кардинально отличается с нашими реалиями, где после истощения коровы из нее получают мясо.

Отдельное внимание в Hay Day заслуживают свиньи. Вместо забивания животного, дети могут выкачать жир из поросят и получить хороший бекон. Такой способ минимализирует насилие над животными.

Жадные владельцы ферм пропагандируют среди детей и наивных взрослых образ счастливой фермы, скрывая реальную картину. На самом же деле, животных держат в ужасных условиях, о которых все забывают (4).

Также часто на упаковках мяса и других продуктов животного происхождения часто используются привлекательные изображения счастливых животных, что создает ложные впечатления и представления. Эти визуальные образы полностью противоречат реальным условиям жестокого обращения с животными, которые наблюдаются практически на любом производственном предприятии (1).

Таким образом, компании вводят в заблуждение потребителей, создавая миф о «счастливой ферме». Из-за обилия недостоверной информации в средствах массовой информации общество теряет осо-

знание реальных условий содержания животных. Ложные представления могут формироваться как через безобидные детские игры, так и через маркетинговые стратегии продавцов.

Литература:

1. Haynes R.P. The myth of happy meat //The philosophy of food. 2012. Т.39. Р.161.
2. Hernandez E., Llonch P., Turner P.V. Applied animal ethics in industrial food animal production: exploring the role of the veterinarian //Animals. 2022. Т.12. №.6. С.678.
3. Michael J. Glover Les Mitchel, Animals as Experiencing Entities Theories and Historical Narratives 2024
4. Севастьянова, А.Д. Эко-кинематограф: этический анализ фильма «Гунда» (реж. В.Косаковский)// Наукосфера. 2023. №2-1. С.245-250.

Языкова Юлия

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

ChatGPT в формировании

ценностного отношения к животным

ChatGPT — это программа, основанная на технологии искусственного интеллекта и применяющая методы машинного обучения для имитации диалога на естественных языках. Пользователи обращаются к ChatGPT по самым разным вопросам, в том числе по вопросам, касающимся животных.

При возникновении проблем с питомцем, например, непрекращающийся зуд, вялое состояние или потеря аппетита, ChatGPT советует отвести животное к ветеринару и не заниматься самолечением, чтобы не навредить животному. Безусловно, определяющую роль в таких ответах играет установка программы, согласно которой ей запрещено давать советы по лечению животных. Однако тема посещения ветеринара проходит красной нитью через разные запросы о животных, в том числе не касающихся неудовлетворительного самочувствия или болезней, — таким образом ChatGPT настраивает пользователей на серьезное отношение к здоровью животных и необходимости регулярного посещения специалиста.

На запросы о том, как ухаживать за домашним животным, программа, помимо ответов о необходимости поддержания физически и физиологически благополучного состояния животного (правильное питание, чистая вода, нужный уход, физическая активность и т.п.), также говорит

об эмоционально-психологическом благополучии животного: о необходимости проявлять к нему внимание, любить его и создавать чувство безопасности. В ответах программы прослеживается уважительное отношение к животному, к его настроению и желаниям, которые могут идти вразрез с желаниями владельца.

В целом в ответах, которые выдает ChatGPT, благополучие животного является главным ценностным ориентиром, в свою очередь благополучие животное — это ответственность владельца. Например, на запрос «Я не люблю свою кошку, что делать?» программа рекомендует сначала разобраться владельцу в своих чувствах, выявить первопричину и стараться скорректировать свое поведение и свое отношение, после при необходимости скорректировать поведение кошки (обратиться к ветеринару или зоопсихологу), однако в случае уверенности в невозможности изменения своего отношения владелец должен найти кошке новый дом, где ее будут любить и о ней будут заботиться — так владелец должен сделать все, чтобы в итоге животному достались лучшие условия и лучшее отношение.

Таким образом, ChatGPT формирует ценностное отношение к животным, где главным ценностным ориентиром выступает благополучие животных. Владелец должен ответственно относиться к своему животному: к его физическому, физиологическому и эмоционально-психологическому состоянию.

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 *Абакарова Р.М.* Моральная растерянность и моральный конфликт в этике
- 5 *Авдеева И.А.* Этика недоверия
- 6 *Агнистикова О.И.* Этика заботы как способ укрепления позиций социально ответственной журналистики
- 8 *Азаров К.В.* Архаисты Осеевого времени и парадоксальная этичность этической революции I тыс. до н.э. К. Ясперса
- 9 *Алейников А.В.* Теоретико-методологические основания исследования ответственности и подотчетности за риски в условиях глобальной турбулентности
- 11 *Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Баранова С.В.* Рафаэль Монтерде Феррандо и его моральное видение трансгуманизма
- 13 *Артемов В.М.* Абсолютизация искусственного интеллекта как показатель дефицита морали и социокультурной ответственности
- 15 *Артёмов Г.П.* Взаимосвязь типов нравственной культуры и социальной солидарности в современной России
- 16 *Афанасьев Д.Д.* Анализ категорий «счастье» и «смысл жизни» в повести А. Рюноскэ «Бататовая каша»: культурологический аспект
- 18 *Афанасьев М.В.* Теологическое и этическое основания кантовского запрета на сопротивление
- 19 *Афанасьева О.Г., Ихсанова К.Р.* Homo ethicus: ценность гуманизма в образовании будущих педиатров
- 21 *Беляева Е.В.* Моральный фундаментализм как феномен эпохи глобализации
- 23 *Березовская Е.А.* Этические основы феминизма: идея равенства или особых прав?
- 24 *Болотникова Е.Н.* На стороне доверия
- 25 *Бороденкова Т.В.* Страдание животных при производстве продуктов питания: проблемы и практические решения
- 27 *Бродский А.И.* О морально-философских интерпретациях кенозиса
- 28 *Васильев А.В.* К проблеме «грязных рук»: современное состояние дискуссии
- 29 *Воробьева А.А.* Sub specie aeternitatis: можем ли мы отказаться от личностной реактивной установки в пользу объективной?

- 31 *Воронина В.В., Шульга А.В.* Этические проблемы взаимодействия клинического психолога с пациентом
- 33 *Вяткина А.Г.* Эволюционная этика: между чувством и разумом
- 35 *Горина Т.С.* Ответственность и свобода: подход В. Франкла
- 37 *Горохов П.А.* Этика Гёте-чиновника
- 38 *Грачева М.В.* Связь юмора и игры в контексте морального сознания ребенка
- 40 *Григорьева М.П.* Аристотель о разуме как принципе действия, управляющем человеком (Никомахова этика, III, 5)
- 41 *Давлетшина А.М.* Этические аспекты проектирования человека во второй половине XX века (на примере ФРГ)
- 42 *Давыдова А.Д.* Эскапизм. Его влияние на жизнь человека. Ценностный конфликт внутри человека.
- 44 *Данилкина Д.С.* «С большой силой приходит большая ответственность». К вопросу об этике ученых при проведении исследований в области естественных наук.
- 45 *Держивицкий Е.В.* Pererat iustitia et fiat pax, или дело о заговоре Катилины
- 46 *Дондокова Б.Б.* Качества человека в прикладной этике
- 48 *Дорогостайский В.Г.* «Эффект Ноуба (Knobe)» - критика методологии и интерпретации в контексте проблемы морально-нейтрального поступка и нормативности моральной автономии
- 50 *Ерохин В.С.* Ценностные конфликты персональной идентификации в системе «Я – Другой»
- 52 *Жарова М.С.* К вопросу об эффективности смертной казни
- 53 *Жердев А.А.* Что такое этика бизнеса?
- 55 *Зайцева Д.С.* «Последите за собой, пожалуйста!»: об этических аспектах в воспитании советского потребителя 1960–1970-х гг.
- 56 *Зильбер А.С., Зильбер К.С.* Кантовский моральный портрет педагога и современное общество – образовательный эксперимент
- 58 *Зимбули А.Е.* Предательство: этические аспекты
- 60 *Катмаков А.К.* Парадоксы и нонсенсы морального сознания студентов-философов (мораль и практика)
- 61 *Каширин А.Ю., Большакова А.С.* Субъективность без выбора: моральное протезирование вне диалогической реальности
- 63 *Кобринец М.А.* «Минимальная этика для антропоцена»: вопрос об искусстве

-
- 64 Ковалева Т.В., Парийская Е.Н., Ковалева Кирчичек В.А. Влияние цифровизации на социально-культурные аспекты будущей профессиональной деятельности студентов-медиков
- 66 Коленько С.Г., Коленько Г.С. Соотношение естественной и сверхъестественной этик: геометрическая модель
- 68 Колесова П.В. «Питомцы-отказники»: этические и практические аспекты ветеринарной помощи
- 69 Косорукова А.А. Критика идеалистической философии морали в концепции Ф. Ницше: от отрицания к условиям возможности
- 71 Кузнецов Н.В. Этика как аксиологическая доминанта мировоззрения в современной России
- 73 Куксо К.А. Смерть и моральный нормогенез: вклад чумы в складывание автономии городской жизни
- 74 Курбачёва О.В. Антиномии толерантности
- 76 Левин (Васильева) Ю.А. Ландшафт этических систем оценки безопасности ИИ: адженды
- 77 Летов О.В. Научный этос
- 79 Логунова С.К. Ценностные конфликты и их потенциал в моральном прогрессе на примере проблемы трансграничного загрязнения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой
- 81 Макакенко Я.А. Переосмысливая практическое: о возможности морального действия в социальных теориях повседневности
- 82 Мартынова Н.Д. Саморазрушительный потенциал философии гедонизма
- 84 Мелешко А.К. Трансгуманизм и медицинский прогресс (как ИИ улучшает и продлевает человеческую жизнь)
- 86 Мехоношина Е.А. Дихотомия врожденной и социально приобретенной морали в работах Франса де Ваала
- 87 Мичурина Д.А. Взаимное влияние этических ориентиров в обществе и рекламного дискурса
- 89 Моисеев В.И. Феномен интегральной этики
- 91 Морозов К.Е. Ценностно-нейтральный либерализм, дискриминация и риск
- 93 Московец С.А. Культура отмены и миметическая теория Рене Жирара
- 94 Мусс А.И., Мусс Д.А. Цифровое бессмертие: преодоление ограничений или новое неизвестное?

- 96 *Мясников А.Г.* Категорический императив как способ нахождения гармоничного баланса между моральным долгом и прагматическими интересами благоразумия
- 98 *Назарова Ю.В.* Профессиональный этический кодекс в цифровом пространстве университета (аксиологический подход)
- 100 *Настасенко И.Д.* Этика Японии на примере бизнеса. Философские предпосылки.
- 101 *Нифаева О.В.* Этические аспекты поведения человека в «Теории нравственных чувств» А. Смита
- 102 *Оводова С.Н.* Этика равенства и разнообразия в постколониальном и деколониальном дискурсах глобального и локального
- 104 *Панина И.В.* Мультипликативный эффект в профессиональной этике: пример аудиторского рынка
- 106 *Пионткевич Л.Ю.* Ответственное отношение к природе: моральное и правовое
- 107 *Пирожкова С.В.* Этическая нейтральность научного знания и нравственная зрелость общества
- 109 *Погожина Н.Н.* Системно-коммуникативная теория в приложении к вопросам морали: исследование эффективности
- 110 *Политов А.А.* Любовь, секс и роботы: Как появление роботов изменит традиционные человеческие отношения? Этические риски эмоциональных связей с роботами.
- 112 *Положенцев А.М.* Философия как эскапизм
- 114 *Полякова Н.В.* Ценностная миграция как инструмент традиционирования: этические и политические аспекты
- 115 *Пышкин И.Д., Кирчанова В.Д.* Комплексный биоэтический анализ репродуктивного клонирования человека и его тканей из стволовой клетки в светской и теологической (православной) парадигме
- 117 *Разин А.В.* Моральная мотивация и предельные метафизические вопросы бытия
- 119 *Рассади́на А.В.* Формирование отношения к рабочим животным (на материале мультфильма «Лис и пес»)
- 120 *Рувимова Н.В.* Этические проблемы непрямой коммуникации
- 122 *Рудакова С.С.* Основные положения критики М. Оцуки кантианского аргумента в пользу консеквенциализма правил Д. Парфита
- 124 *Руженцев С.Е.* Моральные оправдания субъектов политики

-
- 126 *Рыбаков В.В.* Взаимозависимость и хрупкость жизни: «эстетика заботы» как практика ненасилия
- 128 *Рыжова М.Ю.* На перекрестке традиций и прогресса: этические дилеммы освоения Севера
- 129 *Рыскельдиева Л.Т.* «Законодатели и виртуозы» или О метафизическом единстве философии
- 130 *Савелов А.Д.* Чему сегодня нас может научить проект этического образования Джеймса Милля?
- 132 *Савенкова А.С.* Институциональные и этические детерминанты виктимизации учителя в современной России
- 133 *Савинов Р.В.* Топос добродетели: статус этического сообщества в «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля
- 135 *Садыкова Е.Р.* Принятие этических решений (EDM Ethical Decision Making) в зарубежной HR практике
- 137 *Семенова Т.В.* Конфликт корпоративной культуры и индивидуальных ценностей
- 138 *Сергеева В.С.* Этика семейного воспитания в художественной литературе советского периода (60-е – 80-е годы XX века)
- 140 *Сиваев П.А.* Этические парадоксы профессионального научного этоса
- 141 *Симонова И.А.* По следам гигантов: о проблеме реставрации зарубежных систем корпоративной этики в российских компаниях
- 143 *Соколов Е.Г.* Конвенция и этикет
- 145 *Соколова А.С.* Коммуникативные навыки и этическая зрелость в практике ветеринарного врача
- 146 *Сорокина А.Э.* Моральная детерминация концепции трихотомического строения человека в христианской мысли
- 148 *Спирина А.П.* Этические проблемы, возникающие в процессе трансляции социокультурного опыта
- 150 *Ставцева О.И.* Противоречия гуманизма в современном дискурсе
- 151 *Старкова М.Г.* Этические аспекты изображения животных-актёров в киноиндустрии на примере мультфильма «Вольф» (2008)
- 153 *Стрежнева К.О.* Универсализм и партикуляризм в прикладной этике бизнеса: текущее состояние проблемы
- 154 *Субботина М.В.* Этические вопросы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе
- 156 *Сычёва У.Р., Маковецкая М.В.* Алармизм как проявление современных проблем экологической этики

- 158 *Тарковский В.Н.* В каком смысле можно говорить о современной морали
- 160 *Титов В.Д.* Алгоритмическая предвзятость в подборе персонала с использованием ИИ
- 161 *Томилина А.А.* Видеоигровая этика: мораль как ведущий онтологический внутриигровой элемент
- 163 *Томильцева Д.А., Шуглецов И.В.* Этическое образование: между Сциллой и Харибдой
- 164 *Федосов Р.Д.* Говорит ли музыка Джона Кейджа голосом меньшинств?
- 166 *Фофанова А.Р.* Система повышения доступности высшего образования для коренного населения США: этические основания и практика
- 168 *Хомутова Н.Н., Галковская О.А.* К вопросу о современном статусе традиционной биоэтики
- 169 *Цибизова И.М.* Некоторые последствия философии Л. Витгенштейна для этики
- 170 *Цой М.Р.* Проблемы эвтаназии служебных собак
- 172 *Шакарян Я.Э.* Чайлдфри-зоны: этико-правовые аспекты (в контексте традиционных семейных ценностей)
- 174 *Шаршукова С.Г.* К вопросу о формировании отношения к животным (на примере мультфильма «Тайная жизнь домашних животных»)
- 175 *Швабовская О.В.* Идея нравственного прогресса в современном контексте
- 177 *Шестаков М.А.* Гносеологический аспект модернистской и постмодернистской этики: от И. Канта к Ж.-Ф. Лиотару
- 179 *Шилонцев А.А.* Ученическое самоуправление: проблемы и перспективы
- 181 *Шишлянников И.И.* Негативный утилитаризм, Эпикур и философская терапия
- 182 *Шкляр Е.А.* Sapere Aude: на пути к номадической этике
- 183 *Шлапаков Д.А.* Материальная религия: перспективы исследования религиозной этики
- 184 *Шпеннгер Л.С.* Аутентичность: «настоящий» педагог миф или реальность?
- 186 *Щербина М.А.* Патернализм или защита? Этические аспекты функционирования зоопарков

- 187 *Anthony B.P.* Epistemic responsibility = Social responsibility
189 *Basak P., Misra S.* Is Moral Evolution a Necessity?
190 *Glebova S.* Unethical Leaders Engaged in Ethical Leadership: The Reason for Unethical Pro-Organizational Behavior
192 *Gordon P.* Can de Minimis Really Save the Precautionary Principle?
193 *Gupta P.* Revisiting Animal Ethics through the Ethics of Care
194 *Kaplan S.* A Paradox of International Ethics
195 *MacNairn C.A.S.* On The Poverty of Morals: An Introduction
196 *Oyola J., Echeverri H.* Ethical Decision-Making in Industrial Engineering Students: A Comparative Study Across Academic Stages and Gender
198 *Pierosara S.* The Illusion of «Ethical Purity» and its Paradoxes
199 *Shiravand M., Rabbani M.* Allameh Tabatabaei on the Metaphysical Foundations of the Theology of Nature
200 *Sinyutin M.* Moral Paradox of Russian Athletes' Identity in the Modern Geopolitical Situation
201 *Yunusova L.* The Moral Dilemmas in the Context of Chinese Political Art

«АРХИТЕКТУРНАЯ ЭТИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ»

материалы круглого стола

- 203 *Глушкова А.И.* Этические критерии в итальянской теории архитектурной реставрации XX-XXI вв.
204 *Закураева Е.Д.* Антропоцен через призму архитектурной этики: теории М. Феррариса, М. Баризона и Т. Андина
206 *Имайкин И.Д.* Цифровой образ города: архитектурный мэппинг как инструмент формирования этических норм современного градостроительства
208 *Майорова К.С.* Аудиальная этика современного горожанина: между насилием и самовыражением
209 *Макаров А.И.* Видеть несправедливость: визуальный аспект этики
211 *Николаева Ж.В.* Конструирование совместного проживания: актуальные направления в философии архитектуры
213 *Яковлева Л.Ю.* Джорджо Агамбен и Камилло Боано: к возможной этике архитектуры
214 *Ястребова У.В.* «Архитектура дигитального храма». Этические вопросы.
216 *Fornaro E.* Venustas as an Actual Order for the Human Well-being
217 *Tavi L.* Crossing the Green Threshold: Urban Evolution and the Ethical Integration of Bratislavský lesný park

«БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ»

материалы круглого стола

- 218 *Акимова Н.А.* Биоэтическое образование в медицинском университете: актуальные проблемы реализации
- 220 *Барбашина Э.В.* Между нарративизмом и принципализмом в биомедицинской этике
- 221 *Баркова Э.В.* Этика информационной экологии против девиаций цифровой революции
- 223 *Брызгалина Е.В.* Этический статус правила «14 дней»: «сохранить нельзя отменить»
- 226 *Воробьева С.А.* Методологические подходы к преподаванию фармацевтической биоэтики
- 228 *Ковалева Т.В., Воронцова Ю.В.* Философские и этические подходы к пониманию коэволюции, как возможности противостояния последствиям идей трансгуманизма
- 229 *Макаров В.В.* Научно-философские основания современной медицинской этики
- 231 *Неронов А.В., Неронова М.Ю.* Биоэтика: проект науки и проблема реализации
- 233 *Собольникова Е.Н., Дороднева Н.В.* «Этика заботы» и коммунитаризм как концептуальные основания современной биоэтики

«ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ В МОРАЛИ»

материалы круглого стола

- 235 *Андрущак Н.А.* Апелляция к авторитету как intersубъективный акт наименования
- 236 *Долина А.И.* Особенности риторико-аргументативного поведения шута-трикстера на примере предвыборных речей Д. Трампа
- 238 *Зарапин О.В.* Демаркация свидетеля и очевидца: моральные импликации
- 240 *Лисанюк Е.Н.* Аргументы от экспертного мнения: правдоподобные или вероятностные?

- 242 *Сидоренко А.А.* Политические шуты и этика дискурса Юргена Хабермаса
- 244 *Фатиев Н.И.* Возможна ли Truthmaker Semantics в деонтической логике?
- 245 *Фролов К.Г.* О прагматических целях коммуникаций технических визионеров с обществом
- 246 *Шапиро О.А.* Почему не верят экспертам?

«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

материалы круглого стола

- 248 *Браткин Д.А.* Дискуссия между А. В. Смирновым и А. Ф. Гусевым о Нагорной проповеди: о чем в реальности спорили два русских богослова?
- 249 *Коротченко Ю.М.* Аксиологические основания межрелигиозного конфликта и межрелигиозного диалога
- 251 *Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В.* Концепт совесть в самосознании русского общества в конце XIX – начале XX вв.
- 252 *Пересторонин В.А.* Теории происхождения нравственности и религии в русском академическом богословии на примере журнала «Православное обозрение»
- 254 *Стецкевич М.С., Стецкевич Е.С.* Англиканское духовенство и проповедь справедливой войны в эпоху Французской революции
- 256 *Ухатюк Ю.И.* Концепт «jus resistendi» в трудах кардинала Беллармина
- 257 *Хохлова Ю.И.* «Культ идентичности» как фактор формирования этического дискурса в социальных сетях
- 259 *Шахнович М.М.* Эпикуреизм и стоицизм в нравоучительной повести И. И. Запольского «Обманутый мудрец» (1798 г.)
- 261 *Ширинкин Ф.О.* Апостол Павел в работах современных марксистов: универсализм, субъектность, Истина

«ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ»

материалы круглого стола

- 263 *Аверина Е.А.* Языковые нормы описания проблематики инвалидности в нормативном дискурсе
- 265 *Ветютнев Ю.Ю.* О коммуникативном опосредовании правовых ценностей

- 267 *Коваль С.В.* Этико-правовые дискуссии об абортах в современной философии права
- 268 *Копанева В.А.* Солидарность как ценностный эффект социального признания
- 270 *Осветимская И.И.* Семантика, онтология и эпистемология ценностей: когнитивизм и некогнитивизм в юриспруденции
- 271 *Поляков А.В.* Право на признание и традиционные ценности
- 273 *Спирин Т.В.* Основания традиционных ценностей в условиях постсекулярного общества
- 274 *Тимошина Е.В.* Ценности в судебной аргументации
- 276 *Тихонова С.В.* Российская коммуникативная теория права: аксиология субъекта
- 277 *Тонков Е.Н.* Ценность правового реализма для транзитивного общества

«ПРОФЕССИЯ ОФИЦЕРА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

материалы круглого стола

- 279 *Банина Я.В.* Концепция войны и насилия в работах В. С. Соловьева и Ж. де Местра: опыт сравнительного анализа
- 280 *Голубев В.В.* Платоновская апория мудрого мужества в «Лахете» и «Протагоре»: постановка проблемы и попытка ее решения
- 282 *Гончаров В.В.* Дроны как «машины жертвоприношения»: этические вопросы взаимодействия человека и машины в эпоху экранных боевых действий
- 283 *Иваненко А.И.* Этика войны в «Махабхарате»
- 285 *Тебякина Е.Е.* Моральная ответственность офицера в мире ИИ: меньше или больше?
- 286 *Шавеко Н.А.* Философия справедливой войны: альтернативы западнцентричному подходу
- 288 *Шаманский А.М.* Моральные вызовы офицерскому составу в условиях СВО

«ЭТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ: ОТ ЗАКОНОВ АЗИМОВА ДО ТЕХНИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ»

материалы круглого стола

- 290 *Алексеева И.Ю.* Этика искусственного агента как часть этики ИИ

- 291 *Выменец М.Ю.* Этические риски искусственного интеллекта
- 292 *Карпов В.Э.* Законы робототехники: о чем на самом деле говорил Азимов
- 294 *Меттини Э.М., Вигель Н.Л.* Этические дилеммы искусственного интеллекта: баланс между инновациями и моральной ответственностью
- 296 *Павлова Е.В.* Проблема цифровой трансформации ценностей
- 297 *Перов В.Ю.* Законы робототехники А. Азимова: этические проблемы и перспективы
- 299 *Ровбо М.А., Леушина В.В.* Применение логического вывода и когнитивной карты для внутренней оценки этичности действий коллаборативного робота как морального агента
- 301 *Сунами А.Н.* «Проблема предвзятости» искусственного интеллекта: контуры этической дискуссии
- 303 *Суров И.А.* Антропоморфизм законов Азимова

«СУБЪЕКТ В БИОЭТИКЕ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ»

материалы круглого стола

- 305 *Антипов А.В.* Умирание и паллиативная помощь: к вопросу о субъектности
- 306 *Беляетдинов Р.Р.* Субъект в биоэтике: индивидуальный и коллективный
- 307 *Заболотских К.И.* Медико-этические аспекты проблемы улучшения человека
- 309 *Карнеев Р.Р.* Пересборка техносубъекта: к возможности построения цифрового двойника
- 311 *Лаврентьева С.В.* Персонализация ИИ и принцип автономии пациента
- 312 *Мустафина В.М., Афанасьева О.Г.* Категорически императив Иммануила Канта как основа современной этики долга у студентов медиков
- 314 *Нартова М.А.* Концепция уязвимости в биомедицинском эксперименте: проблемы и перспективы
- 316 *Перова Н.В.* Субъект и агент биотехнологического морального улучшения
- 317 *Цветков Е.Д.* Примирение свободы и морали в персонализме Никола Аббаньяно: религиозная перспектива

«ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ РИСКОВ В СФЕРЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

материалы круглого стола

- 320 *Баженов С.С.* ИИ и моральные дилеммы:
к проблеме становления субъектности
- 322 *Валеева Г.В.* Дилемма насилия в контексте
цифровой образовательной среды
- 323 *Головков В.В.* Этические вопросы использования
генеративного ИИ в образовании
- 325 *Дорохина Р.В.* SMART-технологии в образовании
- 326 *Жадунова Н.В.* «Новая этика» в обществе цифровых рисков
- 328 *Коваль Е.А.* Датаоптимизм, датапессимизм и датареализм:
образы моральных рисков в образах будущего
- 330 *Ларионов И.Ю.* Философские исследования этических рисков
в сфере систем искусственного интеллекта –
содержательная концептуализация дискуссии
- 332 *Маретина К.А.* Этика киберэтнографии: вызовы и подходы
- 334 *Мартынова М.Д.* Этические ловушки использования в
образовательном процессе вуза BIG DATA и учебной аналитики
- 335 *Мелешко Е.Д.* Цифровая этика в сфере
высшего педагогического образования
- 337 *Перов В.Ю.* Этические риски и принцип фальсификации
систем искусственного интеллекта
- 339 *Перова Н.В.* Искусственный моральный помощник как способ
морального биотехнологического улучшения
- 340 *Попов А.А.* Систематизация корпоративных этических норм
в сфере больших данных
- 342 *Танюшина А.А.* Подходы к решению проблемы выравнивания
в контексте развития общего искусственного интеллекта
- 344 *Туманян Т.Г.* Искусственный интеллект и ислам: этическое измерение

«ЦИФРОВАЯ АСКЕТИКА: ОТ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ К ДОБРОДЕТЕЛИ В СЕТИ»

материалы круглого стола

- 346 *Блинова О.А.* Возможна ли персональная идентичность
в метавселенной?

- 347 *Иванов А.Г.* Цифровой доступ к советскому прошлому: сколько и зачем
- 349 *Миляева Е.Г.* Цифровая аскетика: шаг за шагом из цифры к человеку
- 351 *Назаров В.Н.* Цифровая этика: актуальные риски и дилеммы
- 353 *Пайметьев Д.В.* Этические проблемы в ситуации «цифрового концлагеря»
- 354 *Пеннер Р.В.* Цифровая аскетика как философская концепция
- 356 *Тихонова С.В., Артамонов Д.С.* Этика индийского кино в контексте цифровизации кинематографа
- 358 *Шулепко М.А.* Этические проблемы лидерства в цифровой среде

«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИНЕМАТОГРАФА: ЭТИЧЕСКОЕ В СЕТЯХ КИНОДИСКУРСА»

материалы круглого стола

- 360 *Беззубова О.В.* СССР и этика капитализма: американские фильмы 1940-х годов о Советском Союзе
- 361 *Кныжова З.З.* Политический цинизм в западном кинодискурсе и этических представлениях молодежи от яппи до зумеров: диалектика взаимовлияния
- 363 *Литвинский В.М.* По ту сторону времени. Добежать до себя.
- 365 *Московчук Л.С.* Императивы академической этики в кинодискурсе
- 366 *Огарков А.Н., Романова И.К.* ЛГУ на экране: цена преподавательского счастья
- 368 *Сергиевская Г.Е.* Этика войны и мира в фильме А. Рогожкина «Кукушка»
- 369 *Скипин Н.С.* Репрезентации экологических ценностей во французском кинематографе второй половины XX века
- 371 *Смирнов А.В.* Советское школьное кино: специфика интерпретации этических проблем
- 372 *Тебякина Е.Е., Предовская М.М.* Пожалеть злодея: смещение нравственных акцентов в пространстве современного кинематографа
- 373 *Цибизова Л.А.* Tertium non datur против «Зоны интересов»
- 374 *Цуркан Е.Г.* Смотрим на чужие страдания: демонстрация насилия в кино как способ критики насилия

«ЭТИКА ЖИВОТНЫХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ»

материалы круглого стола

- 377 *Архипов А.В.* Антропоцентризм как угроза биоразнообразию
- 378 *Балашов Д.О., Кутилова Е.М., Редькин Д.Д.* К вопросу о разуме у животных: этический аспект
- 380 *Павлова В.В.* Влияние этологии на разработку этики отношения к животным
- 382 *Чепелева Н.Ю.* Мышление животных: взгляд Иммануила Канта
- 383 *Шаймарданова К.Р.* Скотоводство и миф о счастливой ферме: анализ визуальных представлений
- 385 *Языкова Ю.* ChatGPT в формировании ценностного отношения к животным

Научный журнал «Дискурсы этики» приглашает к публикации авторов статей, посвященных актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики, материалы круглых столов, коллоквиумов, обзоры литературы (рецензии на монографии, отзывы на диссертации, учебную литературу и проч.), обзоры и анонсы научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), объявления о грантовых конкурсах и научных проектах в сфере гуманитарных наук.

Миссия издания – создать пространство дискурса как для профессионального этического сообщества (включая ученых, преподавателей ВУЗов и студентов), так и для широкой аудитории, активно вовлеченной в процесс исследования этики и работы с моральными нормами и ценностями; реинтегрировать специалистов в области этики; обеспечить доступность знаний и высоких образовательных стандартов для студентов в сфере гуманитарного знания.

Журнал выходит **4 раза в год** в электронном и печатном формате. Издается на русском и английском языках. Публикация бесплатная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.
ISSN (Печатный): 2306-9430.
ISSN (Онлайн): 2311-570X

«Дискурсы этики» представлены в Российском индексе научного цитирования (**РИНЦ**)

Подробная информация на сайте:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

**XVI международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы — 2024:
Парадоксальность морали и моральные парадоксы:
проблемы и решения»**

Санкт-Петербургский Государственный Университет,
21-23 ноября 2024 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: А.В. Васильев

верстка: А.В. Васильев, П.В. Казакевич, И.Ю. Ларионов, Н.П. Макарова

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано в печать 17.10.2024. Формат 60x84/16.

Печать цифровая.

Усл. печ. л. 23,37. Тираж 50. Заказ 207.

Выпущено Издательско-полиграфической ассоциацией высших учебных заведений с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком 194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28, лит. А, пом. 3-Н ком. 191. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru